КРЫМ ПОД ПЯТОЙ ГИТЛЕРА

Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг.

ЖЖ военные тайны века

О.В. РОМАНЬКО

ХХ военные тайны века

О.В. Романько

КРЫМ ПОД ПЯТОЙ ГИТЛЕРА

Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944)

Москва
«Вече»

УДК 94(477.75) «1941/1944»
ББК 63.3(6Крм)622
Р697

Scan By Vitaulas & Kali

Романько, О.В.

Р697 Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941—1944) / О.В. Романько. — М.: Вече, 2011. — 432 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-4510-1

В монографии рассматривается комплекс вопросов, связанных с национальными отношениями на территории Крыма в период нацистской оккупации. На базе обширного исторического материала из архивов Крыма, Украины, России, Польши и Германии прослеживается использование национальных противоречий как инструмента немецкой оккупационной политики. Впервые в отечественной историографии проанализирована проблема военно-политического коллаборационизма, который являлся наиболее активной формой проявления национальных противоречий.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и всех, кто интересуется историей Второй мировой войны.

УДК 94 (477.75) «1941/1944»
ББК 63.3 (6Крм) 622

ISBN 978-5-9533-4510-1

© Романько О.В., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука освещала немецкую оккупационную политику на территории СССР крайне однобоко. Как правило, очень подробно изучались темы, связанные с преступлениями оккупантов против мирного населения, экономическим и культурным ограблением захваченных районов и т.п. Напротив, при всем многообразии литературы, посвященной проблеме оккупации, из поля зрения советских исследователей совершенно «выпадали» такие ее аспекты, как церковное возрождение в оккупированных областях, военный и политический коллаборационизм советских граждан, методы и средства психологической обработки нацистами населения. Даже в таких, казалось бы, разрешенных и хорошо изученных темах, как партизанское и подпольное движение, оказалось далеко не все так, как описывала официальная историография.

Национальный вопрос на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны относился именно к таким, закрытым с идеологической точки зрения, темам. Между тем этот вопрос был тесно связан со всеми сторонами жизни каждого оккупированного региона. Коммунистическая идеология до войны, во время нее и после утверждала, что в СССР национальный вопрос был решен полностью, а национальным противоречиям просто нет места в советском обществе. Однако события войны показали несколько иную картину. Во всех республиках и областях, которые оказались под немецкой оккупацией и где национальный состав населения был очень пестрым, эти противоречия проявились с чрезвычайным накалом страстей. Как правило, они возникали либо между русскими или нерусским населением (как, например, имело место на Кавказе), либо между всеми сразу (как, например, было в Украине,

где противоречия между украинцами и поляками сопровождались ужасной резней). Естественно, иногда эти противоречия, с определенными целями, искусственно провоцировались немцами. Но и наличие исторических, религиозных, политических и других причин этой национальной розни также нельзя отрицать.

Не оказался исключением и Крымский полуостров. Как известно, на его территории всегда проживало (и проживает) большое количество народов, каждому из которых в немецких стратегических планах отводилось определенное место. С другой стороны, между этими народами были и определенные противоречия (например, это касается славянского населения и крымских татар), которые только искусственно и на время были притушены советской властью. Это было тем общим моментом, который роднил Крым с другими многонациональными регионами. Тем не менее в период оккупации Крым одновременно и значительно отличался от других захваченных немцами территорий. Уникальность этого полуострова заключалась в том, что оккупационный режим здесь имел ряд особенностей. Во-первых, это параллельное функционирование нескольких оккупационных администраций (гражданской, военной и полицейской), каждая из которых имела свою точку зрения на решение национального вопроса. Во-вторых, следующая особенность — наличие довольно значительного партизанского движения, которое хоть и уступало по своим масштабам украинскому или белорусскому, но на такой важной с геополитической точки зрения территории приобрело в некотором смысле стратегический характер. А его политическую роль, как «длинной руки» советской власти, и вовсе трудно переоценить. Как известно, Крым долгое время был вообще изолирован от Большой земли, что делало местных партизан, по сути, единственными представителями законного правительства. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить значительное влияние исламского фактора на крымские условия, чего, в таких масштабах и на такой срок, не было в других оккупированных советских регионах. Причем этот фактор имел двоякий характер. С одной стороны, немцы использовали настроения татарского населения для решения чисто оккупационных

задач. С другой стороны, игра на исламском факторе была нужна им для нажима на позицию Турции. Все это, без сомнения, накладывало свой отпечаток на ситуацию в оккупированном Крыму и, соответственно, на теорию и практику решения оккупационными властями национального вопроса.

Сказанное выше — научно-историческая актуальность данной проблемы. И она не вызывает сомнений. Однако эта проблема не является чисто академической. В разряд таковых ей не дает уйти то общественно-политическое звучание, которое она приобрела за последние двадцать лет. Как известно, именно события 1941—1944 годов явились поводом для депортации с полуострова целого ряда народов. Так, например, весь крымско-татарский народ был обвинен в коллаборационизме с оккупантами и выселен в Среднюю Азию. Сейчас ясно, что никакого всеобщего коллаборационизма крымских татар не было. Это так же очевидно, как и то, что и среди других народов, населявших Крым, были свои предатели. Практически все они в свое время понесли заслуженное наказание. Тем не менее клеймо «народа-предателя» все еще висит над крымскими татарами (пусть неофициально, но во мнении определенных слоев населения). И на наш взгляд, только полностью научное и подтвержденное документами изучение данной проблемы, целиком лишенное какой-нибудь идеологической подоплеки, может способствовать тому, что этот стереотип массового сознания исчезнет навсегда. А вместе с ним исчезнут и всякого рода околонаучные спекуляции на эту и подобные ей темы.

Таким образом, в центре внимания данного исследования находится национальная политика гитлеровской Германии, которую ее оккупационные структуры осуществляли на территории Крыма.

Хронологические рамки работы охватывают период с ноября 1941 по май 1944 года, то есть период немецкой оккупации полуострова. Однако целый ряд событий, о которых идет речь в книге, либо начались раньше, либо имели свое продолжение в послеоккупационный период. Поэтому некоторые ее сюжеты выходят за указанные хронологические рамки.

Основным местом событий, исследуемых в монографии, является Крым. Тем не менее причинно-следственная связь этих событий потребовала от автора обращения к сюжетам, происходившим за пределами данного региона. А именно: на других оккупированных и неоккупированных территориях СССР, в гитлеровской Германии и в захваченных ею государствах Европы, и, наконец, в Турции.

Целью данного исследования является комплексное изучение немецкой национальной политики на оккупированной территории Крыма. В связи с этим автор поставил перед собой следующие задачи:

- проследить процесс формирования нацистской геополитической и национальной доктрины относительно Крымского полуострова и населявших его народов в предвоенные годы и ее эволюцию в период Второй мировой войны;
- проанализировать систему немецкого оккупационного режим на территории Крыма; показать, какие его структуры отвечали за осуществление национальной политики; выяснить мотивы, которыми они руководствовались при принятии тех или иных решений;
- рассмотреть конкретные проявления немецкой национальной политики в политической, военной, культурной, религиозной и других сферах;
- сравнить методы и средства немецкой национальной политики относительно разных народов Крыма; показать, как ее осуществление отразилось на межнациональных отношениях в крымском сообществе;
- проанализировать реакцию советского военно-политического руководства в центре и местного партизанского движения на различные проявления немецкой оккупационной политики на территории Крыма;

Разумеется, ни автор, ни его книга не претендуют на истину в последней инстанции. Как ни парадоксально прозвучит, но, даже опираясь на самые редчайшие и достоверные документы, трудно

быть беспристрастным исследователем. Чем же тогда является эта книга? Скорее, это приглашение к дальнейшему конструктивному обсуждению поставленных вопросов, к дискуссии, какой бы острой она ни была. Тем не менее автор надеется, что его исследование станет еще одним, пусть небольшим, но шагом к пониманию такой болезненной и многогранной проблемы, какой является национальный вопрос и все, что связано с этой сложнейшей сферой человеческих взаимоотношений.

***

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто любезно согласился предоставить свои материалы и помощь для подготовки данной монографии. Прежде всего хотелось бы поблагодарить руководство Американского совета научных сообществ (Нью-Йорк, США), без всесторонней поддержки которого не состоялась бы публикация этой монографии. Кроме того, большая помощь была оказана со стороны следующих лиц: Бернд Бонвеч (Москва, Российская Федерация), Йохен Бёлер (Варшава, Польша), Эдгар Бюттнер (Фрайбург, Германия), Карел Беркхофф (Амстердам, Нидерланды), Антонио Муньос (Нью-Йорк, США), Джордж Нэйфзигер (Уэст-Честер, Огайо, США), Самуэль Митчем (Монро, Луизиана, США) и, к сожалению, ныне покойный доктор Иоахим Хоффманн (Эбринген, Германия).

Отдельную большую благодарность автор выражает всем сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина), Федерального военного архива ФРГ (Фрайбург, Германия) и Российского государственного архива социально-политической истории (Москва, Российская Федерация), которые оказали неоценимую помощь в подборе документов и материалов для этой книги.

ГЛАВА 1
КРЫМ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИН НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА

Изменение политического статуса советских республик являлось основной целью войны Германии против СССР. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях Советского Союза вызывало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС в принципе не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить как можно быстрее и с как можно большей политической ясностью.

Проекты по «организации» имелись почти для всех частей «восточного пространства». Какие-то из них были более удачными, некоторые не годились вовсе. Что же касается Крыма, то нацисты при всей важности этого региона так окончательно и не решили его судьбу. Будет ли полуостров частью «вассальной Украины», или это будет территория, напрямую управляемая из Рейха? На эти вопросы различные немецкие инстанции пытались ответить до конца 1943 года. После же того как Крым был отрезан частями Красной армии, проблема его политического устройства стала попросту неактуальной.

Административные планы были только одной из сторон будущей «организации» Крыма. Не секрет, что главной особенностью его общественно-политической ситуации во все времена было то, что это многонациональный регион. И поэтому, какие бы планы нацисты не строили, в своих «выкладках» они не могли пройти мимо межнациональных отношений на полуострове. Что следовало делать с населявшими Крым многочисленными национальными группами? Приходится признать, что в целом при всем радикализме нацистской концепции национальной политики, решение этого вопроса также осталось на уровне теорий.

***

Устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые имели хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Фактически первоначально к этому делу был допущен только главный нацистский теоретик А. Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это не покажется парадоксальным, стал сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную» политику. Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 1920-х годах, когда писал в «Майн Кампф»: *«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политики довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»*[1].

[1] *Гитлер А.* Моя борьба. — Харьков, 2003. — С. 664-665.

В целом это была только генеральная линия. Хоть и ясно сформулированная, она тем не менее страдала одним недостатком: не было понятно, как ей следовать.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и будущее политическое устройство входивших в него республик хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная «Московия», окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств — бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату и пишут, что фюрер был сторонником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться неизменным на протяжении всей войны. После написания «Майн Кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на «восточную политику» претерпели значительную эволюцию[1].

Следует сказать, что, по словам американского исследователя А. Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения»[2]. Поэтому трудно сказать, какой из них он отдавал наибольшее предпочтение. Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. Летом 1932 года в штабе нацистской партии в Мюнхене состоялась конференция, посвященная путям и методам будущей колонизации «восточных территорий». Организатором конференции выступил один из нацистских теоретиков В. Дарре, отвечавший в окружении Гитлера за аграрную политику. В целом все темы, которые обсуждались на этой конференции, не выходили за рам-

---

[1] Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. статей материалов. — М., 2005. — С. 64.

[2] *Dallin A.* German Rule in Russia 1941-1945: A Study of occupation policies. — London, 1957. — P. 50.

ки проблем сельского хозяйства и колонизации. Однако один из сотрудников Дарре сделал очень интересный доклад о «пространственных задачах восточной территориальной политики». Так, он считал, что в Восточной Европе должен возникнуть союз государств, контуры которого были намечены уже в годы Первой мировой войны. В центре — ядро, состоящее из Германии, Австрии, Чехии и Моравии. Затем — «венок» из малых и средних несамостоятельных государственных образований. А именно: прибалтийские государства, средних размеров Польша, более крупная Венгрия, разделенные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнорусские и кавказские государства. На северо-востоке это «федеративное государство», связанное общими вооруженными силами, экономикой, валютой и внешней политикой, должно было простираться до границ Финляндии, на юго-востоке — Грузии[1].

Несмотря на свой радикализм, Гитлер поддержал такие принципы немецкой «восточной политики». Более того, уже после прихода к власти, в начале 1934 года, он заявил на одном из совещаний, что целью германской политики на Востоке должен быть *«альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т.п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики»*[2].

События 1938—1940 годов показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому когда 22 июля 1940 года на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи:

---

[1] *Раушнинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. — М., 1993. — С. 42-47.

[2] *Розенберг А.* Мемуары. — Харьков, 2005. — С. 353-354.

«Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия...»[1].

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя, 31 июля, он дал более ясно понять, что подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер так передал слова фюрера: *«Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика — нам...»*[2]. То есть подразумевалось, что после победы эти территории будут зависимыми от Германии государствами.

Из документов известно, что следующие четыре месяца Гитлер вообще не касался проблемы организации «восточных территорий». И только 5 декабря он вновь вернулся к этой теме, определив будущую роль западных окраин СССР. Как бы развивая свои июльские планы, фюрер высказался в том смысле, что Украина, Прибалтика и Белоруссия должны стать «буферными государствами Великой Германии»[3].

В начале 1941 года начальник штаба оперативного руководства верховного командования вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по особым вопросам», которые прилагалась к Директиве № 21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими дополнениями и комментариями: *«Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории, она не*

---

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1939-1942: В 3 т. — М., 2002—2003. — Т. 1. — С. 54.

[2] *Там же.* — С. 81.

[3] KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und andere. — Frankfurt-am-Main. — Bd. 1: 1.8.1940-31.12.1941. — S. 205.

закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политического умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах... Сегодня социалистическую идею в России уже невозможно истребить. С точки зрения внутренних условий образование новых государств должно исходить из этого принципа. Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является "угнетателем"... Наша цель — построить как можно скорее, и используя минимум военной силы, социалистические государства, которые будут зависеть от нас. Задача эта настолько трудная, что ее нельзя доверить армии»[1].

Эти указания Гитлера, которые определяли компетенцию вермахта в политической сфере, легли в основу окончательных «Инструкций» к плану «Барбаросса», подписанных начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем 13 марта 1941 года. О политическом устройстве оккупированных территорий СССР в них, в частности, говорилось следующее: *«Как только зона боевых действий достигнет достаточной глубины, будет установлена тыловая граница. Оккупированная территория в тылу зоны боевых действий будет иметь собственное политическое управление. Она будет разделена по этнографическому признаку и в соответствии с разграничительными линиями групп армий. Сначала она будет состоять из "Севера" (Прибалтика), "Центра" (Белоруссия), "Юга" (Украина). На этих территориях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получат соответствующие указания от фюрера»*[2].

---

[1] Цит. по: *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. — М., 2005. — С. 168-169.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 7445, оп. 2, д. 141, л. 115-117.

Известно, что и этот вариант еще не окончательно удовлетворил Гитлера. Поэтому после ознакомления с ним 17 марта 1941 года, он снова отметил: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан»[1]. Необходимо подчеркнуть, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события показали, что он значительно охладел к идее буферного альянса из вассальных государств — бывших западных республик СССР.

В конце марта 1941 года вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был поднят на качественно иной уровень. Следует сказать, что за те полмесяца, которые прошли с утверждения «Инструкций» к Директиве № 21, точка зрения Гитлера на обустройство «восточных территорий» приобрела более радикальный оттенок. Он не отказался от идеи административно-политического деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть, пусть и вассальные Германии, но независимые государства (даже если их независимость будет только фикцией). Всю оккупированную территорию СССР следовало поделить на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть предполагалось создать что-то вроде «древневосточных сатрапий, но на новый лад». По мнению А. Даллина, которому принадлежит взятая в кавычки фраза, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. В 1939 и начале 1940 года он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы, таким образом, воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства. Теперь такие игры Гитлеру нужны не были: как

[1] *Гальдер Ф.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 496.

известно, с лета 1940 года нацистская Германия была хозяином всего европейского континента[1].

Свою новую точку зрения Гитлер высказал 30 марта 1941 года на совещании германского военно-политического руководства, в ходе которого цели войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии «Архангельск — Астрахань», а в политическом плане следовало сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего выступления Гитлер выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство»[2]. Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, речь шла только о политической ширме[3].

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 года Розенберг представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом он предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва);

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 50-51.

[2] *Гальдер Ф.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 520, 522.

[3] *Кейтель В.* Размышления перед казнью. — Смоленск, 2000. — С. 286-289.

- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;
- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось) должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга, она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Курск, Воронеж и Крым отходили к Украине, а Ростов-на-Дону и нижняя Волга — к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружавших его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий»[1].

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы — искусственными. Например, организация отдельной Донской области не было, на его взгляд, обусловлено ни политически, ни экономически, ни даже с точки зрения национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что ее необходимо объединить с Прибалтикой — так будет удобней с административной точки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его

[1] Germany and the Second World War: In 9 vols. — Oxford, 1998. — Vol. 4. — P. 488.

свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается *«России или русских территорий, то о каких-либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи»*[1].

Розенберг работал над своим новым меморандумом больше двух месяцев. Наконец, 20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно-политического устройства «восточных территорий». Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц — рейхскомиссариатов *(Reichskomissariat)*:

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов[2].

В целом Гитлер согласился с таким решением проблемы и уже 17 июля 1941 года, почти через месяц после нападения на СССР, подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Этим приказом было создано Министерство оккупированных восточных областей *(Reichsministerium für die besetzen Ostgebiete)* — главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство А. Розенберг[3]. Провал планов «молниеносной войны» против Советского Союза привел к тому, что удалось создать только два рейхскомиссариата — «Остланд» и «Украина». Юридически они

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 52-53.

[2] ГАРФ, ф. 7445, оп. 2, д. 144, л. 330-332.

[3] ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 45-46.

начали функционировать 1 сентября 1941 года. В своем же окончательном виде их территория оформились только к декабрю 1941 года[1].

Согласно планам Розенберга, Крымский полуостров вместе с Херсонской и Запорожской областями должен был войти в генеральный округ «Крым» *(Generalbezirk Krim)*, с общей площадью 22 900 км² и населением 661 981 человека (по состоянию на 1 сентября 1941 года). По вертикали эта новая административная единица являлась составной частью рейхскомиссариата «Украина» *(Reichskomissariat Ukraine)*. Во главе генерального округа был поставлен видный член нацистской партии и бывший гауляйтер Вены А. Фрауэнфельд. За период немецкой оккупации система управления на территории Крыма несколько раз подвергалась изменениям. Однако более подробно об этом будет рассказано в следующих разделах[2].

***

Руководство Третьего рейха в целом понимало, что победить СССР одной военной силой и без использования политических методов практически невозможно. Одним из таких методов могла быть игра на национальных противоречиях в советском обществе, которые не исчезли, а были только искусственно притушены большевиками. Но как, где и в каких масштабах использовать эти противоречия? Германское военно-политическое руководство так и не решило этот вопрос до самого конца войны. Вообще, на всей национальной политике Третьего рейха лежала печать какой-то двойственности. Часто одни инстанции на одной и той же тер-

---

[1] *Bräutigam O.* Überblick über die besetzen Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. — Tübingen, 1954. — S. 4-5.

[2] Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 9 bd. — Stuttgart — München, 1979-2007. — Bd. 5. — Halbbd. 2. — S. 45.

ритории разрешали делать то, что параллельно запрещали делать другие. Этому есть несколько причин. О первой было достаточно сказано выше — это неоднородность немецкого оккупационного аппарата.

Вторая вытекала из нее и заключалась в том, что каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации претендовала на свое (и единственно правильное) понимание национальной политики. Как известно, у немецкого военно-политического руководства не было единого взгляда на оккупационную политику в СССР вообще и национальный вопрос в частности. Из всего многообразия мнений в целом можно выделить две основные точки зрения: «прорусскую» и «национальную». Носителями первой являлись в основном офицеры вермахта среднего и отчасти высшего звена, которые считали, что для успешного проведения оккупационной политики надо наладить отношения только с русским народом, как самым многочисленным и влиятельным в Советском Союзе. Национальные движения же других народов казались им слабыми и неспособными на серьезную оппозицию большевизму. Здесь следует подчеркнуть, что многие из этих офицеров оказались впоследствии замешаны в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 года. Основным недостатком этой группировки было то, что она не имела ярко выраженного лидера, при наличии большого числа сторонников. Главным апологетом второй точки зрения был А. Розенберг. В отличие от своих оппонентов он считал, что в СССР надо опираться прежде всего на нерусские народы и национальные меньшинства. И всю национальную политику здесь надо свести к тому, чтобы как можно глубже разъединить русских и всех остальных. Розенберг был главным идеологом и теоретиком нацистской партии. Однако он не имел серьезного политического веса в глазах ее лидеров. И сторонников проведения своей политики Розенберг имел значительно меньше, чем предыдущая группировка. Тем не менее на территориях, где гражданская администрация существовала, пусть даже как

в Крыму, формально, его точка зрения составляла достойную конкуренцию своим «прорусским» оппонентам[1].

Третья причина заключалась в той пропаганде, которой сопровождалось нападение на СССР. Так, среди военнослужащих вермахта в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат, преимущественно из Средней Азии, которые были снабжены следующим текстом: *«Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!»* Органами пропаганды СС даже была выпущена специальная брошюра, которая называлась «Недочеловек» *(«Der Untermensch»)* и была предназначена играть роль некоего справочного пособия по обращению с «восточными народами». Она также была снабжена многочисленными фотографиями жуткого вида людей, которые именовались в ней «грязными, монголоидными, скотскими ублюдками». Однако, как это ни парадоксально, «монголы» из этих материалов были такой же фигурой пропаганды, как и «еврейские комиссары». На самом деле нацисты, только за редким исключением, были осведомлены о том, кто такие в действительности тюрки и монголы. И планов, как с ними поступать, у них вообще не было[2].

Наконец, была еще одна, четвертая причина, которая касалась непосредственно крымской специфики. Дело в том, что германское военно-политическое руководство практически до самого конца войны так и не решило, что ему делать с Крымом и населяющими его народами.

***

Выше уже шла речь о том, как Розенберг планировал разделить СССР. Как известно, один из пунктов этого плана назывался «Украина с Крымом». Его последующий меморандум так-

---

[1] *Alexiev A.* Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. — Santa Monica, 1982. — P. 3-8.

[2] *Гилязов И.А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар во Второй мировой войне. — Казань, 1998. — С. 46.

же подразумевал, что Крым будет частью будущей «Великой Украины» под названием «Таврия». Однако многочисленные рукописные пометки на этом документе свидетельствуют о том, что формулировка именного этого пункта далось Розенбергу с большим трудом. Он явно понимал, что Крым только с большой натяжкой можно отнести к Украине, так как число проживавших там украинцев было ничтожно мало (чтобы хоть как-то решить эту проблему, Розенберг предлагал выселить с полуострова всех русских, евреев и татар). Но это был не единственный парадокс плана рейхсляйтера. Одновременно с указанным моментом он настаивал, чтобы Крым находился под прямым контролем правительства Третьего рейха. Чтобы объяснить этот казус, Розенберг всячески подчеркивал «германское влияние» на полуострове. Так, он утверждал, что до Первой мировой войны немецким колонистам принадлежали здесь значительные территории. Но и это было не главное. Оказывается, еще в XVI столетии в Крыму жили готы — одно из древних германских племен! Таким образом, «Таврия» только «технически» присоединялась к Украине. Управлять же ее должны были из Берлина[1].

Несмотря на свою полную противоречивость, планы Розенберга относительно Крыма были только отражением «двойственной аргументации Гитлера о причинах его германизации». Во-первых, как считал фюрер, Крым должен был стать «немецким Гибралтаром», с помощью которого можно было бы контролировать все Черное море. Во-вторых, привлекательным для немцев он мог стать потому, что шеф Германского трудового фронта Р. Лей мечтал превратить полуостров в «один огромный немецкий курорт». Как отмечал американский исследователь А. Даллин, *«в этих завоевательных планах реальность и фантазия смешались поровну»*[2].

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 253-254.

[2] *Ibid.* — P. 254.

Более конкретно о судьбе Крыма Гитлер высказался на совещании военно-политического руководства Третьего рейха 16 июля 1941 года. В своей речи он специально выделил его из ряда других оккупированных советских территорий и сказал, что полуостров «необходимо очистить от всех чужаков и заселить германцами». В частности, русских предполагалось выселить в Россию. По воспоминаниям одного из присутствующих, фюрер выразился следующим образом: *«Она для этого достаточно велика»*[1].

Как свидетельствуют документы, «крымский вопрос» и судьба населения полуострова занимали Гитлера и в последующие месяцы. Когда Розенберг посетил его в декабре 1941 года, фюрер еще раз повторил ему, что «Крым должен быть полностью очищен от негерманского населения». Эта встреча интересна еще и с той точки зрения, что на ней была затронута проблема так называемого «готского наследия». Имея в виду его значимость, Гитлер выразил желание, чтобы после окончания войны и решения вопроса с населением Крым получил бы название «Готенланд». Розенберг сказал, что он уже думает над этим, и предложил переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь — в Теодорихсхафен. Продолжением «готских планов» Гитлера и Розенберга явилась археологическая экспедиция, организованная генеральным комиссаром А. Фрауэнфельдом в июле 1942 года. Непосредственным руководителем этого мероприятия был назначен фюрер СС и полиции «Таврии» Л. фон Альвенслебен. В ходе экспедиции было обследовано городище Мангуп — бывшая столица Княжества Феодоро, которое было уничтожено турками в 1475 году. Вывод нацистских археологов: крепость Мангуп, а также еще целый ряд городов на южном берегу Крыма были построены готами. Этот и другие тезисы были

---

[1] Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944). — М., 1985. — С. 48.

изложены в книге «Готы в Крыму», которую написал один из участников экспедиции, полковник В. Баумельбург[1].

Фантазии относительно «Готенланда» так и остались фантазиями, а вот планы относительно переселения немцев в Крым разные инстанции Третьего рейха неоднократно подавали Гитлеру для рассмотрения. Откуда же предполагалось взять такое количество населения, чтобы восполнить те демографические потери, которые бы неизбежно повлекла за собой «зачистка» полуострова от всех «ненемцев»?

Во-первых, руководство СС предлагало переселить сюда 140 тыс. этнических немцев из так называемой «Трансністрии» — территории СССР между реками Днестр и Южный Буг, которая находилась под управлением Румынии. Этот план стоял на повестке дня до самого освобождения Крыма, но немцы к нему так и не подступились[2].

Во-вторых, летом 1942 года генеральный комиссар Фрауэнфельд подготовил специальный меморандум (его текст, к сожалению, не сохранился), копии которого он затем разослал в разные немецкие инстанции. В нем этот чиновник предлагал переселить в Крым жителей Южного Тироля, чтобы раз и навсегда решить старый итало-германский спор. Известно, что Гитлер отнесся к этому плану с большим энтузиазмом. Так, на одном из совещаний он сказал буквально следующее: *«Я думаю, что это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тирольцам, а по сравнению с их родиной он действительно земля, где текут реки с молоком и медом. Их переселение в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей»*[3].

---

[1] *Pringle H.* The master plan: Himmler's scholars and the Holocaust. — New York, 2006. — P. 224.

[2] *Dallin A.* Op. cit. — P. 255.

[3] *Picker H.* Hitlers Tischgespräche. — Bonn, 1951. — S. 314.

К слову, рейхсфюрер СС и Шеф германской полиции Г. Гиммлер, в чьем ведении находились все вопросы по «укреплению германской расы», также был не против такого решения «тирольской проблемы». Более того, он готов был уступить тирольцев Фрауэнфельду, даже несмотря на то что ранее планировал поселить их в «Бургундии» — еще одном государстве, где после окончания войны должна была «концентрироваться германская кровь». Но, по мнению Гиммлера, переселять их следовало только после окончания войны. В конце концов Гитлер согласился именно с рейхсфюрером, хотя и подписал в начале июля 1942 года директиву, согласно которой выселение русских из Крыма должно было начаться уже сейчас, а украинцев и татар — чуть позже[1].

В-третьих, во второй половине 1942 года Фрауэнфельд разработал еще один план. На этот раз он предлагал переселить в Крым 2 тыс. немцев из Палестины. Как это можно было сделать в условиях британской оккупации региона, оставалось «за скобками». В целом фантастичность этого плана была настолько очевидной, что даже Гиммлер приказал отложить его до лучших времен[2].

Наконец, предел всем планам и усилиям по переселению положили протесты тех органов вермахта, которые отвечали за военную экономику. Так, в середине августа 1943 года начальник верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель решительно выступил против каких-либо перемещений населения в условиях войны. Не без основания он заметил, что «эвакуация» русских и украинцев — $^4/_5$ всего населения Крыма — полностью парализует экономическую жизнь. Тремя неделями позднее Гитлер принял сторону военных и высказался

---

[1] *Бройнингер В.* Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945. — М., 2006. — С. 385-386.

[2] Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg... — Bd. 6. — S. 840-841.

в том смысле, что любые перемещения возможны только после окончания войны. С этой точкой согласился и Гиммлер. Он, конечно, считал, что переселение немцев необходимо и планировать, и осуществлять, но делать это в условиях военной ситуации крайне преждевременно. Кстати, следует сказать, что Гиммлер самым решительным образом воспротивился планам по выселению татар из Крыма. Правда, этот запрет должен был действовать только в военный период. По его словам, это бы было катастрофической ошибкой. *«Мы должны сохранить в Крыму хотя бы часть населения, которое смотрит в нашу сторону и верит в нас»*, — подчеркивал рейхсфюрер[1].

В принципе на этом можно поставить точку, так как осенью 1943 года немцам стало не до администрирования и дискуссий по поводу национального вопроса: Крым был отрезан частями Красной армии и превратился в «осажденную крепость».

***

Следует сказать, что рассказ о немецких планах на Крым будет не полным, если не упомянуть еще об одной стороне этой проблемы. А именно: о позиции Турции. Теперь не секрет, что одной из причин «благосклонного» отношения Германии к тюркским и мусульманским народам было желание повлиять на эту позицию и втянуть Турцию в войну на стороне стран «оси». Но и Турция не была пассивной стороной в этой игре. Не желая связывать себя какими-либо обязательствами, ее официальные круги действовали через так называемые пантюркистские организации, идеология которых (хоть и не официальная) была довольно сильна в то время. Преследуя конечную цель объединить все тюркские народы в одном государстве под эгидой Турции, они надеялись, что Германия, разгромив СССР, окажет им в этом помощь. Крымские татары, как первый тюркский народ, оказавшийся под немецкой оккупацией, должны были оказаться в этой игре разменной монетой и объектом для экспериментов.

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 257.

В сентябре 1941 года, с целью «прояснить позицию Германии относительно требований пантюркистов», в Берлин прибыл один из лидеров этого движения Нури-паша. С 11 по 25 сентября он вел обстоятельные переговоры с начальником политического отдела Министерства иностранных дел (МИД) Германии Э. Верманном. Результатом этих встреч было решение создать в Берлине специальный комитет, который бы занимался пропагандой идей пантюркизма, *«в частности, среди военнопленных-тюрков и мусульман вообще, с целью их использования для агитации на советской территории и образования из них воинских частей»*[1].

Известно, что в переговорах с Верманном Нури-паша уделил значительное внимание проблеме будущего политического устройства Крымского полуострова. Так, в одной из бесед он подчеркнул: *«Предоставление свободы такой небольшой области как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она произвела бы сильный политический эффект, так как там проживает много эмигрантов из Крыма, которые не потеряли связей со своей родиной»*[2].

Вскоре появились и более реальные результаты этих переговоров. В начале октября 1941 года два близких к пантюркистским кругам турецких генерала — Али Фуад Эрден и Хюсню Эмир Эркилет — совершили поездку на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров. Цель поездки: ознакомление с успехами германских войск. Однако, по воспоминаниям представителя МИД при командовании 11-й армии В. фон Хентига, «они менее всего интересовались нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России». Параллельно оба генерала

---

[1] *Корхмазян Р.С.* Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. — Ереван, 1977. — С. 112, 113.

[2] Цит. по: *Dallin A.* Op. cit. — P. 258.

выразили серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных, и в особенности крымских татар[1].

Наконец, 8 августа 1942 года, уже в период оккупации, Крым посетила еще одна турецкая делегация. На этот раз она была более представительной: во главе уже шести человек находились депутат турецкого парламента Наджмеддин Заддак и генеральный инспектор печати Селим Зариер. Делегации была устроена торжественная встреча. На Симферопольском аэродроме ее приветствовали представители командования вермахтом в Крыму и руководство Симферопольского мусульманского комитета. В этот же день турки посетили татарский военный госпиталь, музей «Таврида» и мечеть, в которой проходило богослужение. Утром 9 августа делегация отбыла в Будапешт. Как писала местная коллаборационистская газета «Голос Крыма», *«основной целью визита этих гостей было желание воочию убедиться в лживости советской и западной пропаганды»* (вероятно, имеются в виду сообщения о зверствах немцев и их прислужников на оккупированных советских территориях) [2].

Тем не менее контакты с официальным Берлином не ограничивали круг деятельности пантюркистов. И в Германии, и в Крыму они пытались действовать через протурецки настроенных крымских татар.

***

Наконец, нельзя не остановиться еще на одном аспекте национальных отношений на территории Крымского полуострова.

В одном из последних романов Ю. Семенова — «Отчаяние» — его герой, знаменитый Штирлиц, говорит такие слова офицеру советской госбезопасности: *«Допускаю: в сорок третьем надо было думать о той части страны, которую предстояло освобождать...*

---

[1] *Гилязов И.А.* Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 2. — С. 98.

[2] Голос Крыма. — 1942. — № 76.

А там в каждом городе выходили собственные нацистские газеты, которые редактировали наши люди, работала русская полиция, агентура, свои палачи, лютовали свои подразделения СД; надо было продемонстрировать тем, кто прожил в оккупации годы, что мы от комиссаров отступили к прежней России...»[1]

Талантливый писатель всего в нескольких фразах приоткрыл нам одну из самых трагических и вместе с тем неоднозначных страниц истории Второй мировой войны. Это — проблема взаимоотношений разных групп населения на оккупированных советских территориях. Взаимоотношений между собой, с нацистами и «длинной рукой» советского режима — партизанами.

Долгое время считалось, что все население оккупированных советских территорий было негативно настроено к захватчикам. Наиболее активная его часть ушла в партизанские отряды, остальные вредили немцам по мере своих сил и возможностей. Были, конечно, и те, кто служил оккупантам. Но их было немного, и все они были «либо отщепенцами и деградировавшими личностями, либо уголовниками». Это черно-белое утверждение верно только отчасти. Действительно, значительная часть населения оккупированных территорий положительно относилась к советской власти, считая ее своей, и, действительно, некоторая его часть вступила в созданные этой властью партизанские отряды. Правда и то, что на другом полюсе стояли противники советской власти, однако ситуация с ними не была такой простой, как представлялось официальной точкой зрения. Теперь уже не является секретом, что перед началом войны в СССР существовало огромное количество недовольных режимом, чьи настроения не мог не использовать такой осмотрительный враг, каким являлись немцы. А если прибавить еще и социальное недовольство, и нерешенный национальный вопрос, то ситуация приобретала просто угрожающие размеры. Среди тех, кто пошел на сотрудничество с немцами,

---

[1] *Семенов Ю.С.* Отчаяние: Романы, рассказы. — М., 1998. — С. 103.

были, конечно, и идейные противники коммунистической власти. Но, как и в случае с ее сторонниками, они представляли собой, хоть и активное, но меньшинство. Тем не менее это были только два полюса, и своими, пусть и активными, позициями мировоззрение всего населения они не выражали. Основная же масса последнего (и этому есть много свидетельств как с той, так и с другой стороны) занимала выжидательную позицию. И история оккупации во многом это борьба, как идейная, так и вооруженная, за эту нейтральную часть населения (фраза из романа Ю. Семенова характеризует сложившуюся ситуацию как нельзя лучше).

Естественно, главными силами в этой борьбе были СССР и Германия, которые действовали непосредственно друг против друга на линии фронта. На оккупированных территориях основным противником нацистов была просоветская часть населения, наиболее активными из которой были партизаны. Противниками же последних были не только немцы, но и те, кто в силу различных причин встал на их сторону. Или только сделал вид, что встал, но на самом деле преследовал свои цели. А таких было тоже немало, так как туманные немецкие концепции по будущему устройству «восточного пространства» не оставляли им иного выбора.

Марксисты утверждали, что *«гражданская война — это наиболее острая форма классовой борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны»*[1]. Однако это также один из примеров упрощения проблемы, когда в качестве единственной причины такого сложного явления, каким, безусловно, является гражданская война, берется только один социальный фактор. Тогда как вся мировая история свидетельствует о том, что причины гражданского противостояния лежат гораздо глубже — в сфере ценностей. Гражданские войны возникают там и тогда, когда одна часть

[1] Краткий политический словарь. — М., 1987. — С. 97.

общества перестает разделять те ценности, которые являются базовыми для другой части. И они не обязательно классовые или социальные[1].

Все это и дает нам основания утверждать, что некоторые события истории Второй мировой войны нельзя объяснить только немецко-советским противостоянием. По своим причинам они намного сложнее и имеют характер типичной гражданской войны, со всеми присущими ей основными особенностями. Этих причин, мелких и значительных, было много. Однако зачастую гражданская война на оккупированных советских территориях проходила в трех «измерениях»: политическом, национальном и военном. Обычно имело место сочетание не более двух таких «измерений», характерных для каждого из оккупированных регионов и вытекающих из особенностей его исторического развития. Но только один из них является на этом фоне действительно уникальным. Это — Крым, где гражданская война в период немецкой оккупации протекала во всех трех «измерениях», которые к тому же настолько переплелись между собой, что понять причины одного невозможно без изучения другого.

Непременным атрибутом почти всех гражданских войн является иностранная военная интервенция, цель которой поддержать одну из противоборствующих сторон[2]. Гражданская война образца 1941—1944 годов также происходила в условиях иностранного вмешательства. Однако в отличие, например, от конфликта 1918—1922 годов, она была вызвана этим вмешательством, являлась его следствием. Конечно, гражданское противостояние в ходе Второй мировой войны — это одна из страниц ее истории. Тем не менее это одновременно и часть истории немецкой оккупационной политики на советских территориях, которая оказала существенное влияние на все «измерения» этого конфликта.

---

[1] *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: В 2 кн. — М., 2002. — Кн. 1. — С. 297.

[2] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. — Симферополь, 1997. — С. 4.

ГЛАВА 2
ПРОБЛЕМА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Важной составляющей немецкой оккупационной и национальной политики являлось привлечение населения оккупированных советских территорий к сотрудничеству. Поэтому имеет смысл сказать несколько слов о проблеме коллаборационизма.

В советской исторической литературе всех, кто сотрудничал с военно-политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны и одновременно крайне упрощенно. Это, естественно, не способствовало пониманию такого общественно-политического явления, каким был коллаборационизм. В реальности это явление было намного сложнее и на всем протяжении своего существования зависело от целого ряда факторов, которые оказывали на него то или иное влияние.

На наш взгляд, к понятию «коллаборационизм» подходит следующее определение: это добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран, с целью установления или укрепления нового административно-политического режима. Исходя из сфер такого сотрудничества, принято выделять политическую, административную, военную, экономическую, культурную и бытовую разновидности коллаборационизма. А к наиболее активным относить три первые разновидности. Таким образом, административный коллаборационизм — это работа в органах местного «самоуправления», организованных при поддержке оккупантов. Политический коллаборационизм — участие в деятельности всевозможных «правительств», «советов» и «комитетов», созданных с целью получения власти и влияния на политику оккупантов. Наконец, военный коллаборационизм —

это служба в силовых структурах нацистской Германии (вермахт, войска СС и полиция) [1].

Другой крайностью, свойственной, например, западной историографии, является попытка поставить советский коллаборационизм в один ряд с похожими явлениями, которые имели место в оккупированной нацистами Европе[2]. Действительно, между ними есть много схожего. Тем не менее и это следует подчеркнуть, советский коллаборационизм был, по сути, продолжением событий Гражданской войны 1918—1920 годов, а его предпосылками послужили особенности общественно-политического развития предвоенного СССР. Среди них прежде всего следует назвать репрессии, коллективизацию, религиозные притеснения и т.п.

К предпосылкам, повлиявшим на появление коллаборационизма, также следует отнести и такие, которые имели более глубокий характер и складывались на протяжении более длительного исторического периода. Среди них наиболее существенными являлись национальные противоречия. В годы революции и Гражданской войны произошло их значительное обострение, выведшее национальный вопрос из культурной сферы в сферу политическую. Поэтому за двадцать послереволюционных лет национальные противоречия могли быть только внешне разрешены советской властью и имели значительный конфликтогенный характер.

К началу 1940-х годов эти предпосылки привели к тому, что в определенной части советского общества оформились стойкие

---

[1] *Романько О.В.* ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // Історичний журнал. — 2007. — № 3. — С. 3-4.

[2] *Neulen H.-W.* An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. — München, 1985. — S. 39-49; Seidler F.W. Die Kollaboration: 1939-1945. — München; Berlin, 1995. — S. 8-42.

протестные настроения, вылившиеся в ряде случаев в повстанческое движение[1].

Все перечисленное можно назвать внутренними предпосылками. Однако были еще внешние факторы, которые также сыграли свою роль. К таким факторам можно отнести немецкие геополитические планы по поводу Советского Союза, деятельность антисоветской эмиграции и ее место в рамках этих планов. После начала Великой Отечественной войны к ним прибавилось еще два существенных фактора: особенности немецкого оккупационного режима в том или ином регионе СССР и положением на фронтах[2].

Причины, приведшие к созданию коллаборационистских формирований, были двух типов. Условно их можно назвать «немецкими» и «национальными», т.е. такими, которыми руководствовались, соответственно, представители немецкого руководства и представители тех или иных национальных движений. Привлекая добровольцев из числа населения оккупированных советских территорий, немецкое военно-политическое руководство, во-первых, рассчитывало пополнить людские ресурсы, в использовании которых к зиме 1941 года наметился явный кризис. Во-вторых, оно планировало создать эффективные силы для борьбы с набирающим мощь партизанским движением. Причем следует отметить, что наряду с чисто военным вопросом здесь имелся и определенный пропагандистский эффект — заставить партизан сражаться с их соотечественниками. В-третьих, на определенном этапе привлечение добровольцев стало символизировать начало «новой» немецкой политики. Известно, что перед наступлением на Кавказ были созданы многочисленные формирования из числа представителей населявших его народов. Наконец, в-четвертых, создание

---

[1] *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. — М., 2002. — С. 99-118.

[2] *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. — М., 2008. — С. 7-8.

коллаборационистских формирований по национальному признаку было действенным инструментом национальной политики нацистов[1].

Таким образом, немецкая сторона была явным инициатором этого процесса. Однако роль второго типа причин также нельзя недооценивать. В ряде случаев представителям национальных движений принадлежала не менее активная роль. Как правило, определяющими в данном случае были следующие мотивы: коллаборационистские формирования, как инструмент давления на немцев, как средство борьбы против своих идеологических противников и, на заключительном этапе войны, как предмет торга с западными союзниками[2].

Следует подчеркнуть, что среди германского военно-политического руководства не было единого мнения относительно советского коллаборационизма. По сути, дискуссии шли до самого конца войны. В целом немецкую политику по привлечению к сотрудничеству населения оккупированных советских территорий можно условно разделить на три этапа. Проводя оккупационную политику на первом из них (июнь 1941 — декабрь 1942 года), немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. *«Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, — заявил он на одном из со-*

---

[1] *Bräutigam O.* Überblick über die besetzen Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. — Tübingen, 1954. — S. 84-90; Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. — Baden-Baden, 1986. — S. 217-228.

[2] *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945... — С. 14.

вещаний, — это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...»[1].

Поэтому привлечение населения к сотрудничеству было ограничено в целом следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; созданием разведывательно-диверсионных подразделений, использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции; и некоторыми послаблениями в сфере землепользования[2].

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики[3]. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае, внешне. Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии политики были М. Борман, Г. Геринг, рейхскомиссар «Украины» Э. Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер[4]. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой государственной машины, существовало как минимум еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера. В целом за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах предполагаемого использования.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией трудно. Эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном

---

[1] Цит. по: *Бетелл Н.* Последняя тайна. — М., 1992. — С. 85.

[2] *Dallin A.* Op. cit. — P. 538-542.

[3] *Ilnytzkyj R.* Deutschland und die Ukraine 1934-1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 bd. — München, 1958. — Bd. 1. — S. 15-30.

[4] *Розенберг А.* Мемуары. — Харьков, 2005. — С. 356-358.

уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «поджентльменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте Первой мировой войны[1].

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризма». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из сотрудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла «утилитаристов» являлся такой хитрый политик, как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха д-р Й. Геббельс. В частности, он считал, что прежде всего надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъяв из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т.п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны[2]. Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов» и разосланном 15 фев-

---

[1] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. — Смоленск, 1998. — С. 206, 207.

[2] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). — М., 1980. — С. 138-142.

раля 1943 года всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности, говорилось: *«Нельзя называть восточные народы, ожидающие от нас освобождения, скотами, варварами и т.д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе»*[1].

«Утилитаризм» доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой группировки было еще одно крыло — военное, адепты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего ими были высшие офицеры вермахта, заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества. Причем в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников», или «хиви», речь о которых пойдет ниже. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер[2].

И сторонники отношения к советскому населению «по-джентльменски», и «утилитаристы» сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии военного коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже *априори* не рассматривали «восточные» народы как равноправных партнеров.

---

[1] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. — М., 1974. — С. 377-380.

[2] *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. — Cambridge, Mass., 1952. — P. 14-15.

Во-вторых, несмотря на то что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной» политики. В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского руководства с советскими гражданами. Несколько слов о них было уже сказано выше. Здесь мы остановимся более подробно на характеристике этих позиций.

Носителями еще одной точки зрения был ряд офицеров вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их как к военной, так и политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера (июль 1944 года). Одним из проектов этой группы было так называемое Власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии[1].

Главным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной» политике. Так, один из ее лидеров граф К. фон Штауффенберг считал, что прежде всего надо завоевать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения — слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы стать серьезными союзниками Германии, а *«все заигрывания с ними*

[1] *Steenberg S.* General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee — Verräter oder Patriot. — Rastatt, 1986. — S. 71-75.

могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства»[1].

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в верховном командовании вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 года был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту "Барбаросса"». Интересно, что в этом, сугубо специальном документе, наряду с тем, что *«противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», было подчеркнуто, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение СССР на отдельные государства»*[2].

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполитическим вопросам рейхсляйтер А. Розенберг считал по-другому. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную» политику. В принципе она не отличалась от мнения Гитлера, который был уверен, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоит только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентльменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 502-503.

[2] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. — М., 1958. — Т. 2. — С. 573, 574.

от оппозиционно настроенных офицеров вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель «восточной» политики — уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий[1]. Однако главным недостатком Розенберга было то, что он не имел серьезного политического веса в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон Штауффенберга, поскольку даже среди противников Розенберга было достаточно русофобов[2].

После краха надежд на молниеносную войну ситуация изменилась коренным образом. Лидеры всех указанных группировок пришли к выводу, что необходимо предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной. 18 декабря 1942 года, накануне Сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение «восточной» политики. Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечении советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с недостатком рабочей силы в самой Германии[3]. *«Вывод, сделанный на конференции,* — пишет английский историк А. Буллок, — *был выражен двумя предло-*

---

[1] *Ilnytzkyj R.* Op. cit. — S. 3-14.

[2] *Alexiev A.* Op. cit. — P. 6.

[3] *Madajczyk Cz.* Faszyzm i okupacje 1938-1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europe: U 2 t. — Poznań, 1983-1984. — T. 2. — S. 34-40; Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire: German

жениями: сложность создавшегося положения делает настоятельным позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими»[1]. В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок, нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом они были сведены к следующим моментам:

- населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов;
- политическим лидерам того или иного национального движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Сначала эти силы должны были находиться под немецким контролем, а затем перейти под национальное командование;
- в качестве стимула при создании подобных вооруженных сил всем, кто соглашался вступить в них, обещались всевозможные льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделением земельными участками семей добровольцев[2].

Эти изменения начали активно внедряться с весны 1943 года. Правда, не все руководители немецкой оккупационной администрации восприняли их однозначно. Например, в Прибалтике и

Occupation Policy in the Soviet Union, 1942-1943. — New York, 1988 P. 47-56.

[1] *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. — Смоленск, 1998. — Т. 2. — С. 368.

[2] Archiwum Akt Nowych (далее — AAN), Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 556, frames 536-552.

Белоруссии такая политика принесла определенные плоды. На Украине же ее полностью заблокировал рейхскомиссар Э. Кох[1].

Второй этап продолжался до лета 1944 года. Его основной рубеж — полное освобождение территории СССР от немецких оккупантов. Примерно с осени этого года начался новый этап во взаимоотношениях немецкого военно-политического руководства и коллаборационистов. Среди его характерных особенностей можно назвать следующие моменты. Во-первых, эти отношения приобрели еще более политический характер. То есть теперь, чтобы получить любых союзников, немцы были готовы признать лидеров национальных движений единственными и законными представителями их народов. Например, в марте 1945 года таковыми были признаны грузинское и крымско-татарское национальные движения[2].

Во-вторых, чтобы придать этим движениям больше политического веса, немцы пошли на создание национальных армий из разрозненных коллаборационистских формирований соответствующей национальности. В результате были «созданы» Туркестанская национальная армия, Кавказская освободительная армия и Украинская национальная армия. Слово «созданы» здесь намеренно взято в кавычки, так как все эти «армии» остались только на бумаге. Единственным исключением является Украинская национальная армия, которая за несколько дней до капитуляции

---

[1] *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941-1944. — Hamburg, 1962. — S. 232-257.

[2] *Романько О.В.* Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції. — К., 2007. — С. 109; Privatarchiv des Joachim Hoffmann (далее — PAJH), Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. — 17.3.1945 // Intelligence Division. — DRS (51)42. — P. 1.

Германии была передана под руководство Украинского национального комитета[1].

Наконец, в-третьих, если на предыдущих этапах конфликт между точками зрения на «восточную» политику не носил такой острый характер, то теперь он достиг своей кульминации. Представители «прорусской» концепции при активной поддержке рейхсфюрера СС Гиммлера предприняли попытку объединить все коллаборационистские организации под эгидой Власовского движения, создав Комитет освобождения народов России (КОНР). А все коллаборационистские формирования должны были стать основой вооруженных сил этого комитета. Этой попытке категорически воспротивился Розенберг. А сотрудничавшие с ним лидеры национальных движений попросту отказались вести переговоры с генералом Власовым на том основании, что создание его комитета является очередным проявлением русского империализма[2].

На протяжении всей своей истории коллаборационистские формирования действовали в определенной среде и в определенных условиях, подвергаясь влиянию целого ряда факторов. В данном случае наиболее значительным следует признать влияние, которое исходило со стороны:

- немецких военно-политических органов разного уровня;
- коллаборационистских организаций той же национальной группы, представителями которой были укомплектованы личный состав формирования;
- коллаборационистских организаций и добровольческих формирований представителей других национальных движений;

---

[1] *Гунчак Т.* У мундирах ворога // Військо України. — 1993. — № 9. — С. 82-88; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М., 2004. — С. 79.

[2] *Frölich S.* General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. — Köln, 1987. — S. 202-206.

- партизанского и подпольного движения, которое действовало на данной территории;
- местного населения, проживавшего на данной территории.

Все эти факторы можно условно назвать внутренними. К внешним факторам следует отнести военную обстановку на том или ином участке Восточного фронта или на этом фронте в целом[1].

Что касается понятия «коллаборационистские формирования», то наиболее точным является следующее определение. Это: формирования из иностранных граждан и военнослужащих, объединенных в рамках вермахта, войск СС и сил по охране правопорядка, либо в виде отдельных частей или подразделений, либо включенных туда в индивидуальном порядке.

Коллаборационистские формирования из числа советских граждан, несмотря на определенную уникальность, не были как таковые отдельной категорией германских вооруженных сил. Однако такая характеристика является несколько абстрактной и нуждается в дальнейшем разъяснении.

В нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингенты добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом выделялись следующие категории:

1. Формирования разведывательно-диверсионного назначения, созданные немецкими специальными службами;

2. Вспомогательные и специальные формирования:
- «добровольные помощники», или «хиви» *(Hilfswillige / Hiwi);*
- формирования специального характера (строительные, инженерные, транспортные, хозяйственные и т.п.);
- части и подразделения в составе германских вспомогательных формирований (Организация Тодта и т.п.).

---

[1] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg... — Bd. 9. — Halbbd. 2. — S. 906-976.

1. Формирования полицейского характера:

формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой военной оккупационной администрации;

формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой полиции порядка или полиции безопасности;

формирования в составе частей порядка вермахта (тайная полевая полиция, полевая жандармерия и т.п.).

1. Линейные (фронтовые) формирования:

- формирования в составе вермахта;
- формирования в составе войск СС[1].

Первые коллаборационистские формирования из представителей «восточных» народов были созданы при поддержке германских спецслужб (а именно военной разведки — абвера) накануне нападения на Советский Союз. Главная цель — диверсионно-разведывательные мероприятия в приграничных районах или ближнем тылу советских войск. Весной—летом 1941 года по такой схеме были организованы украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», эстонский батальон «Эрна» и 1-й белорусский штурмовой взвод. Как правило, после выполнения своего задания эти части расформировывались, а их личный состав шел на комплектование полицейских или других подразделений. Необходимо отметить, что первые диверсионно-разведывательные формирования состояли, как правило, из эмигрантов или военнопленных Польской армии. Собственно советских граждан в них практически не было. Однако после того как появилось значи-

---

[1] Классификация проведена по: Archiv des Institut für Zeitgeschichte (далее — IfZ), Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschevismus 1941-1945, 13.07.1954. — S. 1-48; Sammlung des Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr (далее — MGFA), Heygendorff, R. v., Oberst. Die landeseigenen Verbände im kampf gegen die S.U., Vortrag, 18.04.1943. — S. 1-10.

тельное количество советских военнопленных и добровольцев с оккупированных территорий, эта диспропорция исчезла[1].

Следующий этап в создании таких частей относится к осени—весне 1941—1942 годов. Планируя наступление на Кавказ, немцы создали несколько подразделений, целью которых были диверсия, разведка, пропаганда и организация восстаний в тылу советских войск. Так были сформированы Туркестанский батальон и батальон (затем полк) «Бергманн», соответственно — из представителей народов Средней Азии и Кавказа. Эти части и подразделения создавались с целью их использования за линией фронта. Однако немецкими спецслужбами был организован еще целый ряд частей, целью которых были специальные операции против партизанского движения. Так, осенью 1942 года почти одновременно был созданы Специальный штаб «Россия» и 13-й белорусский полицейский батальон при СД, сыгравшие значительную роль в борьбе против партизан[2].

Наконец, на заключительном этапе войны абвер и СД приступили к созданию спецчастей, которые после заброски в советский тыл должны были организовать там партизанское движение. Наиболее характерным примером такого формирования является белорусский десантный батальон «Дальвиц». В силу своих функций, эта категория добровольцев была самой малочисленной. За всю войну через ряды этих частей прошло не более 10 тыс. человек[3].

---

[1] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. — М., 2005. — С. 121-132.

[2] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в вермахте и СС. — М., 2006. — С. 378-382.

[3] MGFA, Pozdnjakov V. German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941-1944). Historical Division, U.S. Army Europe, 1953, Ms. Nr. P-122. — P. 168-187.

Что касается второй категории добровольцев, то это были лица, завербованные командованием немецких частей и соединений, стремившихся таким образом покрыть недостаток в живой силе. Первоначально они использовались в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне, разнорабочих, а в боевых подразделениях — в качестве подносчиков патронов и саперов. Со временем их стали использовать и в боевых операциях наравне с немецкими солдатами. Следует сказать, что численность «хиви» постоянно увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецкой пехотной дивизии. Так, штаты пехотной дивизии, установленные со 2 октября 1943 года, предусматривали наличие 2005 добровольцев на 10 708 человек немецкого персонала, что составляло около 16 % от ее общей численности. В танковых и моторизованных дивизиях численность «хиви» должна была составлять соответственно 970 и 776 человек, что тоже равнялось 16 %. Несколько позднее, чем в сухопутных силах, вспомогательные формирования появились в ВМФ, ВМС и других структурах вермахта[1]. В результате к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 665—675 тыс. человек и являлась самой многочисленной[2].

Появление третьей категории добровольческих формирований — попытка оккупационных властей решить проблему отсутствия достаточного количества охранных частей. То есть подразделения вспомогательной полиции создавались в целях поддержания общественного порядка на оккупированных территориях и для борьбы с партизанским движением. Первой начала создаваться вспомогательная полиция в зоне ответственности военной адми-

---

[1] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 417, frames 6386595, 6386598; Seidler F.W. Die Organisation Todt: Bauen für Staat und Wehrmacht, 1938-1945. — Koblenz, 1987. — S. 133-136.

[2] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 501, frames 6489700-6489707.

нистрации. Главной особенностью этой полиции было то, что ее подразделения были абсолютно не унифицированными во всех смыслах и создавались без всякой системы. И хотя в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг» ее формирования назывались соответственно «местные боевые соединения» *(Einwohnerkampfvebände),* «служба порядка» *(Ordnungsdienst)* и «вспомогательные охранные части» *(Hilfswachmannschaften)*, на местах все зависело от вкуса начальника немецкой администрации или фантазии руководителя самоуправления, при котором они создавались. Так, на территории Белоруссии и Западной России эта полиция могла называться: «местная милиция» *(Ortsmilitz),* «служба порядка» *(Ordnungsdienst),* «гражданское ополчение» *(Bürgerwehr),* «местное ополчение» *(Heimwehr)* или «самооборона» *(Selbst-schutz)* [1].

6 ноября 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ, согласно которому все «местные полицейские вспомогательные силы», действовавшие на территории, перешедшей под юрисдикцию гражданской оккупационной администрации, были реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка» *(Schutzmannschaft der Ordnungspolizei* или *«Schuma»)* [2]. Функции новой полиции ничем не отличались от функций формирований, созданных для охраны тыла армий или групп армий. Единственным отличием в данном случае было то, что они подчинялись не военным, а полицейским властям (зачастую происходило обычное переподчинение частей «милиции», «самообороны» или «ополчения» от местного армейского коменданта местному полицейскому чиновнику — соответствующему фюреру СС и полиции). В зависимости от их назначения, принято выделять следующие категории «вспомогательной полиции порядка»:

---

[1] Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 63-68.

[2] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 233, frame 2721867.

- полиция индивидуальной службы в городах и сельской местности *(Schutzmannschaft-Einzeldienst);*
- батальоны «вспомогательной полиции порядка» *(Schutzmannschaft-Bataillone);*
- вспомогательная пожарная полиция *(Feuerschutzmannschaft);*
- вспомогательная охранная полиция *(Hilfsschutzmannschaft).*

Всего же к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 390—400 тыс. человек[1].

Последней категорией «восточных» коллаборационистских формирований являлись их боевые части. Это были либо отдельные соединения (дивизии и корпуса, что было крайне редко), либо полки и подразделения (батальоны и роты) в составе вермахта и войск СС. Они создавались с целью их применения на фронте, однако зачастую могли использоваться и как формирования предыдущих категорий, главным образом в качестве охранных частей. Наиболее значительными из них следует признать Вооруженные силы КОНР, 15-й Казачий кавалерийский корпус, 162-ю Тюркскую пехотную дивизию, а также шесть национальных дивизий войск СС. К концу войны в них проходило службу 470—475 тыс. «восточных» добровольцев[2].

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в течение Второй мировой войны в германских силовых структурах прошло службу от 1,3 до 1,5 млн советских граждан разных национальностей — большинство добровольно, остальные же — в результате призывных компаний различной степени интенсивности (смотри таблицу) [3]. Такое количество добровольцев, несомненно, следует

---

[1] Thomas N. Partisan Warfare 1941-1945. — London, 1996. — P. 14.

[2] Neulen H.-W. Op. cit. — S. 342.

[3] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 19, frames 2524101-2524103.

признать значительным вкладом коллаборационистов из числа народов СССР в военные усилия нацистской Германии.

Категории добровольцев	Вермахт и силы охраны правопорядка	Войска СС	Всего:
Русские	ок. 289,5 тыс.	ок. 20,5 тыс.	ок. 310 тыс.
Украинцы	ок. 224 тыс.	ок. 26 тыс.	ок. 250 тыс.
Белорусы	ок. 7 тыс.	ок. 12 тыс.	ок. 19 тыс.*
Казаки	ок. 20 тыс.	ок. 50 тыс.	ок. 70 тыс.
Литовцы	ок. 36,8 тыс.	—	ок. 36,8 тыс.
Латыши	ок. 49 тыс.	ок. 39 тыс.	ок. 88 тыс.
Эстонцы	ок. 49 тыс.	ок. 20 тыс.	ок. 69 тыс.
«Туркестанцы»	ок. 178 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 180 тыс.
Севкрокавказцы	ок. 27,4—29,4 тыс.	ок. 0,6 тыс.	ок. 28—30 тыс.
Грузины	ок. 19,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 20 тыс.
Армяне	ок. 17,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 18 тыс.
Азербайджанцы	ок. 24—34 тыс.	ок. 1 тыс.	ок. 25—35 тыс.
Поволжские татары	ок. 38 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 40 тыс.
Крымские татары	ок. 12,6—17,6 тыс.	ок. 2,4 тыс.	ок. 15—20 тыс.
Калмыки	ок. 5 тыс.	—	ок. 5 тыс.
Всего:	ок. 997,5 тыс. — 1,01 млн	ок. 176,3 тыс.	ок. 1,17— 1,18 млн**

** Данные о численности белорусских добровольцев в составе германских силовых структур даны без учета личного состава Белорусской краевой обороны (более 30 тыс. человек).*

*** Приведенные общие цифры касаются только тех добровольцев из числа граждан СССР, наличие которых подтверждается документальными источниками. Однако, кроме этих добровольцев, набранных централизованно, было еще около 200—300 тыс. человек, которые в индивидуальном порядке или небольшими группами входи-*

ли в состав немецких частей и соединений. Если же учитывать и этих добровольцев, то как раз и получится цифра в 1,3—1,5 млн граждан СССР, проходивших службу в составе германских силовых структур.

ГЛАВА 3
НЕМЕЦКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК» НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

В годы Второй мировой войны Крым играл исключительно большое значение в планах руководства Третьего рейха. В силу целого ряда причин, как политического, так и военного характера, для захвата и удержания полуострова было затрачено значительное количество людских и материальных ресурсов. Фактически борьба за Крым продолжалась на протяжении почти трех лет, которые условно можно разделить на два периода:

активных боевых действий регулярных частей вермахта и Красной армии (октябрь 1941 — июль 1942 и апрель — май 1944 года) и

оккупации (декабрь 1941 (фактически август 1942) — апрель 1944 года), когда основным противником немецких силовых структур на полуострове были партизаны.

О первом периоде сказано и написано уже достаточно много и полно. О втором — примерно столько же, но крайне односторонне. В советской исторической литературе весь период оккупации неизменно сводился только к зверствам немцев над мирным крымским населением, экономическому ограблению полуострова и партизанской войне. При этом оккупанты, которые почти два года являлись полными хозяевами в Крыму, представлялись советскими историками очень абстрактно. Тогда как известно, что на любой занятой ими территории немцы, со всей свойственной им педантичностью, учреждали разветвленный оккупационный аппарат, у каждой из частей которого была своя сфера ответственности.

Главной особенностью немецкого оккупационного режима на территории СССР было то, что он только в теории представлял единый институт, управляемый из Берлина. На деле же этот режим состоял из трех, практически автономных и взаимопересекающихся (территориально и административно), ветвей власти: гражданской администрации, представленной органами Министерства по делам оккупированных восточных областей, различных военных оккупационных инстанций и аппарата полиции и СС. Не был в данном случае исключением и Крым, немецкая оккупационная администрация на территории которого складывалась следующим образом.

***

Выше уже было сказано, что 1 сентября 1941 года на территории Крыма, а также Херсонской и Запорожской областей был формально создан генеральный округ «Крым» *(Generalbezirk Krim)*, с общей площадью 52 тыс. км² и населением около 2 млн человек. Центром округа был выбран Симферополь. Генеральный округ «Крым» являлся составной частью рейхскомиссариата «Украина» *(Reichskomissariat Ukraine)*. Помимо него, в эту административную единицу входили генеральные округа «Волыния-Подолия», «Житомир», «Киев», «Николаев» и «Днепропетровск». Во главе рейхскомиссариата стоял видный функционер нацистской партии Э. Кох. Его резиденция находилась в городе Ровно[1].

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в генеральном округе «Крым» являлся генеральный комиссариат, который было поручено возглавить А. Фрауэнфельду[2].

В административном отношении территория генерального округа делилась на 14 округов *(Gebiete)*, в каждом из которых планировалось создать окружной комиссариат во главе с окружным комиссаром. Центрами округов были назначены следующие населенные пункты: Цурюпинск, Каховка, Геническ, Акимовка, Мелитополь,

[1] Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg... — Bd. 5. — Halbbd. 2. — S. 45.

[2] Personen Lexikon / Hrsg. v. H. Weiß. — Wien, 2003. — S. 130.

Джанкой, Евпатория, Курман-Кемельчи, Ички, Симферополь, Судак, Керчь, Ялта и Севастополь. Как правило, эти новые административные единицы объединяли по 2—3 прежних советских района. В наиболее важных городах генерального округа планировалось создать городские комиссариаты *(Stadtkomissariat)*, руководители которых пользовались бы правами окружных комиссаров. Всего было выбрано четыре таких населенных пункта: Мелитополь, Симферополь, Керчь и Севастополь[1].

Однако вследствие того, что до лета 1942 года территория генерального округа «Крым» являлась ближним тылом действующей армии, это административно-территориальное устройство так и не стало реальностью. К своим обязанностям Фрауэнфельд смог приступить только 1 сентября 1942 года. Но оставался один нюанс. Девять округов Крыма так и не перешли под юрисдикцию генерального комиссариата. По указанным выше причинам полуостров считался находящимся под двойным управлением: гражданским (номинально) и военным (фактически). То есть из состава генерального округа Крым не изымал никто, однако гражданские чиновники не имели здесь никакой власти. Такое положение вещей привело к тому, что центр генерального округа был перенесен в Мелитополь, а сама административная единица получила название генеральный округ «Таврия» *(Generalbezirk Taurien)* [2].

***

На протяжении всего периода оккупации реальная власть на Крымском полуострове принадлежала командующему расквартированных здесь частей вермахта. Во главе местного аппарата военной администрации находился так называемый командующий войсками вермахта в Крыму (Befehlshaber Krim), который

---

[1] Frauenfeld A. Und trage keine Reu': vom Wiener Gauleiter zum Generalkomissar Krim. — Leoni am Starnberger See, 1978. — S. 215—224.

[2] Personen Lexikon... — S. 129-130.

по вертикали подчинялся командующему группой армий «А» (с апреля 1944 года — группа армий «Южная Украина»). Обычно такая должность вводилась на тех оккупированных территориях, где высший начальник вермахта должен был не только осуществлять охранную службу, но еще и выполнять административные функции[1].

С декабря 1941 по май 1942 года на этом посту находился командующий 337-й пехотной дивизией генерал-лейтенант К. Шпанг. В этот период его должность называлась несколько по-другому — командующий войсками вермахта на полуострове Крым (Befehlshaber der landengen der Halbinsel Krim). В силу целого ряда причин его административная власть являлась в тех условиях, скорее, временной и распространялась только на те районы Крыма, где боевые действия уже не велись. Кроме того, в функции этого военного чиновника входило обеспечение тыла стоявшей под Севастополем и Феодосией 11-й немецкой армии, имевшей, однако, свои административные службы. С мая по июль 1942 года в Крыму развернулись интенсивные бои. В связи с тем, что теперь весь полуостров стал тылом немецких войск, вся полнота военно-административной власти на его территории перешла к соответствующим органам штаба 11-й армией генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. Должность же Шпанга была за ненадобностью упразднена.

В августе — сентябре 1942 года 11-я армия покинула Крым. В связи с этим возникла необходимость в создании реального органа, который бы являлся здесь главной военно-административной инстанцией. С этой целью и была создана должность командующего войсками вермахта в Крыму, которую последовательно занимали следующие лица:

---

[1] *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945: In 17 bd. — Frankfurt-am-Main — Osnabrück, 1965-2002. — Bd. 1. — S. 23-25.

Имя	Воинское звание	Период пребывания на должности	Предыдущая должность
Маттен-клотт, Франц	генерал пехоты	август 1942 — апрель 1943 гг.	Командующий 42-м армейским корпусом
Аулеб, Хельге	генерал пехоты	апрель — июль 1943 г.	Командующий боевой группой «Аулеб»
Кехлинг, Фридрих	генерал-майор	июль/октябрь — ноябрь 1943 г.	Заместитель Командующего войсками вермахта в Крыму

В октябре 1943 года после эвакуации Кубанского плацдарма на территорию Крыма были выведены части и соединения 17-й немецкой армии. В ноябре 1943 года, после передислокации армии, ее командующий генерал-полковник Э. Йенеке занял одновременно и высший административный пост на полуострове. А 1 мая 1944 года, уже почти на исходе боев за Крым, его на этой должности сменил генерал пехоты К. Альмендингер, бывший до этого командующим 5-м армейским корпусом[1].

С целью осуществления всех необходимых полномочий при должности командующего войсками вермахта в Крыму был создан штаб, основой которого послужили соответствующие структуры 42-го армейского корпуса 11-й армии. Организационно этот штаб состоял из нескольких отделов, главными из которых в данном случае являлись оперативный (I), разведывательный (II) и административный (VII) отделы. Через первый отдел шло управление войсками оккупационной группировки на полуострове (немецкие, румынские и словацкие полевые части и соединения). Через второй — подразделениями абвера — немецкой военной разведки[2].

---

[1] *Залесский К.А.* Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. — М., 2005. — С. 27-28, 217-218, 237, 289-290.

[2] *Tessin G.* Op. cit. — Bd. 5. — S. 42.

Начальник седьмого отдела руководил военно-административными органами, которые состояли из полевых *(Feldkommandantur; FK)* и местных комендатур *(Ortskommandantur; OK)* и наделялись всей полнотой власти в зоне своего действия. Полевые комендатуры создавались обычно в пределах 1—2 районов (например, в Крыму). Им подчинялись местные комендатуры, создаваемые в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации военных гарнизонов. Все комендатуры должны были выполнять две задачи: охранную и управленческую. К первой относилось «обеспечение покоя» в оккупированных районах и охрана тылов действующей армии. Ко второй — создание, руководство и контроль над органами местного управления, а также «мобилизация резервов» для ведения войны. В целом это сводилось к следующим основным функциям:

- борьба с партизанами;
- охрана коммуникаций, военных объектов и лагерей военнопленных;
- разведывательная и контрразведывательная деятельность;
- ведение пропаганды[1].

Для выполнения указанных функций к каждому типу комендатур прикомандировывались подразделения армейской службы порядка. На Крымском полуострове они были представлены тайной полевой полицией и полевой жандармерией, выполнявших в зоне юрисдикции военной администрации, соответственно, следственные и карательные функции[2].

---

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. — М., 2002. — С. 208.

[2] *Munoz A.J., Romanko O.V.* Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941—1944. — New York, 2003. — P. 131, 160.

Всего же за период с 1941 по 1944 год на территории Крыма функционировало 4 полевые и 23 местные комендатуры, которые располагались в следующих населенных пунктах[1]:

Номер комендатуры	Период функционирования	Место дислокации
FK 553	-	Севастополь
FK 751	ноябрь 1942, 1943	Карасубазар (ноябрь 1942), Симферополь (1943)
FK 676	1943	Керчь
FK 810	декабрь 1941, май 1942	Феодосия (декабрь 1941), Евпатория (май 1942)
OK (I) 277 Evpatoria	1941	Евпатория
OK 287	декабрь 1941 — ноябрь 1942	Керчь
OK (I) 287 Simferopol	1941	Симферополь (1941)
OK (I) 287 Feodosia	1943	Феодосия (1943)
OK (I) 287 Kertsch	1943	Керчь
OK 290	1941—1942	Симферополь
OK (I) 290 Sewastopol	1943	Севастополь
OK (I) 318 Kertsch	1943	Керчь
OK 576	июль 1942	Бахчисарай
OK (II) 662 Jalta	1941—1942	Ялта

[1] *Tessin G.* Op. cit. — Bd. 16. — Teil 3. — S. 275, 280—283, 296—298, 319—320.

Номер комендатуры	Период функционирования	Место дислокации
OK (I) 742 Dshankoj	1942	Джанкой
OK (I) 805	1942	Феодосия
OK (I) 853 Simferopol	1941	Симферополь
OK (I) 923 Kertsch	1943	Керчь
OK (I) 934 Kamish-Burun	1943	Камыш-Бурун
OK 937	апрель 1942	Карасубазар
OK (I) 937 Karasubazar	1942	Карасубазар
OK (I) 939 Dshankoj	1942	Джанкой
Комендатуры без порядкового номера		
OK Bachtschissaraj	1941—1942	Бахчисарай
OK Feodosia	1943	Феодосия
OK (I) Jalta	1943	Ялта
OK Karasubazar	январь 1942	Карасубазар
OK Sewastopol	1942	Севастополь

***

Согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 года, на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Г. Гиммлера было возложено «полицейское обеспечение восточных территорий». Последний назначал главных фюреров СС и полиции *(Höhere SS- und Polizeiführer; HSSPf)*, которые являлись высшими полицейскими чиновниками в рейхскомиссариатах или, по согласованию с военной администрацией, в тыловых районах групп армий. Хотя фю-

реры СС и полиции формально подчинялись рейхскомиссарам или находились в оперативном подчинении у командующих тыловыми районами групп армий, реальную власть над ними имел только Гиммлер. Этот последний факт означал, что полицейская администрация действовала параллельно и на равных правах с гражданской и военной администрациями. В данном случае, начиная с сентября 1942 года, фюрер СС и полиции генерального округа «Таврия» находился в оперативном подчинении командующего войсками вермахта в Крыму[1].

С 23 июня (фактически с сентября) 1941 года главным фюрером СС и полиции на территории рейхскомиссариата «Украина» являлся СС-обергруппенфюрер Ф. Еккельн, которого уже 11 декабря сменил СС-обергруппенфюрер Х. Прютцманн. Здесь следует отметить, что эти лица исполняли свои обязанности не только на территории гражданской администрации. По договору между Гиммлером и ОКВ, они отвечали за полицейское обеспечение также и в тыловом районе южного крыла Восточного фронта. В связи с этим их должность со штаб-квартирой в Киеве официально именовалась главный фюрер СС и полиции «Россия-Юг» *(HSSPf Russland-Süd)*. В генеральных округах, входивших в состав рейхскомиссариата, этому чиновнику подчинялись местные фюреры СС и полиции. Так, в генеральном округе «Крым» эту должность со штаб-квартирой в Симферополе занимал СС-бригадефюрер Л. фон Альвенслебен, который приступил к обязанностям в ноябре 1941 года. Следует отметить, что, в отличие от гражданской администрации, его компетенция распространялась на всю территорию генерального округа образца сентября 1941 года. Поэтому его должность официально называлась фюрер СС и полиции генерального округа «Таврия-Крым-Симферополь» *(SSPf Taurien-Krim-Simferopol)* [2].

---

[1] Преступные цели — преступные средства. — С. 54—55.

[2] Personen Lexikon... — S. 20—21, 360—361.

Аппарат каждого фюрера СС и полиции в целом копировал полицейские структуры Германии. Не был в данном случае исключением и аппарат СС-бригадефюрера фон Альвенслебена. Организационно ему подчинялись:

- начальник полиции безопасности и СД генерального округа «Таврия-Крым-Симферополь» *(Kommandeur der Sicherheitspolizei und SD Taurien-Krim-Simferopol)*. Этому чиновнику, в свою очередь, подчинялись местные начальники гестапо, СД и криминальной полиции. С ноября 1941 года эту должность последовательно занимали: СС-штандартенфюрер О. Олендорф (до июля 1942 года), СС-оберштурмбаннфюрер П. Цапп (июль 1942 — май 1943 года) и СС-оберфюрер Х. Рох (май 1943 — апрель 1944 года);
- начальник полиции порядка генерального округа «Таврия-Крым-Симферополь» *(Kommandeur der Ordnungspolizei Taurien-Krim-Simferopol)*. Ему, в свою очередь, подчинялись местные начальники охранной полиции, жандармерии, железнодорожной охраны, а позднее и вспомогательной полиции порядка, набранной из местных добровольцев. С августа 1942 года и до самого конца оккупации Крыма эту должность занимал генерал-майор полиции К. Хитшлер. Столь позднее создание этого поста по сравнению с предыдущим объясняется тем, что до указанного периода функции полиции порядка на полуострове выполняла полевая жандармерия 11-й армии[1].

В округах и районах генерального округа «Таврия» находились структурные подразделения аппарата фюрера СС и полиции, которые возглавляли, соответственно, окружные и районные фюреры. Всего было 14 полицейских округов, которые фактически территориально совпадали с округами гражданской администрации. Охранная полиция и полиция порядка были представлены в этих округах соответствующими отделами. Например, летом 1942 года местные

[1] The German Police / Ed. by A. Munoz. — New York, 1997. — P. A6, A9, A13.

отделы этих ветвей полицейской администрации располагались в следующих населенных пунктах Крыма: Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Алушта, Карасубазар, Зуя, Евпатория и Феодосия[1].

Следует сказать, что каждая из двух частей полиции генерального округа имела двойную юрисдикцию. С одной стороны, она подчинялось своему фюреру СС и полиции, а через него — главному фюреру СС и полиции «Россия-Юг». С другой же стороны, она подчинялось соответствующему главному управлению в Берлине. Однако в данном случае это не играло существенной роли, так как единственным начальником всех управлений СС и полиции был Гиммлер.

Другой особенностью полицейского аппарата на оккупированной советской территории было то, что он не был все-таки таким структурированным, как в Германии. Сказывался недостаток профессиональных кадров. В связи с этим оккупанты были вынуждены создавать комбинированные полицейские органы. То есть сотрудники полиции безопасности и СД выполняли одновременно функции и гестапо, и криминальной полиции. Так же обстояло дело и в сфере компетенции полиции порядка[2].

Наконец, нельзя пройти мимо еще одной особенности немецкого полицейского аппарата на территории Крыма. Прежде всего она касается органов полиции безопасности. Если следовать фактам, СС-штандартенфюрер Олендорф не являлся руководителем

---

[1] Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinzatz 1939-1945 / Bearb. v. G. Tessin und N. Kannapin. — Osnabrück, 2000. — S. 592-594. Следует сказать, что военный и полицейский оккупационные аппараты нередко дублировали друг друга. И наиболее отчетливо это видно на системе следственно-карательных органов. Так, тайная полевая полиция выполняла те же функции, что и полиция безопасности, а полиция порядка была аналогом полевой жандармерии.

[2] *Бажан О., Дерейко І.* Українські допоміжні військові формування збройних сил Німеччини на території рейхскомісаріату «Україна" // Історичний журнал. — 2005. — № 4. — С. 17.

полиции безопасности и СД округа «Таврия-Крым-Симферополь». С июня 1941 по июль 1942 года он занимал пост начальника так называемой Оперативной группы «Д» полиции безопасности и СД (Einsatzgruppe D) — специального органа, созданного Главным управлением имперской безопасности (РСХА) Третьего рейха[1]. По договоренности с руководством вермахта эта и еще три другие подобные группы должны были выполнять функции по обеспечению порядка в тыловых районах групп армий, очищая их от «нежелательных элементов». Однако помимо этого, в обязанности командиров оперативных групп входило также формирование органов полиции безопасности и СД на оккупированных территориях. В некоторых районах, таких, как, например, Крым, где обстановка долгое время оставалась чрезвычайно напряженной, эти командиры и их группы подменяли, по сути, аппарат полиции безопасности и СД на неопределенный срок[2].

В конце 1943 года полицейский аппарат на Украине подвергся значительной многоступенчатой реорганизации.

Во-первых, 29 октября 1943 года в тыловом районе группы армий «А» была создана новая должность — главный фюрер СС и полиции «Черное море» *(HSSPf Schwarzes Meer)*, в подчинение которому вошли фюреры СС и полиции «Таврия-Крым-Симферополь» и «Николаева». На этот пост со штаб-квартирой в Николаеве был назначен повышенный в звании до СС-группенфюрера Л. фон Альвенслебен, которого на его прежней должности сменил СС-оберфюрер Х. Рох[3]. Следует сказать, что последний являлся только

---

[1] Более подробно об опертивной группе «Д» будет рассказано в следующем разделе.

[2] *Munoz A.J., Romanko O.V.* Op. cit. — P. 130—131.

[3] Необходимо отметить, что после своего назначения на пост фюрера СС и полиции «Таврия-Крым-Симферополь» СС-оберфюрер Рох стал совмещать две должности: одновременно с новыми своими функциями он продолжал исполнять обязанности начальника полиции безопасности и СД в этом же округе.

исполняющим обязанности: 25 декабря 1943 года и его, и его шефа Альвенслебена сменил СС-обергруппенфюрер Р. Хильдебрандт, остававшийся во главе этих двух полицейских аппаратов до самого конца оккупации Крыма[1].

Во-вторых, в тот же день, в связи со значительным сокращением рейхскомиссариата «Украина», на его территории и в тыловом районе группы армий «Южная Украина» был создан единый полицейский аппарат, руководитель которого СС-обергруппенфюрер Х. Прютцманн стал теперь называться верховный фюрер СС и полиции «Украина» *(Höchste SSPf Ukraine)*. Одновременно он оставался главным фюрером СС и полиции «Россия-Юг». Этот пост был сохранен, а зона его ответственности находилась теперь северо-западнее зоны главного фюрера СС и полиции «Черное море»[2].

В целом же руководящий состав полицейской вертикали власти в генеральном округе «Таврия» выглядел в 1941—1944 годах следующим образом:

Имя	Звание	Период пребывания на должности	Предыдущая должность
главный фюрер СС и полиции «Россия-Юг» (с 29 октября 1943 г. — верховный фюрер СС и полиции «Украина»)			
Еккельн, Фридрих	СС-обергруппенфюрер	23 июня — 11 декабря 1941 г.	Командир 1-го батальона 2-го полка дивизии СС «Мертвая голова»
Прютцманн, Ханс	СС-обергруппенфюрер	11 декабря 1941 — сентябрь 1944 г.	Главный фюрер СС и полиции «Россия-Север»
главный фюрер СС и полиции «Черное море» (только с 29 октября 1943 г.)			
Альвенслебен, Людольф фон	СС-группенфюрер	29 октября — 25 декабря 1943 г.	Фюрер СС и полиции «Таврия»

[1] Waffen-SS und Ordnungspolizei... — S. 592—593.

[2] BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht / Amt Ausland / Abwehr (OKW/AmtAusl/Abw), RW 5/464, bl. 45-46.

Имя	Звание	Период пребывания на должности	Предыдущая должность
Хильдебрандт, Рихард	СС-обергруппенфюрер	25 декабря 1943— 16 сентября 1944 г.	Начальник Главного управления расы и поселений СС
фюрер СС и полиции «Таврия-Крым-Симферополь»			
Альвеслебен, Людольф фон	СС-бригадефюрер	ноябрь 1941— 29 октября (фактически, до 3 марта) 1943 г.	Шеф-адъютант рейхсфюрера СС Гиммлера
Рох, Хайнц, исполняющий обязанности	СС-оберфюрер	29 октября (фактически с 3 марта) — 25 декабря 1943 г.	Начальник полиции безопасности и СД генерального округа «Таврия»
Хильдебрандт, Рихард	СС-обергруппенфюрер	25 декабря 1943 — май 1944 г.	Занимал эту должность одновременно с предыдущей (смотри выше)

***

Следует сказать, что в июле — ноябре 1943 года на территории Крыма существовала еще одна, параллельная, система военно-полицейских структур. Она была создана после начала боев за Таманский полуостров для охраны тыла сражающихся там войск и для обеспечения бесперебойного сообщения между Черным и Азовским морями. Однако помимо территорий на Кубани, власть ее руководителей распространялась также и на город Керчь с прилегающей округой (до 15 км в радиусе). В результате военную администрацию здесь возглавил командующий войсками вермахта Керченской дороги *(Befehlshaber der Straße Kertsch)* генерал-лейтенант В. Лухт. Полицейским же обеспечением занимался фюрер СС и полиции «Керчь-Таманский полуостров» *(SSPf Kertsch-Tamanhalbinsel)* СС-бригадефюрер Т. Тир. Оба эти должностных лица никак не зависели от военно-полицейской администрации

на территории Крыма и обладали равными с ней правами. В ноябре — декабре 1943 года, после эвакуации Кубанского плацдарма и высадки советских войск на Керченском полуострове, оба эти поста были ликвидированы за ненадобностью, а их персонал передан в другие подобные структуры[1].

***

Со временем каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации стала, так или иначе, привлекать к сотрудничеству население оккупированного полуострова. В административной сфере это было первоначально выражено в создании и функционировании органов так называемого местного самоуправления: сельских, районных и городских управлений. Их, соответственно, возглавляли: старосты, начальники районных или городских управлений. Эти органы создавались сразу же по установлению на данной территории немецкой военной или гражданской администрации. В политическом отношении они были абсолютно пассивны и бесправны, а их руководители — полностью подчинены соответствующим немецким чиновникам: окружным или городским комиссарам. Если же такие органы самоуправления создавались в зоне действия военной администрации, то их руководители подчинялись шефам полевых или местных комендатур.

В руках начальника районного управления находилось общее руководство районом. Он нес ответственность за все подчиненные ему местные учреждения, хозяйство и управления, должен был обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением оккупационным властям, организовывать изъятие продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности подразделений вермахта, которые были расквартированы на территории его района.

Руководитель района назначался и увольнялся с должности по предложению полевой комендатуры, командующего тыловым

[1] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера... — С. 606-607.

районом армии или группы армий, а в генеральном комиссариате — коменданта местной комендатуры или окружного комиссара. Структура районного управления предусматривала такие основные отделы: общего управления, вспомогательной полиции, школ и культурных учреждений, охраны здоровья, ветеринарный, финансовый, строительства, промышленности, снабжения и обеспечения рабочей силой. Со временем появился еще один отдел — пропаганды. Их руководители назначались обычно начальником районного управления по согласованию с местным военным или гражданским немецким начальником[1].

Следующей по значению фигурой органов местного самоуправления был бургомистр. В данном случае этот термин имел два значения:

- руководитель общинного управления (обычно бывший советский сельский совет, состоявший из нескольких сел) и
- руководитель городского управления, которые подчинялись начальнику соответствующего районного управления.

Для своей территории задачи бургомистра были абсолютно те же, что и у начальника районного управления для района. Таким же был порядок назначения и увольнения с занимаемой должности. Аппарат бургомистра состоял из тех же отделов, что и районное управление[2]. Например, структура Симферопольского городского управления в день своего создания 12 декабря 1941 года состояла из следующих отделов: организационный, хозяйственный, общественного питания, культуры (с подотделами школы, искусства, религии, записей актов гражданского состояния), технический, финансовый, врачебно-санитарный и вспомогательной полиции[3].

---

[1] *Рекотов П.В.* Органи управління на окупованій території України (1941-1944 рр.) // УІЖ. — 1997. — № 3. — С. 94—95.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 69, оп. 1, д. 623, л. 122.

[3] Голос Крыма. — 1941. — № 1.

Низшей инстанцией местного самоуправления было сельское управление, во главе которого стоял староста. Последнего, как правило, назначал бургомистр общины. Практическая работа сельских управлений сводилась иногда к обычной бухгалтерской рутине. Однако в большинстве случаев, и это характерно для Крыма, вследствие трудностей со связью, протяженностью территории и, главное, активным сопротивлением населения оккупационной политике, работа в селах часто выходила за рамки предусмотренного объема. Дела сельского управления требовали зачастую приложения таких усилий, что в большинстве районов немцам пришлось выплачивать старостам зарплату. Сначала же они работали на общественных началах. Староста со своим помощником, бухгалтером и подчиненными управлению полицейскими должен был проводить в жизнь все распоряжения немецкой администрации, бургомистра и начальника районного управления. Например, в их задачи входила регистрация прибывших, учет местного населения, сбор налогов, обеспечение поставок для частей вермахта, предоставление рабочей силы, гужевого транспорта, квартир для воинских подразделений и т.п.[1].

Как правило, на должности начальников местного самоуправления всех уровней назначались люди, которые уже зарекомендовали себя «политически благонадежными» и активными пособниками оккупантов. Так, например, на пост ялтинского бургомистра был назначен В. Мальцев, бывший полковник советских ВВС, который в довоенный период подвергался репрессиям (более подробно о нем будет рассказано ниже). При назначении на должность эти лица должны были пройти проверку полиции безопасности и СД (в гражданской зоне) или тайной полевой полиции (в военной зоне). Однако и в дальнейшем все эти люди продолжали находиться под наблюдением тех или иных немецких органов. Что же касается комплектования исполнительного аппарата управлений (отделы), то немцы старались набрать в них сотрудников, которые были уже знакомы с работой таких органов. Поэтому нет ничего удивительного, что в

[1] *Рекотов П.В.* Указ. соч. — С. 95—96.

этих отделах осталось работать много бывших советских служащих, которые в целом ряде случаев продолжали сочувствовать прежней власти.

***

Крым — это прежде всего многонациональный регион. И отбросить этот факт при организации системы управления немцы не могли. В административной сфере это проявилось в создании так называемых национальных комитетов. Из немецких документов известно, что с зимы 1941 по 1942 годов на полуострове появились татарские, армянские, болгарские, украинские и другие комитеты. Интересно, что эти комитеты организовывались параллельно органам самоуправления, но не являлись параллельной им властью (хотя многие национальные лидеры и претендовали на это). В принципе они не являлись властью вообще, даже в том урезанном виде, какой имели районные, городские и сельские управления. Это были представительные органы, так как их основной задачей являлось отстаивание интересов данной национальной группы (или влияние на членов этой группы в нужном оккупантам направлении). Культурные, религиозные, экономические, но ни в коем случае не политические интересы. Еще одним их отличием от органов местного самоуправления, подчиненным военной администрации, было то, что вся их деятельность направлялась и контролировалась полицией безопасности и СД. Далее. Финансирование органов местного самоуправления происходило за счет собранных с населения налогов (т.е. из оккупационного бюджета). Национальные комитеты должны были содержаться в целом на средства собранные от деятельности подведомственных ему культурных учреждений (например, театров, музыкальных ансамблей и т.п.), а также за счет добровольных пожертвований. Какой-либо предпринимательской деятельностью членам комитета было запрещено заниматься. Наконец, о том, что национальные комитеты не должны были подменять местное самоуправление, свидетельствует также и тот факт, что руководителями последнего могли быть представители любой населявшей Крым национальной группы. Приведем только несколько фактов. Например,

12 декабря 1941 года было организовано Симферопольское городское управление, начальником которого было назначен М. Каневский — русский по национальности. 15 декабря — Феодосийское районное управление (начальник Н. Андржеевский — украинец) и Феодосийское городское управление (начальник В. Грузинов — русский, которого позднее сменил И. Харченко — белорус). Но эти назначения нисколько не говорят о том, что немцы при создании органов самоуправления отдавали предпочтение, допустим, русским, украинцам или белорусам. Так, вторым человеком в Симферопольском городском управлении — начальником его отдела вспомогательной полиции — стал болгарин Средов, а начальником отдела культуры там же работала крымская татарка Ф. Болатукова. Членом же национального комитета мог быть представитель только определенной национальности[1].

В целом ни одна из национальных групп на территории Крыма не смогла получить для своего комитета сколько-нибудь серьезный политический статус. У некоторых из них, например, симферопольского украинского комитета, даже не было возможности создать свои филиалы в других городах и районах полуострова — его деятельность так и ограничилась столицей Крыма. На наш взгляд, этому было несколько причин. Во-первых, несмотря на то что в войне с СССР немцы очень активно планировали разыграть национальную карту, их реальная политика в этом вопросе отличалась большой осторожностью. Не секрет, что, например, украинское национальное движение преследовалось ими до начала 1944 года наравне с коммунистическим подпольем. Поэтому естественно, что в таком стратегически важном регионе как Крым, они бы никогда не позволили ему развернуться в полную силу. Во-вторых, многим комитетам просто некого было представлять. Тот же украинский комитет из-за отсутствия ясной идеологической платформы вряд ли имел шансы быть понятым местным населением. Поэтому его членам только и оставалось, как привлекать «украинцев» продажей муки и других продуктов питания из специального

[1] Государственный архив Автономной Республики Крым (далее — ГААРК), ф. Р-1458, оп. 1, д. 2, л. 4, 28а; ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 10—11; Голос Крыма. — 1941. — № 1.

«украинского магазина». И, наконец, в-третьих, после коренного перелома на Восточном фронте все меньше и меньше населения хотело связывать свою судьбу с подобными организациями. И, начиная с весны 1943 года, это была общая тенденция для всех оккупированных территорий СССР[1].

Несколько более успешно действовали болгарский и армянский национальные комитеты: они имели свои филиалы почти во всех крупных городах Крыма, а их деятельность была более разносторонней, чем у «украинцев». Но, пожалуй, наиболее показательной в данном случае является история татарских национальных комитетов. В силу разного рода причин они смогли добиться от немцев больше, чем все остальные национальные комитеты, вместе взятые. Однако и вышеуказанные причины общего регресса отразились на этих организациях наиболее рельефно[2].

***

В январе 1944 года командующий войсками вермахта в Крыму генерал-полковник Э. Йенеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове «местного земельного правительства» *(Landesregierung)*. По замыслу немецкого генерала оно должно было состоять из представителей трех основных национальностей, населяющих Крым: татар, русских и украинцев (именно в таком порядке они перечислены в отчете Йенеке командованию группы армий «А»). Основой этого правительства должны были послужить органы местного самоуправления и соответствующие национальные комитеты. В его компетенцию, при общем надзоре со стороны немецкой военной администрации, планировалось передать:

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 103.

[2] Более подробно тема национальных комитетов и их деятельности в годы оккупации будет раскрыта в следующих разделах. Здесь мы ограничимся только общей характеристикой их роли в системе немецкой оккупационной администрации.

- руководство (только административное, но не политическое) органами гражданской власти, а также командование частями вспомогательной полиции,
- все вопросы, касающиеся религии и просвещения,
- благотворительность и судопроизводство.

На что в условиях полного окружения полуострова надеялись немцы, понять трудно. Скорее, это был очередной пропагандистский шаг, который следует воспринимать не более чем курьез. Тем не менее к марту 1944 года вся местная администрация была в основном переформирована согласно этому плану. Известно, что «местное земельное правительство» так и не приступило к работе — в апреле—мае 1944 года Крым был полностью освобожден частями Красной армии[1].

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

В ноябре 1941 года почти весь Крым был захвачен немецко-румынскими войсками, после чего на его территории началось создание органов оккупационной администрации. И хотя бои с регулярными частями Красной армии продолжались еще до июля следующего года, основной задачей новых властей стало умиротворение полуострова и устранение всех противников нового общественного порядка, наиболее активными из которых были крымские партизаны и подпольщики.

Немецкая оккупационная администрация на территории генерального округа «Таврия», частью которого являлся Крым, складывалась из трех основных ветвей: гражданской, военной иполицейской. Однако в силу разных причин наибольшее развитие получили только две последние. Их борьба с советским движением Сопротивления и есть основное содержание всего периода оккупации полуострова (ноябрь 1941/июль 1942 — апрель/май 1944 года).

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 108-110rs.

Вооруженной опорой созданного нацистами режима являлись *силы по поддержанию общественного порядка,* при помощи которых они пытались подавить партизанское и подпольное движение. Под этим общим названием подразумеваются силовые структуры, которые находились в подчинении каждой из указанных ветвей оккупационной администрации. Прежде всего это оккупационная группировка вермахта (армейские части и подразделения, в различное время оперировавшие на полуострове) и формирования, действовавшие под юрисдикцией полицейских властей.

Оккупационные части, находившиеся в подчинении командующего войсками вермахта в Крыму, состояли из следующих структур:

- собственно части и соединения вермахта;
- части и соединения союзников Германии — Румынии и Словакии, которые входили в состав или находились в оперативном подчинении немецких объединений и соединений;
- подразделения военной разведки — абвера;
- подразделения армейской службы порядка (полевая жандармерия и тайная полевая полиция).

***

Первые две категории представляли собой так называемые полевые войска, на плечах которых лежала основная ответственность по защите Крымского полуострова и обеспечении на нем общественного порядка. Части и соединения вермахта и его союзников несли гарнизонную службу, обеспечивали охрану побережья, а также участвовали в операциях против партизан. С декабря 1941 по май 1944 года их группировка и ее динамика выглядела следующим образом (если национальная принадлежность соединения не указана, это значит, что оно немецкое)[1]:

---

[1] Таблица состояния и динамики оккупационной группировки немецко-румынско-словацких войск составлена по следующим источникам: *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне,

Период	Армия	Корпус	Дивизии и бригады
Декабрь 1941 — август 1942 г.	11-я полевая армия	30-й армейский корпус	5-я румынская кавалерийская и 1-я румынская горная бригады, 72-я пехотная дивизия
		42-й армейский корпус	46, 73 и 170-я пехотные дивизии
		54-й армейский корпус	50, 24, 132 и 22-я пехотные дивизии
		Румынский горный корпус	4-я румынская горная и 8-я румынская кавалерийская бригады
		6-й румынский армейский корпус (только с февраля по март 1942 г.)	8-я румынская кавалерийская бригада и 18-я румынская пехотная дивизия
		7-й румынский армейский корпус (с мая 1942 г.)	8-я румынская кавалерийская и 19-я румынская пехотная дивизии
		Корпус специального назначения (с февраля 1942 г.)	72-я пехотная и 10-я румынская пехотная дивизии
Август 1942 — апрель 1943 г.	-	42-й армейский корпус (с июля по август 1942 г. — группа «Маттенклотт»)	5-я полевая дивизия люфтваффе (немецкие ВВС), Румынский горный корпус (см. выше), 153 и 381-я учебно-полевые дивизии, некоторые части 13-й танковой дивизии, 355-я пехотная дивизия, 1-я словацкая моторизованная дивизия
Апрель 1943 — октябрь 1943 г.	-	-	153-я учебно-полевая и 355-я пехотная дивизии

1941-1945. — М., 1987. — С. 318-323; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. — С. 781, 784, 788; Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg... — Bd. 8. — S. 460, 465-469; Tessin G. Op. cit. — Bd. 3. — S. 191-193; Bd. 4. — S. 50-54, 282; Bd. 5. — S. 101, 155, 191.

Период	Армия	Корпус	Дивизии и бригады
Октябрь 1943 — май 1944 г.	17-я полевая армия	49-й горный корпус (с января по апрель 1944 г. — группа «Конрад»)	50 и 336-я пехотные дивизии, 2-я румынская горная и 10-я румынская пехотная дивизии
		5-й армейский корпус	98 и 73-я пехотные дивизии, 111, 19-я румынские пехотные, 9, 6-я румынские кавалерийские и 3-я румынская горная дивизии
		Корпус специального назначения	1-й румынский горный и кавалерийский корпуса

***

Еще одной структурой вермахта была военная разведка — абвер *(Abwehr)*, которая на территории Крымского полуострова была представлена следующими подразделениями.

Весной 1941 года, почти перед самым нападением на СССР, каждой немецкой группе армий были приданы абверкоманды *(Abwehrkommando)*, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы *(Abwehrgruppe)*. Согласно своим функциональным обязанностям, каждая из абверкоманд (и абвергрупп) должна была заниматься разведывательной, диверсионной или контрразведывательной деятельностью. Поэтому в своей номенклатуре они имели, соответственно, цифру «1», «2» или «3», которые обозначали номер отдела в Главном управлении разведки и контрразведки (абвера). Именно эти подразделения и подчиненные им спецшколы являлись основными органами разведки и контрразведки на всем протяжении Восточного фронта. Из них на территории Крыма с 1941 по 1944 год действовали следующие:

- в распоряжении штаба групп армий «Юг» и «А» — 101, 201 и 301-я абверкоманды, а также абверкоманда IWi/153 и зондеркоманда принца Ройса, которые занимались экономической разведкой;

- в распоряжении штаба 11-й полевой армии — 201-я и 301-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 17-й полевой армии — 106, 202, 302 и 320-я абвергруппы[1].

Абвергруппы и абверкоманды представляли собой оперативные части, которые были приданы полевым частям, и действовали на территории Крыма только в определенный период. После же оккупации полуострова, здесь были созданы стационарные организации военной разведки, имевшие в 1941—1944 годах следующую структуру:

главной организацией, отвечавшей за проведение разведывательных, диверсионных и контрразведывательных операций в генеральном округе «Таврия», была местная резидентура «Украина-Юг» *(Abwehrnebenstelle Ukraina-Süd)*, которая располагалась в Николаеве и подчинялась главной резидентуре «Украина» *(Abwehrstelle Ukraina)* (штаб-квартира в Ровно). Как не трудно догадаться, обе эти организации занимались своей деятельностью в сфере юрисдикции гражданской оккупационной администрации.

Поскольку Крым так и не вошел в эту сферу, а оставался в ведении военных властей, при штабе командующего войсками вермахта на полуострове была создана своя главная резидентура — «Крым» (Krim), которая действовала в Симферополе с июля 1942 по ноябрь 1943 года[2].

---

[1] *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. — СПб., 2003. — Кн. 1. — С. 56-153, 167, 171. В конце 1941 г. была создана еще одна абверкоманда, которая, однако, была передана в распоряжение штаба начальника Морского командования «Юг» адмирала Карла-Георга Шустера, отвечавшего за операции на Черном море. Но, несмотря на это, ее функции оставались стандартными — разведка и контрразведка.

[2] *Чуев С.Г.* Указ. соч. — С. 45-52. Параллельно с этой главной резидентурой «Крым» в Симферополе существовала еще одна подобная организация, к тому же под таким же названием. Она была

Как и его оперативные части, стационарные организации абвера имели такие же функции, но с учетом того, что они действовали в глубоком тылу немецких войск. В целом эти функции заключались в следующем: организация борьбы с разведкой Красной армии, советскими парашютистами, радистами и подпольщиками, разведывательное и контрразведывательное обеспечение антипартизанских операций. Для работы на определенной территории в структуре каждой местной (а иногда и главной) резидентуры были предусмотрены специальные внешние резидентуры *(Aussenstelle)*. У главной резидентуры «Крым» они, например, располагались в следующих населенных пунктах: Симферополь, Геническ, Юшунь, Сейтлер и Биюк-Онлар[1].

***

Особую роль в системе силовых структур на оккупированных советских территориях выполняли все формы армейской службы порядка. В Крыму они были представлены следующими подразделениями.

Полевая жандармерия (*Feldgendarmerie)* осуществляла функции полиции порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. Обычно в ее задачи входило:

- борьба с партизанами в районе дислокации;
- регулировка движения войск на марше;
- установка контрольно-пропускных пунктов, проверка документов, конвоирование военнопленных;
- охрана портов и аэродромов;
- приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов.

выделена из местной резидентуры «Украин-Юг», но подчинялась не армейскому командованию, а штабу адмирала Шустера, речь о котором шла выше.

[1] *Чуев С.Г.* Указ. соч. — С. 52.

Кроме того, двигаясь непосредственно за регулярными войсками, полевая жандармерия руководила созданием на захваченных территориях местных органов власти, проводила поиск дезертиров, собирала беженцев и военнопленных, охраняла трофеи от разграбления и контролировала сдачу местным населением оружия[1].

При группах армий и армиях состояли батальоны *(Abteilung)* жандармерии, находившиеся в подчинении соответствующего начальника тыла, а при штабах корпусов и дивизий — отряды (Truppe). Каждый батальон состоял организационно из трех рот. Рота делилась на три взвода, в каждом из которых было 4 офицера, 90 унтер-офицеров и 22 рядовых. Все подразделения полевой жандармерии были полностью моторизованы. Старший по званию офицер всей жандармерии находился в подчинении генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск[2].

На территории Крыма полевая жандармерия действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах. В областных центрах функционировали жандармские управления, в районных центрах — жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. Так, в течение 1941—1944 годов на Крымском полуострове оперировали следующие батальоны полевой жандармерии:

- 694-й батальон — в распоряжении штаба группы армий «Южная Украина»;
- 683-й батальон — в распоряжении штаба 11-й полевой армии;
- 593-й батальон — в распоряжении штаба 17-й полевой армии[3].

Будучи составной частью вермахта, тайная полевая полиция *(Geheime Feldpolizei)* осуществляла военно-полицейские функ-

---

[1] *Уильямсон Г.* Немецкая военная полиция, 1939-1945. — М., 2005. — С. 7-9.

[2] *Там же.* — С. 8-10.

[3] *Munoz A.J., Romanko O.V.* Op. cit. — P. 131.

ции, являясь, по сути, армейским аналогом гестапо. В ее задачи входило:

- организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов и личная охрана высшего командного состава;
- наблюдение за военной корреспонденцией, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения;
- содействие в охране почтовых сообщений;
- розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих армий противника;
- проведение дознания и надзор за подозрительными лицами в зоне военных действий[1].

Подразделения тайной полевой полиции были представлены группами *(Gruppe)* при штабах групп армий, армий и полевых комендатурах, и комиссариатами (Kommissariate) — при штабах корпусов, дивизий и некоторых местных комендатурах. Группы и комиссариаты подчинялись шефу тайной полевой полиции соответствующей группы армий и офицеру армейской разведки (согласно штабной номенклатуре, эта должность называлась 1c) соответствующих штабов или комендатур. Каждая группа имела в своем составе от 2 до 5 комиссариатов, которые, в свою очередь, делились на внешние команды (Aussenkommando). Численность групп была разной. Если в 1939—1940 годах она состояла из 50 человек (руководитель, 32 сотрудника среднего звена и 17 человек вспомогательного персонала — шоферы, стенографисты, охрана), то во время войны против СССР их численность увеличилась до 95 человек (руководитель, 54 сотрудника среднего звена и 40 сотрудников вспомогательного персонала). Кроме того, при подразделениях этой полиции были группы штатных агентов и небольшие воинские формирования для карательных операций против партизан, проведения облав, охраны и конвоирования

[1] BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht — Amt Ausland / Abwehr, RW 5/283, bl. 1-3.

арестованных. Все группы были полностью моторизованы. Главным руководящим органом для всех частей тайной полевой полиции была специальная группа отдела военной администрации генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск. До самого конца войны ее возглавлял СС-оберфюрер и полковник полиции В. Кирхбаум[1].

С 1941 по 1944 год на территории Крыма действовали следующие группы тайной полевой полиции:

- 647-я группа — в распоряжении штаба 11-й полевой армии;
- 312-я группа — в распоряжении штаба 17-й полевой армии;
- 711-я и 720-я группы — в распоряжении штаба командующего войсками вермахта в Крыму[2].

***

Полицейская оккупационная администрация также имела свои вооруженные формирования, которые в Крыму были представлены частями и подразделениями полиции порядка и полиции безопасности.

Местные отделения начальника полиции порядка были созданы в Крыму несколько позже, чем на остальной территории генерального округа «Таврия» — только в августе 1942 года. До этого ее функции выполняли соответствующие подразделения полевой жандармерии 11-й армии. Всего местных отделений насчитывалось восемь, и располагались они в следующих населенных пунктах: Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Алушта, Карасубазар, Зуя, Евпатория и Феодосия. Основными частями полиции порядка, которые осуществляли его охрану, соответственно, в городах и сельской местности, были охранная полиция и жандармерия. На 25 ноября 1942 года на территории Крыма имелось следующее количество немецких полицейских, разбросанных по всем местным

---

[1] BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht — Amt Ausland / Abwehr, RW 5/283, bl. 7.

[2] *Munoz A.J., Romanko O.V.* Op. cit. — P. 160.

отделениям: 348 человек — в охранной полиции и 421 человек — в жандармерии[1].

В распоряжении немецкой полиции находилась «русская вспомогательная полиция», которая формально подчинялась органам местного самоуправления. Например, на территории Севастополя ее структура выглядела следующим образом. Высшим органом являлось Главное управление вспомогательной полиции, руководителем которого являлся главный полицмейстер. С июля 1942 года на этой должности находился Б.В. Корчминов-Некрасов. Для осуществления полицейских мероприятий на местах было создано три районных отделения: Центральное, Корабельное и Северное. Кроме этого, в распоряжении главного полицмейстера находилась пожарная команда и паспортные столы. Личный состав «русской вспомогательной полиции» Севастополя первоначально насчитывал 120 человек. К 1944 году его численность возросла до 400 полицейских[2].

При Главном управлении вспомогательной полиции была создана так называемая «следственно-розыскная часть», или криминальная полиция. В декабре 1942 года ее вывели из подчинения полиции порядка, переименовали во «вспомогательную полицию безопасности» и передали в ведение СД. В подчинении начальника «русской полиции безопасности» находилось два отдела — политический и криминальный[3].

В целом структура «вспомогательной полиции» других городов и районов Крыма была аналогичной и повторяла структуру севастопольской полиции.

13 марта 1941 года состоялось совещание между начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) СС-группенфюрером Рейнхардом Гейдрихом и генерал-квартирмейстером Генштаба сухо-

---

[1] Waffen-SS und Ordnungspolizei... — S. 593.

[2] *Шутикова Е.С., Шпакова И.Е.* Адресные листки немецкой ортскомендатуры — как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе // VII Таврические научные чтения: Сб. научных статей. — Симферополь, 2007. — Т. 2. — С. 169.

[3] *Там же.* — С. 169-170.

путных войск генерал-майором Э. Вагнером. Результатом их переговоров стало создание так называемых оперативных групп *(Einsatzgruppe)* Службы безопасности (СД), которые должны были действовать в тыловых районах групп армий и выполнять следующие функции:

- обеспечивать сохранность документов, архивов, картотек подозрительных лиц, организаций и групп;
- задерживать лидеров эмиграции, саботажников, террористов;
- обнаруживать и уничтожать враждебные элементы (обычно под это определение подпадали евреи, коммунисты, цыгане и др.) и предотвращать враждебную деятельность со стороны местного населения;
- информировать армейское командование о политическом положении на оккупированной территории[1].

Всего было создано четыре оперативные группы: «А», «Б», «Ц» и «Д», каждая из которых была придана соответствующей группе армий. В тыловом районе группы армий «Юг» действовала оперативная группа «Д» (Einsatzgruppe D), штаб которой располагался сначала в Кишеневе, а с ноября 1941 по август 1942 года — в Симферополе. Основной зоной деятельности этой группы за весь период ее существования были Молдавия, юг России, Крым и Северный Кавказ. Ее первым начальником стал СС-штандартенфюрер О. Олендорф, который находился на этой должности с июня 1941 по июль 1942 года[2].

Обычно состав оперативной группы насчитывал от 550 до 1200 человек, в число которых входили: сотрудники СД, гестапо, криминальной полиции, полиции порядка, военнослужащие войск СС и вспомогательный персонал (радисты, мотоциклисты и т.п.). С августа 1941 года в такие группы стали также принимать и местных добровольцев (в качестве переводчиков и исполнителей «грязной работы») [3].

---

[1] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgrupen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938-1942. — Frankfurt-am-Main, 1985. — S. 99-100, 135.

[2] *Залесский К.А.* РСХА. — М., 2004. — С. 262.

[3] *Krausnick H.* Op. cit. — S. 121-128.

Организационно-оперативные группы состояли из нескольких подразделений. Например, оперативная группа «Д» включала в себя:

- специальную команду 10-а (Sonderkommando 10a)
- специальную команду 10-б (Sonderkommando 10b)
- специальную команду 11-а (Sonderkommando 11a)
- специальную команду 11-б (Sonderkommando 12b)
- оперативную команду 12 (Einsatzkommando 12)
- специальную команду «Астрахань» (*Sonderkommando Astrachan)*, создана в октябре, а расформирована уже в декабре 1942 года. Оперировала на территории Калмыкии в зоне ответственности группы армий «А»[1].

Каждое из указанных подразделений действовали вполне самостоятельно и с ноября 1941 по август 1942 года располагались в следующих населенных пунктах Крыма:

Специальная команда	Начальник	Оперативное подчинение	Оперативный район
специальная команда 10-а	СС-штандартенфюрер Х. Зеетцен (1 июня 1941—1 августа 1942)	Штаб 30-го армейского корпуса 11-й полевой армии	Судак
специальная команда 10-б	СС-оберштурмбанн-фюрер А. Перштерер (12 июня 1941—13 февраля 1943)	Штаб 11-й полевой армии	Феодосия, Керчь, Судак, Джанкой
специальная команда 11-а	СС-оберштурмбанн-фюрер П. Цапп (1 июня 1941—5 июля 1942)	Штаб 54-го армейского корпуса 11-й полевой армии	Коккозы, Ялта, Бахчисарай, Симеиз
специальная команда 11-б	СС-штурмбаннфюрер Х. Унглаубе (1 июня — 21 июля 1941), СС-обер-штурмбаннфюрер Б. Мюллер (21 июля — 23 октября 1941), СС-штурмбаннфюрер В. Браунс (23 октября 1941—16 сентября 1942)	Штаб группы армий «Юг»	Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Зуя

[1] *Залесский К.А.* РСХА... — С. 262-264.

Одной из первых акций оккупантов после занятия Крыма стали регистрация и уничтожение «враждебных» (коммунисты) и «расово-неполноценных» (евреи, крымчаки, цыгане) элементов. Эти функции были возложены на оперативную группу «Д». Ее подразделения действовали в Симферополе и крупных населенных пунктах полуострова, уничтожив к началу 1942 года более 20 тыс. мирных жителей.

Постоянным местом казней в Симферополе гитлеровцы избрали противотанковый ров в Курцовской балке, в двух километрах от города, балку у села Дубки и так называемый «картофельный городок». Сюда пригоняли на расстрелы мирное население.

Совхоз «Красный» был превращен в лагерь смерти, в котором находились тысячи заключенных — советских военнопленных и жителей Крыма. Ежедневно здесь совершались расстрелы, которые за годы оккупации забрали жизни более чем 8 тыс. человек.

В других городах и селах нацисты также устраивали жесткие расправы. Так, местами массовых расстрелов мирных жителей стали Красная горка в Евпатории, Аджимушкайские каменоломни и Багеровский ров в Керчи.

Всего же за время своего пребывания в Крыму гитлеровцы расстреляли 72 тыс. человек, а более 18 тыс. крымчан замучили в тюрьмах и лагерях. Кроме того, на территории Крыма оккупанты уничтожили 45 тыс. советских военнослужащих, которые оказались в плену.

Оперативная группа «Д» была расформирована 15 июля 1943 года[1].

Как уже говорилось выше, помимо своих основных функций эта группа также занималась созданием местных органов полиции безопасности и СД. Более того, поскольку боевые действия на полуострове закончились намного позднее, чем был создан аппарат фюрера СС и полиции «Таврия», оперативная группа «Д» и являлась здесь, по сути, этой ветвью полицейской администрации почти до августа 1942 года. А ее начальник Олендорф

[1] *Munoz A.J., Romanko O.V.* Op. cit. — P. 130-131.

исполнял обязанности местного руководителя полиции безопасности и СД. В отдельных населенных пунктах Крыма эти функции выполняли указанные специальные команды и их руководители[1].

***

Полевые войска, разведка и полиция имели в целом постоянный характер. Однако для поддержания порядка оккупанты могли создавать и временные структуры, которые прекращали существование после выполнения своей задачи. К таким из них относится так называемый Штаб по борьбе с партизанами, который, несмотря на свой временный характер, просуществовал до конца оккупации.

История его создания вкратце такова. Поздней осенью 1941 года советские партизаны, по словам генерал-фельдмаршала фон Манштейна, стали вполне реальной угрозой. Чтобы справиться с ними, командующий 11-й армии предпринял целый ряд мер: от создания стационарных постов до системы конвоев, которые сопровождали транспортные колонны на горных дорогах[2].

Первоначально руководство борьбой с партизанами было возложено на начальника разведки штаба 11-й армии. Но уже через три недели после оккупации Крыма выяснилось, что этих усилий недостаточно. Поэтому уже 29 ноября 1941 года фон Манштейн отдал приказ «Об организации и методах борьбы с партизанами». Согласно этому приказу, был создан специальный оперативный орган — Штаб по борьбе с партизанами (оригинальное немецкое название «Штаб по борьбе с бандитизмом» — *«Stab für Bandenbekämpfung»*). Цель этой структуры: обеспечение *«единообразия методов получения сведений о действиях партизан (на территории Крыма) и*

---

[1] *Романько О.В.* Органы управления на оккупированной территории Крыма (1941-1944) // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. — К., 2006. — Вип. 10. — Ч. 1. — С. 466.

[2] *Диксон Ч., Гейлбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. — М., 1957. — С. 81.

содействие частям и соединениям вермахта в выполнении возложенных на них задач». То есть штаб должен был являться планирующим и координирующим органом для борьбы с партизанским движением. Начальником штаба был назначен майор К. Штефанус, служивший до этого в оперативном отделе штаба 11-й армии. Помимо Штефануса в составе этого органа имелось еще два сотрудника: заместитель начальника штаба и офицер-связист, который отвечал за все телефонные переговоры и переписку. Располагался штаб в Симферополе[1].

Как свидетельствуют документы, Штефанус получил очень широкие полномочия, а также значительное количество войск для решения поставленных перед штабом задач. Например, в докладе фон Манштейна командующему группой армий «Юг» (от 5 декабря 1941 года) указаны такие подразделения и части, выделенные для борьбы с партизанами:

«В настоящее время действуют:

а) Штаб по борьбе с бандитизмом (майор Штефанус). Задача: получение разведывательных данных и предложений по дальнейшим действиям;

б) румынский горный корпус с 6-й кавалерийской бригадой (без мотокавполка) и 4-я горная бригада;

в) противотанковые дивизионы: 24, 52 и 240-й;

г) в полосе 30-го армейского корпуса: румынский кавалерийский полк и части 1-й горной бригады;

д) в районе Керчи: саперный батальон и части пехотных полков 46-й дивизии;

ж) заставы и команды прикрытия на дорогах и в горах»[2].

---

[1] *Kunz N.* Die Krim unter deutscher Herrschaft (1941-1944). Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität. — Darmstadt, 2005. — S. 118.

[2] Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941-1942 гг. // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2000. — Вып. 1. — С. 288.

До сентября 1942 года Штефанус подчинялся начальнику штаба 11-й армии (формально, в действительности же — непосредственно фон Манштейну). А после создания на территории Крыма нормальной полицейской администрации эта структура была переподчинена фюреру СС и полиции «Таврия»[1].

***

Немецкий оккупационный режим на территории СССР вообще и Крыма, в частности, имел много особенностей. Одной из них было то, что значительную роль в его военном обеспечении играли коллаборационистские или добровольческие формирования, созданные различными ветвями германских вооруженных сил и формами оккупационной администрации.

В целом их можно условно классифицировать по следующим показателям:

- были ли они сформированы на территории Крыма, прибыли сюда в качестве усиления местного военно-полицейского аппарата или отступили вместе с немецкими войсками;
- национальный признак;
- под юрисдикцией какой формы оккупационной администрации они действовали и, соответственно, какой власти подчинялись.

Процесс создания и использования коллаборационистских частей на территории Крыма был в целом похож и имел в своей основе те же политические и военные причины, которые сыграли роль в создании подобных формирований в других оккупированных регионах СССР. Однако он имел и свои отличительные черты, зависевшие от особенностей оккупационного режима в Крыму и его положения как многонационального региона. Эти особенности позволяют нам выделить здесь два этапа в процессе создания и использования добровольческих формирований. На первом из них (октябрь/ноябрь 1941 — октябрь/декабрь 1943) главной за-

[1] Kunz N. Op. cit. — S. 118.

дачей немецких оккупационных властей было умиротворение полуострова. Этой задаче должны были быть подчинены все проводимые здесь мероприятия, включая и попытки по привлечению к сотрудничеству местного населения. Поэтому процесс создания и использования добровольческих формирований приобрел в Крыму в первую очередь форму организации «местных полицейских вспомогательных сил» для поддержания общественного порядка. Главной отличительной чертой добровольческих формирований этого этапа было то, что практически все они создавались из представителей местного населения.

После ликвидации Кубанского плацдарма одной из главных задач для немецкого военно-политического руководства на южном участке Восточного фронта стала оборона Крыма. Ее должна была осуществлять эвакуированная сюда в октябре — декабре 1943 года 17-я полевая армия. Эвакуация этой армии на полуостров — начало второго этапа в создании и использовании добровольческих формирований на его территории (октябрь/декабрь 1943 — май 1944). Главной характеристикой этого этапа является то, что в Крым вместе с 17-й армией прибыло большое количество добровольческих формирований, личный состав которых был укомплектован не местными жителями (всего же в этой армии проходило службу 28 436 «восточных» добровольцев, или 16 % от ее общей численности).

Особенности немецкой оккупационной политики в Крыму, а также общая ситуация на Восточном фронте привели к тому, что на территории полуострова было сформировано или побывало большое количество добровольческих частей, укомплектованных представителями разных национальностей. В связи с этим можно выделить следующие их основные категории, оставившие заметный след в истории оккупированного Крыма: национальный признак является наиболее существенным и охватывает оба последующих показателя. Согласно ему, можно выделить следующие части и соединения коллаборационистских формирований, которые в период оккупации дислоцировались в Крыму:

Национальный признак формирования	Части и подразделения указанного типа
так называемые Восточные части (Ostverbände) [1], фактически русские формирования, но без выраженного национального характера	это 162-я и 181-я охранные роты, охранная рота специального назначения, 16-й взвод вспомогательных охранных частей, 1/708, 1/796, 1/805, 1/933-я роты вспомогательных охранных частей, 3/602-я и 4/617-я хозяйственные роты, 59-я ручная хозяйственная колонна, а также целый ряд других более мелких хозяйственных, строительных и вспомогательных частей
казачьи формирования	это 1/933-й казачий кавалерийский эскадрон
украинские формирования	это 64, 96 и 131-й строительные батальоны, 562-я и 566-я моторизованные хозяйственные роты, 9-я и 101-я строительные роты
части и подразделения так называемых Восточных легионов (Ostlegionen)	это полк специального назначения «Бергманн» (три батальона), 804, 806, 806, I/73-й азербайджанские, 796, I/9, II/4, II/9-й грузинские, 245, 811, I/370-й туркестанские, 809-й армянский и 801-й северокавказский пехотные батальоны, а также целый ряд других более мелких хозяйственных, строительных и вспомогательных частей
крымско-татарские формирования	это 1—14-я роты самообороны и 147—154-й батальоны так называемой вспомогательной полиции порядка (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei / «Schuma")

Кроме того:

- в армейских частях, расквартированных на территории полуострова, несли службу многочисленные «добровольные помощники» («хиви»). Они делали это как в индивидуальном порядке, так и небольшими частями (например, летом 1942 года в 11-й армии их было 47 тыс. человек);
- части абвера, тайной полевой полиции и полевой жандармерии также привлекали в свои ряды местное население;

- и наконец, местные добровольцы служили в частях охранной полиции и жандармерии — или небольшими подразделениями, или в индивидуальном порядке (так, на 25 ноября 1942 года их численность в генеральном округе «Таврия», соответственно, составляла 676 и 6468 человек) [1].
- Коллаборационистские формирования несли охрану общественного порядка по всей территории Крыма, находясь в распоряжении всех ветвей оккупационной администрации. В целом это выглядело так (хотя были и исключения):
- в подчинении командующего войсками вермахта в Крыму действовали в основном все «восточные» формирования, казачьи части, подразделения Восточных легионов, «хиви», добровольцы в частях абвера, тайной полевой полиции и полевой жандармерии;
- все крымско-татарские роты самообороны находились в подчинении начальника оперативной группы СД О. Олендорфа и были распределены между местными отделениями полиции безопасности генерального округа «Таврия»;
- крымско-татарские батальоны «Schuma», а также другие части охранной полиции и жандармерии находились в подчинении начальника полиции порядка генерального округа «Таврия» и были распределены между ее местными отделениями[2].

---

[1] Анализ системы коллаборационистских формирований на территории Крыма проведен по следующим источникам: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... — С. 453-454, 471, 496-498; *Романько О.В.* Крым, 1941-1944 гг.: Оккупация и коллаборационизм: Сборник статей и материалов. — Симферополь, 2005. — С. 69-145.

[2] Что касается численности коллаборационистских формирований, то она за весь период оккупации была следующей: в различных русских и казачьих частях — около 5 тыс. человек, в украинских формированиях — около 3 тыс. человек, в частях Восточных легионов — около 7 тыс. человек и в крымско-татарских

Привлечение местного населения для вооруженной поддержки оккупационного режима являлось важной формой коллаборационизма. Существенная роль в этом процессе отводилась органам местного самоуправления и национальным комитетам. При их активном участии нацистам удалось сформировать вспомогательную полицию, самооборону, подразделения так называемых «добровольных помощников германской армии», а также множество других частей общей численностью до 50 тыс. человек.

***

Проанализировав систему обеспечения общественного порядка и ее силовые структуры на территории Крыма, можно сказать, что за весь период оккупации их численность не была одинаковой. Так, если в период боев за Крым в ноябре 1941 — июле 1942 года она была довольно значительной (более 200 тыс. человек), то в относительно спокойные август 1942 — октябрь 1943 года уменьшилась почти на половину (90—100 тыс. человек). Существенный рост оккупационной группировки наблюдается только с ноября 1943 года, когда в Крым с Кубани была эвакуирована 17-я полевая армия. И далее, до самого освобождения полуострова Красной армией ее численность оставалась довольно большой (до 200 тыс. человек). В целом общее представление о динамике количества личного состава немецкой оккупационной группировки и ее силовых структур дает следующая таблица[1]:

формированиях — от 15 до 20 тыс. человек (см. *Романько О.В.* Крым, 1941-1944 гг... — С. 6).

[1] Таблица динамики численности немецкой оккупационной группировки составлена по следующим источникам: BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20—17/257, bl. 9, 10—10rs.; *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Освобождение Крыма (ноябрь 1943 — май 1944). Документы свидетельствуют. — М., 1994. — С. 6, 10, 15, 20, 82.

Период	Немцы	Союзники немцев (румыны и словаки)	Коллаборационистские формирования	Всего
Август 1942 — апрель 1943 г.	43 600	6860	10 000	60 460
Апрель — август 1943 г.	61 900	56 126	5490	123 516
Август — сентябрь 1943 г.	48 340	49 549	3512	101 401
Октябрь — ноябрь 1943 г.	177 335	50 139	28 436	255 910
Февраль — март 1944 г.	111 755	77 832	35 379	224 966
Апрель — май 1944 г.	121 900	63 500	13 000	198 400

8 апреля 1944 года Красная армия начала освобождение Крымского полуострова. А уже 12 мая советские части закончили разгром последней группировки немецко-румынских войск в районе мыса Херсонес. Всего было пленено более 24 тыс. солдат и офицеров противника. Еще около 130 тыс. немецких и румынских военнослужащих были эвакуированы в ходе боев за полуостров, а все остальные нашли свой конец в крымской земле[1]. Таков итог деятельности немецкой оккупационной группировки на территории Крыма.

КРЫМСКИЙ ФРОНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНЫ ПРОПАГАНДЫ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пропаганда всегда играла исключительно важную роль в подготовке и ведении любого военного конфликта. Доказать всему миру или своему народу, что именно ты являешься жертвой

[1] *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Указ. соч. — С. 117, 139.

агрессии — цель пропагандистских мероприятий каждого воюющего государства. В той или иной степени пропаганда использовалась на всем протяжении мировой истории, достигнув своего пика в период Второй мировой войны.

Следует сказать, что к мероприятиям пропагандистского характера прибегали все государства, втянутые в эту войну, однако наибольший размах они приняли во внутренней и внешней политике нацистской Германии[1]. Еще до прихода к власти, в августе 1932 года, Гитлер сказал: *«Как в окопной войне артподготовка проводилась перед фронтальной атакой... так в будущем, перед тем как задействовать армию, мы будем вести психологическое ослабление врага посредством революционной пропаганды. Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности и только потом можно думать о военных действиях»*[2].

Такой была определена цель пропаганды для действий в Западной и Центральной Европе. Перед войной с СССР она была дополнена рядом функций, касающихся прежде всего целей будущей немецкой оккупационной политики на «восточных территориях».

«В войне против СССР, — писал немецкий историк Н. Мюллер, — *Германия ставила две основные цели: политическую и экономическую. Политическая цель состояла в стремлении покончить с большевизмом... уничтожить СССР как государство и лишить его народы какой бы то ни было формы государственной организации. Экономическая цель состояла в превращении захваченных советских территорий в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию фашистской империи»*[3].

---

[1] *Зульцман Р.* Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. — СПб.-М., 1999. — С. 516-545.

[2] *Раушнинг Г.* Указ. соч. — С. 25.

[3] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941-1944). — М., 1974. — С. 11.

Естественно, что этим целям была подчинена и немецкая пропаганда на оккупированных советских территориях.

Несмотря на то что ее цели оставались практически неизменными на протяжении всего периода войны, немецкая оккупационная политика, а вместе с ней и пропаганда, зависела прежде всего от следующих основных моментов:

1. Национального состава населения оккупированного региона;
2. Того, какие немецкие органы власти осуществляли управление на данной территории (имеется в виду военная или гражданская администрация);
3. Изменений на Восточном и других фронтах.

Таким образом, чтобы лучше понять суть немецкой пропаганды, структуру ее органов и их деятельность, необходимо взять для рассмотрения такой оккупированный регион, где имели бы место все вышеупомянутые факторы. Таким регионом, на наш взгляд, является Крым, так как:

- во-первых, на такой относительно небольшой территории проживало более сотни различных народов, что усложняло проведение национальной политики;
- во-вторых, как известно, гражданский оккупационный режим на территории Крыма был таким только юридически, в реальности же вся полнота власти принадлежала командующему местными частями вермахта;
- в-третьих, с 1941 по 1944 год Крым являлся либо зоной боевых действий, либо прифронтовым районом, что очень влияло на политику оккупационных властей.

Все это заставляло местные органы пропаганды проявлять необычайную гибкость и ловкость, чтобы порой доказать недоказуемое и оправдать неоправданное.

***

Как же была организована пропаганда на оккупированных советских территориях? Первоначально решение этого вопроса было возложено на ОКВ. Его руководство, через Отдел армейской

пропаганды, возглавляемый генерал-майором П. фон Веделем, создало при штабах каждой из групп армий специальные батальоны или отделы пропаганды *(Abtailung),* а при штабах полевых и воздушных армий и танковых групп — роты пропаганды *(Propaganda Kompanie — PK)* [1].

При командующих группами армий имелись специальные офицеры пропагандистского штаба, которые направляли и контролировали деятельность батальонов и рот пропаганды. Батальоны пропаганды имели подразделения печатников и мобильные типографии, оборудованные в машинах или железнодорожных вагонах, команды по распространению листовок с помощью аэростатов и артиллерийских средств. Аналогичной структура подразделений пропаганды была в ВВС и ВМС. Батальоны пропаганды распределялись по отдельным регионам СССР (K — «Кавказ», B — «Балтика», W — «Белоруссия», U — «Украина», D — «Дон»). В их составе были отряды *(Staffel),* которые направлялись в крупные населенные пункты. В задачи этих отрядов входило: выпуск печатных изданий для населения, использование стационарных советских радиостанций и многочисленных передвижных радиопередающих станций, предназначенных специально для вещания на войска[2].

После передачи оккупированных территорий под управление гражданской администрации все функции пропаганды должны были перейти от армии к Министерству оккупированных восточных областей А. Розенберга. В свою очередь органы пропаганды последнего, также как и органы армейской пропаганды, должны были согласовывать свою деятельность с Министерством народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса, осуществлявшего это сотрудничество через специальный отдел «Восток» (руководитель — д-р Э. Тауберт).

---

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. — М., 1993. — С. 103, 104.

[2] *Ибрагимбейли Х.М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. — М., 1977. — С. 280-281.

Каким же образом первоначально осуществлялась пропаганда на оккупированных советских территориях?

Ее руководителем и творцом с полной уверенностью можно назвать Розенберга, у которого «в отношении к русскому народу... оспаривают первенство, с одной стороны, зоологическая ненависть к нему и, с другой, полное и самовлюбленное ничегонезнание»[1].

Методы пропаганды и вовсе не отличались разнообразием. Один из очевидцев — русский эмигрант А. Казанцев — вспоминал, что в занятых областях *«издаются брошюры, газеты, журналы и среди них нет ни одного русского органа. Какие-то безграмотные зондерфюреры на безграмотном русском языке из кожи лезут, чтобы доказать превосходство немецкого народа-господина над остальными народами мира и уж прежде всего конечно, над русским народом, который должен быть благодарен за то, что фюрер берется решать его судьбу»*[2].

***

Как же обстояли дела с организацией пропаганды в Крыму?

Несмотря на то что Крым уже к ноябрю 1941 года был занят немецкими войсками, а на его территории формально был организован генеральный округ «Крым», систематической пропагандой здесь не занимались ни военные, ни гражданские власти. Она носила спорадический характер, связанный прежде всего с требованиями данного момента. К тому же начавшееся в декабре 1941 — январе 1942 года советское наступление поставило перед немецким командованием другие задачи. К вопросам организации пропаганды оно смогло вернуться только к концу лета 1942 года, и вызвано это было следующими двумя причинами: окончательной очисткой Крыма от советских войск и тем, что Крым предпо-

---

[1] *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. — М., 1994. — С. 174.

[2] *Там же.* — С. 176-177.

лагалось использовать в качестве плацдарма для наступления на Кавказ. Для этого же надо было обеспечить лояльность проживающего здесь населения.

«Я постепенно убеждался, — писал один из немецких офицеров, — что усилия наших солдат будут напрасными, пока не будет найдено правильное решение политических, экономических и человеческих проблем для зоны с населением в 50—70 млн человек»[1].

Стало ясно, что немецкая пропаганда на оккупированных территориях вообще и в Крыму, в частности, требует коренных изменений. Поэтому приказом ОКВ от 5 сентября 1942 года из состава батальона пропаганды «Украина» был выделен второй отдельный взвод, который 15 сентября был преобразован в Штаб пропаганды «Крым» Отдела пропаганды «Украина». Его резиденцией был определен Симферополь[2].

Гитлер в свое время писал: *«Чем лучше сработана пропаганда, тем меньше число членов, и наоборот...»*[3] Этот принцип и был положен в основу организации органов пропаганды в Крыму. Уже 24 сентября 1942 года по Штабу пропаганды «Крым» был издан приказ № 2, посвященный персональным назначениям: было создано руководство штабом и учреждены специальные отделы (активной пропаганды, культуры, прессы, кино и радио). Начальником Штаба был назначен лейтенант Фрай. Руководителями отделов, или «деловыми пропагандистами», стали:

- зондерфюрер д-р Манс (отдел активной пропаганды);
- зондерфюрер Рэк (отдел культуры; одновременно он являлся заместителем начальника Штаба);
- зондерфюрер Маурах (отдел прессы);

---

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 27.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 1.

[3] Цит. по: *Герцштейн Р.* Война, которую выиграл Гитлер. — Смоленск, 1996. — С. 156.

- зондерфюрер д-р Кюнеманн (отдел кино; одновременно он являлся офицером особых поручений по кадровым и организационным вопросам);
- зондерфюрер Шарнке (отдел радио);
- помимо этих отделов в Штаб входили Технический отряд (начальник-техник — унтер-офицер Герстнер) и редакция «Крымской немецкой газеты» (позднее она называлась «Борьба»), выходившей на немецком языке и предназначенной для распространения среди немецких оккупационных частей (главный редактор — зондерфюрер Трондле) [1].

Для более глубокого проникновения пропаганды во все районы Крыма были образованы «внешние пункты» Штаба пропаганды. В дальнейшем происходило их разукрупнение, которое было завершено в первой половине 1943 года. На 27 февраля 1943 года организационно-территориальная структура Штаба пропаганды «Крым» была следующей:

- Штаб пропаганды «Крым» непосредственно обслуживал Симферопольский район и район Зуи; ему подчинялись следующие пункты: Бахчисарай, Карасубазар и Биюк-Онлар;
- подразделение Штаба в Евпатории (руководитель — зондерфюрер Мильдер) непосредственно обслуживало Евпаторийский район, Ак-Мечеть и Саки; ему подчинялись следующие пункты: Фрайдорф, Ак-Шейх и Джурджи;
- подразделение Штаба в Джанкое (руководитель — вахмистр Зорге) непосредственно обслуживало Джанкой, Армянск, Курман-Кемельчи, Колай, Сеитлер и Ички;
- подразделение Штаба в Феодосии (руководитель — зондерфюрер Рамер) непосредственно обслуживало Феодосию, Ислам-Терек, Старый Крым и Судак;
- подразделение Штаба в Ялте (руководитель — зондерфюрер Бауман) непосредственно обслуживало Ялту, Ялтинский район и Алушту;

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 4.

- подразделение Штаба в Севастополе (руководитель — вахмистр Кюльмер) непосредственно обслуживало Севастополь и Балаклаву[1].

В задачи Штаба пропаганды в первую очередь входили пропагандистские мероприятия, которые служили для «руководства населением и его просвещением». Руководящие указания Штаб получал от Отдела пропаганды «Украина» и согласовывал их с приказами Командующего войсками вермахта в Крыму.

Также в задачи Штаба входила организация тематических направлений пропагандистской работы:

- под активной пропагандой понималась работа среди местного населения посредством собраний, демонстраций плакатов, листовок, брошюр, читален, витрин и посредством использования агитмашин с радио;
- отдел прессы занимался руководством всей местной печатью и изданием газеты на немецком языке для нужд оккупационной армии и немецкой администрации;
- отдел кино занимался охватом и вводом в эксплуатацию всех кинотеатров, а также организацией киносеансов для местного населения и немецких военнослужащих;
- отдел радио занимался обслуживанием и созданием программ для радио и высокочастотных установок;
- отдел культуры занимался руководством и обслуживанием всех театров, оркестров и трупп, а также художественным руководством и контролем их работы по обслуживанию местного населения и немецких войск; контролем над всеми имеющимися книгохранилищами и читальнями; контролем за учебной литературой и руководством местными педагогическими кадрами[2].

Помимо работы среди гражданского населения Штабу настойчиво рекомендовалось *«по мере сил выполнять все распоряжения*

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 7-8.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 1.

главнокомандующего (немецкими войсками) в Крыму по обслуживанию немецких частей».

Работе Штаба и ее результатам придавалось такое большое значение, что в одном из приказов напоминалось: *«...Предоставление своевременных отчетов чрезвычайно важно для планирования пропагандистской работы Отделов пропаганды ОКВ. Поэтому ни под каким видом недопустима задержка в предоставлении отчетов»*[1].

В связи с этим сам Штаб и его внешние пункты ежемесячно были обязаны предоставлять в высшие командные инстанции (Отдел пропаганды «Украина» и командование войсками вермахта в Крыму) отчет по следующим пунктам:

1. О настроениях населения (общее моральное состояние, изменения в нем, их причины, влияние пропагандистских мероприятий, вражеская агитация, ее методы и средства, слухи, выступления советских партизан, их деятельность, участие Штаба пропаганды в борьбе с ними;

2. О собственно пропагандистской работе (проведенные мероприятия, предложения и пожелания);

3. Об особых пропагандистских мероприятиях[2].

Кадровый состав Штаба пропаганды «Крым» состоял из трех категорий работников. Первая, в основном руководители, включала в себя сотрудников германского Министерства пропаганды или Отдела пропаганды ОКВ. Во вторую входили сотрудники-немцы, которые либо родились и выросли, либо долгое время жили в России или СССР. Примером такого сотрудника являлся руководитель Отдела прессы д-р Маурах. Его отец был врачом-окулистом и до 1920 года жил в Крыму, где и родился Маурах. После разгрома Врангеля его семья выехала в Германию[3]. Эта категория сотрудников была связующим звеном между первой категорией и тре-

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 1-2.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 2.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 37, л. 103.

тьей — самой многочисленной, — в которую входили местные кадры. Здесь предпочтение в первую очередь отдавалось лицам, знакомым с системой советской пропаганды, однако их недостаток ощущался до самого 1944 года и поэтому брали всех желающих[1].

Отделения и штабы пропаганды, в том числе и Штаб пропаганды «Крым», должны были повторять в миниатюре Министерство народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. По его примеру должны были быть организованы и направления их деятельности, связанные с различными областями пропагандистской работы, правда, со скидкой на то, что эти «министерства в миниатюре» действовали на оккупированной территории.

***

К концу 1942 года изменения в оккупационной политике коснулись прежде всего сферы народного образования, которое до этого находилось в очень плачевном состоянии. Анализируя причины недовольства населения оккупационным режимом, один из офицеров немецкой разведки В. Штрик-Штрикфельдт писал, что *«высшие школы и прочие учебные заведения продолжали оставаться закрытыми. Хотя с приходом германской армии во многих местах школы возобновили занятия, появлявшееся затем гражданское управление разрешало обучать детей лишь чтению, письму и основным арифметическим правилам»*[2].

В Крыму же, который почти в течение года являлся зоной боевых действий, дела обстояли еще хуже. Все школьные помещения были отданы воинским частям. Школьный инвентарь пошел на топливо. Учебные пособия — выброшены. Интеллигенция оказалась без работы. Учителя, врачи, инженеры были вызваны на биржу труда и направлены на работу по уборке улиц, обработке огородов и садов.

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 35.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 93.

Вопрос образования напрямую был связан с молодежной политикой, которую оккупанты поначалу просто игнорировали. Молодежь была предоставлена самой себе. «*Уже сейчас можно заметить,* — писал один из свидетелей событий оккупации, — *как получили развитие идеи анархизма, особенно среди молодежи. Ход мыслей в основном таков: государственная власть, как большевики, так и немцы, — приносит народу лишь лишения и гибель... а посему — долой всякую власть... Стал модным скептицизм. Сомневаются во всем... не давая взамен ни одной здравой и ясной мысли*»[1].

В связи с этим, чтобы «оторвать молодежь от Востока и приобщить ее к арийскому Западу», было решено полностью поменять всю оккупационную политику в сфере народного образования и воспитания молодежи.

14 мая 1943 года Штаб пропаганды «Крым» пригласил на совещание лучших учителей Симферополя с целью решить некоторые вопросы воспитания молодежи. Пришло довольно много учителей. Гость из Берлина д-р фон Ройтер произнес перед ними речь. Также было продемонстрировано несколько документальных фильмов. По общему мнению, встреча прошла интересно, однако учителя остались немного разочарованы, т.к. не смогли извлечь из нее какие-либо практические советы для своей повседневной работы. О воспитании юношества и вовсе ничего сказано не было. Поэтому было решено это совещание считать только первым шагом во взаимоотношениях Штаба и крымских учителей[2].

На наш взгляд, было две основные причины, по которым учителя и пропагандисты не смогли найти общий язык. Во-первых, это противодействие оккупационных властей. В одном из отчетов фюреру СС и полиции округа «Симферополь» СС-гауптштурмфюрера Штекера сказано: «*Хотя зондерфюрер Рэк (руководитель отдела культуры Штаба) уже давно обратил внимание отдела культуры на необходимость составления новой учебной программы, город-*

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 168.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 12.

ской комиссар Хюн сказал, что этого делать не следует... Уже два месяца (по распоряжению Штаба) заседает комиссия, имеющая целью проверку большого количества школьных учебников. Однако и в этой области придется еще долго ожидать каких-либо результатов»[1].

Другая же причина заключалась в том, что «школьная молодежь старших возрастов, несомненно, выражает еще черты духовной связи с советами», что она сохраняет свое прежнее мировоззрение и привычки и по большей части большевистски настроена. По мнению немецких властей, виной этому в большинстве случаев являлись школа и учитель, так как за девятнадцать месяцев оккупации не произошло ничего, чтобы перевоспитать школьную молодежь. Программа преподавания стала аполитичной: ее марксистское содержание не было ничем заменено. Вследствие этого преподавание сделалось полностью формальным.

Фюрер СС и полиции Штекер видел следующие причины этого «легального саботажа»:

1. Учителя в основном старые и больные люди, лишенные энергии, сломленные их жизнью в СССР; они не стремятся ни к чему, кроме покоя;

2. Ко всем учителям проявляется мало внимания, их труд плохо оплачивается, и поэтому они плохо настроены;

3. Значительная часть учителей считается с возможным возвратом советской власти и пытается поэтому как можно меньше скомпрометировать себя;

4. Часть учителей настроены пробольшевистски и более или менее открыто поддерживают враждебные настроения юношества.

Кроме того, много трудностей для оккупантов создавал и отдел культуры Симферопольского городского управления, который, по мнению немцев, работал отвратительно, даже не зная, что творится в школах, за которые он должен был отвечать[2].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 12.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 13.

Поэтому учитывая все недостатки, отдел культуры Штаба пропаганды решил принять ряд мер, чтобы в следующем учебном (1943—1944) году система образования в Крыму отвечала всем требованиям оккупационных властей. Эти меры заключались в следующем.

С целью вызвать у молодежи чувство благодарности за «освобождение от большевизма», ей все время необходимо было внушать, что вся ее *«трагедия... заключалась в том, что (она), стремясь служить своему народу, на деле служила еврейско-большевистской идее интернационализма»*[1].

В июне 1943 года было принято постановление об обязательном школьном обучении, проект которого внес руководитель школьного отделения Симферопольского городского отдела культуры Шалалиев. Это было связано с тем, что *«за последнее время количество учеников резко упало (от 6 до 4 тыс.), хотя из них лишь небольшая часть, около 150 человек, отправлены в Германию... Наибольшую же часть представляют уклоняющиеся от учебы, из-за страха перед трудовой повинностью»*[2].

Одновременно командующий войсками вермахта в Крыму пригрозил наказанием всем родителям, чьи дети без присмотра бродят по улицам, а не находятся на занятиях[3].

За основу построения учебного процесса была взята немецкая модель, которая заключалась в следующем: *«Когда командир производит смотр в своем полку, он выбирает место, с которого может видеть и владеть всем фронтом, и с этого места раздается его команда. Так и учитель: с одного места должен он господствовать над всем классом, и это место — учительская кафедра»*[4].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 37.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 17.

[3] Окупаційний режим в Криму 1941 — 1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / Упоряд. В.М. Гуркович. — Сімферополь, 1996. — С. 90.

[4] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 104об.

По поводу учебного процесса внес свои предложения и фюрер СС и полиции Штекер:

1. На будущий учебный год должна была быть составлена новая учебная программа, которая могла бы оказать положительное пропагандистское влияние на молодежь;

2. Учителя должны были быть обязаны не проводить преподавание лишь формально и ежедневно, при каждой возможности, бороться с большевистским мировоззрением и ложными идеями учеников;

3. В течение летних каникул должно было быть проведено политическое и практическое воспитание учеников;

4. Следовало вновь проверить директоров школ и учителей на основе их работы за истекший год, причем действительно надежные и энергичные люди должны были быть выдвинуты на руководящие посты;

5. Руководство отдела культуры и подотдела школ Симферопольского городского управления должно было быть вновь проверено и улучшено[1].

Однако претворить эти планы в жизнь помешало начавшееся наступление Красной армии.

***

Так происходили изменения в сфере образования. В сфере же собственно пропаганды, которая заключалась в руководстве культурой, прессой, кино и радио, дела обстояли следующим образом.

Оккупационные власти уделяли большое внимание крымскому театру. Однако это внимание объяснялось не желанием поднять уровень местной культуры, а совершенно другими соображениями. Вот что было сказано в одном из приказов Штаба пропаганды «Крым»: *«...Артисты оккупированных восточных областей, поставившие себя в распоряжение немецких оккупа-*

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 15.

ционных властей, потому необходимы, что обширные пространства, удаленность и зимние затруднения в оккупированных районах еще более ограничивают возможность обслуживания войск нашими спортивно-туристическими организациями. Поэтому фюрер хочет, чтобы артистам оказывали особое внимание и прежде всего обеспечивали их материально»[1].

Следуя этому приказу, Штаб пропаганды «Крым» распорядился, чтобы в Симферопольском театре каждые четырнадцать дней появлялся новый спектакль. При этом отдел культуры Штаба принял особые меры с целью освободить прежнее помещение театра от расположенных там воинских частей. В результате уже с 25 мая по 5 июня 1943 года в Симферопольском театре прошла премьера тринадцати спектаклей, а с 12 по 18 июня состоялись следующие мероприятия:

- пять спектаклей для военнослужащих и гражданских лиц,
- два спектакля для военнослужащих и имеющих пропуска для ходьбы в запрещенное время,
- один спектакль для молодежи.

Кроме этого, в «Солдатском доме» прошел один спектакль, а в городских госпиталях три. Наконец, Симферопольский театр дал еще два спектакля в Севастополе и провел два товарищеских вечера с участием артистов[2].

После проведенных немцами мероприятий театральная жизнь несколько оживилась и в других городах Крыма. Так, в Ялте, изменив руководство театра и заменив «недостаточно ценные лица» лучшими, относительно удалось увеличить число спектаклей и поднять доходы театра. В порядке обслуживания домов отдыха ялтинский театр до 14 мая 1943 года провел тридцать два выступления. В Алуште также имелись две свои художественные труппы, которые ежедневно давали постановки. Планировалось открыть театр и в Алупке[3].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, л. 30.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, л. 17, 19.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, л. 19.

Все это дало немцам основание утверждать, что «русская культура не уничтожена, а напротив, немецкие солдаты смотрят русские спектакли и слушают русскую музыку»[1].

В марте 1942 года было получено разрешение на открытие Крымско-татарского театра. Его директор Э. Грабов планировал начать нормальную работу театра с 10 апреля 1942 года премьерой постановки спектакля «Лейла и Меджнун»[2].

***

В мае 1942 года на страницах своего дневника Геббельс писал: *«Политика подачи новостей — это оружие в войне. Цель этой политики — вести войну и хранить тайну»*[3]. Этот принцип был положен оккупантами в основу руководства прессой в Крыму.

В период с 1941 по 1944 год в Крыму выходило несколько периодических изданий. Это газеты «Голос Крыма», «Феодосийский вестник», «Евпаторийские известия» (с августа 1943 — «Освобождение»), «Сакские известия», «Земледелец Тавриды», «Крымская немецкая газета» (позднее «Борьба»), *«Azat Kirim»* («Освобожденный Крым») и журнал «Современник»[4].

Наиболее значительной из них была газета «Голос Крыма» — орган Симферопольского городского управления, первый номер которой вышел 12 декабря 1941 года, а последний — 9 апреля 1944 года. Первоначальный тираж газеты был 3 тыс. экземпляров, затем — 5 тыс., 18 тыс., а к 1943 году он вырос до 80 тыс. Газета вначале выходила два раза в неделю на двух страницах, затем три раза в неделю на четырех. Стоимость газеты была 1 рубль или 10 оккупационных пфеннигов. В 1943 году, 21 июля, 1 и 3 октября газета выходила под названием «Голос Таврии». В этом же году стали выходить приложения к газете — «Женский листок»

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, л. 33.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 47-48.

[3] *Цит. по: Герцштейн Р.* Указ. соч. — С. 220.

[4] РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 741, л. 39.

(с 21 мая 1943 года) и «Молодость» (с 18 июля 1943 года). Главными редакторами «Голоса Крыма» последовательно являлись: В. Попов, с 26 марта 1942 года — А. Булдеев, с октября 1943 по апрель 1944 года — К. Быкович[1].

На первой и второй страницах «Голоса Крыма» помещались статьи, порочащие советский строй, советских государственных, научных и военных деятелей, восхваляющие новый немецкий порядок. Печатались сводки с театров боевых действий, международные новости, речи Гитлера, Геббельса, Шпеера и др. Приказы, постановления, извещения Симферопольской горуправы и военного коменданта печатались на четвертой странице газеты. Третья страница газеты рассказывала о жизни в селах и городах Крыма после их «освобождения» от власти большевиков, о хозяйственной и культурной жизни при «новом порядке».

Особое место в «Голосе Крыма» уделялось так называемому «еврейскому вопросу». С целью разоблачения «мирового заговора» против Германии и ее союзников газета из номера в номер, помещала на своих страницах статьи антисемитского содержания. Для подтверждения своих «изысканий» авторы этих статей использовали цитаты из произведений Достоевского, Суворина, Розанова, Шмакова и др.[2].

Следует отметить, что эта газета не всегда пользовалась доверием у населения. Очень часто можно было услышать такие высказывания: *«Стыдно оттого, что русские люди в русской газете убеждают нас радоваться нашим (т.е. Красной армии) поражениям» или «Название газеты должно быть не "Голос Крыма", а "Вопли Геббельса и стоны крымского народа..."»*[3]

А уже к 1944 году эта газета перестала удовлетворять даже своих хозяев из Штаба пропаганды. Это происходило главным

---

[1] Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 / Сост. В.К. Гарагуля и др. — Симферополь, 1994. — С. 82.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 37, л. 103-104.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 96об., 121.

образом потому, что «Голос Крыма» стал уделять с точки зрения немцев необоснованно большое внимание так называемой «третьей силе» (т.е. «людям, ожидающим окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и СССР и победы Англии»). У немцев также вызывал нарекание тот факт, что газета вовремя не доставлялась из Симферополя в другие города Крыма, что способствовало распространению среди населения неподконтрольных слухов[1].

Все выходившие на русском языке в Крыму газеты, также как и на остальной оккупированной территории, были призваны служить прежде всего целям немецкой пропаганды. *«Оказавшиеся по эту сторону (фронта) миллионы людей,* — пишет А. Казанцев, — *нужно было сохранить в состоянии аморфной массы, необъединенной и несвязанной ничем, даже сознанием общности своей судьбы»*[2]. Точкой консолидации русских сил могла бы быть общая идея, чье-то имя или просто даже какой-то факт, событие общегосударственного значения. На это, несмотря на относительное однообразие помещаемых в прессе материалов, «и был наложен...немецкий запрет. Так, газета, выходящая в Крыму, была запрещена в Смоленске, журнал, печатаемый в Пскове... в Харькове преследовался наравне с советскими листовками»[3].

Помимо обычной прессы в 1943 году оккупационными властями был налажен выпуск иллюстрированных сборников «для углубления разъяснительной работы о Германии». Вскоре выпуск таких художественно-иллюстрированных обозрений вырос до 70 серий по 8 картин в каждой. Главными их темами были следующие: «Добровольные сподвижники борьбы Германии за новую Европу» (о создании сельскохозяйственных товариществ,

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 34.

[2] *Казанцев А.С.* Указ. соч. — С. 176.

[3] *Там же.* — С. 176.

тираж 3870 экз.), «Освободители Симферополя», «С Кубанского предмостного укрепления» и т.п.[1].

Печатавшиеся в Крыму периодические издания, как, впрочем, и на всей оккупированной территории, находились под полным контролем оккупационных властей. Весь материал, публикуемый в газетах, обычно утверждался сверху, для чего в помощь всем редакциям, выпускающим газеты на русском и других языках народов СССР, в Берлине выходил специальный сборник *«Material für russische Zeitungen»* («Материалы для русских газет. В помощь редакциям»)[2].

***

Геббельс как-то сказал: *«Мы убеждены, что кино представляет собой самое современное и научно обоснованное средство воздействия на массы. Следовательно, мы не должны им пренебрегать»*[3].

Поэтому Штабом пропаганды «Крым» под свой контроль были поставлены все кинотеатры и киноателье полуострова, которые имелись почти во всех крупных населенных пунктах. Всего на 1943 год имелось 26 стационарных киноустановок и 3 — передвижных. Хотя в отделе кино Штаба имелись свои кинодемонстраторы с целым штатом помощников, зондерфюреры Зибенхаар и Штендель, с согласия командующего войсками вермахта в Крыму, стали использовать местных специалистов.

Как отмечалось в отчете Штаба пропаганды «Крым» для ОКВ от 7 июля 1943 года «из всех немецких художественных фильмов (а их на этот период имелось 78) наибольший успех имел... «Эшнапурский тигр» и «Индийская гробница». Восторженный прием у гражданского населения встретил фильм

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 26.

[2] В Государственном архиве Автономной Республики Крым хранится комплект «Material für russische Zeitungen» за 1943-1944 гг.

[3] Цит. по: *Герцштейн Р.* Указ. соч. — С. 328.

«Венская кровь». Далее говорилось, что *«местное население наиболее ценит в немецких фильмах отсутствие политики и пропаганды»* (?!).

Помимо художественных демонстрировались также и «культурно-просветительские» фильмы о Германии. В них население интересовало прежде всего описание жизни среднестатистического немецкого человека из разных социальных слоев: рабочих, служащих, крестьян и т.п., а также наличие сведений о том, какой жизненный уровень обеспечивает ему его заработок[1].

***

И, наконец, последним, но не менее важным, средством немецкой пропаганды были радиопередачи. Их трансляция осуществлялась по следующей программе. Утром — военная сводка на русском языке и утренний концерт (с 6: 00 до 7: 00), потом перерыв с 10: 00 до 12: 00. С 14: 00—14: 30 до 16: 00 — снова перерыв. В 16: 00 военная сводка на русском языке, после чего перерыв до 18: 00. Затем передача на немецком языке.

Однако те, кто слушал радио, были недовольны тем, что радио работает слишком мало времени, и тем, что передается в эфир. Молодежь желала слушать больше интересных рассказов и легкой музыки (танго, фокстрот и т.п.). Классическая музыка интересовала молодежь не очень. Подобное мнение выражали и люди среднего возраста, но они также хотели бы слышать военные обзоры и информацию, которая вечерами вообще не передавалась. Интеллигенция же хотела, чтобы чаще отмечались юбилеи великих русских писателей и ученых, и чтобы по радио о них чаще вспоминали.

У оккупационных властей также имелись претензии к отделу радио. Так, фюрер СС и полиции «Симферополя» писал в Штаб пропаганды 10 января 1944 года: *«Надо каким-то обра-*

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 26-27.

зом... (позаботиться) о том, чтобы известия между 15.00 и 16.00 не передавались на ужасно плохом русском. (Из-за этого) имена искажаются, ударения неверны, чтение не выразительно, без соблюдения знаков препинания»[1].

Также как и в вопросе с прессой, для всех радиоузлов на оккупированной территории издавался специальный сборник материалов передач под названием «Радиовестник» (редактор — ефрейтор Г. Вальтер). В нем предписывалось, что передавать по радио, а о чем на данный момент умолчать[2].

В целом материалы в сборнике не отличались разнообразием, помещая из номера в номер одно и то же. Так, можно выделить несколько основных тем статей:

- речи деятелей Третьего рейха;
- разоблачение учения Маркса — Энгельса и «еврейского заговора»;
- рассказы очевидцев о плохой жизни в СССР и разоблачение его внутренней и внешней политики;
- призывы к населению бороться с большевизмом в союзе с Германией[3].

***

Такими вкратце были задачи Штаба пропаганды «Крым», которые по своей сути не сильно отличались от задач органов пропаганды на других оккупированных территориях, да и в самой Германии. Отличались методы, с помощью которых Штаб решал эти задачи. Их было несколько: какие-то присущи всем пропагандистам рейха, а какие-то имели свою, крымскую, специфику.

Первый из них, который был свойственен всем немецким органам пропаганды, — это так называемая активная пропаганда. Он

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 35.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 1.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 128об.

заключался прежде всего в распространении листовок, брошюр, специальных выпусков газет, а также выступлений пропагандистов посредством агитмашин.

Так, из отчета Штаба пропаганды за июнь 1943 года видно, что в течение месяца было издано 98 925 плакатов и 15 850 брошюр. В этот период в распоряжении Штаба находилось восемь агитмашин, из которых три находились в ремонте, а одна использовалась штабом оборонявшей Крым 17-й армии. Остальные агитмашины провели, в общем, 297 выступлений в районе действия Штаба. Разъяснительная работа велась в основном по лозунгу: «Германия — передовой боец новой Европы». При каждой агитмашине имелся специальный пропагандист, который разъяснял населению актуальные вопросы. Например, в 1943 году очень популярными были следующие темы: «Роспуск Коминтерна — новый трюк Сталина», «Как живут русские рабочие в Германии», «Жизнь по ту сторону фронта» и т.п. Помимо этого Штаб занимался организацией изб-читален, где литература, естественно, была специально подобранной[1].

***

Чрезвычайно важную роль в немецкой оккупационной политике и пропаганде играло использование национального вопроса. Особую актуальность он приобрел после нападения Германии на СССР.

Выступая на одном из совещаний в Министерстве пропаганды 21 июля 1941 года, Геббельс напомнил слова видного германского военного теоретика К. фон Клаузевица: *«Россия может быть побеждена только в том случае, если посеять раздор среди ее народов»*[2]. Исходя из этого, оккупационная администрация на-

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 25, 27.

[2] Цит. по: *Семиряга М.И.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. — 1985. — № 3. — С. 14.

чала выделять отдельные национальности, населявшие оккупированные районы, для чего использовала выпуск местных газет, а также большое количество других печатных изданий на соответствующих языках. Их содержание определялось органами немецкой пропаганды, хотя издателями часто выступали местные националистические лидеры.

В Крыму же, с его пестрым национальным составом населения, это было сделать очень просто. По переписи 1939 года здесь проживали следующие национальности (в % отношении): русские — 49,6 %, татары — 19,4 %, украинцы — 13,7 %, евреи — 5,8 %, немцы — 4,6 %, греки — 1,8 %, болгары — 1,4 %, прочие — 3,7 %[1].

Сначала была проведена регистрация всех немцев, итальянцев и болгар. Им были предоставлены те же права и льготы, что и членам оккупационной администрации и солдатам оккупационных войск[2].

Затем было разрешено образовать свои мусульманские комитеты крымским татарам. Первый из них, Симферопольский, был открыт в декабре 1941 года. Вскоре открылись мусульманские комитеты и в других городах и районах Крыма. Татарам отдавали предпочтение и при приеме их в батальоны вспомогательной полиции порядка[3].

Даже патенты на торговлю в Симферополе выдавались прежде всего татарам, грекам и армянам, а уже потом — русским[4].

1 июля 1942 года от городского коменданта Симферополя поступило распоряжение, чтобы *«все украинцы... которые живут в городе... но которые почему-то зарегистрированы как русские... могут обратиться с прошением в комиссию при Главном управ-*

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 12.

[2] Окупаційний режим в Криму... — С. 40, 47, 66, 86.

[3] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 505, л. 69-69об.; ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 4-5об., 14-15.

[4] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 37, л. 112.

лении полиции Симферополя... Личности, украинская национальность которых будет доказана, получат новые паспорта с верно указанной национальностью»[1]. На том основании, что они «нерусские», украинцы образовали свой комитет, а чтобы успешнее шло дело «украинизации», местные националистические лидеры открыли украинский магазин и объявили, что *«(только) украинцам будут выдавать муку и другие продукты»*[2].

Таким образом, немецкая пропаганда приложила немало усилий, чтобы разъединить все национальности, проживающие в Крыму. Поэтому по меньшей мере очень странным выглядело заявление оккупационных властей о том, что *«национальная идея привела подсоветских людей в антибольшевистский лагерь, она спаяла их в едином фронте с народами Европы... В боях против большевиков родилась великая дружба народов»*[3].

***

Следующим, также очень действенным методом, были проводимые отделом культуры Штаба пропаганды «собрания учителей и учительские курсы», с целью обработки крымских педагогов в нужном духе. Так, в мае 1943 года было проведено собрание учителей для того, чтобы разъяснить им значение лозунга «Германия — передовой боец за новую Европу». В этом же году по инициативе Симферопольского городского управления в Алупке был открыт «Дом воспитания», в котором учителя должны были проходить 10-дневные курсы. Организацией этих курсов и составлением для них учебных планов должен был заниматься Штаб пропаганды[4].

---

[1] Окупаційний режим в Криму... — С. 32.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 37, л. 103.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 70.

[4] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 16, 17.

***

Проведение всевозможных выставок, лекций и собраний «общественности», посвященных прославлению «нового порядка», — еще один метод из арсенала крымского Штаба пропаганды. Так, 2 ноября 1942 года, в день первой годовщины вступления немецких войск в Симферополь, местное городское управление открыло выставку «Год немецкого владычества в Симферополе». Вся экспозиция выставки была построена на контрасте: разрушениям, причиненным городу большевиками, противопоставлялись созидательная работа городского управления и помощь ей в этом деле оккупационных властей[1].

***

Не менее важным методом пропаганды была демонстрация в кинотеатрах, перед просмотром художественных фильмов «Германского еженедельного обозрения» *(Die Deutsche Wochenschau). «Эта серия,* — пишет американский исследователь Р. Герцштейн, — *достигшая высот технического и коммерческого успеха между 1940 и 1944 годом, была наиболее эффективным средством нацистской пропаганды военного времени. Далеко превосходя аналогичные киножурналы союзников, по способности слить воедино музыку и зрительные эффекты, действие и комментарии к нему, "Обозрение" по праву стало предметом гордости Геббельса, т.к. оно приблизило войну к немецкому народу»*[2].

Однако, как явствует из доклада фюрера СС и полиции округа «Симферополь» СС-гауптштурмфюрера Штекера, и у немцев, с их педантизмом, случались накладки. Так, он сообщал: *«...Хотя бои в Тунисе уже закончились, 24 мая 1943 года в кинотеатре для местного населения на улице Пушкинской... демонстрировались кадры, показывающие подвоз орудий и боезапаса для не-*

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 5-6.

[2] *Герцштейн Р.* Указ. соч. — С. 276-277.

мецких войск в Тунисе. Эти кадры были встречены восклицаниями... и ироническими замечаниями»[1].

***

Немецкое вторжение в СССР вызвало у населения прилив религиозных чувств. На оккупированных территориях, в том числе и в Крыму, с разрешения немецких властей возобновлялось богослужение. Задача церкви на оккупированных территориях заключалась, по мнению Гитлера, в том, чтобы помогать оккупационным властям держать население в покорности. Религиозная сторона дела его не занимала.

19 июня 1942 года в Берлине был издан «Закон о веротерпимости», который, по сути, был законом о регулировании религиозной жизни. Все религиозные организации обязаны были зарегистрироваться в соответствующих органах оккупационной администрации. Последние же обладали правом удаления любого священника, если появлялись какие-либо сомнения в его благонадежности[2].

Использование религиозных чувств населения в интересах Германии оставалось главной целью германской пропаганды. В одном из немецких документов говорилось: *«Все средства церквей, мистицизма, религии и пропаганды должны быть... использованы под лозунгом: "Гитлер против Сталина"», — или "Бог против Дьявола"»*[3].

Немецкие армейские командиры иногда способствовали восстановлению церквей на контролируемой ими территории. Их цель была чисто прагматичной: обеспечить германской армии спокойный тыл, безопасные коммуникации и невраждебное отношение местного населения[4].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 9.

[2] *Геллер М.Я., Некрич А.М.* История России. 1917-1995. — М., 1996. — Т. 1. — С. 447.

[3] *Там же.* — С. 448.

[4] РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 623, л. 122.

В Крыму также все местные газеты были наполнены сообщениями о восстановлении православных храмов, армянских церквей, караимских кенасс, мусульманских мечетей, о возобновлении в них богослужения. 21 апреля 1943 года городской комиссар Симферополя даже сделал специальное объявление: *«...Поскольку в православной церкви Пасхальное богослужение имеет особенно важное значение, то в Пасхальную ночь гражданскому населению разрешается ходить по городу»*[1].

8 сентября 1943 года патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергий (Страгородский). На это событие тотчас же откликнулась вся «верующая общественность» оккупированных территорий. Чтобы не отдать в руки Сталина такое мощное орудие пропаганды, каковым является церковь, всем отделам и штабам пропаганды приказывалось дискредитировать нового патриарха в глазах населения»[2].

***

«Решающим моментом в походе на восток, — вспоминал А. Казанцев, — *был аграрный вопрос. Крестьянство не только способно было много простить, но и пошло бы за тем, кто дал бы ему землю... Немцы отказали и в этом».* В результате колхозы были сохранены, т.к. так было удобнее контролировать крестьян[3].

Однако уже в феврале 1942 года немцы решили поменять свою политику. Согласно с Земельным законом Розенберга, колхозы были превращены в «общинные хозяйства», действовавшие по инструкции оккупационных властей. Совхозы и машинно-тракторные станции объявлялись собственностью германского государства и в качестве «государственных имений» управлялись оккупантами. С разрешения соответствую-

---

[1] Окупаційний режим в Криму... — С. 79.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 38-38об.

[3] *Казанцев А.С.* Указ. соч. — С. 179.

щих немецких органов допускалось и частное землевладение. На последних этапах аграрной реформы, которую немцы планировали завершить после окончания войны, предполагалось допустить существование индивидуальных крестьянских хозяйств.

В Крыму, из-за проходивших там боевых действий, к аграрному вопросу смогли обратиться только в начале 1943 года. Здесь посредством Штаба пропаганды закон Розенберга широко рекламировался в печати, по радио и при помощи специальных плакатов. В многочисленных комментариях указывалось на то, что этот закон представляет собой завершение немецкой аграрной программы и что ее последовательное и добровольное выполнение доказывает честность намерений Германии. При этом подчеркивалось, что крестьянин до войны должен был отдавать советскому государству 80 % своей продукции, а теперь, — в войну, — 20 % «немецким оккупантам»[1].

Эти «заигрывания» с крестьянством были нужны немцам прежде всего затем, чтобы обеспечить бесперебойное поступление продуктов питания в действующую армию и в Германию.

***

Не секрет, что пропаганда в мирное время заметно отличается от пропаганды во время войны. Война ставит перед ней совершенно новые вопросы, от решения которых порой зависит ход военных действий. И в данном случае немецкая пропаганда в Крыму не была исключением.

Самым важным вопросом, который приходилось решать всем оккупационным органам, был вопрос обеспечения лояльности населения по отношению к новой власти — от его решения зависели в конечном итоге все их успехи и неудачи.

Чтобы добиться лояльности населения, было необходимо подорвать его лояльность к прежней власти. Нужно было вну-

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 24, 25, 33.

шать ему, что *«большевики являлись (и являются) архетипом "еврейской преступности", отбросами человеческого общества, антимиром ненависти и извращенной зависти, преданными идее разрушения всего доброго и прекрасного»*[1]. Воплощением последних качеств, конечно же, являлась гитлеровская Германия.

Первоначально оккупанты решали вопрос лояльности населения при помощи террора и принуждения, вследствие чего *«большая часть населения, которая искренне кляла большевиков, называя их виновниками поражений»*, начала проявлять *«недовольство и даже протест, т.к. немцы не принесли... ничего хорошего»*[2].

Однако после поражения под Сталинградом на совещании в Министерстве оккупированных восточных областей 18 декабря 1942 года возобладала точка зрения Розенберга, согласно которой *«населению надо было дать такую политическую цель, которая пришлась бы ему по вкусу, а, кроме того, пойти на определенные уступки в обращении»*. Розенберг видел эту цель в «разрешении на ограниченное участие населения в решении управленческо-административных вопросов». *«Таким образом,* — делает заключение немецкий исследователь Н. Мюллер, — *с весны 1943 года главным содержанием фашистской пропаганды стали призывы к борьбе против большевиков, совместно с немцами»*[3].

В Крыму отправной точкой в пропаганде этой компании стала статья в «Немецкой крымской газете» от 26 мая 1943 года. Она называлась «Настроены ли большевистски восточные народы? Солдаты должны уметь отличать друга от врага». Как бы в ознаменование начала новой оккупационной политики в этой статье писалось: *«...Восточные рабочие и... солдаты доказали*

---

[1] *Герцштейн Р.* Указ. соч. — С. 429.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 168.

[3] *Мюллер Н.* Указ. соч. — С. 254, 260-261.

способность и желание восточных народов порвать с большевизмом. Поэтому необходимо не допустить превращения крестьянина в партизана, а так повлиять на него, чтобы он был готов добровольно сделать первый шаг в новый мир... Решение этой проблемы — не дело одного дня»[1].

С конца 1941 года серьезным фактором, влияющим на немецкую оккупационную политику, стало партизанское движение, которое, как писал один из немецких офицеров, *«не было, конечно, просто проявлением беспорядка в тыловых областях, как сперва думали немцы. Напротив, это было политическое движение сопротивления, которое невозможно было взять под контроль лишь силами полиции»*[2].

И оккупационные власти прилагали огромные усилия, чтобы не допустить «превращения крестьянина в партизана». С первых же дней создания Штаба пропаганды «Крым» была развернута широкая компания, в которой население призывалось к сотрудничеству в целях нейтрализации партизан. Органам пропаганды вменялось в обязанность *«открыто и подробно говорить с населением... чтобы оно... вполне поняло, что НКВД скрывается в лесу, и подробно описывать, как жестоко они (партизаны) обращаются с людьми»*. Исходя из того, что живое слово особенно сильно влияет на народ, руководитель отдела прессы зондерфюрер Маурах начал проводить ежемесячные доклады о партизанах. После каждого доклада обычно выступал кто-нибудь «добровольно ушедший от бандитов», рассказывавший, что он пережил в партизанском отряде[3].

Если это был пассивный метод решения вопроса, то другим, активным, методом его решения было силой покончить с партизанами. А чтобы не потерять при этом должного пропагандистского

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 10-11.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 82.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 25, л. 2, 8, 20, 26, 39; д. 26, л. 32, 35.

эффекта, с ними должны были бороться сами местные жители. Поэтому начиная с ноября—декабря 1941 года, оккупанты повели усиленную вербовку добровольцев в подразделения «вспомогательной полиции порядка».

Обеспокоенный этими фактами, начальник Центрального штаба партизанского движения П. Пономаренко писал 18 августа 1942 года Сталину: *«Немцы используют все средства, чтобы привлечь к борьбе с партизанами... контингенты из нашего населения оккупированных областей, создав из них воинские части, карательные и полицейские отряды. Этим они хотят достичь того, чтобы партизаны увязли в борьбе не с немцами, а с формированиями из местного населения... Вокруг формирований идет бешеная националистическая пропаганда... Этому сопутствует разжигание национальной розни, антисемитизма. Крымские татары, например, получили сады, виноградники и табачные плантации, отобранные у русских, греков и т.п.»*[1].

Штабу пропаганды «Крым» было дано указание всячески способствовать процессу вербовки. Эта помощь состояла в чтении докладов, распространении газет, листовок и брошюр, всевозможных лозунгов и т.п. При этом особое внимание было уделено пропагандистской работе среди уже сформированных добровольческих подразделений[2].

***

Одной из целей изменения немецкой оккупационной политики было увеличить приток рабочей силы из оккупированных областей в Германию. Геббельс писал в своем дневнике: *«В ко-*

---

[1] "Идет бешеная националистическая пропаганда» // Источник. — 1995. — № 2. — С. 120-122.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 28; Более подробно о «восточных» добровольческих формированиях на территории Крыма смотри в соответствующих разделах.

нечном счете приток рабочей силы с Востока значительно сократится, если мы... будем обращаться с ними (рабочими), как с животными»[1].

Следует признать, что принудительное использование местной рабочей силы, либо для восстановительных работ на оккупированных территориях, либо для вывоза на работы в Германию, было одной из неотъемлемых частей немецкой оккупационной политики. Пока положение на фронтах складывалось в ее пользу, эти мероприятия не нуждались ни в каких идеологических оправданиях. В случае же неповиновения применялась военная сила. Не был исключением и Крым.

Еще в декабре 1941 года Городское управление Симферополя объявило о регистрации всех трудоспособных мужчин и женщин до 55-летнего возраста. Без отметки на бирже труда население не могло получить свою норму хлеба (200 г в день)[2]. В случае уклонения от регистрации должно было следовать наказание по законам военного времени. Биржа труда, где распоряжались немецкие чиновники, решала либо оставить человека в Крыму, либо отправить его на работы в Германию[3].

Однако в 1943 году ситуация изменилась не в пользу немцев, что повлекло за собой и перемены в политике по отношению к применению рабочей силы. Выезжающих в Германию или остающихся на родине следовало убедить в том, что труд на благо оккупантов принесет и им пользу. При этом главная роль отводилась органам пропаганды. Так, уже летом 1943 года Штаб пропаганды «Крым» издал директиву за № 382/43, главным содержанием которой было налаживание «обслуживания рабочих лагерей и организация трудовой повинности». *«В данной ситуации,* — говорилось в директиве, — *обслуживание трудовых лагерей и организация трудовой повинности явля-*

[1] Цит. по: *Герцштейн Р.* Указ. соч. — С. 435.

[2] РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 623, л. 115.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 93.

ется одной из важнейших задач всех подразделений и пунктов (пропаганды). Населению нужно постоянно наглядно доказывать необходимость трудовой повинности»[1].

Наряду с этим населению требовалось внушать, что оно этой работой вкладывает свою долю в «дело борьбы с большевизмом». С другой стороны, делался упор на то, чтобы привлеченное к работе население чувствовало, *«что немецкое командование ценит его труд по заслугам»*[2].

Для систематического обслуживания организаций трудовой повинности предполагалось осуществление следующих мероприятий:

- распространение среди рабочих газет, таких как «Голос Крыма» или других, выходивших в Крыму (интересно, что такие газеты Власовского движения, как «Доброволец», среди рабочих распространять не рекомендовалось);
- распространение брошюр, «с учетом их пригодности для данной специальной цели» (особенно популярными были брошюры о жизни в советском тылу, сущности национал-социализма и жизни в Германии);
- кроме того, предполагалось использовать передвижные радиоустановки[3].

Помимо этих мероприятий Штаб пропаганды проводил лекции, на которых выступали вернувшиеся из Германии рабочие или зачитывались письма тех, кто уехал в Германию[4].

***

В ноябре 1943 года в результате наступления Красной армии, крымская группировка немцев была отрезана от основных сил. Несмотря на это, командующему войсками вермахта в Крыму генерал-полковнику Э. Йенеке было отказано в попытке проры-

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 38.

[2] Окупаційний режим в Криму... — С. 23. 70.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 38-39.

[4] РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 708, л. 141; д. 1045, л. 55.

ва с полуострова на Большую землю. Наоборот, Гитлер издал приказ, согласно которому Крым предполагалось превратить в «неприступную крепость». В связи с этим перед Штабом пропаганды встал последний вопрос: как убедить население помочь немцам в обороне этой «крепости».

Первоначально было решено свести всю пропаганду к разъяснению тезиса, который должен был заставить задуматься многих в Крыму: *«Что они думают делать и что их ждет в случае возвращения большевиков»*[1]. Поскольку население Крыма не было чем-то однородным, то каждой социальной группе предлагался свой ответ на этот вопрос:

- рабочие должны были работать;
- крестьяне по-прежнему «обеспечивать всех продуктами питания»[2];
- бойцы добровольческих формирований и дальше, в моральном единстве *«плечом к плечу с немецкими солдатами, сражаться, защищая от большевиков свою Родину и Европу»*[3].
- отмечая, что молодежь *«утратила... интерес к вопросам мировоззрения»*, — немецкие пропагандисты поучали, что особенно в эти дни *«борьба с большевизмом не может решаться только силой... оружия. Эта война — война идей, война мировоззрений. И... молодежь должна быть готова... бороться с большевизмом... на фронте... но должна воевать и с самой душой большевизма — с его идеологией»*[4].

Ко всему же народу немецкая пропаганда, устами своих работников из числа местного населения, обращалась следующим образом: «*В эти исторические дни решается судьба*

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 33.

[2] Окупаційний режим в Криму... — С. 95.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 35.

[4] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 106.

нашей Родины, ее освобождение и возрождение, а, следовательно, и судьба каждого... человека. Эта гигантская борьба требует от нас непоколебимой стойкости, твердости духа... безграничной веры в победный конец и торжество справедливости». Нужно было *«твердо верить, что наш могучий защитник и союзник — Германия... доведет эту борьбу до победного конца»*[1].

Одновременно в рядах «борцов с большевизмом» признавалось и наличие колеблющихся, которые своим поведением кладут «пятно на общее дело, на общую семью народа». С ними предполагалось беспощадно расправляться, что должно было послужить предостережением всем сомневающимся[2].

Как видно, оккупанты подготовили весьма внушительный список мероприятий, которые должны были сплотить крымское население и обеспечить его единство перед угрозой возвращения советской власти. Однако применить все это на практике в новом, 1944 году помешало наступление Красной армии.

ГЛАВА 4
КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ФАКТОР В НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: ОТ «КРИЗИСА ЛОЯЛЬНОСТИ» К КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМУ

Разумеется, крымские татары были не единственным народом Крыма, и тем более СССР, некоторые представители которых усомнились в том, что нужно сохранять верность Сталину и его режиму. Но и не везде в СССР нелояльность населения приво-

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 98об.-99.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 27, л. 116.

дила к военно-политическим последствиям такого уровня, как в Крыму. Трансформировать ее в «полноценный» коллаборационизм или нет, немецкое военно-политическое руководство и оккупационные власти на местах решали, исходя из целого ряда факторов и причин. Для Крыма же и крымских татар они были следующими.

***

Крымско-татарский коллаборационизм периода Второй мировой войны имел свои глубокие корни. Не трудно догадаться, что искать их следует в истории взаимоотношений России и Крымского ханства, которые были мирными и добрососедскими только в последней четверти XV века. Однако, чтобы понять причины этого коллаборационизма, не надо заглядывать так далеко. Как таковое крымско-татарское национальное движение возникло в конце XIX века, а окончательно оформилось и окрепло только в период русской революции и Гражданской войны 1917—1920 годах. Однако, несмотря на свою относительную молодость, оно сразу же стало претендовать на роль одного (и, заметим, главного) из вершителей судеб полуострова. В эти же годы происходят первые контакты лидеров крымско-татарского национального движения и Германии, тогда еще кайзеровской, войска которой с апреля по ноябрь 1918 года оккупировали Крым. Так, выступая 16 мая 1918 года на национальном конгрессе крымских татар — курултае, — один из его руководителей Д. Сейдамет сказал следующее: *«Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа. Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший ее в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма»*[1].

[1] Цит. по: *Зарубин В.Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) //

21 июля 1918 года ряд видных крымско-татарских деятелей (за которыми явно стоял Сейдамет) обратились к германскому правительству с меморандумом, в котором отмечалось, что «татары — это наиболее старинные господа Крыма» и поэтому следует восстановить их «владычество» на полуострове. Эти деятели выдвинули следующие пункты, на которых, как им казалось, могло быть основано сотрудничество Германской империи и будущего Крымского государства:

- преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, которое, однако, будет полностью придерживаться прогерманской и протурецкой политики;
- достижение признания независимости Крымского ханства у Германии, ее союзников и в нейтральных странах до заключения полного мира;
- образование татарского правительства в Крыму, с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских;
- обеспечение образования татарского войска для хранения порядка в стране;
- право на возвращение в Крым проживающих в Румынии и Турции крымско-татарских эмигрантов и их материальное обеспечение[1].

Этот меморандум остался без внимания со стороны кайзеровского правительства: на тот момент Германии было явно не до крымских татар. Однако, как видно, наметилась определенная тенденция, которая впоследствии стала только более отчетливой и окончательно оформилась в годы Второй мировой войны.

В ноябре 1920 года Крым был окончательно захвачен большевиками и стал частью СССР. Через год на его территории была создана автономная республика, которая хоть и не имела ярко

Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2003. — № 1. — С. 66-67.

[1] *Там же.* — С. 68—69.

выраженного национального характера, тем не менее делалась явно «под татар». И события последующих лет показали это как нельзя лучше. С начала 1920-х годов в Советском Союзе начинает осуществляться политика так называемой «коренизации». На Крымском полуострове ее разновидность получила название «татаризации» и была направлена на формирование национальных управленческих кадров, увеличение их числа во властных структурах, расширение сферы применения крымско-татарского языка, приобщение крымских татар к светскому образу жизни и вовлечение их в состав промышленного рабочего класса. Но, как и в других республиках СССР, политика «коренизации» насаждалась в Крыму через административные методы. Более того, явная непродуманность ряда ее мер способствовали не сглаживанию межнациональных отношений на полуострове, как никогда обострившихся в годы Гражданской войны, а наоборот, только вели к их эскалации.

В 1928 году проведению «коренизации» вообще и «татаризации», в частности, пришел конец. В политической жизни это ознаменовалось судом над председателем Центрального исполнительного комитета Крымской АССР В. Ибраимовым и фактическим отстранением крымских татар от управления республикой, в общественной и культурной плоскости — расправами над «татарскими буржуазными националистами». Все это, естественно, не могло не вызвать раздражения у татарской интеллигенции и тех татар-чиновников, которые уже считали Крым своей республикой. Последовавшая же за этим коллективизация только усилила такие настроения, но уже в более широких слоях крымско-татарского населения.

И еще один фактор. Первое десятилетие советской власти в Крыму большевики довольно снисходительно относились к мусульманской религии. Разумеется, атеистическая пропаганда, со всеми сопутствующими ей моментами, велась постоянно. Но все-таки это отношение не было таким, как к православию, поставленному фактически вне закона. Со свертыванием же по-

литики «коренизации» закончилось и мирное сосуществование ислама и советской власти: атеистическая пропаганда стала более агрессивной, культовые сооружения стали отбираться у верующих или разрушаться, а священники подвергаться аресту[1].

Таким образом, все, что можно было сделать для «кризиса лояльности» у крымских татар по отношению к самой себе, советская власть сделала. С началом же немецкой оккупации Крыма эта нелояльность, в совокупности с историческими и прочими предпосылками, и дала те настроения, которыми не мог не воспользоваться такой осмотрительный враг и которые в результате привели к тому, что называется военно-политическим коллаборационизмом.

***

Тем не менее все это было не сразу, а постепенно. И военный, и политический коллаборационизм крымских татар возникли не на пустом месте. Как можно убедиться, он не был «продуктом» только событий войны. В его основе лежали более глубокие причины: и исторического, и политического, и социального, и национально-религиозного характера. Но и к открытому сотрудничеству с оккупантами они сразу не могли привести. Поэтому первоначально (сентябрь—ноябрь 1941 года) коллаборационизм выразился в нелояльности части крымско-татарского населения по отношению к советской власти и представлявшим ее органам. И советские, и немецкие источники указывают на такие проявления нелояльности (а в ряде случаев и враждебности): дезертирство из рядов Красной армии и партизанских отрядов, нападение на отступающие советские части, разграбление партизанских продовольственных баз.

Летом 1941 года в Крыму из местного населения было сформировано четыре стрелковые дивизии, в двух из которых — 320-й феодосийской и 321-й евпаторийской — личный состав

---

[1] *Кырымал Э.* Положение мусульманской религии в Крыму // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. — Мюнхен, 1955. — № 2(15). — С. 55-67.

состоял преимущественно из крымских татар (в этих соединениях их было всего около 10 тыс. человек). Параллельно с регулярными частями шел процесс организации партизанского движения на полуострове, в ряды которого также было включено значительное количество крымских татар. Кроме того, крымские татары — жители горных и предгорных сел — принимали непосредственное участие в выборе мест дислокации партизанских отрядов и в закладке баз продовольственного и боевого снабжения для их личного состава[1].

В ходе осенних боев 1941 года оборонявшие Крым 51-я Отдельная и Приморская армия были полностью разбиты немецкими войсками и отступили вглубь полуострова. Причем если вторая из них сумела более или менее организованно отойти к Севастопольскому укрепленному району, то 51-я армия была фактических уничтожена. Согласно отчету штаба командования этой армии, только потери «пленными и пропавшими без вести» составили в ней около 32 тыс. человек (или почти 62 %) — по воззрениям военной науки того времени этого было более чем достаточно, чтобы считать соединение несуществующим. И большинство «пропавших без вести» — это личный состав двух крымско-татарских дивизий. В октябре—ноябре 1941 года они располагались на следующих позициях: 320-я — на Ак-Монае (Керченский полуостров), а 321-я — между Саками и Евпаторией. Наспех организованные, плохо обученные и вооруженные, брошенные в условиях паники и потери управления войсками, эти дивизии рассыпались при первых же ударах немецких войск. Часть их личного состава была пленена, подавляющее же большинство новобранцев разошлось по своим деревням[2].

---

[1] Кримські татари: шлях до повернення. Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х — початок 1990-х років) очима радянських спецслужб. Збірник документів та матеріалів: У 2 ч. — Київ, 2004. — Ч. 1. — С. 368.

[2] *Вяткин А.Р.* Немецкая оккупация и крымские татары в 1941-1944 гг. // Восток. — 2005. — № 4. — С. 39.

Так, еще в октябре 1941 года появились первые свидетельства о том, что крымские татары начали дезертировать из действующих в Крыму советских войск. Например, из 132 человек, призванных в действующую армию из татарской деревни Коуш, дезертировало и вернулось домой 120 новобранцев, а в деревне Стиля количество дезертиров составило 92 человека. По словам очевидцев, *«мало того, что татары дезертировали сами, но они, под видом дружбы, развращали и русских бойцов, убеждая их покидать позиции и обещая скрывать их в своих деревнях»*[1].

Более того, в ряде случаев отступающие советские войска сталкивались с неприкрытой агрессией со стороны татарского населения. Вот что, например, вспоминал офицер 184-й стрелковой дивизии пограничных войск НКВД лейтенант Онищенко, который в ноябре 1941 года отступал с небольшой группой к Севастополю: *«Подойдя к Ялте, мы расположили бойцов в лесу, а сами пошли на окраину города, где встретились с шестью татарами. Поговорив с ними, узнали о занятии Ялты (противником). Попросили хлеба, (они) нам не дали и сказали: "Сдавайтесь в плен, немцы дадут хлеб и накормят". Мы сразу же ушли... Бойцы остались недовольны отношением татар, и сказали, что, хотя и голодны, но в плен не сдадутся, а доберутся к своим»*[2].

Для группы же военного моряка Ф.И. Федоренко встреча с татарами в ноябре 1941 года чуть не закончилась трагически: *«Когда мы пришли в деревню Коуш,* — вспоминал он, — *нам сказали, что татары недружественно настроены в отношении частей Красной армии, и особенно к краснофлотцам. Мы были настороже. Под вечер, когда мы (еще) были в этой деревне, пришла одна машина с немцами. Татары побежали и сообщили им, что в деревне имеются советские солдаты. Но*

[1] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, л. 31; д. 35, л. 62.

[2] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 1, л. 31.

машина с немцами ушла. Мы здесь заночевали, и на следующий день пошли в заповедник искать партизан. Здесь мы столкнулись с группой татар, которые растаскивали партизанскую продовольственную базу»[1].

Дезертирство татар из партизанских отрядов в осенние дни 1941 года было также значительным. Например, по домам разошелся весь Куйбышевский партизанский отряд: 115 человек во главе со своим командиром Ибрагимовым (кстати, позже этот дезертир был повешен немцами, так как выяснилось, что он указал не все места, где находились запасы продовольствия его отряда). Такие же случаи произошли в Албатском и других партизанских отрядах[2]. Забегая вперед, следует сказать, что эта форма дезертирства не была такой концентрированной, как в действующей армии, и была растянута во времени до середины 1943 года, когда начался обратный процесс. Однако это отдельная история, с совершенно другими причинами[3].

Естественно, и дезертиры из частей Красной армии, и из партизанских отрядов не стали сразу коллаборационистами. Тем не менее первый шаг ими был уже сделан, чем не могли не воспользоваться немцы. Известно, что еще в ходе боев за Крым некоторые дезертиры и гражданские лица из числа крымских татар служили при подразделениях вермахта в качестве проводников. По свидетельствам очевидцев, они вполне успешно *«проводили их в обход и наперерез отступающим советским войскам»*[4].

Зимой 1941 года начался новый этап борьбы за Крым. После окончания боев с регулярными частями Красной армии немецкое командование решило положить конец партизанскому движению

---

[1] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 58, л. 41-42.

[2] Кримські татари... — Ч. 1. — С. 368.

[3] Более подробно о взаимоотношениях крымско-татарского населения и советских партизан будет рассказано в одной из следующих глав.

[4] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 35, л. 60.

на полуострове. Усилия оккупантов были весьма значительными. Однако следует признать, что они вряд ли бы увенчались таким успехом, если бы не помощь некоторой части крымско-татарского населения, в основном партизан-дезертиров и тех, кто участвовал в закладке партизанских баз. Только благодаря этим лицам немцы узнали почти все места дислокации партизанских отрядов и разграбили подавляющее большинство запасов продовольствия и снаряжения для них.

***

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что процесс «подрыва лояльности» татарского населения к советской власти был действительно отчасти стихийным. С другой же стороны, нельзя не отметить, что почти одновременно с такими «стихийными проявлениями» немецкие оккупационные власти начинают использовать это недовольство в своих целях и исходя из собственных интересов. Не секрет, что одним из принципов немецкой оккупационной политики на территории СССР было явное или неявное противопоставление нерусских народов и национальных меньшинств народу русскому. В Крыму этот принцип нашел свое отражение в заигрывании оккупационных властей с некоторыми национальными группами путем предоставления им определенных льгот и привилегий.

«В первые же дни образования Симферопольского городского управления, — писал один из свидетелей тех событий, — *я видел целые волны караимов и армян, набросившихся на управление с желанием рвануть себе куски общественного пирога... Цивильные татары бросились в частную торговлю, караимы заняли счетные должности, а армяне — административные. Болгары из-за своей малочисленности... заняли более скромные места: начальников цехов, хлебопекарен и мастерских... Все нерусские ставят себя в положение враждебности к русскому народу и его государственности»*[1].

---

[1] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 31, л. 102.

Последняя фраза является ключевой для понимания всей немецкой национальной политики и национальных отношений на оккупированных территориях. Встречи частей вермахта с хлебом и солью в благодарность за «освобождение от русской власти» случались довольно часто в те дни, и в Крыму в том числе. Например, такое поведение татарского населения было зафиксировано в Бахчисарае[1].

По словам командующего 11-й немецкой армией генерал-полковника фон Манштейна, *«татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более что мы уважали их религиозные обычаи...»*[2]

Этот немецкий военачальник больше, чем кто-либо другой, понимал роль национального фактора в оккупационной политике. Поэтому сразу же после оккупации Крыма находившиеся под его контролем военные и гражданские инстанции разработали целый комплекс мер, который в документах советской разведки и партизанского движения получил название «политики открытого заигрывания с татарским населением». В целом эти меры носили разносторонний характер и заключались в следующем:

- разрешение на создание мусульманских комитетов, которые должны были представлять крымско-татарский народ перед германскими оккупационными властями и опекать его религиозно-культурную жизнь;
- разрешение на создание национальных добровольческих формирований — частей самообороны или «милиции»;
- восстановление старых и открытие новых мечетей;
- предоставление крымским татарам различных льгот (главным образом в экономической сфере), которых не было у остальной части населения;

---

[1] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 35, л. 60.

[2] *Манштейн Э. фон.* Утраченные победы. — М. — СПб., 1999. — С. 248.

- «более культурное» по сравнению с другими отношение к крымско-татарскому населению со стороны оккупационной администрации и немецких войск.

О первой, второй и третьей мерах оккупантов более подробно будет рассказано ниже. Здесь же следует остановиться на экономических льготах и привилегиях, так как на первых порах именно они являлись главной причиной «кризиса лояльности» крымских татар по отношению к советской власти и положительного отношения к власти новой. По словам народного комиссара внутренних дел Крымской АССР майора государственной безопасности Г.Т. Каранадзе немцы применяли по отношению к татарам следующие «хитрые приемы» в течение зимы 1941—1942 годов:

- если у остального населения они силой отбирали часть имущества, главным образом продукты питания, то у татар ничего не брали;
- татарскому населению за проданные продукты питания оккупанты давали столько, сколько татары сами просили, тогда как у представителей других национальных групп продукты забирались под угрозой оружия;
- бывшим «кулакам» возвратили то, что им раньше принадлежало: виноградники, фруктовые сады, скот за счет колхозов, *«причем немцы высчитывают, сколько приплода могло быть за годы, прошедшие после раскулачивания, и выдают его из колхозного табуна»*[1].

В дополнение к этому необходимо сказать, что для татар была проведена организация специальных магазинов, где только они могли покупать продукты питания. Наиболее активным коллаборационистам передали лучшие дома, приусадебные участки и колхозный инвентарь. Кроме того, например, в Симферополе патенты на торговлю выдавались сначала татарам, затем грекам и армянам, а уже в последнюю очередь русским.

[1] Кримські татари... — Ч. 2. — С. 266-267.

Наконец, в том же донесении майор Каранадзе указывал еще на один «хитрый прием» оккупационных властей. *«Немецкое командование в Крыму,* — писал он, — *издало специальный приказ для своих войск, в котором рекомендовалось не трогать татар, не обижать их».* В данном случае имеется в виду приказ генерал-полковника фон Манштейна от 11 ноября 1942 года, в котором он предписывал следующее:

«Всем задействованным против партизан войскам еще раз довести до сведения, что в этом деле важна помощь гражданского населения, особенно татар и мусульман, ненавидящих русских. На эту помощь нужно рассчитывать и опираться во всех случаях. Дисциплина и порядок в задействованных войсках являются лучшим средством пропаганды в этих мероприятиях. Для этого необходимо не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения. Особенно требуется корректное обращение по отношению к женщине. Необходимо постоянно уважать семейные традиции татар и мусульман и их религию. Также требую неукоснительного уважения к личному имуществу, сохранности скота, продовольственных запасов сельских жителей... Я особенно подчеркиваю, что реквизиция продовольствия возможна только с разрешения офицеров в ранге не ниже командира батальона и только тогда, когда нет другой возможности обеспечить снабжение войск. Эти реквизиции (только необходимых продуктов) можно проводить только в больших и богатых населенных пунктах. В горных районах я это делать запрещаю»[1].

Этот документ можно вполне назвать программным, так как его основные пункты, указавшие необходимый стиль поведения оккупационных властей по отношению к крымско-татарскому населению, оставались неизменными до середины 1943 года и способствовали перерастанию первоначальной нелояльности к советской власти в военно-политический коллаборационизм.

---

[1] Германские документы о борьбе с крымскими партизанами... — Вып. 1. — С. 263.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Осенью 1941 года на территории оккупированного немцами Крыма началось создание крымско-татарских мусульманских комитетов — одной из форм прогерманских коллаборационистских организаций. На первый взгляд, это было вполне заурядным событием: в том или ином виде подобные организации создавались во всех подконтрольных Третьему рейху регионах СССР. Тем не менее именно сотрудничество крымско-татарских националистов с военно-политическим руководством Германии как в капле воды отразило все противоречия ее «восточной политики». И отсутствие единой концепции этой политики, и борьбу националистов за предоставление широких политических прав, и недоверие различных немецких инстанций к представителям антисоветской эмиграции, и конфликты этих инстанций за влияние на националистические организации. Наконец, деятельность крымско-татарских коллаборационистских организаций является показательной с точки зрения использования исламского фактора во внешней политике нацистов.

***

Итак, по порядку. В конце декабря 1941 года в Бахчисарае был создан так называемый Мусульманский комитет, который возглавили Д. Абдурешидов и два его заместителя — И. Керменчиклы и О. Меметов. Через несколько дней комитет переехал в Симферополь. По замыслу его основателей, эта организация должна была представлять всех крымских татар и руководить всеми сферами их жизни. Однако начальник полиции безопасности и СД СС-оберфюрер О. Олендорф, при поддержке которого она была создана, сразу же запретил им называть комитет «крымским», оставив в его названии только слово «симферопольский». В этом качестве он должен был служить только примером районным мусульманским комитетам, которые стали создаваться в других городах и населенных пунктах Крыма в январе—марте 1942 года (за исключением Севастополя, мусульманские комитеты были в дальнейшем созданы так-

же в Евпатории, Ялте, Алуште, Карасубазаре, Старом Крыму и Судаке) [1].

Персональный состав Симферопольского мусульманского комитета состоял из 18 человек: президента, двух его заместителей и пятнадцати членов, каждый из которых отвечал за определенную сферу деятельности. Все члены комитета в обязательном порядке утверждались начальником полиции безопасности и СД генерального округа «Таврия»[2].

Согласно уставу, главной целью создания комитета было содействие немецкой оккупационной администрации во всех направлениях ее деятельности. Решением же каждого конкретного вопроса должен был заниматься соответствующий отдел, которых в структуре комитета было создано пять:

- 1-й — по борьбе с бандитами (т.е. с советскими партизанами) — собирал сведения о партизанских отрядах, коммунистах и других «подозрительных элементах», которые могли мешать немецким и татарским интересам (отдел работал в тесном контакте с соответствующими службами начальника полиции безопасности и СД);
- 2-й — по комплектованию добровольческих формирований;
- 3-й — по оказанию помощи семьям добровольцев (занимался снабжением сотрудников мусульманского комитета, родственников и семей добровольцев, служивших в частях вермахта и полиции, а также нуждающегося татарского населения);
- 4-й — пропаганды и агитации (в ведении этого отдела находились все вопросы национальной культуры, так как в уставе комитета прямо было сказано, что «все они тесно связаны с пропагандой»; кроме того, его руководителю подчинялись крымско-татарские пропагандисты в «добровольческих организациях», кураторы народного образования, учреждений культуры и искусства, а также персонал редакции газеты *«Azat Kirim»* («Освобожденный Крым»);

---

[1] *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне... — С. 61-62.

[2] РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 87об.

- 5-й — религии (занимался открытием мечетей и обучением мулл, а также духовным окормлением татарских добровольцев; кроме того, это был единственный отдел, директивам которого могли подчиняться отделы религии районных мусульманских комитетов) [1].

Штат каждого отдела состоял в целом из 4—5 человек: руководителя, его заместителя, секретаря отдела, переводчика, машиниста или писца. Отдел пропаганды и агитации, как один из важнейших и специфических, имел в своем штате еще и должность пропагандиста. Каждый член каждого отдела и все члены мусульманского комитета работали не на общественных началах, а получали соответствующее штатному расписанию жалованье: от 800—900 оккупационных рублей у руководителя и 500 — у секретаря (в 1941—1944 годах десять оккупационных рублей равнялось одной оккупационной марке). Председатель комитета и его заместители получали по 1100 рублей. За год получалась значительная сумма. Так, согласно отчету начальника полиции безопасности и СД, фонд заработной платы Симферопольского мусульманского комитета составил в 1943 году почти 140 тыс. оккупационных рублей (почти 12 тыс. рублей в месяц).

Все районные мусульманские комитеты имели такую же структуру и в своих действиях в целом руководствовались (хоть и неофициально) указаниями Симферопольского комитета. Разумеется, на содержание этих комитетов уходило гораздо меньше средств. В некоторых же районах их члены работали на общественных началах[2].

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol, s. 1—-3.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Der Etat für das Tatarenkomitee Simferopol für das Jahr 1943, s. 1.

Простое перечисление отделов Симферопольского комитета показывает, что он и аналогичные организации на местах были весьма ограничены в своей деятельности. В целом ее можно свести к трем основным направлениям:

- помощь в организации татарских коллаборационистских формирований и все, что с этим связано (так или иначе, этим занимались все пять отделов),
- пропагандистская обработка крымско-татарского населения (4-й и 5-й отделы) и
- посредничество и контроль в распределении тех экономических льгот и привилегий германских оккупационных властей, которые они предоставили татарскому населению (3-й отдел) [1].

Тем не менее несмотря на полный запрет политической деятельности со стороны немецкой оккупационной администрации, лидеры крымско-татарских националистов не оставляли надежды получить более широкие полномочия, вплоть до провозглашения в Крыму татарского государства и создания собственной национальной армии. Эта «борьба» продолжалась с переменным успехом до апреля—мая 1944 года и закончилась полным поражением крымско-татарских националистов — на этом этапе им ничего от немцев добиться не удалось. Лето 1944-го — весна 1945 года — период борьбы за политические права в эмиграции. Однако там уже действовали совершенно другие люди, которые хоть и добились определенных политических преференций со стороны нацистов, но слишком поздно — Красная армия уже стояла на Одере. Слово «борьба» в предыдущем предложении намеренно взята нами в кавычки, так как историю взаимоотношений татарских комитетов и нацистской оккупационной администрации таковой можно назвать только весьма условно. Тем не менее эти взаимо-

---

[1] *Ефимов А.* Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941-1944 гг. // Профи. — 1999. — № 6-7. — С. 17.

отношения имели несколько кульминационных моментов, когда конфликт все-таки был налицо. Это:

- так называемая «компания меморандумов»,
- вопрос о воссоздании крымского Муфтиата и
- взаимоотношения с представителями крымско-татарской эмиграции.

«Компания меморандумов» (будем называть ее условно так) была связана с претензиями членов Симферопольского мусульманского комитета на руководство всеми сферами жизни крымских татар. Естественно, что со временем такие претензии должны были перерасти в борьбу за политические права и свободы (и, вполне возможно, что в борьбу уже без кавычек). Однако в данном случае все ограничилось только меморандумами. Так, в апреле 1942 года группой руководителей Симферопольского комитета (Д. Абдурешидов, И. Керменчиклы, Г. Аппаз и др.) были разработаны новый устав и программа деятельности этого органа. При этом были выдвинуты следующие главные требования, предполагавшие:

- восстановление в Крыму деятельности партии «Милли Фирка»[1] (многие члены Симферопольского комитета были в прошлом членами этой партии);

---

[1] «Милли Фирка» (с крымско-татарского — «Национальная партия»). Образована в июле 1917 г. группой молодых интеллигентов, получивших образование в Турции и Западной Европе. Основатели и члены Центрального комитета партии — Н. Челеби Джихан (Челебиев), Д. Сейдамет, Г. Айваз (редактор центрального органа партии газеты «Миллет»), Х. Чапчакчи, А. Озенбашлы и др. Партия придерживалась национал-демократической идеологии и выступала за построение светского общества. Некоторые члены находились под влиянием идей пантюркизма (Д. Сейдамет). В разные периоды политические цели партии варьировались от «национально-культурной автономии» крымских татар до создания «независимого Крымского ханства». В ноябре—

- создание татарского парламента,
- создание татарской национальной армии,
- создание самостоятельного татарского государства под протекторатом Германии.

Эти устав и программа была поданы на рассмотрение в Берлин, однако их утверждения не произошло. Нам же эта история интересна с той точки зрения, что с этого момента крымско-татарские коллаборационисты на территории полуострова разделились на два лагеря. И авторы этого меморандума со временем стали представлять первый из них, который был готов добиваться своих целей даже путем тотального сотрудничества с оккупантами[1].

декабре 1917 г. в Бахчисарае по инициативе партии был созван Курултай (конгресс) крымско-татарского народа, который избрал национальное правительство — Директорию. В январе 1918 г., после установления в Крыму советской власти, партия ушла в подполье. После захвата Крыма германскими войсками (весна 1918 г.) часть членов партии пошла на сотрудничество с ними (Д. Сейдамет и др.). Уход оккупантов из Крыма и установление власти пророссийского 2-го Крымского краевого правительства Соломона Крыма означал провал планов части членов партии по созданию на полуострове независимого Крымского ханства. С захватом Крыма Белой армией в партии произошел раскол: левое крыло выступило за поддержку большевиков и Советской России, а правое пошло на сотрудничество с белогвардейцами. После окончательного установления советской власти в Крыму (ноябрь 1920 г.) большинство членов левого крыла партии вступило в Коммунистическую партию, а сама «Милли Фирка» была запрещена. В дальнейшем многие из них были репрессированы (1920-е гг.), другие осуждены в 1930—1940-х гг. Часть же членов партии перешла с конца 1920-х гг. на нелегальное положение. (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. — М., 1996. — С. 361-362.)

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 41, л. 15.

Возникновение второго лагеря связано с именем одного из лидеров крымско-татарского национального движения 1917—1920 годов А. Озенбашлы. До августа 1943 года этот деятель проживал в Павлограде, куда его сослала советская власть, и работал там врачом-невропатологом. Летом 1942 года несколько представителей Симферопольского мусульманского комитета навестили Озенбашлы. Как нетрудно догадаться, их целью было пригласить его в Крым. И националисты, и немцы (с разрешения которых была предпринята эта поездка) понимали, что, пожалуй, во всем СССР нет больше такого влиятельного крымско-татарского лидера. При этом и члены комитета, и оккупанты преследовали совершенно разные цели. Последние хотели воспользоваться авторитетом Озенбашлы среди крымских татар и тем самым как бы освятить свою политику на полуострове. По их замыслам, призыв к сотрудничеству с немцами со стороны такого человека не оставил бы равнодушным ни одного крымского татарина. Националисты в принципе хотели того же, но совершенно для противоположных целей: с помощью такого авторитетного лидера, каким являлся Озенбашлы, они надеялись получить от немцев больше политических свобод. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, этот опальный политический деятель был принципиальным противником сотрудничества с оккупантами в той форме, в какой это ему предлагалось. Поэтому он особенно и не спешил в Крым. Члены же комитета и немцы настаивали. Чтобы как-то успокоить их, а заодно и проверить степень немецкой готовности идти на уступки крымским татарам, он в ноябре 1942 года написал меморандум, в котором изложил программу сотрудничества между Германией и крымскими татарами, основные положения которой заключались в следующем:

- признание крымских татар коренным народом Крыма и народом-союзником Германии;
- признание прав крымских татар, заработанных пролитой ими кровью;

- свободное возвращение на родину всех крымских татар, находящихся в изгнании или оказавшихся за пределами Крыма по другой причине;
- возвращение всем крымским татарам их земельных владений, которые они утратили в годы коллективизации;
- возвращение религиозным организациям их земельных владений — вакуфов;
- создание пользующегося доверием народа религиозного и национального центра.

В январе—феврале 1943 года этот меморандум был передан во все основные немецкие инстанции, которые занимались «восточной политикой». Более того, Озенбашлы настаивал, чтобы с ним был ознакомлен весь татарский народ. Однако выполнение подобных требований не входило в планы нацистского руководства, поэтому начальник полиции безопасности и СД счел «более благоразумным» не давать ход этому документу на территории Крыма. В Германии же он также не возымел никакого действия, как крымско-татарская эмиграция ни старалась популяризовать его[1].

Тем не менее в августе 1943 года Озенбашлы все-таки был вынужден приехать в Крым. Однако и здесь он не оставлял планов направить крымско-татарский народ по некоему «третьему пути». Находясь в Бахчисарае по случаю празднования Курбан-байрама (октябрь 1943 года), он получи приглашение от местного мусульманского комитета выступить с речью перед собравшимся народом. И члены этого комитета и присутствовавшие на собрании немцы думали, что он будет призывать татар к полному сотрудничеству с Германией. Однако на деле получилось не так. Хоть и в завуалированной форме, Озенбашлы, опираясь на исторические примеры, призвал крымских татар думать прежде всего о своих национальных правах. От позиции

[1] *Kirimal E.* Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. — Emsdetten, 1952. — S. 315.

же, которую занимали крайние коллаборационисты, он в целом предостерег народ. Известно, что после собрания Озенбашлы домой уже не вернулся: опасаясь репрессий со стороны СД, он тайно выехал в Одессу, которая находилась в зоне румынской оккупации. Зимой 1943 года он выехал в Румынию, где и был впоследствии арестован советскими органами[1].

Озенбашлы чуть больше года контактировал с крымскими коллаборационистами, еще меньше он пробыл на самом полуострове: всего около трех месяцев. Тем не менее его влияние на ситуацию в Крыму (и до, и после приезда) было колоссальным. Еще до возвращения Озенбашлы на родину, зимой 1942 года, под воздействием его идей в составе Симферопольского мусульманского комитета была организована оппозиционная группа (А. Куркчи, Э. Куртсеитов и др.), которая считала, что крымским татарам надо искать свой «третий путь между гитлеризмом и сталинизмом», опираясь на основные положения программы уже упоминавшейся партии «Милли Фирка». В середине декабря 1942 года ими даже была предпринята попытка сместить крайнего коллаборациониста Абдурешидова с поста председателя комитета. Этот «дворцовый переворот» увенчался успехом и был весьма показательным[2].

Справедливости ради следует сказать, что в этой истории без вмешательства немцев не обошлось. Они вполне сознательно пошли на смену прежнего руководства комитета, и вот по каким причинам. Во-первых, оккупационные власти были недовольны участием группы Абдурешидова в подготовке пер-

---

[1] *Озенбашлы М., Сеитбекиров Э.* Всем злым наветам вопреки он слился с благословенной землей родного Бахчисарая // Голос Крыма. — 2003. — № 9. — С. 7.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Der SS- und Polizeiführer, Kommandeur der Sicherheitspolizei u.d. SD für die Krim, O.U., den 12.2.1943, An das Tatarische Komitee in Simferopol, s. 1.

вого меморандума о немецко-татарских взаимоотношениях. Во-вторых, они надеялись, что сторонники Озенбашлы пользуются гораздо большим авторитетом среди простых татар, чем их оппоненты. В результате на заседании комитета 11 декабря 1942 года Абдурешидов был смещен, а его место занял Э. Куртсеитов. Однако и здесь немцы остались верными себе: чтобы сохранить баланс сил, они не разрешили переизбирать членов комитета полностью: в новом составе их и старых членов было примерно поровну. Не был окончательно забыт и Абдурешидов. В этом составе комитета он стал вторым заместителем председателя. Однако уже осенью 1943 года немцы поняли, что эти националисты ничем не лучше предыдущих, только более амбициозные и неуправляемые. И в этом их лишний раз убедила программа «оппозиционеров», которая была тайно подготовлена в октябре 1943 года. Программа эта представляла собой варианты действия крымско-татарских националистов на случай того, проиграет или выиграет войну гитлеровская Германия. В целом она предусматривала следующее:

- вариант первый: Германия явно будет победителем во Второй мировой войне. Тогда следует помогать ей как можно сильнее, а после окончания войны просить предоставления Крыму независимости;
- вариант второй: Германия победит в войне, но явно видно, что выйдет она из нее обессиленной. В этом случае также следует помогать ей, а после войне уже не просить, а требовать независимости. При этом инструментом давления должны стать татарские добровольческие формирования;
- вариант третий: войну выигрывает Англия. В связи с этим в дело должен вступить проживающий в Турции Д. Сейдамет — один из старейших крымско-татарских националистов. Он пользовался репутацией антинациста, и поэтому к его мнению могли прислушаться в Лондоне. При таком развитии событий Сейдамет переезжал в Крым и уже оттуда, добившись оправдания для сторонников Озенбашлы,

должен был просить о предоставлении Крыму независимости. Разумеется, что этот вариант можно было осуществить только в том случае, если бы на территории полуострова оставались немецкие войска или если бы он был занят британцами;

- и, наконец, четвертый вариант: Турция вступает в войну на стороне Англии, и они совместно разбивают Германию. В этом случае Сейдамет опять вступал в дело, но уже с другими требованиями: как и выше, он должен был добиваться независимости Крыма, но с условием передачи его под протекторат Турции[1].

Вскоре эта программа, без сомнения, стала известна начальнику полиции безопасности и СД. Поэтому почти сразу же после бегства Озенбашлы немцы еще раз сменили руководство Симферопольского комитета: Абдурешидов и его люди вернулись на свои прежние места. Здесь следует подчеркнуть, что в тех военно-политических условиях иначе быть и не могло, хотя, конечно, такая «чехарда» не лучшим образом отражалась на немецко-татарских взаимоотношениях. В итоге немцы одержали полную победу на этом фронте «борьбы» с татарскими националистами. Поэтому уже в декабре 1943-го — январе 1944 года ни столичный мусульманский комитет, ни районные комитеты даже и не пытались проявлять какую-нибудь политическую активность. Вся их деятельность была сведена к решению хозяйственных, благотворительных или религиозных вопросов. Например, из отчета Симферопольского комитета за январь—март 1944 года хорошо видно, чем занималась эта организация в самые последние месяцы немецкой оккупации. Так, по словам Абдурешидова, *«комитет поставил перед собой в качестве основной своей задачи вопрос оказания помощи крестьянам предгорных деревень, эвакуированных германским командованием в безопасные райо-*

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 31.

ны, вследствие бесчинств, творимых бандитами (советскими партизанами)»[1].

И надо сказать, что члены комитета довольно серьезно отнеслись к этому роду деятельности. Из того же отчета явствует, что за два месяца они проделали следующую работу:

1. Транспортными средствами комитета была организована перевозка эвакуированных татар в указанные германским командованием районы;

2. Часть эвакуированных была распределена по домам частных лиц, часть — отправлена в общежитие Дома крестьянина. А наиболее нуждающиеся из них были обеспечены продуктами питания;

3. В целях оказания материальной помощи эвакуированным лицам, среди татарского населения Симферополя был организован сбор пожертвований. Всего было собрано почти 136 тыс. рублей, которые были распределены между 3105 зарегистрированными при комитете семьями. Более того, в тот же период этим же семьям было выдано 207 кг продуктов, 20 кубических метров дров и 208 штук различной одежды.

Следует сказать, что, несмотря на ухудшающуюся обстановку, Симферопольский мусульманский комитет и далее планировал проводить хозяйственную и благотворительную работу. Например, в заключительной части того же отчета Абдурешидов отметил, что на март—апрель 1944 года им запланированы следующие мероприятия:

1. Организация обряда обрезания для детей-сирот и детей нуждающихся родителей Симферополя и Симферопольского района;

2. Открытие в Симферополе шестимесячных подготовительных курсов для молодежи, которую планировалось отправить для учебы в высших учебных заведениях Германии;

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 36.

3. Открытие в Симферополе ремесленных школ для подготовки из татарской молодежи специалистов, с целью их дальнейшего использования в различных отраслях хозяйства[1].

Однако этим планам так и не суждено было претвориться в жизнь. Как доносил один из партизанских разведчиков, в последние два месяца оккупации большинство районных татарских комитетов практически не функционировали. И даже Симферопольский мусульманский комитет состоял фактически только из одного человека — «спекулянта» Абдурешидова. Хотя в комитете на тот момент числилось еще 11 членов, ни один из них участия в его работе не принимал. Следует сказать, что «лейтмотивом» этого донесения были следующие слова: *«В настоящее время в Крыму нет такого человека, который пользовался бы авторитетом среди татар»*[2].

Но и на этом история мусульманских комитетов в Крыму не закончилась. Как уже говорилось выше, в начале 1944 года немцы предприняли запоздалую попытку свести воедино все свои усилия по использованию политического коллаборационизма. В январе этого года командующий войсками вермахта в Крыму генерал-полковник Йёнеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове местного правительства (Landesregierung). Одной из основ для его создания должны были послужить мусульманские комитеты. Однако на этот раз немецкая попытка окончилась полным провалом[3].

***

Еще одной стороной немецко-татарского политического конфликта стала история с воссозданием крымского Муфтиата. В данном случае она развивалась следующим образом.

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 36-37.

[2] *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне... — С. 63.

[3] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 108-110rs.

Не секрет, что германское военно-политическое руководство в целом очень положительно относилось к исламу, стараясь сделать мусульман своими союзниками в борьбе против СССР и Англии. Более того, на некоторых оккупированных территориях Советского Союза «исламский фактор» стал одним из инструментов германской национальной политики. Например, на Северном Кавказе и в Крыму местные оккупационные власти всячески способствовали его возрождению (открытие мечетей, помощь в подготовке духовенства и т.п.). Но одновременно, и этот парадокс замечают все исследователи, оккупанты препятствовали избранию высшего мусульманского духовенства — муфтиев. Причины такой политики были очевидны, тем не менее например, крымско-татарские националисты просто не желали их замечать, что впоследствии и привело к такому негативному результату. Последний крымский муфтий Нуман Челеби Джихан был расстрелян большевиками еще в 1918 году, а его преемник, в силу целого ряда причин, так и не был избран. После оккупации Крыма и создания мусульманских комитетов татарские националисты стали поднимать перед оккупационными властями этот вопрос, надеясь на их полное содействие. Здесь следует сказать, что они преследовали не только цели централизации духовной жизни мусульманского населения Крыма. Понимая, что немцы, скорее всего, не разрешат создать центральный политический орган для всех мусульманских комитетов, они надеялись обрести таковой в воссозданном Муфтиате.

Подчеркнем, что крымско-татарские националисты не были одиноки в своих усилиях и имели достаточно влиятельных союзников в германских военно-политических кругах. Один из них — сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных областей Г. фон Менде — так аргументировал положительные стороны появления прогермански ориентированного муфтия на Крымском полуострове: *«Исламский мир — это единое целое. Поэтому шаг Германии навстречу мусульманам*

на Востоке неминуемо вызовет соответствующие настроения у всех мусульман»[1]. Наконец, за скорейшее избрание крымского муфтия выступал и Хаджи Амин эль-Хуссейни — пронацистски настроенный Великий муфтий Иерусалима, надеявшийся таким образом сосредоточить всю мусульманскую активность в своих руках.

Как видно, все эти три группы преследовали разные цели, которые были явно недостаточными для того, чтобы сдвинуть вопрос о Муфтиате с мертвой точки (по выражению американского исследователя А. Даллина, их активность в этот период иначе как «спящей» назвать трудно). Однако в октябре 1943 года произошли события, которые заставили их сильно активизироваться. А произошло вот что. Советская власть отошла наконец от воинствующей антирелигиозной политики и разрешила избрать муфтия всех советских мусульман, резиденцией которого стал Ташкент. Первыми на это событие отреагировали в Министерстве по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга. Руководитель его крымско-татарского отдела Р. Корнельсен и уже упоминавшийся фон Менде подготовили меморандум, в котором германскому военно-политическому руководству они предлагали следующие ответные меры: *«Чтобы более эффективно противостоять этой большевистской инициативе, которая, как показывают события, оказала огромное влияние на мусульманский мир, мы, со своей стороны, должны делать все для активной борьбы с ней. Необходимо немедленно сделать ответный ход и показать, что выборы ташкентского муфтия являются нелегитимными, а сам он — не более чем марионетка в руках Москвы»*[2].

Наиболее же эффективной формой противодействия, как казалось авторам меморандума, может быть только созыв конгресса высших духовных мусульманских лиц Крыма, Кавказа, Туркеста-

---

[1] Цит. по: *Dallin A.* Op. cit. — P. 267.

[2] *Ibid.* — P. 268.

на и Поволжья. Более того, на этом конгрессе германская сторона обязывалась дать торжественное обещание способствовать выборам крымского муфтия. Все это должно было проходить в присутствии Великого муфтия эль-Хуссейни, который приглашался на конгресс в качестве почетного гостя. После конгресса планировались выборы, которые, правда, предполагалось сделать не более чем фикцией, так как кандидат на пост муфтия был уже отобран Корнельсеном заранее. Новым духовным лидером крымских мусульман должен был стать А. Озенбашлы[1].

После незначительной доработки этот документ был передан на рассмотрение в Верховное командование сухопутных войск (ОКХ), в ведении которого находилась оккупационная администрация на территории Крыма. Проект был весьма заманчивым, однако армейское руководство решило его заблокировать. Уже одно упоминание Озенбашлы в качестве кандидата на пост муфтия убедило немецких генералов в том, что будущая мусульманская инстанция — это не более чем очередной центр для политической активности и интриг крымско-татарских националистов. Об этом весьма откровенно свидетельствовал тот факт, что самыми рьяными сторонниками идеи воссоздания крымского Муфтиата были «поклонники» Озенбашлы в Симферопольском мусульманском комитете, которые незадолго до этого свергли его первоначальное руководство.

Кроме того, Крым в этот период представлял собой уже «осажденную крепость», а создание в ней политического центра на мусульманской основе могло только обострить и без того напряженные межнациональные отношения на полуострове. Наконец, по мнению командующего войсками вермахта в Крыму, татары попросту «не заслуживали такой чести». Так, в

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Sprachendienst des Reichsminiserium für die besetzen Ostgebiete, Betr. «Die Frage der mohamedanischen Religien in der Krim», bl. 1-6.

одном из его донесений в Министерство оккупированных восточных областей (от 28 февраля 1944 года) прямо указывалось, что *«создание какого-либо местного правительства только на мусульманской основе или воссоздание Муфтиата в Крыму являются неприемлемыми... Согласие же с таким мнением означало бы полный разрыв со всей предыдущей политикой»*[1].

Естественно, что такой вердикт означал конец проекта по воссозданию крымского Муфтиата даже несмотря на то что разговоры о нем сотрудники Розенберга вели еще до осени 1944 года. Справедливости ради стоит сказать, что Озенбашлы также не очень рвался занять этот пост: его отношение к сотрудничеству с немцами было тогда уже хорошо известно, и не только в Крыму.

***

Вся эта история с крымским Муфтиатом закончилась ничем, и ничего хорошего, кроме обострения отношений крымско-татарских националистов с германской военной администрацией на полуострове, не принесла. Однако сама борьба «за» Муфтиат или «против» него между ведомством Розенберга и вермахтом была не единственной причиной этого обострения. Дело в том, что в подготовке меморандума Корнельсена значительную роль сыграли те представители крымско-татарской эмиграции, которые были прикреплены к его отделу. Они-то и посоветовали ему выбрать кандидатуру Озенбашлы на пост муфтия, полагая, что он полностью будет находиться под их контролем. Армейское же командование и здесь усмотрело угрозу своим прерогативам. Начиная с момента оккупации Крыма оно всячески противодействовало сближению местных националистов и представителей крымско-татарской эмиграции. Руководство военной администрации, и не без основания, опасалось, что подобное сближение только усилит требования членов мусульманских комитетов по предоставлению им поли-

[1] *Kirimal E.* Op. cit. — S. 316.

тических прав. Однако чтобы понять причины этого, следует вернуться в лето 1941 года.

Но вначале немного истории. После окончания Гражданской войны в России некоторая часть крымско-татарских политических лидеров была вынуждена отправиться в эмиграцию. В целом они осели в Польше, Румынии и Турции, где продолжали заниматься политической деятельностью. Надо сказать, что деятельность эта была очень вялой, даже по сравнению с другими национальными группами эмигрантов: ни в 20-е, ни в 30-е годы прошлого века о какой-либо политической жизни крымских татар за пределами Крыма практически ничего не было слышно. Единственной акцией, в которой участвовали лидеры крымско-татарского национального движения, была деятельность так называемой организации «Прометей» (конец 1920-х — 1930-е годы). Это детище польской разведки объединяло в своих рядах представителей политической эмиграции нерусских народов России и занималось в основном пропагандой[1].

К чести лидеров татарской эмиграции следует признать, что они не были замешаны в связях с нацистами ни до, ни после прихода к власти последних. Не сотрудничали они и с немецкой военной разведкой — абвером, что тогда являлось общим «грехом» для многих эмигрантских политических деятелей. Более того, такой видный крымско-татарский националист, как упоминавшийся выше Д. Сейдамет, был настроен даже явно антинацистски. А с началом Второй мировой войны его мнение только укрепилось. Немецкий историк П. фон цур Мюлен писал, что *«симпатии Сейдамета были явно на стороне польского эмигрантского правительства в Лондоне, с которым он поддерживал тесные связи»*[2]. Нападение Германии

---

[1] Более подробно об организации «Прометей» смотри: *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм. — М., 2003. — С. 90-96; *Симонова Т.М.* Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // ВИЖ. — 2001. — № 11. — С. 42-48.

[2] *Mühlen P.* von zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. — Düsseldorf, 1971. — S. 119.

на Советский Союз вызвало у проживавшего в Турции Сейдамета двойственное чувство. С одной стороны, он продолжал оставаться на своей антинацистской позиции. С другой же стороны, вся политическая активность, которой стала заниматься крымско-татарская эмиграция, проходила явно с его молчаливого одобрения[1].

А она началась довольно рано. Так, уже в октябре 1941 года несколько крымско-татарских эмигрантов написали меморандум во Внешнеполитический отдел нацистской партии, руководителем которого являлся все тот же А. Розенберг. В этом меморандуме они, со ссылками на татарско-германское сотрудничество 1918 года, изложили свое видение будущего Крымского полуострова. Естественно, что в их планах он должен был быть союзным Третьему рейху татарским государством[2].

В ноябре 1941 года настроенный пронемецки турецкий генерал Х. Эркилет обратился с письмом к послу Германии в Турции Ф. фон Папену, в котором просил дать въездную визу двум крымско-татарским политическим деятелям — проживавшим соответственно в Турции и Румынии Э. Кырымалу (бывшему члену «Прометея») и М. Улькюсалю. В своем письме он так характеризовал их: *«Это весьма надежные люди. Прошу послать их обоих в Крым и использовать там в общих германо-турецких интересах. Они не владеют немецким языком, но хорошо говорят по-русски».* В декабре 1941 года оба крымско-татарских политика прибыли в Берлин, где попытались вступить в переговоры с германскими властями. В ходе этих встреч они выразили пожелания по поводу судьбы Крыма (такие же, как и в вышеуказанном меморандуме) и попросили допустить их в лагеря военнопленных на территории южной Украины и Крыма, где содержались крымские татары. Разговоры о независимости Крыма немцы приняли к сведению. В просьбе же посетить лагеря они отказали, сославшись на карантин. Позднее, с разрешения Розенберга, им удалось по-

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 31.

[2] *Mühlen P.* von zur. Op. cit. — S. 119.

бывать в Польше, Литве и Белоруссии, где мусульманское население также было весьма значительным. Еще одним результатом поездки в Берлин стало то, что этим эмигрантам, пусть и неофициально, удалось заложить основы для будущего представительства крымских татар в Германии.

Весь следующий год прошел в решении организационных вопросов и укреплении позиций крымско-татарского представительства. За это время в нем произошли значительные изменения. Улькюсаль покинул своего компаньона и вернулся в Румынию. Поэтому Кырымалу срочно пришлось искать себе нового заместителя. Весной 1942 года им стал еще один эмигрант — А. Сойсал. Кроме того, берлинское представительство выросло количественно: теперь в его составе было уже 12 человек. Стали более ясными и ближайшие политические цели, которые эта группа ставила перед собой. Так, первоочередными из них были признаны следующие:

- облегчение участи крымско-татарских военнопленных и «восточных рабочих», вывезенных в Германию;
- перемещение в Крым мусульманского населения из Литвы, Белоруссии и Румынии, с целью увеличить процент татарского населения на полуострове;
- наконец, попытаться наладить связь с татарской общественностью на территории Крыма.

Зная эти цели берлинского представительства, немцы более года запрещали его членам посещать полуостров. Как ни странно, первым, кто выступал против, был будущий генеральный комиссар «Таврии» А. Фрауэнфельд. Во-первых, его беспокоили политические амбиции берлинских эмигрантов. Во-вторых, ему явно не нравились их переселенческие планы (среди нацистского партийного руководства Фрауэнфельд был одним из главнейших адептов будущей германизации полуострова). Тем не менее в июле 1942 года он был вынужден сообщить Кырымалу, что признает его «штаб, как полномочное представительство крымских татар», но не более чем в сфере экономических и гуманитарных интересов. Следует ска-

зать, что на его согласие повлияла позиция уже упоминавшегося профессора фон Менде, который в министерстве Розенберга занимался тюркскими и кавказскими народами[1].

В ноябре 1942 года Кырымал и его команда получили наконец разрешение приехать в Крым. Целью их визита была встреча с представителями местной крымско-татарской общественности. Поэтому уже 16 декабря, после согласования этого вопроса с начальником полиции безопасности и СД, берлинская делегация провела совместное заседание с членами Симферопольского мусульманского комитета. Кырымал и его коллега А.-Х. Балич информировали актив комитета о работе своего представительства и сообщили о полученном разрешении на переселение в Крым 25 тыс. татар. Причем 600 из них, главным образом сельскохозяйственные и технические специалисты, были уже наняты и готовы к переезду. Руководство комитета высказало свое полное одобрение деятельности берлинского штаба, признало его руководящую роль, и избрало в свой состав обоих докладчиков[2].

Следует признать, что это заседание было огромным тактическим успехом Кырымала и его команды. Теперь они могли с полным правом сказать немцам, что представляют не только эмигрантов, но и весь крымско-татарский народ: большой «плюс», которым не могло похвастаться ни одно из национальных представительств. Эта поездка и ее результаты привели к тому, что теперь Министерство по делам оккупированных восточных областей *de jure* подтвердило то, что фактически уже существовало. Штаб Кырымала был признан единственным представителем интересов крымско-татарского народа и стал теперь официально именоваться Крымско-татарский национальный центр. Это произошло в ян-

---

[1] *Ibid.* — S. 123-124.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Major Gesandter von Hentig an den Oberbefehlshaber der Krim General Mattenklodt, Berlin, den 5. November 1942, bl. 1-2.

варе 1943 года. А уже в ноябре того же года при министерстве Розенберга был создан специальный Крымско-татарский отдел *(Krimtataren Leitstelle)*, который и должен был давать указания Кырымалу и его людям[1].

По трагической случайности первым совместным шагом руководителя отдела доктора Корнельсена и Кырымала стала их попытка избрать крымского муфтия. О том, как это происходило и к чему привело, было подробно рассказано выше. Здесь можно только добавить, что принять сан муфтия Озенбашлы уговаривал именно Кырымал. Для этого он специально летал в Бухарест, но так и не смог ничего сделать, чтобы заставить старого националиста встать на пронемецкую позицию.

Еще одним направлением работы Кырымала в этот период стали попытки спасти крымско-татарский актив. Наступал 1944 год, и все понимали, что рано или поздно Красная армия освободит полуостров. Чтобы как-то приободрить местных коллаборационистов, Кырымал сообщил им, что после ухода вермахта из Крыма все татары будут эвакуированы со всем их имуществом. Это свое заявление он согласовал только с Корнельсеном, совершенно «забыв» поставить в известность другую заинтересованную сторону — штаб командующего войсками вермахта в Крыму. Реакция на эту оплошность последовала незамедлительно. Генерал-полковник Йёнеке обратился к своему непосредственному начальнику — командующему группы армий «А», и попросил его довести до сведения подчиненных Розенберга следующую информацию: исключительно по всем вопросам эвакуации из Крыма необходимо обращаться только в военные инстанции. Запрашивать об этом следует, сохраняя, по возможности, строгую секретность, и не делать из этой чисто

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Befehlshaber Krim, Abt. VII, Tgb. Nr. 240/43, St. Qu., den 1. April 1943, Betr. «Besuch der tatarischen Emigranten Kirimal und Balitsch», bl. 1.

военной акции политического мероприятия. Далее Йёнеке выражал следующее пожелание: *«Мы считаем неприемлемым, когда крымские татары действуют через своих представителей-эмигрантов без постановки в известность об этом командования армии. В дальнейшем, чтобы исключить подобное давление со стороны эмигрантов и местных татарских активистов, предлагаем Крымско-татарскому отделу или Министерству по делам оккупированных восточных областей информировать нас о результатах всех происходящих там совещаний»*[1].

Помимо общей неприязни руководства вермахта к политической активности крымских татар, эту позицию Йенеке также можно объяснить еще и тем, что в этот период он как раз вынашивал планы по созданию местного крымского правительства, речь о котором шла выше. Кырымал же своим обращением заранее перечеркивал весь эффект от этого мероприятия. В конце концов ему все-таки удалось договориться об эвакуации 60 активистов, 20 из которых сразу же пополнили ряды Крымско-татарского отдела министерства Розенберга. Еще около 2 тыс. (в основном бойцы добровольческих формирований) были вывезены морем после начала боев за полуостров[2].

План Йёнеке по созданию местного правительства, хоть и не осуществившийся, означал, по сути, предел для всех фантазий о каких-либо отдельных крымско-татарских политических формах. А могло ли быть в тех условиях иначе? Следует признать, что нет. И вина здесь не только членов комитета, которые не пользовались должным авторитетом среди своих соплеменников. Многие высшие немецкие чиновники в Берлине на словах были за предоставление татарам определенных политических льгот и привилегий. Однако на деле их представители на местах поступали с точностью до наоборот.

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 109-109rs.

[2] Mühlen P. von zur. Op. cit. — S. 125, 127.

Из всего сказанного ясно, что ни вермахт, ни даже гражданская администрация в лице своего представителя Фрауэнфельда не были, мягко говоря, заинтересованы в создании крымско-татарской государственности. И тому, как мы убедились, была масса причин. Но и полицейские структуры, которые, казалось, были инициаторами создания мусульманских комитетов и уже даже в силу конкуренции с двумя предыдущими ветвями власти должны были действовать им наперекор, не очень спешили с легализацией политической деятельности крымских татар. Так, в одном из отчетов начальника полиции безопасности и СД «Таврии» (зима 1942 года) открытым текстом говорилось следующее: *«Исходя из общего опыта, следует учитывать то, что скоро может возникнуть необходимость обратить внимание на татарский комитет в Симферополе, который, возможно, захочет использовать обстоятельство совместной борьбы в своих целях... Их централизаторские домогательства выражаются в делах, которые внешне и не видны. Например, они добиваются получения печати с надписью "Мусульманский комитет для Крыма". Попыткам таких домогательств нужно уделять большое внимание, не допуская создания центрального руководства и проведения татарами такой политики»*[1].

Забегая вперед, следует сказать, что все эти указания соблюдались неукоснительно.

***

К осени 1944 года Кырымал остался единственным более или менее авторитетным крымско-татарским деятелем, признанным Германией. Но фактически он уже никого не представлял: Крым снова находился под советской властью, а численность крымско-татарских добровольцев в германских воо-

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 31.

руженных силах и «восточных рабочих» на территории Рейха измерялась несколькими тысячами. Тем не менее как этот деятель писал в своей книге «Национальная борьба крымских тюрок», «ключевым пунктом его позиции в этот период была полная независимость Крыма». Еще одним моментом, который команда Кырымала не раз обсуждала в прессе, была идея так называемого «тюркского единства». То есть крымские татары не только должны были получить свободу и независимость, но еще и ощутить себя частью «единого тюркского мира». Поэтому в противоположность немецкой прессе, которая продолжала называть крымских татар крымскими татарами, Кырымал и его сотрудники стали употреблять термин «крымские тюрки». С этими идеями они неоднократно выступали на страницах новой крымско-татарской газеты «Kirim» («Крым»), первый номер которой вышел в Берлине 25 ноября 1944 года. В принципе эти пантюркистские идеи были далеко не новы, хоть Кырымал и писал, что только сейчас он и его люди могли свободно их высказывать[1].

И надо сказать, что эти свои позиции они отстаивали даже в ущерб созданию единой антисоветской организации. Как известно, 14 ноября 1944 года на торжественном заседании в Праге было провозглашено создание Комитета освобождения народов России (КОНР). По замыслу его создателя — бывшего советского генерала А. Власова — эта организация должна была представлять собой «широкий антисталинский фронт», объединяющий в своих рядах различные слои советского общества и все национальности СССР. Фактически комитет планировался как «российское правительство в изгнании». В случае же поражения большевиков он мог стать «временным правительством новой России». Чтобы придать комитету действительно общероссийский характер, в состав его президиума было предло-

[1] BA-MA, RS 3-39. Ostmuselmanische SS-Division, RS 3-39/1, Den persönlichen Bestand der Redaktionen der Zeitung die «Krim», bl. 1.

жено войти лидерам всех национальных организаций, которые к тому времени находились на территории Германии. Однако, несмотря на его поддержку, процесс создания многонационального антисталинского фронта неожиданно зашел в тупик. Дело в том, что лидеры большинства национальных организаций усмотрели уже в самой идее КОНР всего лишь «очередную русскую затею». Следует сказать, что эти события приняли такой оборот не без участия А. Розенберга, который на правах министра по делам оккупированных восточных областей курировал большинство национальных представительств. Как известно, краеугольным камнем всех его теорий и действий на этом посту было стремление уничтожить многонациональную Россию (неважно, коммунистическую или буржуазную) путем ее расчленения на отдельные государственно-национальные образования. В этом направлении Розенберг и стал действовать, когда возникла идея по созданию КОНР. В результате большинство лидеров национальных организаций посчитали, что основной принцип Пражского манифеста, согласно которому устанавливалось «равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность», является всего лишь тактическим ходом и при первом же удобном случае будет забыт[1]. На этом основании многие из них отказались от своей кооптации в комитет еще на стадии переговоров с Власовым[2].

В итоге уже 18 ноября 1944 года в Берлине состоялось заседание так называемых «представителей порабощенных Россией народов». В этом мероприятии, за кулисами которого стоял Розенбергом, приняли участие следующие организации: Боевой союз

[1] IfZ, Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Auswirkung des Wlassow-Programmes bei den Nationalen Verbänden. — S. 1-3.

[2] IfZ, Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Die Vertretung der Nationalitäten innerhalb des Wlassow-Kommitées. — S. 1.

волжских татар «Идель-Урал», Армянский, Азербайджанский, Грузинский и Северо-Кавказский комитеты, Туркестанский национальный комитет, ряд украинских политических групп, Белорусская центральная рада, а также Крымско-татарский национальный центр в лице своего председателя Кырымала. Политики, которые участвовали в этом заседании, ставили перед собой следующую цель: продемонстрировать единую волю национальных организаций «к борьбе за свободу своих народов и своей земли от русской оккупации, которая должна была привести к возрождению их национальных государств». Практическим результатом встречи стало подписание соглашения, по которому они обязались совместно работать над указанными вопросами и везде взаимно поддерживать друг друга. Для воплощения в жизнь решений заседания лидеры националистов избрали специальную комиссию[1].

А чтобы сообщить властям Германии о своей политической линии, они в тот же день обратились с совместным меморандумом к Розенбергу, в котором заявили следующее:

«Генерал Власов, как русский, должен ограничиться в своей деятельности территорией России в этнографическом смысле этого понятия. Он ни в коем случае не должен пытаться возглавлять наши нерусские народы, так как стремления этих народов отнюдь не совпадают с целями генерала Власова. Генерал Власов говорит о свержении советской власти, желая установить в пределах ее теперешней территории новый режим. Наши народы ведут долголетнюю ожесточенную борьбу против Москвы, чтобы совершенно отделиться от России и образовать новые независимые национальные государства. Эти народы не доверяют обещаниям генерала Власова. Его Пражский Манифест не может поэтому встретить поддержки с их стороны.

---

[1] PAJH, Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. — S. 1-2.

Уже сейчас можно сказать, что дело генерала Власова не будет пользоваться успехом среди наших соотечественников — добровольцев, рабочих и беженцев, находящихся в пределах Германии, — потому что они, на основании имеющегося опыта, вынуждены относиться с величайшей осторожностью ко всякой исходящих от русских инициативе.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что Пражский Манифест не соответствует интересам наших народов — поскольку генерал Власов сохраняет за собой право на их представительство и поскольку он намерен их вести и выступать от их имени. Желая сохранить существующие взаимоотношения, мы вынуждены в интересах наших народов обратиться к правительству Рейха с нижеследующей просьбой:

1. Не допускать каких-либо притязаний со стороны генерала Власова на возглавление наших народов;

2. Немедленно признать права наших народов на образование самостоятельных государств и признать, наконец, наши национальные представительства и

3. Разрешить нашим народам формировать войсковые соединения под командованием наших представителей при условии, что эти соединения в оперативном отношении будут подчиняться германской армии, а в политическом — нашим национальным представителям.

В заключение мы считаем своим долгом самым решительным образом заявить, что ни одно из национальных представительств наших народов не может взять на себя ответственность за последствия, которые могут произойти в результате действий генерала Власова — если его притязания на возглавление наших народов не будут отвергнуты с достаточной ясностью»[1].

Наконец, 17 марта 1945 года, уже на пороге краха Германии, Розенберг сделал от имени правительства Рейха официальное

---

[1] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 131.

заявление, в котором Крымско-татарский национальный центр признавался *«единственным представителем (политическим и дипломатическим) крымско-татарского народа»*. Его председателем по-прежнему оставался Кырымал, а вот состав центра полностью обновлялся: все его 12 членов должны были представлять все общественные слои своего народа. Обновленный центр начал свою официальную деятельность в апреле 1945 года. Первым его шагом было заявление о том, что главной политической целью этой организации является борьба за национальное и политическое освобождение крымских татар. Но как признает даже сам Кырымал, в условиях военного поражения Германии *«перспективы этой борьбы были весьма сомнительны»*[1]. А само признание оказалось обычной фикцией.

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В РЯДАХ ВЕРМАХТА, ПОЛИЦИИ И ВОЙСК СС

Другим важным проявлением немецкой национальной политики по отношению к крымским татарам явилось создание из них коллаборационистских формирований. Эти формирования прошли в своем развитии в целом четыре основных периода, которые имели следующие хронологические рамки:

1. Период так называемой «неорганизованной самообороны» (октябрь 1941 — январь 1942 года);

2. Период так называемой «организованной самообороны» (январь—июль 1942 года); кроме того, следует сказать, что в этот период очень активно проходил набор крымско-татарских добровольцев в части действовавшей в Крыму 11-й полевой армии;

3. Крымско-татарские добровольческие формирования в системе «вспомогательной полиции порядка» главного фюрера СС и полиции «Россия-Юг» (июль 1942 — апрель/май 1944 года);

4. Крымско-татарские добровольческие формирования в войсках СС (май/июнь 1944 — май 1945 года).

[1] Kirimal E. Op. cit. — S. 322.

Рассмотрим основное содержание каждого из указанных периодов.

«Уже в октябре 1941 года, — пишут английские исследователи Ч. Диксон и О. Гейльбрунн, — *для борьбы с партизанами немцы стали привлекать также (крымских) татар, которые всегда враждебно относились к большевистскому режиму. Были сформированы так называемые «татарские отряды самообороны", которые оказали немцам большую помощь»*[1]. Этим отрядам, насчитывавшим обычно 70—100 человек в каждом, выдавалось советское трофейное стрелковое оружие и назначались инструктора — немецкие унтер-офицеры. По словам Э. фон Манштейна, главная задача этих отрядов *«заключалась в охране своих селений от нападения... партизан»*[2].

Одним из первых в конце октября — начале ноября 1941 года отряд самообороны был создан в деревне Коуш. Его командиром был назначен местный житель А. Раимов, дослужившийся в немецкой полиции до чина майора. Активное участие в создании отряда принимал староста деревни О. Хасанов — в недавнем прошлом член ВКП(б). Главной задачей этого отряда было *«частыми нападениями и диверсиями держать в постоянном напряжении партизан, истреблять их живую силу, грабить продовольственные базы»*[3]. На тот момент в отряде проходило службу 80 человек. Помимо этого Коуш был центром вербовки добровольцев-татар в данном районе. Благодаря трем линиям сильных укреплений, Коуш долгое время был неуязвим для советских партизан, которые предпринимали неоднократные попытки захватить эту деревню[4].

Опыт жителей Коуша оказался настолько удачным, что командующий 11-й армией генерал-полковник фон Манштейн решил

---

[1] *Диксон Ч., Гейльбрунн О.* Указ. соч. — С. 172-174.

[2] *Манштейн Э. фон.* Указ. соч. — С. 262.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 56, л. 19-20.

[4] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, л. 57, 64; ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 77.

распространить его на весь Крым. Результатом его решения стал приказ штаба 11-й армии, датированный ноябрем 1941 года и озаглавленный «О самообороне населения против партизан». В целом этот документ носил программный характер, поэтому имеет смысл привести его целиком:

«1. Борьба против партизан должна предусматривать уничтожение продовольственных складов и складов боеприпасов. В этих случаях партизаны будут вынуждены получать помощь в населенных пунктах, зачастую применяя силу. Население вынуждено будет обороняться, в том числе и с помощью немецких войск, находящихся в этих районах. В населенных пунктах, расположенных далеко от немецких войск, нужно организовывать самооборону.

2. В борьбе с партизанами хорошо зарекомендовали себя татары и мусульмане, особенно в горах, где они сообщали о партизанах и помогали их выследить. Из этих групп населения необходимо привлекать людей для дальнейшего сотрудничества и особенно активного сопротивления партизанам при получении ими продовольствия.

3. Командование корпусов и дивизий может проводить соответствующие мероприятия в своих районах.

4. По этому вопросу необходимо исходить из следующего:

a) создание такой организации самообороны должно учитывать, какой это населенный пункт, количество его населения, национальный состав;

b) общую организацию самообороны для всего района создавать не нужно; ее необходимо организовывать только в отдельных населенных пунктах, подчиняя их единому немецкому руководству;

c) при этом различать населенные пункты, где постоянно находятся немецкие части, и населенные пункты, где нет войск или где иногда расквартировываются немецкие части;

d) в населенных пунктах первой категории эти вспомогательные силы необходимо создавать без оружия, если для охранных

целей, то с оружием. Эти отряды вспомогательных сил должны управляться одним немецким командиром. Их количество в населенном пункте должно находиться в правильном соотношении с немецкими войсками, находящимися в населенном пункте. Вооружение и патроны (желательно трофейные, но не пулеметы и автоматы) выдавать только на время охраны объектов и сдавать после несения службы. В населенных пунктах второй категории можно выдавать оружие и боеприпасы в небольшом количестве. Кому выдавать, решает командир самообороны. Членам вспомогательной организации под страхом смертной казни запретить появляться с оружием вне населенного пункта. Для этой цели необходимо проводить внезапные проверки немецкими патрулями;

e) обо всех случаях стычек с партизанами и об использовании патронов докладывать соответствующим военным инстанциям;

f) служба в этих формированиях считается почетной и не оплачивается; но иногда все же можно выплачивать денежное вознаграждение;

g) во время несения службы члены самообороны носят белые повязки с надписью "На службе у немецкого вермахта"; эти повязки изготовить в воинских частях на месте;

h) каждому члену этой организации выдавать на месяц удостоверение, где указывать номер и персональные данные; списки членов самообороны вести аккуратно и постоянно проверять; срок действия пропуска необходимо регулярно продлевать, после этого пропуск необходимо скреплять печатью и делать соответствующую пометку в списке членов самообороны.

5. Создавая такие отряды самообороны, кроме всего прочего, нужно налаживать тесный контакт между вермахтом и населением. Особенно нужно оказывать внимание татарам и мусульманам за их антибольшевистское поведение.

6. Самооборона должна действовать не всегда. В случае умиротворения района ее следует распускать. Показавших себя хорошо использовать в дальнейшем на административной службе.

7. Об опыте этих мероприятий, а также об особенно отличившихся из числа этих вспомогательных сил докладывать в штаб 11-й армии для дальнейшего распространения опыта.

8. Понятие "самооборона" среди населения не употреблять, а пользоваться термином "вспомогательные охранные части"»[1].

В результате этой немецкой кампании по организации отрядов самообороны к декабрю 1941 года они были сформированы уже в следующих населенных пунктах: Ускут, Туак, Кучук-Узень, Ени-Сала, Султан-Сарай, Баши, Карасу-Баши, Молбай и в ряде других. При этом численность каждого из этих отрядов колебалась от 50 до 150 человек[2].

Следует сказать, что, помимо всего прочего, этот документ является как бы квинтэссенцией содержания первого периода истории крымско-татарских добровольческих формирований. Что же из него можно узнать о процессе организации и использования этих частей? Во-первых, то, что инициатива в их создании полностью принадлежала местным немецким властям: как правило, административным органам штабов дивизий и корпусов. Во-вторых, эта самооборона носила весьма ограниченный во времени и пространстве характер. Более того, в каком-то смысле немцы даже не считали ее чисто военной организацией: как явствует из шестого пункта приказа, члены самообороны должны были со временем занимать должности в местном самоуправлении. В-третьих, в данный период немцы не очень-то доверяли «самооборонцам». Как видно, весь документ буквально пронизан предостережениями, что как можно тщательнее следует подходить к отбору добровольцев и контролю над ними. Безусловно, приказ призывал организовывать отряды самообороны во всех населенных пунктах, где этого

---

[1] Германские документы о борьбе с крымскими партизанами... — Вып. 1. — С. 281-283.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, л. 57.

требовали военные условия. Но нельзя пройти мимо того факта, что только «татары и мусульмане» сознательно выделены в нем как наиболее приемлемый человеческий материал. Это четвертая особенность данного документа и одновременно важная черта первого периода истории крымско-татарских добровольческих формирований, которая со временем трансформируется в основную.

***

2 декабря 1941 года ОКХ издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В ней, в частности, говорилось: *«...Использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делают возможным в боях с партизанами применить их же методы действий»*[1]. Издание этой директивы как бы подводило итог первых четырех месяцев немецкой оккупационной политики на территории СССР и обобщало опыт антипартизанской борьбы с применением уже имевшихся «восточных» добровольческих частей. Одновременно этот документ фактически «давал добро» на их дальнейшую организацию, и даже в более широком формате. В Крыму же эта директива привела к целому ряду изменений в системе организации и использования крымско-татарских добровольческих формирований и фактически способствовала началу второго периода их истории.

2 января 1942 года в отделе разведки 11-й немецкой армии состоялось совещание, в ходе которого было заявлено, что Гитлер разрешил неограниченный призыв добровольцев из числа крымских татар. Штаб армии передал решение этого вопроса руководству оперативной группы «Д». Перед ее начальником СС-оберфюрером О. Олендорфом ставилась следующая цель: *«Охватить пригодных к службе крымских татар для дей-*

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 391, л. 88-89.

ствий на фронте в частях 11-й армии на добровольной основе, а также создать татарские роты самообороны, которые совместно с оперативной группой "Д" будут использованы для борьбы с партизанами». Призыв разрешалось осуществлять и среди гражданского населения на Крымском полуострове, и в фильтрационных лагерях 11-й армии[1].

При этом на оперативную группу «Д» возлагались следующие задачи:

1. Перед началом вербовочной кампании изучить данные этнографического распределения населения Крыма. Вербовку проводить только в татарских селах, в строгом соответствии с этими данными. Предпочтение отдавать татарским селам в северной части Крыма; для практического осуществления вербовочной кампании необходимо разведать состояние и проходимость дорог и возможность проезда в далеко лежащие села;

2. Создать комиссии из представителей оперативной группы и надежных татар. Чтобы провести призыв как можно лучше, проверить политическую лояльность татарского населения того или иного региона и, наконец, провести его регистрацию; все вопросы, связанные с вербовкой добровольцев в лагерях военнопленных, согласовать с соответствующим отделом штаба 11-й армии;

3. Тех татар, которые изъявят желание вступить в части вермахта, можно будет освободить от работы и сконцентрировать в удобных местах, откуда их смогут забрать представители подразделений 11-й армии;

4. Оперативная группа «Д» отвечает за набор добровольцев в роты самообороны, а также за их организацию, подготовку и дальнейшее руководство[2].

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 14.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20—11/433, bl. 15.

3 января 1942 года в 10: 00 состоялось первое заседание недавно созданного Симферопольского мусульманского комитета, которое было посвящено решению вопроса о начале призыва крымских татар для совместной с германскими вооруженными силами «борьбы против большевизма». Формально члены комитета должны были одобрить это мероприятие и обратиться с соответствующим обращением к татарскому народу. В действительности это был, скорее, пропагандистский шаг, и немцы в их согласии не нуждались: само заседание комитета проходило в штаб-квартире оперативной группы «Д» и в присутствии ее руководящего состава. Еще одной причиной созыва комитета являлось распределение обязанностей между его членами и оперативной группой «Д» в ходе будущей призывной кампании. В результате, после необходимой в таких случаях торжественной части, было принято решение провести следующие мероприятия:

1. В Симферополе и других районах Крыма, где проживают татары, должны быть созданы специальные вербовочные округа и подокруга;

2. В каждый округ будут посланы одна или несколько вербовочных комиссий, состоящих из представителей оперативной группы «Д» и членов Симферопольского мусульманского комитета (только для Симферопольского округа);

3. Вербовка за пределами Симферополя также проводится под руководством представителя оперативной группы «Д» и членов местного татарского комитета; туда, где это необходимо, следует направлять одного хорошего пропагандиста — сотрудника Симферопольского мусульманского комитета;

4. Вербовку следует проводить следующим образом: все татарское население города или деревни должно быть собрано в одном месте, после чего перед ними выступит представитель оперативной группы и крымский татарин — вербовщик комитета;

5. После их выступления нужно сразу же начинать запись добровольцев;

6. В Симферополе призывную кампанию следует начать немедленно, в связи с чем уже 5 января 1942 года открыть вербовочный пункт[1].

7. Во всех своих действиях руководство оперативной группы «Д» должно было сотрудничать с теми отделами Симферопольского мусульманского комитета, которые непосредственно отвечали за работу с будущими добровольцами: отделом по борьбе с бандитами (руководитель — А. Абдулаев) и отделом по комплектованию добровольческих формирований (руководитель — Т. Джемилев) [2].

5 января 1942 года в Симферополе был открыт первый вербовочный пункт, и начался набор добровольцев под лозунгом: *«Татары, хотите, чтобы вас не грабили партизаны, берите добровольно оружие против них».* Одновременно с этим началось создание вербовочных комиссий в других городах и районах Крыма. В целях укрепления их кадрового состава от Симферопольского комитета были посланы обещанные пропагандисты: Б. Аджиев, Ш. Карабаш и А. Карабаш. Главным же уполномоченным по проведению вербовочной компании со стороны крымско-татарских националистов был назначен Г. Аппаз[3].

Несколько иначе должна была проходить вербовка добровольцев в фильтрационных лагерях военнопленных. Для этих целей начальник отдела личного состава штаба 11-й армии подготовил инструкцию со следующими требованиями:

«1. Оперативная группа "Д" предлагает использовать в качестве пополнения частей 11-й армии военнопленных крым-

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 15-18.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 4.

[3] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, л. 57; ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 4-5об.

ских татар, которые после соответствующей регистрации и медицинского обследования будут разделены на две категории: а) те, которые отвечают необходимым требованиям и могут быть сразу зачислены в части 11-й армии; b) те, которые не полностью отвечают соответствующим требованиям и нуждаются в дальнейшей проверке, остаются в распоряжении оперативной группы "Д" в качестве "резерва".

Оперативная группа "Д" передает руководству соответствующего фильтрационного лагеря списки военнопленных обеих категорий. После чего руководство фильтрационного лагеря передает ей военнопленных первой категории с их последующим зачислением в части 11-й армии. Военнопленные же второй категории распускаются по домам.

2. Военнопленные татары, которые имеют явно выраженные физические недостатки или являются больными, распускаются из фильтрационных лагерей по домам.

3. Военнопленные татары, которые отвечают соответствующим требованиям, но не желают вступать добровольно в части 11-й армии, остаются и далее в качестве военнопленных. При этом руководство лагеря должно облегчить для них режим содержания по сравнению с другими военнопленными.

4. При распределении военнопленных по воинским частям для прохождения дальнейшей службы следует принимать все меры против возникновения болезней среди них»[1].

Первоначально все мероприятия по набору добровольцев проводились согласно решениям, принятым на заседании Симферопольского мусульманского комитета. Однако уже 18 января 1942 года генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер издал директиву, которая упорядочивала этот процесс. В ней, в частности, разрешалась «неограниченная» организация крымско-татарских формирований на тер-

[1] PAJH, Armeeoberkommando 11, O.Qu/Qu.2, Br.B.Nr.267/42 geh., A.H.Qu., 29.3.1942, Betr.: Kriegsgefangene Krim-Tataren, s. 1.

риториях, *«находившихся в немецких руках, за исключением Керченского полуострова и района осады Севастополя»*[1].

Вербовка добровольцев проводилась в течение января—февраля 1942 года в 203 населенных пунктах Крыма и 5 фильтрационных лагерях 11-й армии. В результате в следующих населенных пунктах и районах Крыма было набрано 5451 человек:

- Симферополь (город) — 180 человек;
- округ северо-восточнее Симферополя — 89 человек;
- округ южнее Симферополя — 64 человека;
- округ юго-западнее Симферополя — 89 человек;
- округ севернее Симферополя — 182 человека;
- округ Джанкоя — 141 человек;
- округ Евпатории — 794 человека;
- округ Сейтлер — Ички — 350 человек;
- округ Сарабуза — 94 человека;
- округ Биюк-Онлара — 13 человек;
- округ Алушты — 728 человек;
- округ Карасубазара — 1000 человек;
- округ Бахчисарая — 389 человек;
- округ Ялты — 350 человек;
- округ Судака — 988 человек (в отчете оперативной группы «Д» рядом с этой цифрой указано, что «ввиду высадки русского десанта данные уточняются»).

Еще 3806 добровольцев было завербовано в фильтрационных лагерях 11-й армии (как на территории Крыма, так и за его пределами):

- фильтрационный лагерь в Симферополе — 334 человека;
- фильтрационный лагерь в Биюк-Онларе — 226 человек;
- фильтрационный лагерь в Джанкое — 281 человек;
- фильтрационный лагерь в Николаеве — 2800 человек;
- фильтрационный лагерь в Херсоне — 163 человека.

---

[1] MGFA, Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942.

Всего, таким образом, 9255 человек, из которых в части 11-й армии было направлено 8684 человека: они были распределены по ротам, батареям и другим подразделениям дивизий этой армии небольшими группами (от 3 до 10 человек). Остальные крымские татары, признанные негодными для службы в строевых частях, были распущены по домам[1].

Следует сказать, что это распределение «добровольных помощников» по корпусам и дивизиям 11-й армии растянулось до февраля 1942 года. Так что поступали они туда не все сразу, а постепенно. Например, по данным «Дневника военных действий» 11-й армии, уже на 4 января 1942 года в подчиненных ей структурах имелось следующее количество крымских татар (цифры указаны как с учетом уже имевшихся до призывной кампании, так и новых добровольцев):

- 30-й армейский корпус — 600 человек;
- 54-й армейский корпус — 363 человека;
- 42-й армейский корпус — 554 человека (например, в 73-й пехотной дивизии этого корпуса числилось 254 крымскотатарских «хиви»);
- «добровольные помощники» в подчинении командующего войсками вермахта на полуострове Крым — 201 человек;
- различные тыловые и вспомогательные части 11-й армии — 330 человек.

Итого 2048 человек. К февралю же 1942 года численность «хиви» увеличилась более чем в три раза[2].

Одновременно с этим вербовочные комиссии оперативной группы «Д» и представители мусульманских комитетов завербовали еще 1632 человека, которые были сведены в 14 рот самообороны (8 из них были созданы в январе, а еще 6 — в феврале—марте 1942 года), расквартированных в следующих населенных пунктах:

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 20-24.

[2] PAJH, KTB Armeeoberkommando 11, Ia, Eintr. Vom 4.1.1942.

№ роты	Численность (чел.)	Дислокация взводов некоторых рот	Место дислокации
1-я	100	-	Симферополь
2-я	137	В том числе:	Биюк-Онлар
		1-й взвод	Биюк-Онлар
		2-й взвод	Бишак
		3-й взвод	Теркунди
3-я	60	-	Бешуй
4-я	125	-	Баксан
5-я	150	-	Молбай
6-я	175	В том числе:	Бий-Ели
		1-й взвод	Бий-Ели
		2-й взвод	Коперликой
		3-й взвод	Кокташ
7-я	100	В том числе:	Алушта
		1-й взвод	Корбек
		2-й взвод	Корбек
		3-й взвод	Демерджи
8-я	85	-	Бахчисарай
9-я	100	-	Коуш
10-я	175	-	Ялта
11-я	175	-	Ялта, затем Таракташ
12-я	100	-	Таракташ
13-я	100	-	Таракташ
14-я	50	-	Джанкой

Каждая татарская рота самообороны состояла из трех взводов и насчитывала от 50 (Джанкой) до 175 (Ялта) человек. Командовали ротами немецкие офицеры. Бойцы этих частей были одеты

в стандартное немецкое обмундирование, но без знаков различия (им были выданы даже шинели и стальные каски). В целом с униформой проблем не было. Однако через несколько дней после создания рот и выдачи обмундирования они возникли с обувью. Не привыкшие ходить в сапогах крымские татары начали натирать себе ноги. Тогда в качестве компромисса для них были разработаны гамаши, сделанные из трофейных советских шинелей. Ног они не натирали, так как были похожи на привычные для татар мягкие носки.

На вооружении у личного состава рот находилось стрелковое вооружение, в основном легкое, но не автоматическое[1].

Все крымско-татарские роты самообороны в принципе находились в организационном и оперативном подчинении начальника оперативной группы «Д» СС-оберфюрера Олендорфа, который должен был заботиться об их обмундировании, пропитании и денежном содержании (например, в середине 1942 года всем «организованным» «самооборонцам» платили ежемесячно 60—70 оккупационных марок). Однако поскольку аппарат начальника полиции безопасности и СД и его местные отделения в Крыму еще не были полностью созданы, денежное довольствие личного состава рот осуществлялось через посредничество органов немецкой военной администрации — полевые и местные комендатуры тех населенных пунктов, где эти части самообороны были расквартированы. Что же касается обмундирования и вооружения, то здесь основную помощь Олендорфу оказывал соответствующий отдел штаба 11-й армии[2].

В дальнейшем организация крымско-татарских коллаборационистских формирований в системе немецкой оккупационной администрации на территории Крыма продолжалась до

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 18.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 14.

марта 1942 года. В результате на этот период имелись следующие категории добровольцев:

- «добровольные помощники» в частях 11-й немецкой армии — около 9 тыс. человек;
- части «организованной самообороны», которые действовали в организационном и оперативном подчинении начальника полиции безопасности и СД — около 2 тыс. человек в составе 14 рот;
- отряды «неорганизованной» татарской самообороны, или «милиции», которые остались от предыдущего периода и действовали в подчинении начальников сельских, городских и районных управлений (фактически в распоряжении соответствующих комендантов) — около 4 тыс. человек;
- «резерв», который также находился в распоряжении начальников сельских управлений (либо члены отрядов «неорганизованной» самообороны, которые были распущены, либо признанные ограниченно годными во время вербовочной кампании января 1942 года) — около 5 тыс. человек.

Всего, таким образом, около 20 тыс. человек. При этом немцы не собирались останавливаться на достигнутом и планировали добиться того, чтобы в коллаборационистских формированиях были «задействованы» все боеспособные татары[1].

Если сравнивать этот и предыдущий период истории крымскотатарских добровольческих формирований, то можно отметить следующие основные отличия. Во-первых, это то, что армия на-

---

[1] Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918-1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts: Serie E: 1941-1945: In 8 bd. / Hrsg. v. H. Rothfels und andere. — Göttingen, 1969-1979. — Bd. 2. — S. 224-225; MGFA, Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942; Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941-43. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. — Freiburg, 1976. — S. 44.

чинает действовать в тесном взаимодействии с органами полицейской администрации. Во-вторых, набор добровольцев принял уже более организованный характер, который был закреплен на уровне Генерального штаба сухопутных войск. В-третьих, значительно возросло доверие немецких оккупационных властей к этим добровольцам: их уже вооружают на постоянной основе, дают обмундирование и платят денежное довольствие, чего раньше не было. В-четвертых, помимо создания частей самообороны значительное количество татарских «хиви» было включено в подразделения 11-й полевой армии. И, наконец, в-пятых, нельзя не отметить, что при создании подобных формирований значительную роль начинают играть национальный и религиозный фактор, которые в первый период были только обозначены. Следует сказать, что в этот период ни одна из проживавших в Крыму национальных групп не имела возможности создавать свои добровольческие формирования именно по национальному признаку.

***

Зимой—весной 1942 года немецкие оккупационные власти в зоне ответственности гражданской администрации приступили к созданию частей «вспомогательной полиции порядка», или *«Schuma»*. Эти части создавались из местных добровольцев и должны были использоваться в антипартизанских целях. В отличие от рот самообороны, оперативный район которых был обычно ограничен местом их формирования, части *«Schuma»* планировалось применять в более широком формате.

Но так как Крым только летом 1942 года был формально передан в состав рейхскомиссариата «Украина», подразделения вспомогательной полиции начали создаваться здесь гораздо позже, чем в остальных генеральных округах — в июле 1942 года. С этого момента следует начать отсчет третьего периода истории создания и деятельности крымско-татарских добровольческих формирований.

Первоначально были созданы подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности: аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. По большей части их не создавали заново. Фактически они были организованы на базе уже имевшихся частей «неорганизованной самообороны» и «милиции», которые действовали при всех местных городских, районных и сельских управлений. В принципе в них остались те же кадры и тот же персонал, и при тех же обязанностях. Основные же изменения произошли в системе управления этими частями, хотя по сути ничего нового придумано не было. Как и прежде, эта система оставалась двухуровневой. Формально ими продолжал руководить начальник полиции городского и районного управления или староста, если речь шла о сельском управлении. На деле же реальная власть продолжала оставаться в немецких руках. Однако если раньше шефом начальника полиции был соответствующий армейский комендант, то теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции *(Schutzpolizei)*, а в сельской местности — начальнику жандармерии *(Gendarmerie)*. Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших городах и районных центрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было разным и находилось в зависимости от площади района и плотности населения в нем (из расчета 1 % от его численности). Например, в Крыму это количество варьировалось от 70 до 250 человек.

Выше уже говорилось, что части «неорганизованной самообороны» и местной «милиции» были одеты либо в гражданскую одежду, либо в трофейную униформу советского образца. На их принадлежность к вспомогательной полиции указывала только нарукавная повязка. С началом организации *«Schuma»* ситуация несколько изменилась. Зимой—весной 1942 года немцы постарались как можно скорее привести всю униформу к одному стандарту: полицейским стали выдавать ее новые комплекты, перешитые из черной униформы так называемых общих СС *(Allgemeine-SS)*. Где-то это удалось сделать быстро, где-то, как, например, в Крыму, большинство

полицейских еще в ноябре 1942 года ходили в гражданской одежде, со специально разработанными знаками различия. Следует сказать, что эти знаки различия были единственным признаком, по которым можно было отличить полицейского, если он был одет в гражданскую одежду. Летом 1942 — в начале 1943 года это были нарукавные нашивки — так называемые «полоски» и «уголки», обозначавшие воинское звание и занимаемую должность. Всего было пять таких воинских званий: унтер-капрал, вице-капрал, капрал, вице-фельдфебель и компани-фельдфебель. Последнее звание, соответствующее примерно старшине Красной армии, было наивысшим для этой ветви вспомогательной полиции, так как офицерские звания для ее персонала предусмотрены не были[1].

Не произошло серьезных изменений и в системе вооружения местной полиции. Как и прежде, основным оружием всех полицейских индивидуальной службы оставалась советская винтовка системы Мосина. Так, согласно отчету командующего войсками вермахта в Крыму в группу армий «А», на 6 ноября 1942 года таких винтовок в распоряжении этой ветви *«Schuma»* во всех районах полуострова имелось всего 2195 единиц. Подразделения же городской полиции Симферополя находились в более привилегированном положении и в смысле обмундирования, и в смысле вооружения[2].

После полиции индивидуальной службы была создана еще одна из ветвей «вспомогательной полиции порядка» — так называемые батальоны *«Schuma»*. По замыслам немецкого полицейского руководства, они должны были представлять собой территориальные охранные части, подобные ротам самообороны, но более крупные, мобильные, лучше вооруженные и с более широким оперативным районом. В немецкой системе правопорядка

---

[1] *Дробязко С.И.* Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. — М., 2000. — С. 6, 28.

[2] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 11-12.

их аналогом являлись так называемые военизированные полицейские полки и батальоны, которые в больших количествах действовали на оккупированных советских территориях.

В июле 1942 года командующий войсками вермахта в Крыму объявил набор крымских татар в батальоны *«Schuma»*. Как и в случае с татарскими ротами самообороны, он проводился среди местного гражданского населения и в лагерях военнопленных. Еще некоторое количество добровольцев передало командование 11-й армии — в основном из числа своих «хиви». В целом численное выражение вербовки выглядело следующим образом:

- добровольцы из числа «хиви» 11-й армии — 2184 человека;
- добровольцы, переданные администрацией лагеря военнопленных в Симферополе, — 300 человек;
- добровольцы, переданные администрацией лагеря военнопленных в Джанкое, — 64 человека;
- добровольцы, завербованные среди гражданского населения, — 821 человек[1].

В октябре 1942 года весь этот контингент был распределен по вновь сформированным 8 крымско-татарским батальонам *«Schuma»*, которые для подготовки были расквартированы в следующих населенных пунктах и имели следующую численность личного состава:

Батальон «Schuma»	Место первоначальной дислокации и подготовки	Численность личного состава
147-й охранный батальон	Симферополь	539 человек
148-й фронтовой батальон	Карасубазар	553 человека
149-й фронтовой батальон	Бахчисарай	315 человек

[1] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 12.

Батальон «Schuma»	Место первоначальной дислокации и подготовки	Численность личного состава
150-й запасной батальон	Ялта	402 человека
151-й фронтовой батальон	Алушта	258 человек
152-й фронтовой батальон	Джанкой	320 человек
153-й фронтовой батальон	Феодосия	303 человека
154-й запасной батальон	Симферополь	679 человек

Всего, таким образом, численность личного состава батальонов *«Schuma»* составляла в этот период 3369 человек[1].

Тем не менее это был не конец немецкой кампании по созданию полицейских батальонов. Набор добровольцев в них продолжался и в октябре 1942 года, в результате чего в ноябре было создано еще два таких батальона — 155-й и 156-й. Однако уже в январе 1943 года эти батальоны были расформированы, а их личный состав влился в вышеуказанные подразделения. В связи с тем, что ни один из двух новых батальонов не прошел полного курса своей подготовки, немцы так и не определились с их функциональной принадлежностью. Поэтому были ли они охранными, фронтовыми или запасными, неизвестно[2].

Изучая историю крымско-татарских батальонов «вспомогательной полиции порядка», нельзя не сделать еще одно пояснение, касающееся номенклатуры этих частей. Дело в том, что такая большая нумерация не должна удивлять. Она была сквозная и шла с севера на юг: из рейхскомиссариата «Остланд» в

[1] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 11.

[2] Waffen-SS und Ordnungspolizei... — P. 646.

рейхскомиссариат «Украина». Крымско-татарские батальоны считались формально «украинскими», и поэтому их нумерация зависела от формирования остальных подобных частей в этом рейхскомиссариате.

По штатному расписанию каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот (по 124 человека в каждой), а каждая рота — из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили также технические и специальные подразделения. А в 147-м охранном батальоне даже имелся *«крымско-татарский национальный оркестр»*! Как можно убедиться на примере крымско-татарских батальонов, штатная численность личного состава в 501 человек на практике колебалась от 200 до 700. Как правило, батальоном командовал местный доброволец из числа бывших офицеров Красной армии, однако в каждом из них было 9 человек немецкого кадрового персонала: 1 офицер связи с немецким полицейским руководством и 8 унтер-офицеров, которые исполняли роль инструкторов. Интересно, что срок службы в таком батальоне определялся специальным контрактом и составлял шесть месяцев. Однако зачастую этот срок автоматически продлевался[1].

Бойцы крымско-татарских батальонов *«Schuma»* носили стандартную униформу вермахта или немецкой полиции. В начале 1943 года для личного состава этих батальонов (а затем и для всех остальных ветвей вспомогательной полиции) были разработаны специальные знаки различия, которые значительно отличались от «полосок» и «уголков» персонала индивидуальной службы:

- эмблема для ношения на головном уборе — свастика в лавровом венке;

---

[1] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 163, bl. 1; PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 13.

- эмблема для ношения на левом рукаве кителя — свастика в лавровом венке и в обрамлении девиза — *«Treu — Tapfer — Gehorsam»*, что означало «Верный — Храбрый — Послушный»;
- погоны черного цвета, на которых была вышита свастика;
- черные петлицы, на которых размещались серебристые «уголки» и «звездочки», свидетельствующие о звании их владельца. Так как батальоны *«Schuma»* представляли собой уже более крупные формирования, чем части индивидуальной службы, для их личного состава были введены офицерские звания. Теперь, таким образом, было уже семь воинских званий: к трем унтер-офицерским (капрал, вице-фельдфебель, компани-фельдфебель) было добавлено еще четыре офицерских (цугфюрер, обер-цугфюрер, компани-фюрер и батайлон-фюрер, что соответствовало лейтенанту, обер-лейтенанту, гауптману и майору немецкой полиции). Следует отметить, что эти офицерские звания не были персональными, а, как и в предыдущий период, означали только занимаемую должность: помощник командира взвода, командир взвода, командир роты и командир батальона.

Еще одним новшеством в этих знаках различия было то, что теперь каждый тип «вспомогательной полиции порядка» имел свой цвет. Например, полиция индивидуальной службы в городах и солдаты батальонов *«Schuma»* имели светло-зеленые выпушки петлиц и погон, свастику на погонах и рисунок нарукавной эмблемы, а у полиции индивидуальной службы в сельской местности все это было оранжевым[1].

На вооружении у бойцов этого типа *«Schuma»* находилось легкое и тяжелое стрелковое оружие и минометы, как немецкие,

---

[1] *Дробязко С.И.* Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС... — С. 4, 28. У частей вспомогательной пожарной полиции цвет знаков различия был красным.

так и трофейные советские. Например, на 6 ноября 1942 года арсенал личного состава татарских батальонов выглядел следующим образом: 3192 советские трофейные винтовки, 271 полуавтоматическая винтовка, 136 легких пулеметов, 28 тяжелых пулеметов, 71 пистолет-пулемет, 7 тяжелых минометов, 1 орудие, 52 револьвера и 322 ручные гранаты[1].

Во «вспомогательную полицию порядка» входило еще две разновидности частей: пожарная охрана и вспомогательная охранная полиция. Однако ни та, ни другая на территории Крыма созданы не были.

В организационном и оперативном отношении все ветви крымской *«Schuma»* были подчинены начальнику полиции порядка генерального округа «Таврия» СС-бригадефюреру (или генерал-майору полиции) К. Хитшлеру, который управлял ими через свои соответствующие отделы на местах.

***

В некоторых современных исследованиях указывается, что крымско-татарские батальоны *«Schuma»* составляли «Крымско-татарский легион вермахта»[2]. С этим можно согласиться только отчасти. Действительно, такой план существовал, так как некоторые представители немецкой оккупационной администрации были обеспокоены тем, что созданием крымско-татарских формирований занималось слишком много инстанций. И иногда даже враждебных друг другу. Из-за этого, как считали эти офицеры и чиновники, терялся весь, прежде всего политический, смысл организации этих формирований. В этом тезисе в целом и следует искать корни плана по созданию «Крымско-татарского легиона вермахта». План этот, в конце концов, остал-

[1] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 12.

[2] *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. — М., 1999. — С. 32.

ся только на бумаге. Однако остановиться на нем следует, так как случай этот весьма показателен. 7 февраля 1942 года в штаб 11-й армии поступило распоряжение Генштаба сухопутных войск. В этом распоряжении генерал-полковнику фон Манштейну предлагалось подготовить доклад на тему «Формирование татарских и кавказских частей в операционной зоне 11-й армии». Уже 20 апреля того же года некто зондерфюрер Зиферс подготовил такой доклад, в котором был обобщен имеющийся опыт по созданию коллаборационистских формирований из числа крымских татар. Помимо всего прочего, в этом документе имелся следующий пассаж: *«К вышеизложенному можно в заключение добавить следующее: движение крымских татар не должно рассматриваться лишь в небольшом масштабе Крыма. Оно может стать первым толчком к общероссийскому движению тюркских народов. Необходимо также принять во внимание, что тюркские народы СССР насчитывают около 20 млн человек. Невозможно переоценивать потенциальную силу этих народов. В заключение этого сообщения автор хотел бы еще раз высказать свою позицию. Необходимо еще раз подчеркнуть, что Татарский комитет на своем заседании от 14 января 1942 года расширил свою первоначальную программу, заявив: "После освобождения дальнейших областей России от еврейско-коммунистического господства отважная немецкая армия приступит к освобождению остальных областей. Крымский комитет считает своей священной обязанностью вместе с немецкой армией участвовать в освобождении мусульман Советского Союза". Учитывая, что азербайджанские татары живут в столь важном для нас нефтедобывающем районе Баку, эта установка может быть в дальнейшем использована для военных и пропагандистских целей»*[1].

---

[1] MGFA, Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942.

По мнению Зиферса, на практике это должно было привести к созданию крымско-татарских пехотных батальонов, которые можно было бы использовать за пределами Крыма, например, при наступлении на Кавказ. Образцом же для организации этих частей должны были послужить так называемые Восточные легионы, которые немецкое командование начало создавать в Польше из представителей тюркских и кавказских народов зимой 1941 года. Но ни Генштаб сухопутных войск, ни его прямые начальники из 11-й армии никак не прореагировали на это предложение зондерфюрера. Оккупационному аппарату в Крыму были нужны прежде всего части по поддержанию общественного порядка, а не легион для войны на Кавказе. Более того, создание такого соединения привело бы к ненужной политической активности крымско-татарских коллаборационистов.

Следующая попытка имела место в марте 1943 года на одном из заседаний Генштаба сухопутных войск. На этот раз вопрос о создании Крымско-татарского легиона и использовании его пехотных батальонов вне Крыма поднял генерал-инспектор восточных войск Х. Гельмих. Однако командование группы армий «А», в чью тыловую зону входил Крым, высказалось категорически против этого мнения. В конце концов этот отказ был мотивирован тем, что *«Крымско-татарский легион не нужен, так как его использование не компенсирует затрат на его формирование»*[1].

Более того, командование группы армий «А» посоветовало Генштабу сухопутных войск безотлагательно переводить всех крымских татар, служивших в качестве «хиви» в немецких частях на других участках Восточного фронта, обратно в Крым, чтобы в дальнейшем использовать их только здесь. Командующему же войсками вермахта в Крыму было рекомендовано продолжить призыв крымско-татарских добровольцев. На этот раз их следовало набрать 1100—1200 человек, чтобы сформировать: еще 1 батальон «Schuma», 2—3 строитель-

[1] PAJH, An OKH/GenStdH/Gen.d.Osttruppen / OKH/GenStdH/Org.Abt. (II), 3.3.1943, s. 14.

ных батальона, 2—3 хозяйственные роты для немецких хозяйственных батальонов и 2 железнодорожно-строительные роты. При этом 500 человек из этого количества добровольцев планировалось передать в качестве «хиви» для немецкой береговой артиллерии. Нужно сказать, что план этот был выполнен только на половину: были сформированы только вспомогательные армейские части[1].

В целом в этот период были созданы или продолжали функционировать следующие категории крымско-татарских добровольческих формирований (усредненные данные на весну—осень 1943 года — пик их численности):

- вспомогательная полиция индивидуальной службы — от 5 до 7 тыс. человек (следует сказать, что не все они были татарами, последних же было около 4 тыс.);
- батальоны *«Schuma»* — около 3 тыс. человек (по данным украинских историков Олега Бажана и Ивана Дерейко, в этих частях служили не только крымские татары: так, в декабре 1942 года в состав 154-го батальона было передано около 350 украинских военнопленных) [2];
- роты «организованной» самообороны — около 2 тыс. человек;
- «добровольные помощники» в частях вермахта на территории Крыма — от 800 до 900 человек;
- кроме того, значительное количество (5—6 тыс.) крымско-татарских добровольцев было выведено из Крыма вместе с частями 11-й немецкой армии (сентябрь 1942 года). Вместе с ними они попали на северный участок Восточного фронта. И именно их возвращением в Крым было озабочено командование группы армий «А» (март 1943 года)[3].

---

[1] PAJH, An OKH/GenStdH/Gen.d.Osttruppen / OKH/GenStdH/Org.Abt. (II), 3.3.1943, s. 14.

[2] *Бажан О., Дерейко І.* Указ. соч. — С. 22.

[3] PAJH, An OKH/GenStdH/Gen.d.Osttruppen / OKH/GenStdH/Org.Abt. (II), 3.3.1943, s. 14-15.

Всего, таким образом, от 15 до 16 тыс. крымских татар было охвачено немецким оккупационным аппаратом и проходило службу в частях полиции и вермахта с июля 1942 по май 1944 года.

Третий период был наиболее бурным в истории крымско-татарских добровольческих формирований. Начавшись с момента полного контроля немцев над полуостровом, он прошел под знаком коренного перелома в Великой Отечественной войне и закончился освобождением Крыма. Каковы его основные особенности? Во-первых, инициатива в формировании крымско-татарских частей окончательно перешла от армии к полиции. Именно ее органами были созданы наиболее организованные, хорошо укомплектованные и вооруженные более или менее современным оружием батальоны вспомогательной полиции. Во-вторых, несмотря на полную реорганизацию «местных полицейских сил» под эгидой полиции порядка, начальник полиции безопасности и СД также сохранил своих крымско-татарских добровольцев — это те 14 рот «организованной» самообороны, которые были созданы зимой—весной 1942 года. В-третьих, середина этого периода была отмечена пиком доверия немцев к крымским татарам. Однако ближе к концу 1943 года оно начинает в силу разных причин ослабевать (поскольку это большой отдельный вопрос, мы поговорим о нем в специальном разделе, здесь же только констатируем факт). В-четвертых, это был одновременно и пик активности крымско-татарских коллаборационистов. О его политической стороне мы достаточно сказали выше. Свое же военное выражение он получил в докладе Зиферса: как мы убедились, лидеры Симферопольского комитета ни много ни мало претендовали на освободительную миссию среди тюркского населения СССР.

Такой в целом была организационная сторона истории крымско-татарских добровольческих формирований в период их пребывания на Крымском полуострове. Рассмотрим теперь процесс их подготовки.

***

На организацию каждого из видов крымско-татарских добровольческих формирований уходило от недели (в случае с «неорганизованной» самообороной) до месяца (батальоны «вспомогательной полиции порядка»), после чего начиналась подготовка их личного состава. Согласно планам немецкого командования и полицейского руководства, она должна была состоять из боевой, тактическо-полевой, стрелковой, физической, строевой и морально-политической подготовки.

Обычно процесс подготовки занимал несколько месяцев, но иногда она продолжалась и в процессе боевого применения. Так, части «неорганизованной» самообороны и «вспомогательная полиция порядка» индивидуальной службы проходили ее в минимальный срок, так как использовать их было необходимо почти сразу же после организации. Личный состав рот самообороны готовился от одного до трех месяцев. Больше всех — до девяти месяцев — учились бойцы батальонов *«Schuma»*: поскольку эти батальоны были в принципе переходной формой между самообороной и боевыми частями, то и готовить их было необходимо с большей тщательностью. Что касается подготовки «добровольных помощников» в частях 11-й армии, то она ничем не отличалась от стандартной подготовки соответствующего немецкого персонала[1].

В целом представление о системе подготовки крымско-татарских добровольческих формирований и тех проблемах, с которыми сталкивались при этом немцы, дает уже упоминавшийся отчет зондерфюрера Зиферса. Поскольку отчет писался в феврале—марте 1942 года, то речь в нем идет о ротах «организованной» самообороны (первые из них, таким образом, учились уже целый месяц) и «хиви» в частях 11-й армии. Однако, на наш взгляд, такая же картина сохранилась и в дальнейшем: и в оставшиеся месяцы 1942, и в 1943 году немцы продолжали иметь дело с одним и тем же человеческим материалом.

---

[1] Waffen-SS und Ordnungspolizei... — P. 646.

Обычно процесс подготовки открывала ее боевая разновидность. Так, по словам Зиферса, *«боевое обучение воспринимается большей частью татар с интересом, однако физически они не достаточно подготовлены для этого. Тем не менее мастерство их растет и может быть улучшено».*

Несколько больше опасений вызывала стрелковая подготовка добровольцев. Об их возможностях Зиферс писал следующим образом: «Результаты по огневой подготовке, однако, не совсем удовлетворительны. Тем не менее результаты существенно улучшились после регулярных упражнений в прицельной стрельбе. Поэтому упражняться в ней следует как можно чаще».

Однако наибольшее количество нареканий вызывала физическая подготовка новобранцев, которая была «не всегда на высоте». Зиферс считал, что для улучшения ее показателей «необходимы дополнительная практика и тренировки». Причины же столь плохих результатов он усматривал в *«недостаточной популяризации спорта среди татар, так как они просто не проявляли интереса к обычным спортивным играм»*[1].

Одну из главных проблем в процессе обучения крымскотатарских добровольцев Зиферс видел в языковом барьере между немецкими офицерами-инструкторами и личным составом рот самообороны. Но и здесь он делал оптимистичный вывод, что эта проблема также скоро решится. *«Многие татары,* — писал он, — *быстро выучили язык команд и показывают по всем дисциплинам хорошие успехи».* Кроме того, в процессе обучения немецкая лексика становилась более понятной. На месте же была решена и проблема переводчиков: *«Из числа татар были отобраны те, кто уже освоил немецкие команды, и они охотно помогают».*

---

[1] MGFA, Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942.

В целом делал вывод Зиферс, «татар можно описать как старательных и усердных солдат». Хотя и здесь, на его взгляд, не обошлось без некоторых исключений. По его наблюдениям, *«те, кто не служили в Красной армии, лучше поддаются обучению и легче переучиваются»*[1].

Поскольку крымские татары были иностранными добровольцами, немцы огромное внимание уделяли их морально-психологической и политической подготовке. По словам Зиферса, ее основной целью было объяснить «им смысл службы в немецких войсках». Так, например, включенные в состав частей 11-й армии крымско-татарские добровольцы были подвергнуты соответствующей обработке, главным методологическим принципом которой была антисоветская пропаганда. Для этого при штабе 11-й армии были организованы специальные курсы, где под надзором офицеров абвера наиболее лояльные к новой власти новобранцы прошли подготовку в качестве пропагандистов. После возвращения в свои подразделения они должны были регулярно проводить беседы со своими товарищами, чтобы и *«во время службы, и во время обязательных часов обучения оказывать на них влияние в соответствующем духе»*. На этих курсах пропагандисты обсуждали следующие темы и закреплялись следующие тезисы:

1. Национал-социализм рассматривает нации как творения Господа Бога, тогда как большевизм стремится лишь к братству народов;

2. Германия гарантирует татарскому народу свободное развитие его самобытной культуры, не посягает на древние обычаи и права;

3. Германия гарантирует свободу вероисповедания. Ни в коем случае не будет установлена никакая религиозная иерархия, тем более такая, которая имеется на данный момент в Германии. Никого не будут принуждать ходить в церковь или

[1] *Ibid.*

мечеть, но никому не будет запрещено иметь свои религиозные убеждения;

4. Во время существования советской системы татарский народ лишился своих лучших сил;

5. С турками Германию связывает давнее братство по оружию еще со времен Первой мировой войны. И сегодня Турция связана с Германией политическими и экономическими интересами;

6. Самым важным фактором является дружба немцев, а также итальянцев и японцев с главным исламским народом — арабами. Весь арабский мир, который охватывает не только арабские страны, но также Палестину, Ирак и Сирию, испытывает острую враждебность к Англии.

Кроме обычного обсуждения этих тем, слушателям курсов также приводились примеры их правильной подачи рядовым добровольцам. Кроме того, соответствующие разъяснения идеологического характера давались также немецким начальникам крымско-татарского персонала[1].

Со временем такая система подготовки татарских пропагандистов была распространена и на части, находившиеся в полицейском подчинении.

***

Немецкие оккупационные власти очень строго следили за тем, чтобы не допустить какого-либо вмешательства мусульманских комитетов в процесс организации, подготовки или боевого применения крымско-татарских коллаборационистских формирований. Комитеты должны были действовать только в строго отведенных им рамках: помощь в наборе добровольцев и не более. Но, как показали события, полностью обойтись без персонала комитетов оккупанты так и не смогли. И процесс идеологической подготовки татарских добровольцев показал это как нельзя лучше.

---

[1] *Ibid.*

Не секрет, что при создании подобных формирований немецкое командование помимо чисто военных целей также рассчитывало и на определенный пропагандистский эффект. Партизаны, например, должны были увязнуть «в борьбе не с немцами, а с формированиями из местного населения». По словам начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. Пономаренко, вокруг этих формирований велась «бешеная националистическая пропаганда», ей сопутствовало «разжигание национальной розни, антисемитизма»[1].

В идеологической обработке татарских добровольческих формирований существенную роль играл отдел культуры и религии Симферопольского мусульманского комитета (руководитель — Э. Гафаров) и подобные отделы в комитетах на местах. Так, председатель комитета Д. Абдурешидов следующим образом определял задачи этого сектора: необходимо более серьезно относиться к воспитанию *«добровольческой молодежи, которая получила большевистское образование и была лишена турецко-татарской истории»*[2].

Главная роль проводника крымско-татарской националистической идеологии отводилась газете *«Azat Kirim»* («Освобожденный Крым»), которая начала издаваться с 11 января 1942 года. Эта газета являлась органом Симферопольского мусульманского комитета и выходила два раза в неделю на татарском языке. Вначале газета печаталась небольшим тиражом, однако летом 1943 года, в связи с директивами Штаба пропаганды «Крым», направленными на усиление пропагандистской работы среди местного населения, ее тираж вырос до 15 тыс. экземпляров[3].

Долгое время главным редактором газеты и автором ее всех передовых статей был М. Куртиев (одновременно член Симфе-

---

[1] «Идет бешеная националистическая пропаганда»... — С. 120-122.

[2] Azat Kirim. — 1943. — № 7.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 25.

ропольского комитета). Среди других сотрудников редакции газеты следует также назвать: Ф. Абляева (автора статей по «женскому вопросу»), А. Куркчи (автора националистических пропагандистских статей, фельетонов и передовиц), Н. Сейдаметова (автора корреспонденций по сельскохозяйственным вопросам) и М. Низами (автора материалов по вопросам культуры и пропаганды; самая известная из его статей на эту тему была озаглавлена «Вопросы совести в большевизме») [1].

В целом тематика статей *«Azat Kirim»* была постоянной. Из номера в номер в ней публиковались материалы следующего содержания:

- об организации в городах и районах Крыма мусульманских комитетов, их работе по обеспечению населения, перераспределении земельной собственности, религиозно-культурному воздействию на крымских татар;
- материалы об открытии мечетей;
- статьи и заметки о вербовке и службе татарских добровольцев в полиции и вермахте;
- сводки с театров боевых действий;
- здравицы в честь «освободительной» германской армии и «освободителя угнетенных народов, верного сына германского народа Адольфа Гитлера»;
- помимо этого, в 1943 году редакция газеты сообщила своим подписчикам, что «в иностранной информации большое внимание будет уделяться событиям, происходящим на Ближнем Востоке и в Индии»[2].

С июля 1943 года при той же редакции стал выходить крымско-татарский ежемесячный журнал «Ana Yurt» («Родина-мать»). Идеологическая направленность журнала была задана в его первом номере. Так, по словам одного из лидеров нацио-

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 7-8.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 13-29, 30; ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 43.

налистов А. Озенбашлы, который являлся автором передовой программной статьи журнала, смысл всей жизни крымско-татарского народа должен был выражаться следующей фразой: «Быть мусульманином, быть татарином, быть современным человеком». При этом там же подчеркивалось, что достичь этого можно только под покровительством Германии. Доподлинно неизвестно, являлся ли Озенбашлы автором этой статьи или только подписал ее. Однако следующий пассаж свидетельствует о том, что некоторые его мысли явно нашли в ней отражение. Так, он настаивал, что этими принципами необходимо руководствоваться не только крымским татарам: в приверженности к ним должны объединиться все татары, и не имеет значения, живут ли они в Крыму, Румынии, Польше, Турции или Поволжье[1].

Значительное место в подготовке крымско-татарских добровольцев отводилось их культурному воспитанию. Например, уже в марте 1942 года отдел культуры Штаба пропаганды «Крым» дал согласие на открытие Крымско-татарского театра. Его директор Э. Грабов (также член Симферопольского комитета) планировал начать нормальную работу театра уже с 10 апреля 1942 года премьерой спектакля «Лейла и Меджнун». Первоначально работать предполагалось три раза в неделю, то есть в среду и воскресенье играть для немецких солдат, а в пятницу — для татарского зрителя. Репертуар театра должен был быть очень насыщенным, что предполагало его хорошую посещаемость. Поэтому с апреля 1942 по январь 1943 года планировалось дать 140 спектаклей. В последующем репертуар театра планировалось расширить за счет пьес Шекспира, Шиллера, произведений азербайджанской драматургии и творчества казанских татарских авторов[2].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 41, л. 6.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 47-48; *Червонная С.М.* Татарский Крым в пламени Второй мировой войны // Голос Крыма. — 2000. — № 25. — С. 6.

Примерно со второй половины 1942 года артисты Крымскотатарского театра начали играть и для бойцов добровольческих формирований, и не без успеха. Так, в одной из заметок газеты *«Azat Kirim»*, озаглавленной «Большая благодарность», командир симферопольского батальона «вспомогательной полиции порядка» выражал свою признательность Э. Грабову за то, что его артисты выступили перед личным составом части 27 и 28 января 1943 года[1].

В ноябре 1941 года в Бахчисарае был организован ансамбль песни, пляски и музыки крымских татар. В составе ансамбля находилось 25 человек, в том числе 10 музыкантов. Директором и художественным руководителем этого коллектива был назначен И. Асанов. До сентября 1942 года ансамбль работал в основном для германских частей в Симферополе, Севастополе и на Южном берегу Крыма. Помимо татарских произведений в его репертуаре имелось несколько немецких и румынских песен. Репертуар ансамбля часто пополнялся. Так, в августе 1942 года Н. Абибулаев и И. Изедин написали слова и музыку к песне об Адольфе Гитлере. В начале 1942 года такой же ансамбль был создан и в Симферополе[2].

В одной из своих послевоенных работ Э. Кырымал писал: *«Как только осенью 1941 года большевики были изгнаны из Крыма немецкими войсками, первое, что имело место в общественной жизни тюрок Крыма, так это чрезвычайно быстрое возрождение мусульманской религии и связанных с ней религиозных обрядов и обычаев... В процессе этого религиозного возрождения в Крыму было восстановлено более 50 мечетей, а избежавшее казни и вернувшееся из ссылки мусульманское духовенство немедленно приступило к совершению богослужений в этих мечетях»*[3].

---

[1] Azat Kirim. — 1943. — № 11.

[2] Голос Крыма. — 1942. — № 100.

[3] *Кырымал Э.* Указ. соч. — С. 67.

Кырымал также не без удовлетворения отмечал, что наряду с восстановлением мечетей и религиозных обрядов в Крыму началось обучение детей основам мусульманской религии и возрождены бытовые мусульманские обычаи. Далее он подчеркивал, что *«все это происходило в чрезвычайно тяжелых условиях войны и оккупации, и что инициатива возрождения религии исходила не от оккупационных немецких властей или местной административной власти, а от самих верующих мусульман, проявлявших при этом большую жертвенность и энергию»*[1].

Все это было действительно так, но только отчасти. На самом деле этот процесс был взаимонаправленным. То есть немцы, не без пользы для себя, активно использовали это «религиозное возрождение» в среде крымских татар. Из доклада народного комиссара внутренних дел Крымской АССР Г. Каранадзе мы уже знаем, что открытие мечетей и прочие религиозные послабления были одним из «хитрых приемов» оккупантов, направленных на завоевание доверия и лояльности крымских татар. Более того, во всех своих ранних приказах генерал-полковник фон Манштейн обязывал своих подчиненных уважать религиозные обычаи именно «крымских татар и мусульман». Не является секретом и то, что делал он это с целью заполучить как можно больше добровольцев в отряды «неорганизованной» самообороны. Наибольшее же значение исламский фактор приобрел для немцев тогда, когда вербовка крымско-татарских добровольцев приобрела более организованный и систематический характер.

Например, в организации и подготовке крымско-татарских рот самообороны существенная роль отводилась религиозному воспитанию их личного состава, которое должно было осуществляться путем тесного сотрудничества германских оккупационных властей и мусульманского духовенства. Следует

[1] *Там же.* — С. 67.

сказать, что многие представители последнего одобряли набор крымских татар в германские вооруженные силы. Так, на упоминавшемся заседании Симферопольского мусульманского комитета 3 января 1942 года присутствовал «главный мулла городской мусульманской общины». В ходе заседания он взял слово и заявил, что *«его религия и верования требуют принять участие в священной борьбе совместно с немцами, ибо окончательная победа для них (татар) не только означает уничтожение советского господства, но снова дает возможность следовать их религиозным и моральным обычаям»*. В конце заседания, после того как все основные договоренности были достигнуты, этот мулла попросил «освятить» их молебном по обычаю крымских татар. По свидетельству СС-оберфюрера Олендорфа, *«татары встали, покрыли свои головы и, повторяя за муллой, произнесли три молитвы: 1-ю — за достижение быстрой победы, общих целей и долгую жизнь фюрера Адольфа Гитлера; 2-ю — за немецкий народ и его доблестную армию; и 3-ю — за погибших в боях солдат вермахта»*. Этот молебен означал начало «борьбы против неверных»[1].

В январе 1942 года, после начала кампании по набору добровольцев, многие муллы работали членами мусульманских комитетов и в созданных при них вербовочных комиссиях. Их главной задачей была подготовка общественного мнения, с целью привлечения наибольшего количества добровольцев[2].

Безусловно, идеологическая и религиозная обработка личного состава добровольческих частей играли очень существенную роль. Однако нельзя не отметить, что помимо «духовной пищи» вступившим в такие формирования обещалось хорошее материальное обеспечение и создание всяческих льгот и привилегий для их семей. Так, согласно постановлению командующего войсками вермахта

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 17, 18.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388, л. 25-26.

в Крыму, *«всякое лицо, которое активно боролось или борется с партизанами и большевиками»*, могло подать прошение о *«наделении его землей или выплате ему вознаграждения до 1000 рублей...»* При этом указывалось, что *«крымские татары и другие коренные жители, принятые на службу в германскую армию, получают удостоверение от своей воинской части. Удостоверение и прошение должны быть отправлены установленным порядком сельскохозяйственному начальнику Крыма, который передаст его сельскохозяйственному начальнику района, в котором живет проситель...»*[1]

15 февраля 1942 года министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг опубликовал «Закон о новом аграрном порядке». Целью этого закона было установление новых правил землепользования. В Крыму же он имел, помимо всего прочего, следующие последствия: всем татарам, вступившим в добровольческие формирования, и их семьям стали давать по 2 га земли в полную собственность. Им предоставляли лучшие участки, не считаясь даже с тем, что они принадлежали крестьянам, которые не вступили в отряды самообороны. Подобные мероприятия были особенно распространены в Ак-Шеихском и Симферопольском районах[2].

Следует сказать, что оккупационные власти были не единственной инстанцией, которое занималось материальным обеспечением добровольцев и их семей. Выше мы уже видели, что в Симферопольском мусульманском комитете для этих целей имелся специальный отдел (руководитель — Т. Джемилев). На местах эти функции выполняли соответствующие отделы районных комитетов. Обычно их помощь семьям добровольцев заключалась: в сборе теплых вещей (например, в Алуште), предоставлении возможности бесплатно питаться в специальной столовой (например, в Евпатории) или выдаче пенсии в

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 24, л. 31.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 38, л. 84об.-85.

размере от 75 до 250 рублей. Последний вид помощи практиковался повсеместно. Практически каждая крымско-татарская семья, в которой имелся доброволец, могла рассчитывать на такое ежемесячное или единовременное пособие[1].

Невероятно, но факт: в условиях оккупации эти пособия выдавались бесперебойно! И даже после того, как Крым был уже полностью отрезан от оккупированной немцами территории, местным мусульманским комитетам продолжали поступать заявления от крымских татар с просьбой оказать помощь *«материально, на том основании, что сын (или муж) служит добровольцем в германской армии»*. Обычно эта просьба удовлетворялась[2].

После завершения процесса организации и подготовки личный состав каждого крымско-татарского добровольческого формирования принимал присягу и отправлялся по месту несения службы. Вот что сообщала газета *«Azat Kirim»* об этом мероприятии в частях феодосийской «вспомогательной полиции порядка». В конце июля 1943 года *«председатель Феодосийского татарского комитета г-н Хатипов и заведующий религиозным отделом комитета г-н Джемиль присутствовали на присяге татарских добровольцев. Татарские добровольцы присягали на Коране на верность фюреру и клялись в том, что до последней капли крови будут бороться вместе с германским народом против большевиков. После парада добровольцев татарский комитет устроил большое угощение для них. На банкете также присутствовали и немецкие офицеры. Председатель комитета выступил перед добровольцами и призвал их бороться с большевизмом до победного конца. Добровольцы встретили его выступление бурными аплодисментами»*[3].

---

[1] ГААРК, ф. Р — 1458, оп. 2, д. 4, л. 19.

[2] Смотри, например: ГААРК, ф. Р — 1326, оп. 1, д. 12, л. 287, 584.

[3] Azat Kirim. — 1943. — № 65(161).

Иногда присяга и подобные ей мероприятия (награждение добровольцев, повышение в звании и назначение на новую должность) были растянуты во времени: первые, наиболее подготовленные добровольцы начинали присягать, скажем, за два месяца до остальных. Присяга же этих, вступавших в часть позже, приурочивалась к торжественным датам Третьего рейха, например, ко дню рождения Гитлера. О том, каким образом это происходило в 147-м симферопольском батальоне *«Schuma»*, дает представление серия заметок все в той же газете *«Azat Kirim»*. Первая из них, озаглавленная «Симферопольские татарские добровольцы», была опубликована 20 февраля 1943 года. Из нее читатель узнавал, что за два дня до этого *«на верность фюреру присягнул батальон татарских добровольцев. Торжество присяги закончилось троекратным "Хайль Гитлер"»*[1].

Следующая заметка, озаглавленная «Среди наших добровольческих войск», появилась несколько позднее — 28 апреля 1943 года. *«20 апреля,* — пишет ее автор, — *день рождения фюрера великого германского народа, Его Превосходительства Адольфа Гитлера, прошел в батальонах татарских добровольцев весело, радостно и торжественно. Некоторым солдатам за борьбу с партизанами были вручены награды. Из руководства батальона четыре человека были выдвинуты на должность командиров рот, четыре солдата — на должность заместителей командиров рот, а г-н А. Карабаш назначен начальником штаба батальона»*[2].

Следует сказать, что это мероприятие существенно отличалось от предыдущего: в заключение торжества председатель Симферопольского мусульманского комитета вручил командиру батальона голубое татарское знамя *(«кок-байрак»)* с национальным символом — золотой *«тамгой»* ханов Гиреев. Спра-

[1] Azat Kirim. — 1943. — № 15(111).

[2] Azat Kirim. — 1943. — № 34(130).

ведливости ради следует сказать, что это происходило не всегда и зависело от желания местных немецких начальников[1].

***

Система боевого применения крымско-татарских добровольческих формирований была обусловлена целями и задачами их организации, а также характером подготовки. В целом как мы видели выше, в крымский период были созданы только два их типа: различные части местной вспомогательной полиции и подразделения «добровольных помощников», или «хиви».

Рассмотрим принципы и методы боевого применения каждого из этих двух типов.

При создании формирований вспомогательной полиции немцы обычно преследовали двоякую цель: увеличение сил для охраны общественного порядка и высвобождение частей вермахта или немецкой полиции для их использования на более важном участке фронта.

Одной из главных задач любого оккупационного режима является умиротворение подведомственной территории. Тем более, если это такая территория, как Крым, который даже после окончания здесь активных боевых действий, являлся, по сути, ближним тылом немецких армий, наступающих на Сталинград и Кавказ. Другим важным с военной точки зрения фактором следует признать партизанское движение. Оно, конечно, не приобрело здесь таких масштабов, как, например, в Белоруссии или Брянских лесах. Но и не считать его для себя реальной угрозой немцы не могли. Дело в том, что все районы дислокации советских партизан находились в непосредственной близости от населенных пунктов и важных коммуникаций Крымского полуострова. Да и Большая земля, с которой они получали помощь, была совсем близко. Поэтому неудивительно, что целью всех усилий немецкой оккупационной админи-

[1] Azat Kirim. — 1943. — № 34(130).

страции по созданию местной вспомогательной полиции была именно борьба с партизанским движением. Главными же задачами вспомогательной полиции следует назвать оперативные и охранные мероприятия.

В принципе все части «неорганизованной» самообороны первого периода истории крымско-татарских добровольческих формирований создавались для охранных целей: как правило, их личный состав должен был защищать свои деревни от нападений небольших групп партизан. К более серьезным мероприятиям (самостоятельный поиск партизанских отрядов и даже совместное с немцами прочесывание местности) они не допускались. Для этого у «самооборонцев» не было ни сил, ни средств, ни соответствующей подготовки. Наконец, недоверие немецкого командования к членам этих отрядов также затрудняло их боевое применение с более широкими задачами.

Тем не менее на определенном этапе эта самооборона сыграла значительную роль в борьбе с партизанским движением. Зимой 1941 — весной 1942 года немцы еще не имели на полуострове устойчивых полицейских структур и к тому же вели непрерывные бои с регулярными частями Красной армии. В этих условиях каждый немецкий солдат был на счету, поэтому помощь «самооборонцев», пусть и не такую квалифицированную, трудно переоценить. Вот что, например, писала газета «Azat Kirim» об уже упоминавшемся коушском отряде: «В деревне Коуш в декабре 1941 года организовалась татарская рота... Отважная рота привлекла в свои ряды и других людей, не вступавших в роту. Все они вместе, нападая на озверевших бандитов-партизан, наносили последним тяжелый удар. Эта рота в течение десяти месяцев 2—3 раза громила 28 партизанских лагерей, уничтожая их казармы, палатки, продукты, одежду и вооружение. Частые и яростные нападения этой роты на партизан сбили их с толку и расстроили их планы... В борьбе с партизанами и большевистскими ставленниками эта рота поте-

ряла 44 человека убитыми и 33 человека ранеными. Многие герои этой роты были награждены немецким командованием»[1].

Автором этой статьи являлся командир отряда самообороны А. Раимов, который написал ее ко второй годовщине создания своего подразделения. За этот период небольшой отряд вырос до роты, а позднее на его основе был сформирован 152-й батальон «вспомогательной полиции порядка». Естественно, стиль этого материала выдержан в лучших традициях коллаборационистской прессы. Однако следует признать, что в целом оценка боеспособности коушского отряда справедлива. Его потенциальную опасность для партизанского движения отмечали даже советские источники. Так, командир 7-й партизанской бригады Л. Вихман вспоминал о коушских добровольцах следующее: «Коуш... Сколько лучших людей, патриотов мы потеряли благодаря предательской деятельности большинства жителей этой деревни, сколько раненых истощенных партизан замучили в своих застенках каратели Коуша, сколько неожиданных засад, нападений совершили эти подлые изменники Родины!»[2].

Более того, руководство крымских партизан вполне серьезно сознавало всю опасность Коуша для партизанского движения в этом районе Крыма и вообще на всем полуострове. В связи с этим заместитель начальника особого отдела Крымского штаба партизанского движения (КШПД) лейтенант государственной безопасности Е. Попов докладывал в июне 1942 года на Большую землю, что хорошо бы Коуш вообще «стереть с лица земли». Это бы значительно облегчило борьбу 3-го и 4-го партизанских районов. «Своими силами, — подчеркивал он, — партизаны уничтожить этот и некоторые другие населенные пункты не могут, так как... они сильно укреплены»[3].

На примере деревни Коуш видно, что некоторая часть отрядов «неорганизованной» самообороны вполне успешно справлялась со своими обязанностями. Однако большинство из них не могли

---

[1] Azat Kirim. — 1943. — № 5(101).

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 56, л. 19.

[3] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 35, л. 23.

самостоятельно нейтрализовать разраставшееся партизанское движение, в ряды которого осенью—зимой 1941 года влилось много кадровых военных. В связи с этим и была задумана и проведена кампания по созданию рот «организованной» самообороны. Как показали дальнейшие события, они в целом создавались как части переходного типа: от «неорганизованной» самообороны к полноценным полицейским формированиям. Личный состав этих рот, как и их предшественники, по-прежнему размещался в отдельных населенных пунктах с целью их охраны от партизан. Как правило, вся рота находилась в населенном пункте целиком, но были и исключения: 2-я (биюк-онларская), 6-я (бий-елийская) и 7-я (алуштинская) роты дислоцировались повзводно в прилегающих населенных пунктах. Такая система применялась в особо опасных районах с целью более быстрого реагирования на вылазки партизан[1].

Еще одним отличием рот «организованной» самообороны от частей предыдущего периода было то, что они дислоцировались уже не только в сельской местности. Как мы видели выше, почти треть из них размещалась в городах (например, 1, 7, 8, 9 и 14-я). Здесь их личный состав нес охрану главным образом гражданских объектов: складов, железнодорожных станций и административных учреждений[2].

Наконец, роты самообороны являлись уже такими частями, которые проходили систематическую военную и политическую подготовку. Однако поскольку организовывались они не одновременно (с января по март 1942 года), то и процесс подготовки личного состава рот был несколько неравномерным и растянутым во времени. Поэтому для охранных целей применялись в основном слабо подготовленные роты. В даль-

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 25.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 25.

нейшем, параллельно с охранной службой, они заканчивали свое обучение.

31 января 1942 года начальник 2-го партизанского района И. Генов докладывал на Большую землю: *«Местное татарское население успешно вооружается... немцами, цель — борьба с партизанами... Надо полагать, что в ближайшие дни они начнут практиковаться в борьбе с нами. Мы готовы к этому... хотя понимаем, что вооруженные татары куда опаснее... немцев и румын»*[1].

Обеспокоенность партизанского командира вполне ясна, так как уже в феврале наиболее подготовленные роты (например, 8-я — бахчисарайская и 9-я — коушская) начали использоваться для более серьезных оперативных мероприятий, чем предыдущие: для разведки, прочесывания местности, самостоятельного или совместного с германскими или румынскими частями поиска партизан, который нередко заканчивался боестолкновением с их значительными силами. Так, издававшийся в Берлине специальный бюллетень полиции безопасности и СД, озаглавленный «Сообщения из СССР», следующим образом описывал некоторые операции татарских рот «организованной» самообороны.

Например, в номере от 9 марта 1942 года сообщалось, что в районе Карасубазара действиями румын и татар были ликвидированы несколько лагерей, убито 68 партизан, уничтожено 12 землянок, захвачены военные материалы. В тот же день южнее Бахчисарая в аналогичной операции было убито 73 партизана (в том числе 30 красноармейцев), уничтожено 6 крупных опорных пунктов и казарм, захвачено много материалов. Наконец, северо-западнее Судака был уничтожен укрепленный партизанский лагерь и убито 42 партизана, а западнее Феодосии захвачено еще 16 человек (среди них батальонный комиссар и три офицера из частей НКВД).

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, л. 58.

В «Сообщениях» от 27 марта 1942 года рассказывалось о проведении 14—16 марта крупной антипартизанской операции в районе Бешуй — Айлянма — Чермалык. В этой операции помимо германских войск также принимала участие одна татарская рота самообороны. В ходе операции было уничтожено 353 партизана. Кроме того, в примечаниях сказано, что начало этой операции было положено еще 1 марта, когда один взвод 8-й роты самообороны провел разведку боем и выяснил расположение основных сил партизан.

В номере «Сообщений» от 8 апреля 1942 года отмечалось, что 4-я рота самообороны стойко обороняла населенный пункт Баксан. В ходе четырехчасового боя чуть больше сотни добровольцев сдерживали натиск более 500 партизан. В результате им удалось продержаться до подхода немецких войск. Здесь же сообщалось, что ранее, 24 марта 1942 года 3-я татарская рота смогла самостоятельно отбить нападение 200 партизан на деревню Бешуй[1].

Еще один источник, отчеты оперативной группы «Д» о внутреннем положении в Крыму, также довольно высоко оценивал боеспособность крымско-татарских рот самообороны. В одном из них, датированном весной 1942 года, например, сообщалось следующее:

«В восточной части Крыма в результате рекогносцировки и разведки татарской ротой самообороны было установлено, что все группы 4-го и бывшего 5-го партизанских районов сконцентрированы между горами Басма и Чатыр-Даг. Запланированы большие действия. Своеобразная разведывательная деятельность с помощью татарских рот самообороны принесла дальнейшие успехи и привела к уничтожению некоторых маленьких групп (партизан)... Усиленный взвод 11-й татарской роты самообороны в течение десяти дней прочесывал

[1] На оккупированных территориях // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. — Москва, 2001. — № 29. — С. 53-54.

Яйлу (Крымские горы) западнее линии Ялта — Биюк-Узенбаш, и очистил этот район от остатков отступивших сюда партизан. При этом десять партизан было убито в бою, а два взяты в плен. Среди последних — начальник штаба группы по фамилии Иваненко. Еще западнее в горах татарский дозор наткнулся на пять партизан, двое из которых были убиты в бою, а трое взяты в плен»[1].

Более того, подготовка некоторых рот была настолько хороша, что их личный состав участвовал в операциях против регулярных сил Красной армии. По сообщениям немецких источников, такие события произошли под Судаком, в ходе зимне-весенней советской десантной операции 1942 года[2].

Немцы признавали, что эти татарские роты действовали в целом удовлетворительно. Но и они, даже совместно с отрядами сохранившейся до этого момента «неорганизованной» самообороны, не могли противостоять партизанскому движению. Нужен был более системный подход к организации частей вспомогательной полиции на полуострове, но его как раз таки и не было: ее отряды даже не подчинялись одной инстанции. Такие мероприятия начали проводиться летом 1942 года, после того как Крым был формально включен в сферу юрисдикции немецкой гражданской администрации. Все же полицейские силы на его территории были реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка» и переданы под контроль полицейского аппарата. Более того, их компетенция была строго разграничена. Теперь за соблюдением общественного порядка в городах и сельской местности должна была следить вспомогательная полиция индивидуальной службы: на нее были возложены охранные функции прежней «неорганизованной» самообороны. Проведение же оперативных мероприятий, и всего

---

[1] ГААРК, ф. П — 849, оп. 1, д. 198, л. 36.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 30.

связанного с ними, возлагалось на батальоны «Schuma» — военизированные формирования, которые были нечто средним между полицейскими и боевыми частями.

Всего было три типа таких батальонов:

фронтовой (Front) — предназначался для оперативных мероприятий на широком фронте и с широкими задачами; иногда мог использоваться и против регулярного противника;

охранный (Wach) — предназначался для охранных мероприятий, главным образом на военных объектах и в местах заключения;

запасной (Ersatz) — предназначался для подготовки личного состава для двух предыдущих типов, но, в случае крайней необходимости, мог использоваться и как охранный или фронтовой[1].

В Крыму были созданы батальоны всех трех типов: один охранный, пять фронтовых и два запасных. И такое их количественное соотношение не случайно. Сразу видно, что семь последних батальонов предназначались в основном для оперативных мероприятий. В них был направлен самый лучший человеческий материал, который немцам удалось собрать (в запасных батальонах он был даже лучше, чем во фронтовых: по кадровым соображениям немцы собрали туда добровольцев, уже имевших боевой опыт). Более же худшие призывники были сосредоточены в единственном охранном (147-м) батальоне и в боях с партизанами не использовались[2].

В июле 1943 года личный состав фронтовых и запасных батальонов закончил свое обучение, после чего некоторым из них были выделены специальные оперативные районы (главным образом в предгорьях Крымских гор), где они и проводили оперативные и охранные мероприятия либо целиком, либо отдельными подразделениями (ротами и взводами). Так, например:

---

[1] Waffen-SS und Ordnungspolizei... — P. 646.

[2] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 13.

- 148-й фронтовой батальон имел штаб в Карасубазаре, а его подразделения несли службу в районах Аргын — Баксан — Барабановка, Сартана — Куртлук и Камышлы — Бешуй;
- 149-й фронтовой батальон имел штаб в Бахчисарае, а его подразделения несли службу в районе Коккозы (1 рота), Коуш (2 роты) и Мангуш (1 взвод);
- 151-й фронтовой батальон имел штаб в Алуште, а его подразделения несли службу в районе Корбек (1 рота), Улу-Узень (1 рота) и Демерджи (1 взвод);

Здесь перед батальонами были поставлены в целом следующие задачи:

1. Защита войскового и оперативного тыла действующей армии от агентурных и диверсионных действий противника;

2. Охрана и оборона всех видов коммуникаций, имеющих значение для фронта или экономики Германии;

3. Охрана и оборона объектов, имеющих значение для вермахта и германской администрации (базы, склады, аэродромы, казармы, административные здания и т.п.);

4. Активное осуществление полицейских и, в случае необходимости, войсковых мероприятий по подавлению антигерманских выступлений в указанных районах[1].

Однако некоторые из этих батальонов так и не получили свой оперативный район, а продолжали оставаться по месту подготовки, где их функциональные обязанности зачастую менялись. Так, например:

- 150-й запасной батальон проходил подготовку в Ялте, но поскольку он изначально организовывался как запасная часть, специальный оперативный район для него выделен не был; в дальнейшем действовал в Ялте и ее пригородных селах как стандартное полицейское подразделение;

---

[1] *Панкратов П.А.* «Мрак и туман» // ВИЖ. — 1998. — № 3. — С. 14.

- 152-й фронтовой батальон проходил подготовку в Джанкое и должен был применяться в этом районе, однако уже в январе 1943 года эта часть была передислоцирована в Симферополь, где ее личный состав стал использоваться для охраны концлагеря на территории совхоза «Красный»;
- 153-й фронтовой батальон проходил подготовку в Феодосии и предназначался для оперативных и охранных мероприятий на Таманском полуострове (единственный случай за всю историю крымско-татарских добровольческих формирований 1941—1944 годов, когда одно из них планировалось использовать вне Крыма); остался по месту дислокации, так как в июле 1943 года Тамань стала уже районом боевых действий; применялся как стандартное полицейское подразделение;
- 154-й запасной батальон проходил подготовку в Симферополе; в дальнейшем там и оставался в качестве запасной части (за исключением одного взвода, который был направлен в деревню Бешуй) [1].

Что же касается количественных показателей деятельности батальонов «вспомогательной полиции порядка», то о них некоторое представление дают отчеты немецкого Штаба по борьбе с партизанами. Так, в одном из них (за период с 9 ноября по 28 декабря 1942 года) приводятся следующие данные:

«...9). Schutzmannschaft-Bataillone № 154 (Krim-Tataren) доносит 14 ноября 1942 года: во время с 9 по 12 ноября 93 татарских добровольца предприняли операцию в районе Биюк-Джанкой и Черная гора. У деревни Оракчи они наткнулись на сильную банду партизан из 100 человек. Вблизи лагеря партизан находилось свободное место, без деревьев, которое служит самолетам для сбрасывания продовольствия. Завязался бой, в ходе которого был убит один партизан и 5 ранено, которые,

[1] PAJH, Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942, s. 13.

тем не менее скрылись. В лагере, который находился в лесу, нашли убитую лошадь, продовольствие и запасные части для радиостанции...

11). Schutzmannschaft-Bataillone № 148 (Krim-Tataren) доносит 13 ноября 1942 года: в этот день сильная группа татарских добровольцев наткнулась на двух партизан в 5 км севернее деревни Молбай (14 км южнее Карасубазара) около 7: 30 утра. Партизаны тотчас открыли огонь, однако были убиты после того, как им было предложено сложить оружие...

23). Schutzmannschaft-Bataillone № 154 (Krim-Tataren) доносит 29 ноября 1942 года: 28 ноября взято в плен в деревне Куртлук 2 партизана.

24). Тот же батальон доносит 29 ноября 1942 года: 28 ноября вблизи деревни Соллар (10 км от Карасубазара) татарским подразделением было убито 5 партизан, а 2 тяжелораненых взято в плен...

36). Тот же батальон доносит 5 декабря 1942 года: 4 декабря в результате боя южнее деревни Чернолак (14 км от Карасубазара) был захвачен в плен 1 партизан, второй был ранен, но убежал...

57). Schutzmannschaft-Bataillone № 149 (Krim-Tataren) доносит 23 декабря 1942 года: 20 декабря был обнаружен лагерь партизан вблизи деревни Мульде (10 км от Коуша), который был сделан наскоро и состоял из 22 палаток. 21 и 22 декабря на него была предпринята атака силами в 134 человека. Однако полного успеха она не принесла...

63). Schutzmannschaft-Bataillone № 150 (Krim-Tataren) доносит 24 декабря 1942 года: 23 декабря в деревню Баланово ворвались 5 партизан и увели 1 корову, кур и забрали продовольствие. Батальон был отправлен в погоню, в результате которой удалось вернуть корову...

69). Schutzmannschaft-Bataillone № 149 (Krim-Tataren) доносит 28 декабря 1942 года: 27 декабря около 12: 30 были замечены у деревни Коуш несколько советских самолетов, сбросивших 4 па-

рашюта. После их сброса поднялись две ракеты. Один из самолетов долго кружил над тем местом, где 22 декабря был разгромлен лагерь. 20 человек из батальона были посланы на поиски упавших парашютов»[1].

Следующий тип крымско-татарских добровольческих формирований — «добровольные помощники», или «хиви» — предназначался для службы в регулярных частях вермахта в качестве вспомогательного персонала (шоферы, конюхи, подносчики снарядов и т.п.). Обычно немцы набирали таких добровольцев, чтобы восполнить потери в живой силе или высвободить немецких солдат для службы в боевых подразделениях. В этом в целом и заключалась главная задача татарских призывников (как, впрочем, и «хиви» других национальностей). Естественно, что им не требовался длительный курс подготовки. Их обучали тому, что им было необходимо знать и в как можно сжатые сроки: в январе—марте 1942 года, когда проходила первая вербовочная кампания, 11-я армия вела ожесточенные боевые действия. Поэтому уже в феврале 1942 года отдельные подразделения татар-«хиви», общей численностью до 200—250 человек, были направлены на фронт под Керчь, где приняли участие в боях против Красной армии. Весной они были переброшены под Севастополь, где приняли участие в осаде этой крепости. Следует сказать, что набор и использование «добровольных помощников» продолжался и далее: в 1943—1944 годах они несли службу в частях береговой обороны и вспомогательных подразделениях (хозяйственных, строительных и т.п.). Нет нужды говорить, что служба их была намного спокойнее, чем у предыдущей категории добровольцев[2].

***

Исследуя проблему использования крымско-татарских добровольческих формирований, нельзя пройти мимо еще одной ее сто-

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 391, л. 113об.-115об.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, л. 64.

роны: зверств по отношению к партизанам, и прежде всего к мирным жителям. Вопрос этот очень неоднозначен и крайне сложен для объективного понимания, так как в нем отчетливо выделяется два контекста: идеологический и национально-религиозный. То есть, с одной стороны, татарские добровольцы могли воевать с партизанами и участвовать в акциях против мирных жителей, как против поддерживающих советскую власть идеологических оппонентов. В этом случае репрессий не могли избежать даже их соплеменники. С другой же стороны, многие участники татарских формирований видели в своих противниках не просто, скажем, коммунистов, а заклятых врагов, к которым у них были исторические, национальные или религиозные претензии. Часто эти контексты могли переплетаться между собой. Однако если верх брал второй, «обычная» карательная акция превращалась в чудовищную резню со средневековыми пытками.

Как правило, зверства крымско-татарских добровольцев против мирных жителей могли происходить в трех случаях:

- Если они участвовали в специальных карательных акциях против поддерживающих партизан сел;
- Если участвовали в акциях ликвидаций мирного населения или советских военнопленных;
- И если служили в охране концентрационных лагерей или других подобных учреждений.

Защитники крымских татар из числа советских диссидентов и современные историки и публицисты, близкие к татарским националистическим кругам, всегда были склонны отрицать участие крымско-татарских коллаборационистов в зверствах против мирного населения. Зачастую они объясняли все свидетельства о таких зверствах послевоенной деятельностью советской пропаганды, которая была заинтересована в любом факте, чтобы оправдать депортацию крымско-татарского народа. Однако, как известно, дыма без огня не бывает. Поэтому уже в ходе оккупации полуострова на Большую землю стали

поступать сведения о карательных мероприятиях татарских добровольческих формирований. Например, такого характера: «Участники партизанского движения в Крыму были живыми свидетелями расправ татар-добровольцев и их хозяев над захваченными больными и ранеными партизанами (убийства, сжигание больных и раненых). В ряде случаев татары были беспощаднее и профессиональнее палачей-фашистов»[1].

Эта в целом верная картина является тем не менее чересчур эмоциональной и обобщенной. Каковы же те факты, на основе которых она появилась? Приведем только некоторые из них, наиболее вопиющие. Так, 2 июля 1942 года, в ходе боев за Севастополь, катер, на котором находились старший лейтенант В. Квариани, сержант П. Судак и еще несколько солдат и моряков, получил пробоины в корпусе и стал оседать от принятой воды. Вскоре заглох один из моторов, и экипаж был вынужден повернуть катер к занятому немцами берегу. Высаживаться пришлось недалеко от Алушты, где уже находилась татарская добровольческая часть. На берегу между татарами и десантниками произошел неравный бой. В результате те из них, кто остался в живых, были пленены добровольцами. После боя татары стали расправляться с ранеными десантниками, расстреливая их в упор. По свидетельству выживших, они могли так расстрелять всех, если бы не подоспевшие итальянские моряки, которые сразу же прекратили расправу[2].

В. Мищенко был пленен в ходе боев за Севастополь и летом 1942 года проделал нелегкий путь до лагеря «Картофельный городок», который находился в пределах Симферополя. После войны он свидетельствовал, что из трех тысяч человек, которые находились в его колонне, до лагеря дошла только поло-

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 41, л. 22.

[2] *Широкорад А.Б.* Битва за Крым: роман-хроника. — М., 2005. — С. 410.

вина. Остальные были расстреляны по пути конвоем, который состоял из немцев и крымских татар[1].

4 февраля 1942 года командование партизанских отрядов Крыма сообщало на Большую землю, что румыны и татары-добровольцы неожиданно напали на группу партизан 2-го отряда. В произошедшем затем бою четыре «народных мстителя» были захвачены карателями. После боя всех их расстреляли, а тела бросили в костер[2].

Это только некоторые свидетельства того, как могли поступать татарские добровольцы с советскими военнопленными и партизанами. Может ли быть оправданной такая жестокость? Разумеется, нет! Хотя и ее можно объяснить «горячкой» боя, состоянием аффекта и тому подобными явлениями. Однако поведение крымскотатарских добровольцев, которые занимались охраной концентрационных лагерей, вряд ли можно объяснить подобным образом. Наоборот, нижеприведенные факты свидетельствуют о том, что со временем зверства по отношению к военнопленным, партизанам и гражданскому населению, заподозренному в нелояльности к новой власти, приобрели более массовый и систематический характер.

Из всех пенитенциарных заведений, которые были созданы на территории Крыма, наиболее печальную славу имел концентрационный лагерь на территории совхоза «Красный». Этот лагерь был создан весной 1942 года под эгидой полиции безопасности и СД Симферополя для содержания в нем всех тех, кто представлял или мог представлять потенциальную угрозу для оккупационного режима. Обычно здесь держали коммунистов, захваченных в плен партизан и подпольщиков, а также членов их семей. Первоначально экзекуции проходили крайне редко, так как лагерное начальство не имело достаточного количества исполнителей. По-

---

[1] *Там же.* — С. 410-411.

[2] *Кондранов И.П.* Крым. 1941-1945. Хроника. — Симферополь, 2000. — С. 102.

ложение изменилось в январе 1943 года, когда на охрану лагеря прибыл 152-й батальон «вспомогательной полиции порядка». С тех пор поменялся и режим содержания узников. Нет, он и до этого не был легким. Просто с приходом татарского добровольческого батальона «обычный» концентрационный лагерь превратился в лагерь уничтожения.

Что же представлял собой режим этого лагеря? В октябре 1973 года один из сотрудников КГБ, П. Бабенко, подготовил на запрос Совета Министров Украинской ССР интересную докладную записку, озаглавленную «О фактах коллаборационизма среди граждан крымско-татарской национальности в период Второй мировой войны». В ней, помимо всего прочего, сообщалось:

«(В концлагере на территории совхоза «Красный») был создан исключительно жестокий режим. Преднамеренно и планомерно истреблялись содержавшиеся узники путем массовых и одиночных расстрелов, удушения в автомашинах — "душегубках", сожжения на специально оборудованных кострах, а также путем систематических истязаний, непосильного изнурительного труда, голода, антисанитарных условий...

В результате расследования, проведенного в 1944 году (Симферопольской городской Чрезвычайной комиссией), в 3 км от лагеря в урочище "Дубки" было обнаружено свыше двадцати ям, а на территории лагеря один колодец с трупами расстрелянных и заживо сброшенных туда советских граждан, и, как указано в акте, только из четырех ям и частично из колодца было извлечено 443 трупа мужчин, женщин, стариков и детей.

В 1970—1971 годах органами госбезопасности Украины были разысканы и привлечены к уголовной ответственности... изменники Родины, бывшие добровольцы 152-го батальона — Ходжаметов Теймук, Абжелилов Абкадар, Салаватов Шевкет, Куртвелиев Якуб, Парасотченко Семен и Кулик Николай.

В ходе расследования по их делу в ноябре—декабре 1970 и в ноябре—декабре 1971 года в урочище "Дубки" и в районе бывшего концлагеря по показаниям потерпевших, свидетелей и обвиняемых были установлены новые, ранее неизвестные места массового уничтожения узников концлагеря. В процессе проведения эксгумаций из этих мест извлечены костные останки расстрелянных, принадлежащие не менее чем 2955 человекам в возрасте от 5—6 месяцев и выше...

Особенно кровавую расправу фашистские оккупанты и их сообщники из 152-го добровольческого батальона учинили в конце октября — начале ноября 1943 года, когда в урочище "Дубки" было расстреляно около 2 тыс. заключенных, и в первой половине апреля 1944 года, перед бегством оккупантов из Крыма, когда несколько тысяч оставшихся заключенных концлагеря были расстреляны в "Дубках" и сброшены живыми в колодцы на территории концлагеря...»[1].

Как говорится, приведенные факты говорят сами за себя. Всего же за неполные три года существования лагеря, немцы и их пособники замучили и расстреляли в нем более 8 тыс. жителей Крыма.

Из этой же докладной записки мы узнаем, что охрана лагеря и экзекуции над его узниками не были единственной обязанностью добровольцев 152-го батальона. Например, кроме участия в массовом уничтожении заключенных, они неоднократно выезжали на карательные операции против гражданского населения в Симферопольский, Бахчисарайский или Зуйский район. Обычно после проведения таких акций мирные жители поголовно отправлялись в концлагерь, их имущество подвергалось разграблению, а сам населенный пункт уничтожался.

Как правило, подобные мероприятия проводились для того, чтобы лишить советских партизан поддержки в данном районе. Поэтому участие в карательных акциях было неизменным

[1] Кримські татари... — Ч. 1. — С. 371-372.

атрибутом антипартизанской борьбы почти всех татарских добровольческих формирований, которые были созданы под эгидой органов полиции. Приведем только один, наиболее характерный пример. Так, ранним утром 1942 года в поселок Чаир Бахчисарайского района ворвалось более 200 немцев и «самооборонцев» из Коуша. За то, что жители поселка помогали советским партизанам, немцы и их пособники учинили над ними кровавую расправу. Всего в тот день было расстреляно 14 мужчин, 2 женщины и трехлетний ребенок. Забрав все ценные предметы, каратели сожгли поселок дотла. При этом в одном из домов заживо сгорели спрятанные жителями два раненых красноармейца[1].

Поселок Чаир не был единственным примером подобной зверской расправы. Однако этот случай интересен для нас тем, что все население поселка было русским по национальности. Справедливости ради стоит сказать, что на тот момент такая акция вряд ли была проявлением какой-то антирусской политики нацистов: шел только третий месяц оккупации, и у местных немецких властей еще не было определенного плана по реализации национальной политики на полуострове. Тем не менее использование татарских добровольцев-мусульман против этнических русских (а затем и против православных греков) в многонациональном Крыму было весьма существенным симптомом, который мог привести к чему угодно. Вплоть до развития событий по балканскому сценарию (не секрет, что большинство крымских партизан, которые остались в своих отрядах к этому времени, были либо славянами, либо греками) [2].

---

[1] *Кондранов И.П.* Указ. соч. — С. 88-89.

[2] 23 марта 1942 г. коушская рота самообороны уничтожила еще один населенный пункт Крыма. На этот раз это была греческая деревня Лаки (Бахчисарайский район). За то, что жители деревни поддерживали партизан, каратели полностью сожгли ее и расстреляли более 50 человек (главным образом мужчин).

***

24 мая 1942 года коллаборационистское издание «Голос Крыма», со ссылкой на «Немецко-украинскую газету», сообщило своим читателям, что, выступая в Рейхстаге, Гитлер заявил следующее: *«В частях германской армии, наряду с литовскими, латышскими, эстонскими и украинскими легионами, принимают участие в борьбе с большевиками также татарские вспомогательные войска... Крымские татары всегда отличались своей военной доблестью и готовностью сражаться. Однако, при большевистском господстве им нельзя было проявить этих качеств, так как они ненавидели кровавый режим нового царя в Кремле. Когда немецкие войска, прорвав Перекоп, заняли Крым и освободили большую часть полуострова... местное татарское население с восторгом приветствовало своих спасителей. Так как татары были воодушевлены мыслью скорее уничтожить общего врага, то вполне понятно, что они плечом к плечу стоят с солдатами германской армии в борьбе против большевизма»*[1].

Действительно ли фюрер сказал так, или газета передала только общий смысл его речи, неизвестно. Тем не менее его слова весьма показательны. В целом они свидетельствуют о том, что немцы на первых порах весьма высоко оценивали боеспособность и моральное состояние крымско-татарских добровольцев. Например, уже упоминавшейся зондерфюрер Зиферс писал в своей докладной записке, что «татар можно охарактеризовать как старательных, усердных солдат, помощь которых в борьбе с партизанами неоценима». Более того, они *«могут наладить хорошую дисциплину и обладают хорошими маршевыми качествами»*[2].

Тех, кто остался в живых, в основном женщин и детей, под конвоем крымско-татарских добровольцев отправили пешком через Бахчисарай в лагерь в селе Октябрьское.

[1] Голос Крыма. — 1942. — № 42.

[2] MGFA, Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942.

Такого же мнения о крымских татарах были и авторы отчета оперативной группы «Д», составленного по результатам вербовки добровольцев в роты «организованной» самообороны и ряды вермахта. *«Необходимо заметить,* — писали они, — *что там, где размещены татарские подразделения, партизаны не нападают на населенные пункты или нападают редко».* Далее офицеры оперативной группы отмечали усердие татар в несении внутренней службы, их чистоплотность и опрятность. При этом внешней вид добровольцев был гораздо лучше, чем у представителей других национальных групп, служивших в составе «восточных» войск[1].

Тем не менее при общей положительной картине, некоторые немецкие офицеры считали, что боевое применение крымско-татарских частей нужно проводить только с учетом уровня их подготовки. Так, начальник Штаба по борьбе с партизанами майор К. Штефанус в своем приказе от 31 января 1942 года указывал на следующее: *«При использовании татарских рот самообороны, которые хоть и показали себя неустрашимыми и умелыми борцами против партизан, нужно учитывать тот факт, что применять их все же следует там, где партизаны угрожают их собственной местности. Только татар-военнопленных можно смело применять по всей территории Крыма, так как они имеют военную подготовку, привыкли к повсеместному использованию, и, будучи включенными в части германского вермахта, приобрели лучшее положение»*[2].

Наконец, результатом такого в целом положительного отношения германского военно-политического руководства разных уровней к крымско-татарским добровольцам явилось то, что за ними вполне официально был закреплен довольно высо-

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20—11/433, bl. 30.

[2] Германские документы о борьбе с крымскими партизанами... — С. 295.

Альфред Фрауэнфельд

Альфред Розенберг

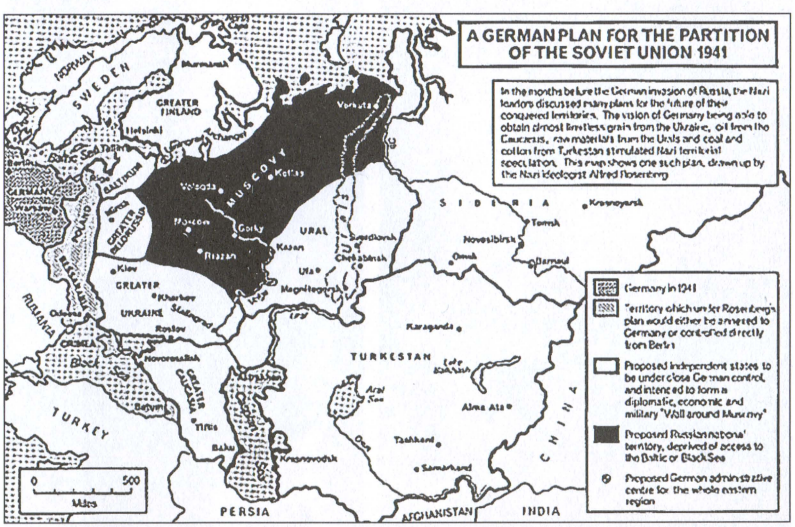
Адольф Гитлер

Генрих Гиммлер

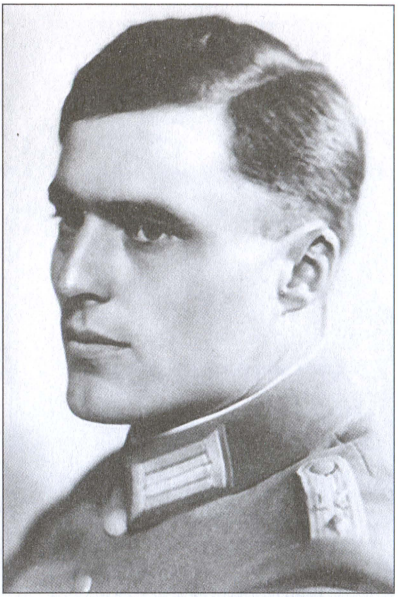
Роберт Лей

Карта-схема будущего административно-политического устройства «восточного пространства». Предвоенный проект Розенберга

Генерал-майор Эдуард Вагнер

Подполковник Клаус Шенк граф фон Штауффенберг

Генерал-лейтенант А.А. Власов

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер

Розенберг и Кох

Генерал-фельдмаршал
Эрих фон Манштейн

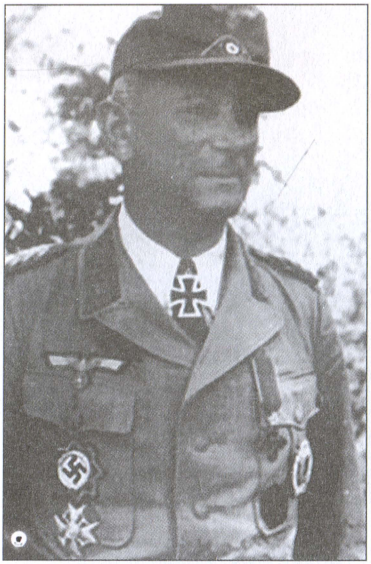
СС-бригадефюрер
Людольф фон Альвенслебен
(на снимке второй справа)

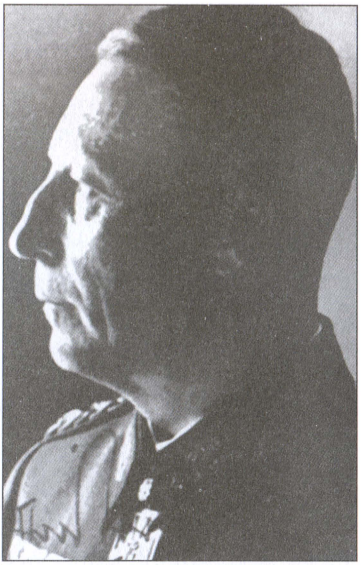
СС-штандартенфюрер
Отто Олендорф

Генерал от инфантерии
Франц Маттенклотт

Генерал-полковник Эрвин Иенеке

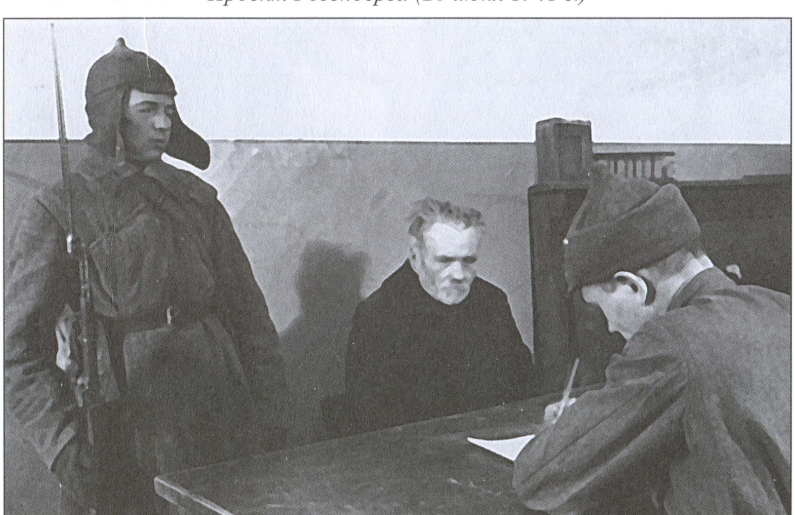
Генерал от инфантерии Карл Альмендингер

Карта административно-территориального устройства генерального округа «Крым» (по состоянию на 1 сентября 1941 г.)

Карта-схема административно-территориального устройства оккупированных советских территорий. Проект Розенберга (20 июня 1941 г.)

Допрос бургомистра Керчи Токарева. Керчь, 1942 г. (фотография из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов, Красногорск)

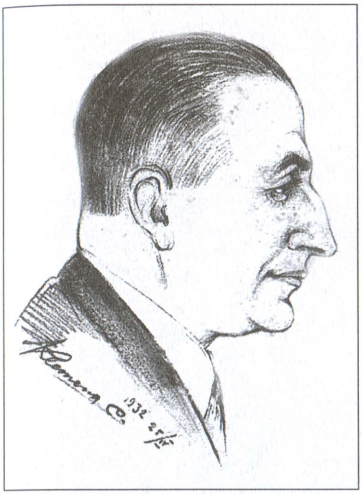
Альфред Фрауэнфельд в партийной униформе

«Крымский щит». Нарукавный знак отличия, которым награждались немецкие военнослужащие, участвовавшие в боях южнее Перекопского перешейка с 21 сентября 1941 по 4 июля 1942 г.

Немецкие военнослужащие, участвовавшие в боях за Крым. У военнослужащего, стоящего справа, на левом рукаве прикреплен «Крымский щит»

Джафер Сейдамет

Нуман Челеби Джихан

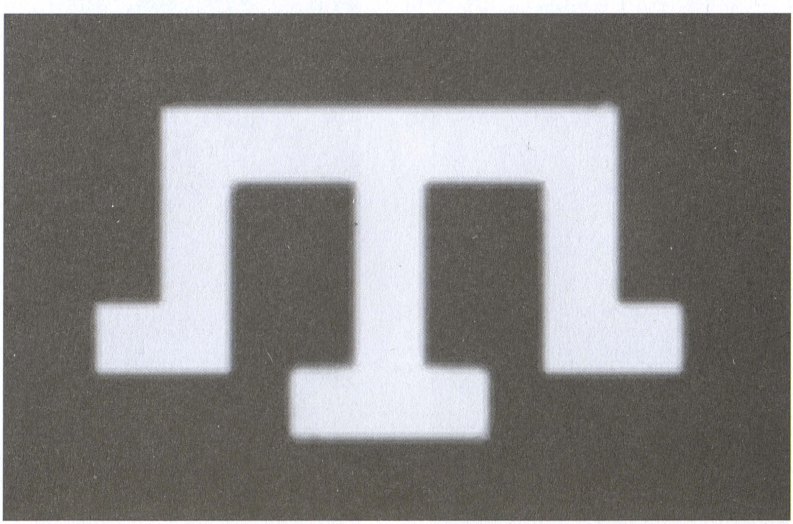
Амет Озенбашлы

Великий муфтий Иерусалима
Хаджи Амин эль-Хуссейни

Эдиге Кырымал

«Кок-байрак» и «тамга».
Национальные знамя и символ крымских татар

Джафер Сейдамет (справа)
и Абдулла Сойсал

Альфред Фрауэнфельд
общается с местным населением

Немецкий унтер-офицер во главе крымско-татарского подразделения

Крымско-татарские добровольцы на обложке популярного немецкого журнала «Сигнал»

Боец одной из частей крымско-татарской «Schutа»

Личный состав Восточно-тюркского соединения войск СС готовится к молитве. 1944 г.

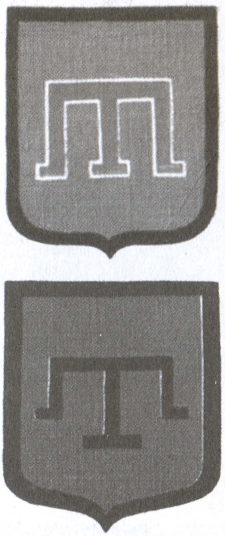
Личный состав одного из отрядов крымско-татарской самообороны. Крым. Зима, 1941—1942 гг.

Крымско-татарские «добровольные помощники». Крым. Осень, 1942 г.

Крымско-татарские «добровольные помощники» в румынской униформе. Крым. 1943 г.

Проект и вариант проекта нарукавного щитка для личного состава Крымско-татарского легиона.

Крымско-татарский доброволец. Южный берег Крыма. 1942 г.

Личный состав крымско-татарского батальона «Schuma». Крым. Осень, 1942 г.

Торжественный молебен по случаю открытия Центрального вербовочного пункта РОА в Крыму. Симферополь. 30 июня 1943 г.

Новые добровольцы РОА получают униформу. Симферополь. Лето, 1944 г.

Добровольцы одной из рот 1-го (грузинского) батальона соединения «Бергманн».
Крым. Сентябрь 1943 г.

Доброволец-армянин соединения «Бергманн».
Перекопский перешеек. Осень 1943 г.

кий статус (который они неформально и так уже имели). В августе 1942 года начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер подписал инструкцию за № 8000/42 и озаглавленную «Положение о местных вспомогательных формированиях на Востоке». В этом документе все добровольческие части были разделены по категориям, согласно их политической благонадежности и боевым качествам. Например, представители «тюркских народностей» и казаки выделялись в отдельную категорию *«равноправных союзников, сражающихся плечом к плечу с германскими частями против большевизма в составе особых боевых подразделений, таких как туркестанские батальоны, казачьи части и крымско-татарские формирования»*. Следует сказать, что содержание этой инструкции весьма показательно: крымские татары были признаны «равноправными союзниками» в то время, когда представители славянских и даже прибалтийских народов могли использоваться только в составе антипартизанских, охранных и вспомогательных частей вермахта и полиции[1].

Авторы уже упоминавшегося отчета оперативной группы «Д» писали в его заключении, что *«настроение в татарских ротах самообороны нужно считать хорошим. Немецкие инструктора сообщают, что татары очень горды той службой, которую им доверили, и тем вниманием, которое им оказывается как во время этой службы, так и после нее. Они гордятся тем, что носят немецкую униформу. Татарские добровольцы стараются изучить немецкий язык и бывают очень довольны, когда им удается сказать что-либо по-немецки»*[2].

Такая же картина наблюдалась и в тех частях 11-й армии, где имелись крымско-татарские «добровольные помощники». Разумеется, они не имели статус выше, чем у таких же, как и

---

[1] Цит. по: Newland S. Cossacks in the German Army 1941—1945. — London, 1991. — P. 58-59.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20—11/433, bl. 30-31.

они, «хиви». Также не могло быть и речи о правовом равенстве с солдатами вермахта. Зачастую это проявлялось даже в таких мелочах, как униформа и знаки различия на ней. Например, в 30-м армейском корпусе добровольцы получали старые шинели немецких солдат, когда те получали, в свою очередь, новые. Кроме того, всем «хиви» было строго-настрого запрещено носить такую важную деталь немецкого мундира, как «германский орел». Выше уже говорилось, что немцы старались не вооружать местных добровольцев автоматическим и тяжелым оружием. Это в полной мере касалось и крымско-татарских «хиви». Однако по целому ряду свидетельств, такие мелочи их не смущали, так как питались и снабжались татарские добровольцы не хуже, чем солдаты вермахта, а в некоторых случаях даже лучше, чем румыны[1].

О том, что немцы осенью 1941 — летом 1943 года действительно хорошо относились к крымским татарам в целом и добровольцам из их среды, в частности, свидетельствует также тот факт, что для последних при немецком госпитале в Симферополе было даже открыто специальное татарское отделение. Здесь своих соплеменников лечили исключительно татарские врачи и татарские медсестры. Кроме того, санитарная часть оперативной группы «Д» обеспечила перевязочным материалом все татарские роты самообороны[2].

***

Разумеется, что такой высокий уровень боеготовности и боевой дух крымско-татарских добровольческих формирований не появились сразу, а были обусловлены целым комплексом факторов. О том, что это были за факторы, как в политической, так в

---

[1] BA-MA, RH 24. Armeekorps. Bd. 8: Generalkommando 29 bis Generalkommando 34, RH 24-30/117, XXX. AK, Ic, 10.2.1942 und Ic, 2.2.1942.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 30.

военной и экономической сфере, мы довольно подробно говорили выше. Однако уже летом 1943 года ситуация начинает меняться коренным образом. В конце концов командующий войсками вермахта в Крыму так оценил эту тенденцию. «*Последнее время,* — сообщал он в докладной записке, адресованной Розенбергу, — *татары оказались крайне ненадежными*»[1].

Этот документ датирован 28 февраля 1944 года, а все предыдущие немецкие отчеты относятся к середине 1942 года. Таким образом, следует признать, что за год с небольшим произошли события, в ходе которых появился целый ряд новых факторов, повлиявших на негативное отношение крымских татар к немецкому оккупационному режиму. А поскольку татарские добровольцы являлись, все-таки частью своего народа, эти же факторы сыграли существенную роль и в понижении их боеспособности и боевого духа. Эти новые факторы также можно условно разделить на возникшие под влиянием немецкой или советской сторон. Наконец, условия их возникновения были обусловлены внутриполитической обстановкой на территории Крымского полуострова или событиями за его пределами.

Практически все советские и западные источники свидетельствуют о том, что до лета 1943 года большинство крымских татар были вполне лояльно настроены к новой власти. И одним из проявлений такой лояльности было их массовое добровольное вступление в ряды полиции или вермахта. Однако уже вербовочная кампания января—марта 1942 года явственно показала, что не везде татары «горели желанием» вступать в части полиции или вермахта. Например, авторы отчета оперативной группы «Д» констатировали целый диапазон настроений татарского населения: от крайне коллаборационистских до в лучшем случае нейтральных по отношению к новой власти. Лидеры Симферопольского мусульманского комитета, естественно, демонстрировали полную преданность оккупантам. Естественно, это были только

[1] *Kirimal E.* Op. cit. — S. 316.

слова, тем не менее под их впечатлением немцы и националисты начали вербовочную кампанию. Выше мы уже достаточно подробно осветили ее ход и результаты. Здесь же необходимо коснуться еще одной стороны этого процесса: действительной готовности крымских татар с оружием в руках бороться против советской власти. В целом Олендорф и его команда должны были констатировать, что «большинство татарского населения выражает готовность сражаться. Однако в отдельных районах призыв к борьбе не всегда находит должное понимание»[1].

Так, уже в процессе вербовки офицеры оперативной группы «Д» обнаружили, что в разных районах Крыма татарское население по-разному отнеслось к этому мероприятию. Например, жители восточной части полуострова (Карасубазар, Старый Крым, Судак) и степных районов северного Крыма почти все заявляли, что уже готовы к борьбе. Татары же из западной части полуострова (особенно Бахчисарай и северные пригороды Симферополя), несмотря на первоначальное воодушевление, начали просить, чтобы их не использовали за пределами места проживания.

Еще одним фактором, влиявшим на настроения татарского населения, было то, в каких населенных пунктах проходила вербовка: с однородным населением или смешанным. Если в деревне или районе проживали в основном только татары, то энтузиазм был всеобщим. Там же, где татары не составляли подавляющего большинства, их высказывания о совместной с немцами борьбе против большевизма были намного сдержаннее. Следует сказать, что и в этом случае прослеживалось четкое разграничение: в восточном или западном Крыму проходил призыв.

В результате руководство оперативной группы «Д» пришло к выводу, что этот диапазон настроений объясняется следующими обстоятельствами:

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20--11/433, bl. 26.

1. Как известно, в этот период проходила Керченско-Феодосийская десантная операция Красной армии, и многие татары попросту не хотели попасть на фронт. Более того, многие из них в связи с этим всерьез подумывали об эвакуации вглубь полуострова;

2. Если же татары и соглашались вступать в отряды самообороны, то только при условии, что их оставят по месту жительства. Доходило до того, что они отказывались вступать в отряды, если узнавали о своем переводе даже в близлежащие села;

3. Выше мы уже упоминали, что значительное количество крымских татар дезертировали из Красной армии в период осенних боев 1941 года. Однако не меньшее их количество все-таки продолжали еще оставаться в ее рядах. Много их было и в немецком плену. В связи с этим Олендорф был вынужден констатировать, что количество мужчин, годных к призыву, значительно сократилось. Так, в горных деревнях их часто оставалось по 40—60 человек, чего явно не хватало для укомплектования полноценной роты[1].

Впоследствии немцы решили проблему недостатка мужского населения следующим образом: они стали отпускать военнопленных. Но и те, кого удавалось завербовать, не всегда были пригодны для военной службы. Из того же отчета мы узнаем следующее соотношение годных и негодных призывников в селах Бахчисарайского района. Так, на 22 января 1942 года в этом районе было подано 565 заявлений. Однако уже 30 января оперативная группа «Д» была вынуждена распрощаться со 176 из этих добровольцев. Из них: 74 оказались больными, 42 имели увечья разной степени тяжести, 12 уже работали при различных немецких частях, а 48 человек просто не явились на призывной пункт, несмотря на первоначальное согласие. Итого, из 565 осталось только 389 добровольцев[2].

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 26-28.

[2] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 28-29.

***

Наконец, была еще одна причина, которая оказала весьма существенное влияние на результаты вербовки января—марта 1942 года, на всю историю создания и использования крымско-татарских добровольческих формирований, и вообще на весь крымско-татарский коллаборационизм. И причина эта — партизанское движение. СС-оберфюрер Олендорф отмечал, что татары были намного сдержаннее в отношении сотрудничества с оккупантами в тех районах, где поблизости находились партизанские отряды. Хотя, одновременно, если возникала какая-нибудь опасность (например, нападение партизан), они немедленно были готовы браться за оружие. Это наблюдение не было чем-то присущим только татарско-партизанским отношениям, а охватывает, в принципе, всю историю взаимоотношений советских партизан с гражданским населением в годы Второй мировой войны. Тем не менее без изучения динамики этих взаимоотношений мы вряд ли поймем причины, побудившие встать на сторону Третьего рейха значительную часть крымских татар[1].

***

Разгром крымской группировки вермахта советскими войсками не был концом татарских добровольческих частей. Известно, что в ходе сражения за полуостров немцы смогли эвакуировать более 2500 человек из персонала «вспомогательной полиции порядка». К концу мая все они были сосредоточены в Румынии, где и ожидали решения своей дальнейшей судьбы. Ждать им пришлось недолго. Уже в начале июня 1944 года было принято решение о дальнейшем использовании этих добровольцев. Таким образом, начался четвертый, заключительный этап истории крымско-татарских формирований в составе германских вооруженных сил.

---

[1] Более подробно о взаимоотношениях крымских татар и советских партизан будет рассказано в следующих разделах.

В первой половине июня 1944 года начальник Главного оперативного управления СС, ведавшего организацией и использованием воинских частей и соединений этой организации, СС-обергруппенфюрер Х. Юттнер вызвал к себе начальника полиции порядка округа «Черное море» СС-бригадефюрера Хитшлера. В ходе беседы Юттнер сказал ему, что отныне «все иностранные добровольцы поступают в распоряжение рейхсфюрера СС». Этот приказ касался и татарского полицейского персонала, который на этот момент был сосредоточен в Румынии. По словам СС-обергруппенфюрера, Гиммлер планировал создать из крымских татар горно-егерский полк, который должен был стать частью войск СС[1].

16 июня 1944 года Юттнер был принят рейхсфюрером СС и доложил ему о результатах состоявшейся беседы. Одновременно им был представлен план, по которому должно было происходить развертывание татарского полка. Во-первых, сначала планировалось создать только один батальон и посмотреть, что из этой затеи получится. Во-вторых, как и во многих других иностранных добровольческих формированиях войск СС, в этом полку должны были служить не только крымские татары. Гиммлер приказал укрепить его 200 офицерами и унтерофицерами немецкой полиции. В-третьих, организацию полка было решено проводить в Германии, на полигоне «Мурлагер», где располагалась учебная база одного из эсэсовских горно-егерских батальонов. Впоследствии персонал этого батальона также должен был влиться в состав полка[2].

Принимая решение о создании части полкового типа, руководство СС исходило из того, что сможет набрать татарских добровольцев не больше, чем для укомплектования двух полноценных батальонов. Однако, как показала дальнейшая провер-

---

[1] *Klietmann K. G.* Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. — Osnabrück, 1965. — S. 379.

[2] *Ibid.* — S. 379.

ка эвакуированного персонала, этих добровольцев оказалось гораздо больше, и из них можно было сформировать не два, а три таких батальона. В результате Юттнер пришел к выводу, что лучше сформировать не полк, а маленькую бригаду. Гиммлер согласился с ним, и 8 июля 1944 года подписал приказ, согласно которому уже созданный батальон и все новоприбывшие добровольцы развертывались в Татарскую горно-егерскую бригаду войск СС — Waffen-Gebirgs-Brigade-SS (tatarische Nr. 1). Этот же приказ определял и дальнейшую судьбу будущего нового соединения. Во-первых, бригада переводилась из Германии в Венгрию, где ее и должны были сформировать и подготовить. Параллельно с процессом подготовки персонал соединения должен был привлекаться к несению гарнизонной и охранной службы. Во-вторых, командиром бригады назначался СС-оберштурмбаннфюрер (в ноябре 1944 года произведен в СС-штандартенфюреры) В. Фортенбахер. В-третьих, в составе бригады планировалось создать штаб и два горно-егерских батальона по четыре роты в каждом. Наконец, в-четвертых, помимо татарского полицейского персонала в состав будущей бригады планировалось включить еще некоторое количество крымско-татарских «хиви», а также значительно увеличить процент немецкого кадрового персонала — до 1097 человек[1].

Численность личного состава соединения (без немцев) планировалось довести до 3434 человек. Однако на 20 сентября 1944 года удалось собрать только 2421 из них. Главной причиной такого недокомплекта было то, что командование вермахта отказалось передавать в войска СС своих «добровольных помощников». В свою очередь, начальник полиции порядка «Черное море» также, несмотря на первоначальное согласие, тянул с переводом вверенных ему добровольцев. К тому же значительное количество уже присланных крымско-татарских полицейских были признаны негодными к службе в боевых

[1] *Tessin G.* Op. cit. — Bd.2. — S. 76.

частях. В целом же (по рангам) этот недокомплект татарских добровольцев выглядел следующим образом[1]:

Ранги личного состава	Офицеры	Унтер-офицеры	Рядовые	«Хиви»	Всего
Запланированная численность	67	440	2927	614	3434
Реальная численность	11	191	2219	0	2421

Недокомплект личного состава был не единственной проблемой нового соединения. Более того, почти сразу же и процесс организации бригады и ее подготовка зашли в тупик. Нельзя сказать, что вина за это лежит на ком-то одном: и руководство СС и уполномоченный германский генерал в Венгрии, в чьем ведении находилось формирование бригады, делят ее поровну. Известно, что СС-оберштурмбаннфюрер Фортенбахер воспринял свое новое назначение в качестве наказания. Вследствие этого он откровенно пренебрегал своими командирскими обязанностями. Разумеется, такая ситуация не лучшим образом сказывалась на уровне подготовки татарских добровольцев и их боевом духе. Еще одной причиной проблем с организацией было то, что бригада не считалась «высокоприоритетным соединением германских вооруженных сил». Поэтому оружие и амуниция со складов вермахта поступали в нее крайне медленно[2].

Согласно документам Главного оперативного управления СС, окончание подготовки бригады планировалось на 11 октября 1944 года. Именно на этот день был подготовлен черновик приказа Юттнера, в котором он распоряжался присвоить соединению 8-й номер и отправить его на фронт. Но ни в этот день, ни в ноябре, ни даже в декабре бригада, вследствие указанных

[1] *Klietmann K.G.* Op. cit. — S. 513.

[2] *Munoz A.J.* Forgotten Legions: Obscure Combat Formations of the Waffen-SS. — New York, 1991. — P. 174.

причин, так и не была окончательно организована. Поэтому 15 декабря 1944 года ее решили попросту расформировать, а весь крымско-татарский персонал передать на пополнение Восточно-тюркского соединения войск СС — еще одного добровольческого формирования, созданного из советских мусульман. Наконец, 31 декабря последовал соответствующий приказ, в котором Юттнер распоряжался сделать следующее:

1. Вследствие распоряжения от 15 декабря 1944 года Восточно-тюркское соединение войск СС реорганизовывается и получает следующую структуру:

a) штаб Восточно-тюркского соединения;

b) штабы боевых групп «Идель-Урал», «Туркестан», «Крым»;

c) боевые части согласно пункту «b» формируются как батальоны.

2. В качестве персонала для указанных боевых частей используются части, сформированные ранее:

a) штабы для трех боевых групп (сокращенные полковые штабы) формируются в Восточно-тюркском соединении, а их состав утверждается Главным оперативным управлением СС;

b) каждая боевая группа должна состоять из: двух пехотных батальонов, пяти пехотных рот в каждом батальоне; о формировании других частей будет сообщено дополнительным приказом Главного оперативного управления СС.

3. Формирование должно происходить в районе города Миява (Словакия).

4. Ответственным за формирование боевых частей является командир соединения.

5. Восточно-мусульманский полк СС входит в состав Восточно-тюркского соединения и на основании этого считается распущенным.

6 .Весь азербайджанский персонал выводится из состава Восточно-тюркского соединения войск СС и передается в распоряжение Кавказского соединения войск СС[1].

---

[1] *Ibid.* — P.173.

1 января 1945 года началась передача крымско-татарского персонала в Восточно-тюркское соединение войск СС, которая растянулась на два месяца. В результате боевая группа «Крым» (Waffengruppe Krim) была создана окончательно только 5 марта. На этот период в ее составе имелись штаб, два пехотных батальона по четыре роты в каждом и две отдельные артиллерийские роты (противотанковых и легких пехотных орудий). Кроме того, при штабе группы и при штабах каждого из двух батальонов имелось по одной комендантской роте. Следует сказать, что структура этой боевой группы заметно отличалась от структуры двух других групп. Во-первых, в каждом из ее батальонов было только по четыре роты, тогда как, согласно вышеприведенному приказу, их должно было быть по пять. Во-вторых, ни боевая группа «Туркестан», ни «Идель-Урал» не имели в своем составе артиллерийские роты. В боевой же группе «Крым», как мы убедились, их было сразу две. Причем подчинялись они не командованию батальонов, а напрямую штабу боевой группы[1].

Председатель Крымско-татарского национального центра Э. Кырымал с гордостью писал в своей книге, что на командных должностях боевой группы находился исключительно «татарский офицерский корпус». Действительно, все высшие посты в ней занимали теперь только крымские татары (все данные приведены по состоянию на 1 марта 1945 года):

Командная должность	**Фамилия, имя**	**Воинское звание**	**Дата присвоения воинского звания**
Командир боевой группы	Карабаш, Абдулла	Ваффен-гауптштурмфюрер	14.12.1944 г.
Командир 1-го батальона	Каттсев, Гази	Ваффен-гауптштурмфюрер	25.01.1945 г.
Командир 2-го батальона	Арабский, Сеирья	Ваффен-гауптштурмфюрер	04.01.1945 г.

[1] *Ibid.* — P. 174.

Командная должность	Фамилия, имя	Воинское звание	Дата присвоения воинского звания
Командиры пехотных и артиллерийских рот боевой группы	Губайдулин, Абдулгази	Ваффен-унтерштурмфюрер	09.12.1944 г.
	Шамсутдинов, Салих	Ваффен-унтерштурмфюрер	16.01.1945 г.
	Басыров, Габдрахман	Ваффен-унтерштурмфюрер	05.01.1945 г.
	Шайхутдинов, Ахмат	Ваффен-унтерштурмфюрер	16.01.1945 г.
	Галин, Ахмат	Ваффен-унтерштурмфюрер	16.01.1945 г.
	Ортайлы, Кемал	Ваффен-оберштурмфюрер	14.12.1944 г.
	Адамович, Секир	Ваффен-унтерштурмфюрер	04.01.1945 г.
	Амитов, Чингис	Ваффен-унтерштурмфюрер	14.12.1944 г.
	Нуретдинов, Ахмат	Ваффен-оберштурмфюрер	16.01.1945 г.
	Ерфанов, Энвер	Ваффен-унтерштурмфюрер	16.01.1945 г.

Кроме того, при штабе боевой группы «Крым» находился специальный офицер для особых поручений — ваффен-оберштурмфюрер И. Даирский. В его обязанности входило осуществление связи персонала боевой группы со штабом Восточно-тюркского соединения, с командованием СС, а также, что особенно важно, с Крымско-татарским национальным центром[1].

[1] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 168, frames 2701232-33; Munoz A.J. Last Levy: SS Officer Roster, March 1st, 1945. — New York, 2001. — P. 91-92.

Какова же судьба боевой группы «Крым»? Существует мнение, что в апреле 1945 года Восточно-тюркское соединение войск СС было переведено в Австрию. Однако есть все основания предполагать и наличие другого приказа — о передислокации соединения в Италию. Как бы то ни было, ни тот, ни другой приказ не дошли по назначению. Следы же самого соединения, по образному выражению немецкого историка К. Клитманна, *«затерялись в вихре последних месяцев войны»*[1].

Четвертый период истории татарских добровольческих формирований являлся относительно долгим — вторым по продолжительности из всех периодов. Однако это был тот случай, когда фактор времени не сыграл никакой роли: одновременно он был и самым малоинтересным с точки зрения изучения истории крымско-татарского коллаборационизма. Не был этот период и таким насыщенным, как три предыдущих, хотя и имел свои отличительные особенности. Что о них можно сказать? Во-первых, и это сразу же бросается в глаза, вся инициатива по созданию и использованию крымско-татарских формирований переходит от вермахта и полиции к СС. Здесь следует отметить, что это был общий процесс, так как на заключительном этапе войны практически все иностранные добровольцы так или иначе были подчинены Гиммлеру, как новому командующему Армией резерва. Во-вторых, у Главного оперативного управления СС были грандиозные планы по использованию крымских татар и всех советских мусульман вообще. Тем не менее на деле все оказалось намного сложнее и запутаннее: вермахт, СС и полиция начали ставить друг другу палки в колеса, что в конечном итоге и привело к расформированию крымско-татарской бригады. Создание Восточно-тюркского соединения было попыткой хоть как-то спасти ситуацию. Однако время было упущено, и в принципе неплохо подготовленный и обстрелянный персонал, так и не был использован в боевых действиях. Наконец, в-третьих, и что наиболее значительно в этом периоде, крымско-татарским политическим организациям разрешили вмешиваться во внутреннюю жизнь добровольческих частей. Это сразу же привело к тому, что на

[1] Klietmann K.G. Op. cit. — S. 382.

командных должностях в боевой группе «Крым» оказались исключительно крымские татары. В двух остальных группах было также, а немцы занимали только пост командира соединения и все штабные должности в нем. Еще одним важным политическим достижением Кырымал считал то, что Восточно-тюркское соединение являлось как бы прообразом того пресловутого «тюркского единства», о котором он так много говорил и писал в конце войны[1].

***

9 мая 1945 года военно-политическое руководство нацистской Германии подписало акт о безоговорочной капитуляции, согласно одному из пунктов которой ее вооруженные силы должны были сразу же сложить оружие. Это касалось и тех иностранных добровольческих формирований, которые все еще продолжали находиться в рядах вермахта, войск СС или полиции. Таким образом, день германской капитуляции — это одновременно, и последний день истории крымско-татарских добровольческих формирований. Общее же представление динамики их численности по периодам дает приведенная ниже таблица:

Тип добровольческого формирования	Численность (средняя)	Период, на который указана численность
«Неорганизованная» самооборона, или «милиция»	4000—5000 человек	ноябрь/декабрь 1941 — лето 1942 г.
«Организованная» самооборона	около 2000 человек	январь 1942 — май/июнь 1944 г.
«Добровольные помощники», или «хиви», в составе частей вермахта	около 9000 человек	декабрь 1941/январь 1942 — май 1945 г.
«Вспомогательная полиция порядка» ндивидуальной службы	около 4000 человек	лето 1942 — май/июнь 1944 г

[1] *Kirimal E.* Op. cit. — S. 318.

Тип добровольческого формирования	Численность (средняя)	Период, на который указана численность
Батальоны «вспомогательной полиции порядка»	около 3000 человек	лето 1942 — май/июнь 1944 г.
Татарская горно-егерская бригада войск СС	2421 человек	июль-декабрь 1944 г.
Боевая группа «Крым» Восточно-тюркского соединения войск СС	около 2500 человек	декабрь 1944 — май 1945 г.
Итого:	15 000— 20 000 человек	ноябрь 1941 — май 1945 г.

На момент капитуляции Германии в ее вооруженных силах проходило службу около 3500 крымских татар. Большинство из них находилось в рядах боевой группы «Крым», еще некоторое количество — в частях вермахта, где они имели статус «добровольных помощников». После войны участь их была незавидна: по Ялтинскому соглашению между западными союзниками и СССР (февраль 1945 года) все они подлежали принудительному возвращению на родину. С большинством из них так и произошло. Летом 1945 года почти все крымско-татарские добровольцы были выданы Сталину, и только незначительной части из них удалось спастись. Благодаря вмешательству Турции их оставили в Европе. Позднее многие из них переселились в эту страну.

ГЛАВА 5
«ВТОРОСТЕПЕННЫЕ СОЮЗНИКИ»: РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ И ДРУГИЕ ЭТНОСЫ КРЫМА В НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

РУССКИЙ ВОПРОС И ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Одной из самых трагических и вместе с тем малоизученных страниц Второй мировой войны является история Власовского

движения и созданных в результате его военно-политического развития вооруженных сил, известных как Русская освободительная армия (РОА). Какие цели преследовало это движение? Кто именно шел служить в эту армию? Наконец, что побуждало людей добровольно или недобровольно выступать на стороне врага своей Родины? В советское время на эти и многие другие вопросы мы могли получить только однозначно негативный ответ. Сейчас же большинство историков склонны считать, что не все было так просто с этим движением и с этой армией. И для понимания этой проблемы уже проделана колоссальная работа. Тем не менее некоторые ее аспекты до сих пор остаются без внимания историков. Одним из таких самых, на наш взгляд, неисследованных и запутанных остается вопрос истории Власовского движения и частей РОА на территории оккупированного немцами Крыма. И только ответив на него, мы сможем понять, что же на самом деле происходило на этом полуострове в период с 1941 по 1944 год.

***

Но вначале немного истории. С осени 1942 года важным фактором, впоследствии повлиявшим на изменения в немецкой национальной и оккупационной политике, стало Власовское движение. Это движение получило свое название и было неразрывно связано с именем бывшего генерал-лейтенанта Красной армии А. Власова, который в июле 1942 года попал в плен к немцам на Волховском фронте. Находясь в лагере военнопленных, Власов выразил желание сотрудничать с некоторыми представителями германского командования, которые в противовес убежденным нацистам выступали за союз с некоммунистической Россией, а также готовили убийство Гитлера и государственный переворот с концептуальным изменением целей войны. В обмен на сотрудничество он просил поддержки в деле «освобождения России от большевиков». В дальнейшем Власов намеревался создать новое правительство новой независимой России, «свободной от большевиков и капиталистов», а его вооруженными силами должна была стать антисталинская армия — РОА.

Однако немцы решили использовать его прежде всего как инструмент своей пропаганды в войне с СССР. И одним из первых шагов в этом направлении стала разработка листовки — «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза». Она была напечатана в Берлине 27 декабря 1942 года и подписана Власовым (председатель Русского комитета) и другим пленным советским генералом — В. Малышкиным (секретарь комитета). В этом «Обращении», которое получило название «Смоленского манифеста» (считалось, что именно там, поближе к России и к тем, кому адресовалось, оно и было написано), провозглашалось создание нового правительства — Русского комитета (который так и остался на бумаге) и его вооруженных сил — РОА. Главной целью их существования являлось *«свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма»*[1].

Листовка имела некоторый успех, и прежде всего на оккупированных советских территориях. Поэтому германское командование приняло решение более активно использовать Власова и его сторонников в целях пропаганды, положив начало так называемой «акции Власова». Одним из результатов этой акции явилась организация в феврале 1943 года координационного центра, который должен был, как писал один из участников этих событий, «изучать политические и психологические проблемы Русского освободительного движения»[2] — так стали называть всех сторонников Власова. К марту 1943 года центр разросся в крупную школу по подготовке пропагандистов для «восточных» добровольческих формирований вермахта (частей, набранных из граждан СССР), которая по месту своего расположения в местечке недалеко от Берлина получила название «Дабендорф»[3].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 25, л. 80.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 95.

[3] Материалы по истории Русского Освободительного Движения. — М., 1999. — Вып. 4. — С. 161-178.

Здесь следует остановиться, сделать небольшое отступление и выяснить, что же на самом деле представляла собой РОА, разобраться с этим, так вроде бы хорошо известным и вместе с тем неизвестным, термином. Еще А. Солженицын в свое время писал, что искать определение этого термина *«было для лиц неофициальных — опасно, для официальных — нежелательно»*[1]. Поэтому до сих пор даже в серьезных исторических исследованиях, посвященных Второй мировой войне, бытует мнение, что «РОА — власовская армия», возникла она сразу же после провозглашения «Смоленского манифеста» и просуществовала без изменений до конца войны. Все это не так! Как уже можно понять из истории появления манифеста (да и из целей, с которыми он был написан), РОА связывалась с именем Власова только в пропагандистском отношении. Но даже и РОА как оперативного формирования, подчиненного Власову, никогда не существовало, ее... вообще не существовало. Не началась ее организация и после опубликования «Смоленского манифеста». Только позднее, весной 1943 года, почти все «восточные» добровольческие формирования вермахта (обычно численностью не более батальона), укомплектованные русскими добровольцами, стали называться «батальоны РОА». Ни Власов, ни его окружение не имели никакого отношения к созданию, формированию, боевому применению и командованию этими батальонами уже по той простой причине, что они начали создаваться в августе—сентябре 1941 года, когда Власов еще защищал Киев[2].

---

[1] *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений: В 7-ми томах. — М., 1991. — Т. 5. — С. 160.

[2] Личный архив О.В. Романько (далее — *ЛАР*), Письмо К.М. Александрова (С.-Петербург, Россия) от 29 августа 2000 г. — Л. 1-2. Если следовать фактам, то «власовской армией» в полном смысле этого слова можно назвать только Вооруженные силы КОНР, которые были созданы после провозглашения этой организации (Прага, 14 ноября 1944 г.) и просуществовали до мая—июня 1945 г.

В подтверждение этих слов ныне покойный немецкий историк Й. Хоффманн писал автору этого исследования, что *«все солдаты русской национальности могли считать себя с 1943 года бойцами РОА — в данном случае... речь в первую очередь шла только о пропаганде»*[1].

Все вышесказанное касается и «батальонов РОА» в Крыму, с той лишь разницей, что начали они создаваться уже после «признания» Власова председателем Русского комитета и «командующим РОА». Столь поздний срок можно объяснить лишь тем, что власовская программа — «Смоленский манифест» — получила сравнительную известность только в средней полосе России и практически осталась неизвестной на юге, тем более в Крыму. Широкую известность на территории полуострова имя генерала получило в связи со следующим по времени пропагандистским шагом немцев — появлением открытого письма Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?» (18 марта 1943 года) [2].

Именно этому открытому письму, в котором он рассказывал «о своей жизни и своем опыте в СССР», объяснял причины, «побудившие его начать войну против сталинского режима», Власов был обязан своей популярностью в некоторых слоях населения[3].

В Крыму первым на это письмо публично отреагировал бургомистр Ялты В. Мальцев, человек трагической и вместе с тем интересной судьбы. Кадровый военный и полковник ВВС, он в 1937 году был назначен начальником Главного управления Гражданского Воздушного Флота Средней Азии и Закавказья. Менее чем за год гражданский флот Туркменской ССР вышел на первое место во всеможном масштабе. По этой причине, а также за выдающиеся заслуги

---

[1] ЛАР, Письмо Иоахима Хоффманна (Эбринген, ФРГ) от 20 июня 2000 г. (на немецком языке). — Л. 2.

[2] В Крыму это письмо опубликовал орган Симферопольского городского управления газета «Голос Крыма». — 1943. — № 33. — 18 марта.

[3] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 210, 211.

в области гражданского воздухоплавания, Мальцев бы представлен к высокой награде — ордену Ленина. Однако получить орден он не успел. Уже 11 марта 1938 года полковник Мальцев и некоторые другие руководители этой советской республики были арестованы органами НКВД и посажены в тюрьму по обвинению в антисоветской деятельности. После 18-месячного заключения в ашхабадской тюрьме его освободили, реабилитировали и затем назначили начальником санатория «Аэрофлот» в Ялте. На этой должности Мальцев находился с 1 декабря 1939 года и вплоть до вступления в город немецких войск[1].

«*По занятии германскими войсками города,* — писал позднее Мальцев в своих воспоминаниях «Конвейер ГПУ», — *я в полной военной форме явился к германскому командованию и объяснил причины, побудившие меня остаться*»[2].

После небольшого допроса он предложил немцам свои услуги по организации отряда для борьбы с большевиками. Однако немецкий комендант немедленно отдал приказ о назначении Мальцева бургомистром Ялты. Находясь на этом посту, он старался вернуть город к нормальной жизни, чем заслужил к себе уважение как немцев, так и местного населения.

Тем не менее полковник Мальцев был прежде всего военным, и его деятельность не ограничивалась только работой в органах самоуправления. Так, обладая незаурядным ораторским талантом, Мальцев выступал с речами в различных городах Крыма, призывая население объединиться для борьбы со Сталиным и большевизмом. Особенно большой успех имели его выступления в городских театрах Симферополя и Евпатории.

---

[1] *Плющов Б.* Генерал Мальцев. История военно-воздушных сил Русского Освободительного Движения в годы Второй мировой войны (1942-1945). — Сан-Франциско, 1982. — С. 12.

[2] *Мальцев В.И.* Конвейер ГПУ. — Симферополь, 1942. — С. 47.

Продолжая работать на ниве пропаганды, Мальцев по заказу штаба 11-й немецкой армии написал свои воспоминания, отрывок из которых был процитирован выше. По сути, его «Конвейер ГПУ», в котором он делился «опытом» пребывания в ашхабадской тюрьме, являлся первой на территории СССР книгой, посвященной сталинским репрессиям. Воспоминания были написаны в первой половине 1942 года, а уже в июле этого же года они были опубликованы отделом пропаганды штаба 11-й армии. За свою работу Мальцев даже получил гонорар — 500 марок. Книга оказалась настолько удачной, что немецкие пропагандисты широко использовали ее не только в Крыму, но и на других оккупированных территориях[1].

В декабре 1942 года Мальцев был вызван в штаб Восточных добровольческих частей, который находился в Симферополе. Здесь ему было поручено приступить к созданию коллаборационистских частей из местного населения. За очень короткий период Мальцев организовал шесть формирований, которые предназначались для борьбы с партизанами[2].

В марте 1943 года Мальцев прочитал «Открытое письмо» генерала Власова, которое произвело на него огромное впечатление.

---

[1] Писать эти воспоминания В.И. Мальцеву помогала его супруга — Ю. Яковлева. Она главным образом отвечала за корректорскую работу. После войны компетентные органы припомнили ей это сотрудничество с «врагом народа». Яковлева была арестована и после недолгого следствия приговорена к 10 годам лагерей. (Реабилитированные историей. Автономная республика Крым / Под ред. В.П. Антипенко и др. — Симферополь, 2006. — Кн. 2. — С. 24.)

[2] Подробнее о жизни и судьбе В.И. Мальцева см.: *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. — Харьков, 1991. — С. 88, 138; Романько О.В. К вопросу о Русской освободительной армии и судьбе В.И. Мальцева // КНП. — 1997. — № 1. — С. 132-135; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945 гг. — СПб., 2001. — С. 204-207.

Ему показалось, что немцы наконец поменяли свою «восточную политику» и дают антисталинским силам возможность создать свой политический центр и собственные вооруженные силы для борьбы с коммунистами. Как и многие другие в то время, Мальцев ошибался и не знал, что немцы использовали имя бывшего советского генерала исключительно в пропагандистских целях. Тем не менее он начал действовать[1].

Весной 1943 года полковник Мальцев решил присоединиться к Власовскому движению и подал рапорт о своем переводе в распоряжение Русского комитета. Позднее, 4 июня, в органе Симферопольского городского управления газете «Голос Крыма» был опубликован его ответ на письмо Власова. Ответ был написан также в форме открытого письма и озаглавлен «Борьба с большевизмом — наш долг». В этом письме Мальцев рассказывал, как он прошел путь от «коммунизма к борьбе с ним», и призывал всех коммунистов последовать его примеру, отдав все силы на благо русского народа, то есть поддержать Власова и РОА. «*Я, не колеблясь ни одной минуты, с радостью присоединяюсь к Вашему призыву...* — писал Мальцев в своем открытом письме. — *Надо положить конец чудовищному преступлению Сталина, продолжающему гнать на смерть миллионы людей... Будем драться за свободную счастливую обновленную Россию без эксплуататоров и палачей. За тесное содружество двух великих наций! За нашу совместную победу с Германским народом!*»[2].

Не прошло и двух недель после опубликования этого письма Мальцева, как уже 18 июня «Голос Крыма» сообщил об открытии при его содействии первого вербовочного пункта РОА на полуострове. Этот пункт был открыт в Евпатории[3]. А уже 30 июня

---

[1] *Плющов Б.* Указ. соч. — С. 13.

[2] Борьба с большевиками — наш долг. Ответ полковника-орденоносца В.И. Мальцева на открытое письмо генерал-лейтенанта А.А. Власова. Ялта, 28.05.1943 г. // Голос Крыма. — 1943. — № 66. — 4 июня.

[3] Голос Крыма. — 1943. — № 72. — 18 июня.

1943 года в Симферополе состоялось освящение помещения центрального вербовочного пункта РОА в Крыму, по случаю чего в 6 часов вечера был отслужен торжественный молебен. Как писала газета «Голос Крыма», *«он был открыт для проведения систематической разъяснительной работы, консультации, записи добровольцев и оформления их в ряды РОА, так как сотни лучших людей нашей Родины уже подали заявления о вступлении в ее ряды»*[1].

Следует сказать, что газета «Голос Крыма» проявляла большой интерес к теме РОА и немало способствовала ее популяризации среди всех слоев населения Крыма. Так, с этого же времени на ее третьей странице появилась рубрика «Уголок добровольца», в которой помещалась информация, посвященная формированию частей этой армии в Крыму, записи добровольцев, их боевым действиям. Публиковалась также информация не только крымского, но и общероссийского характера. Например, 29 марта 1943 года была опубликована статья «Русская Освободительная Армия», которая должна была доказать, что «служение народу и Родине в рядах РОА есть высший долг каждого боеспособного гражданина России и его почетная обязанность. Чистота знамени и идеи, нерушимость присяги Родине — таков лозунг РОА». В номере от 23 мая 1943 года раскрывались «Задачи Русского Освободительного Движения»: «Русский народ обязан прежде всего напрячь свои силы к уничтожению советской власти. Он должен сделать это во имя счастья грядущих поколений, во имя своего будущего. Это сейчас главная цель и в этом пока единственный прямой путь, сворачивать с которого преступно». А в статье «РОА и народы России» от 9 июля 1943 года определялось ее место среди уже существующих национальных добровольческих формирований: *«РОА — это цемент, добровольно связывающий все национальные вооруженные силы Новой России. РОА — это основ-*

[1] Голос Крыма. — 1943. — № 76. — 27 июня; № 77. — 30 июня.

ной союзник Германской Армии, ведущей всю тяжесть борьбы с большевизмом»[1].

***

Создание частей РОА на территории Крыма свидетельтвовало о том, что русский вопрос занял качественно иной уровень в немецкой оккупационной политике. И, как следствие, это привело к значительным изменениям в сфере межнациональных отношений на полуострове. Особенно это касаетя русско-татарских взаимоотношений, которые с 1941 по 1943 год претерпели значительную эвоюцию.

Американский историк А. Даллин писал, что в свете переселенческих планов нацистов их национальная политика по отношению к населению Крыма была долго не совсем ясна. Однако она явна была направлена на «дискриминацию русского населения». *«Оно,* — пишет этот исследователь, — *вытеснялось со всех позиций в местном самоуправлении и экономике, особенно в сельской местности, и заменялось татарскими коллаборационистами»*[2].

Естественно, менталитет русского населения за 20 лет советской власти очень изменился. Интернационалистское же воспитание привело к тому, что обычный русский человек вряд ли воспринимал крымского татарина как своего этнического или религиозного врага. На это в целом и рассчитывали немцы, когда планировали сделать татар опорой своего оккупационного режима. Выше уже говорилось, что началось все с заурядных подачек и экономических привилегий, которые, однако, распределялись по национальному признаку. Далее было создание национальных комитетов и помощь в религиозно-культурном возрождении. И, наконец, в январе—феврале 1942 года крымские татары получили возможность иметь свои национальные воинские части. Ничего

---

[1] Голос Крыма. — 1943. — № 38. — 29 марта; № 61. — 23 мая; № 81. — 9 июля.

[2] *Dallin A.* Op. cit. — P. 261.

этого, за редким исключением, русские не имели. Какова же была их реакция? В одном из отчетов оперативной группы «Д» можно прочесть такие строки: *«Русское население вследствие татарской активности чувствует себя несколько подавленным, и это совершенно нормальная реакция»*[1].

А вскоре крымско-татарские националисты попытались перейти от слов к делу и претворить в жизнь свои планы национального строительства. Этому в целом благоприятствовало два фактора. Во-первых, как уже было сказано выше, начали создаваться крымско-татарские добровольческие формирования, в обязанности которых, даже с формальной точки зрения, входила борьба с партизанами и поддерживающим их населением. Во-вторых, эти партизаны и это население, как правило, были либо славянами, либо симпатизировавшими им греками. Таким образом, даже просто выполняя немецкие приказания по борьбе с партизанами, крымско-татарские добровольцы могли заниматься этническими чистками.

Так, уже в ноябре 1941 года после организации первых отрядов самообороны ходили слухи, что татары собираются вырезать русские деревни, и даже кое-где уже режут русское население. Пока это делалось втайне от оккупантов, так сказать в порядке частной инициативы. Однако уже зимой 1942 года руководители Бахчисарайского и Алуштинского мусульманских комитетов обратились к немецким властям с предложением уничтожить всех русских. Известно, что немцы никак не отреагировали на это. Тем не менее сам факт обращения стал достоянием местного татарского населения, которое на свой страх и риск начало расправляться с русскими. Например, такие этнические чистки имели место в Бахчисарайском районе, а именно: в деревнях Верхний Керменчик и Бия-Сала[2].

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 31-32.

[2] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 31, л. 62; д. 38, л. 87об.

Несмотря на то что эти события так и не стали системой, не вызывать тревоги у русских они тоже не могли. И, самое интересное, большинство из них начали склоняться к мысли, что в таком положении виноваты не только и не столько немцы. Один из свидетелей событий оккупации так в целом отразил эти настроения: *«Русский человек,* — писал он, *— в тот момент должен был быть в несколько раз осторожнее... и видеть двух врагов: это фашистов и подавляющее большинство татар, из-за которых погибло много партизан в лесу, подпольщиков и других. Кроме того, татары хотели вместе с немцами... уничтожить русских в Крыму»*[1].

Забегая несколько вперед, следует сказать, что такие настроения в среде русского населения сохранились до самого конца оккупации. Более того, подавляющая его часть вполне нормально восприняла депортацию крымских татар. И не потому, что питало к ним какую-то «иррациональную ненависть», как пишут сейчас некоторые протатарские историки. Просто очень был еще свеж страх, который пережили многие русские в 1942—1943 годах.

Благосклонное поначалу отношение немцев к РОА показало крымско-татарским националистам, что с дискриминацией русских (в определенной степени) покончено. А немецкая национальная политика в Крыму выходит на новые позиции. Одной из таких позиций должно было стать сотрудничество между коллаборационистами из различных национальных групп, а не их противопоставление, как это имело место раньше. В связи с этим будет небезынтересно упомянуть тот факт, что в крымских частях РОА служили не только русские, но и крымские татары. Это подтверждает целый ряд публикаций в «Голосе Крыма», свидетельствующих о «совместной борьбе татар и русских против большевизма»: «Плечом к плечу с РОА», «Борьба татар против большевизма», «Голос крови зовет меня»

[1] ГААРК, ф. П—156, оп. 1, д. 158, л. 7.

и т.п. Основной смысл этих статей можно выразить следующей фразой из одной из них: *«Победа или смерть! Плечом к плечу с Русской Армией мы пойдем на борьбу за наше освобождение»*[1].

В крымско-татарской прессе можно было встретить такие же высказывания. Так, 28 апреля 1943 года орган Симферопольского мусульманского комитета газета «Azat Kirim» опубликовала передовую статью со следующим пассажем: *«Русские интеллигенты, военные офицеры и крестьяне своим объединением вокруг генерала Власова показали, что они вышли на правильную дорогу. Отныне на фронтах татары, украинцы и донско-кубанские казаки неодиноки: в их ряды включаются и русские добровольцы. Отныне наступление, начатое из областей, освобожденных благодаря германским войскам, будет всеобщим наступлением наций, которые являются братьями по оружию»*[2].

В дальнейшем развитие военного сотрудничества коллаборационистов должно было привести к сотудничеству политическому. В январе 1944 года так и произошло. Речь идет о проекте генерал-полковника Э. Йенеке, направленного на создание в Крыму местного правительства, куда должны были войти представители трех наибольших национальных групп полуострова — русских, украинцев и крымских татар. О том, к чему привел этот замысел, было достатоточно сказано выше, поэтому здесь не имеет смысла повторяться.

***

Естественно, что все местное руководство РОА было тесно связано с органами немецкой пропаганды, а именно со Штабом пропаганды «Крым» — главным инструментом психологической войны на полуострове. Его начальник обер-лейтенант Фрай, в частности, рекомендовал своим подчиненным использовать офи-

---

[1] Голос Крыма. — 1943. — № 75. — 25 июня; № 8 4. — 9 июля; № 90. — 30 июля.

[2] Azat Kirim. — 1943. — № 34(130).

церов РОА *«для непосредственного разъяснения обстановки и использования в качестве докладчиков на радио и в печати»*[1].

Например, 11 июня 1943 года капитан Б. Ширяев прочитал собравшимся в алуштинском «Доме воспитания» учителям лекцию на тему «Немецкая система воспитания как основа высокого жизненного уровня в государстве». Другие офицеры-пропагандисты, такие как капитаны Л. Станиславский, Г. Барятинский, А. Таманский и другие, активно выступали со статьями в местной печати, а поручик Константин Быкович даже стал впоследствии главным редактором газеты «Голос Крыма»[2].

Пропагандисты РОА также привлекались для подготовки листовок и воззваний, обращенных к бойцам Красной армии и крымским партизанам, в которых последние призывались переходить на сторону немцев. При их участии были составлены листовки со следующими характерными названиями: «Братья красноармейцы!», «К офицерам и солдатам Красной Армии», «Товарищ, один вопрос...!» и т.п.[3]

В конце июля 1943 года в добровольческих формированиях, лагерях военнопленных и немецких дивизиях, расположенных в Крыму и имеющих русских добровольцев, появились выпускники школы в Дабендорфе — офицеры-инспектора РОА, призванные *«следить за физическим и моральным состоянием своих соотечественников»*[4]. Это было еще одной из обязанностей офицеров РОА, и на территории Крыма в том числе.

Как известно, весь 1943 год прошел под знаком ухудшения положения германских вооруженных сил на Восточном фронте. Это, естественно, не могло не сказаться на ситуации с РОА, и в Крыму в том числе. Например, уже в январе 1944 года в

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 24.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 19; Голос Крыма. — 1943. — июль—август.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 25, л. 65-66, 68-70, 72-73.

[4] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. — С. 155.

одном из отчетов Штаба пропаганды «Крым», озаглавленном «Об откликах населения на немецкую пропаганду», было отмечено некоторое ослабление энтузиазма крымчан и местных властей по поводу РОА. В газете «Голос Крыма», говорилось в этом отчете, *«...совершенно не пишется о РОА. Нужно было что-нибудь писать о ней, даже если она используется где-то на Итальянском фронте»*[1].

Как ни парадоксально, но одновременно с этим немецкие власти не рекомендовали распространять власовские газеты, такие как «Доброволец», «Заря», «Боевой путь» и другие, среди рабочих трудовых лагерей, опасаясь возникновения «русских фантазий»[2].

Скорее всего, имелись в виду «фантазии» о русской национальной идее и так называемой «третьей силе», то есть использовании РОА в качестве инструмента в борьбе и против большевиков, и против нацистов. Так, в том же отчете Штаба пропаганды указывалось, что *«среди населения имеется много сторонников... "третьей силы". Это — люди, ожидающие окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и Советского Союза... Совершенно определенно, эти идеи косвенно или прямо направлены против немецких интересов. Несмотря на это "Голос Крыма" опубликовал уже несколько статей, посвященных этому вопросу и созвучных общему мнению населения. Последней из таких статей является статья "Третья мировая война" в номере от 7 января 1944 года, где речь идет о том, что Англия и Америка третью мировую войну будут вести против СССР... А Германия... вычеркивается»*[3].

При этом немцев беспокоило прежде всего то, что такое убеждение «снизило страх перед возвращением большевиков»,

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 33.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 38-39.

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 34.

что оно могло сказаться на лояльности населения к оккупационным властям и повлиять на желание совместно с ними оборонять Крым. В конце концов подобные высказывания привели к тому, что теперь за пропагандистами-лекторами РОА было установлено постоянное наблюдение, а для проведения лекций были выработаны унифицированные образцы докладов, которые утверждались в Штабе пропаганды «Крым»[1].

***

Помимо чисто пропагандистских целей части РОА в Крыму использовались и по своему прямому назначению — для участия в боевых действиях против Красной армии и партизан, что было также своего рода пропагандой. Недаром находясь еще в лагере военнопленных, генерал Власов говорил немецким офицерам: *«Чтобы добиться победы над Советским Союзом, нужно ввести в бой против Красной армии военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск...»*[2]

После открытия вербовочных пунктов РОА началось формирование частей этой армии в Крыму. Об их общей численности судить очень трудно, так как немецкая сторона эту численность явно завышала, заявляя о «тысячах добровольцев», которые с утра до вечера толпились у дверей, например, симферопольского пункта. Один из очевидцев позднее вспоминал: *«Желающих записаться было такое огромное число, что прикомандированные к пункту не справлялись с работой. Сюда приходили и 17-летние юноши и 50-летние мужчины, требуя записать их и дать им оружие в руки, для борьбы с большевизмом. Здесь было много сцен истерики при отказе по возрасту»*[3].

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 25.

[2] Цит. по: *Колесник А.Н.* РОА — власовская армия. Судебное дело генерала А.А. Власова. — Харьков, 1990. — С. 11.

[3] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 57.

Советская сторона, напротив, преднамеренно занижала численность добровольцев, сообщая о том, что в *«Крыму с треском провалилась кампания, проводимая немцами по вербовке в РОА. Никакие угрозы, никакие подручные Власова, выступавшие с воззваниями, не подействовали на советских людей — они в РОА не пошли... Своей освободительной армией наши люди называют Красную армию»*[1].

Тем не менее советское военно-политическое руководство считало, что РОА, даже несмотря на свою малочисленность, может быть весьма опасной. Для того чтобы сорвать набор добровольцев и очернить в глазах населения саму идею Власовского движения, был предпринят целый комплекс мероприятий военно-политического характера. За линией фронта этим занимались органы советской пропаганды, в Крыму — партизаны и подпольщики. Так, в ответ на начало вербовочной кампании на полуострове Главное политуправление Красной армии выпустило в количестве 300 тыс. экземпляров листовку «Солдаты и офицеры РОА». В ней была предпринята попытка повлиять на записывающихся в эту армию добровольцев — и уже не только уговорами. *«Вы стараетесь прикрыть свою измену,* — говорилось в листовке, — *громкими фразами о "борьбе с большевизмом" "за счастье народа", за "Новую Россию". Все это ложь — вы изменники. Вы просто служите немцам, потому что вам там хорошо живется. Вы продались за сытную еду, за красивую форму, за легкую жизнь. Немцы перед вами всячески заискивают, стараются вам угодить, лишь бы вы дрались вместе с ними. Но вы просчитались...»*[2]

И это было только начало. Всего же за период с 15 мая по 1 октября 1943 года редакция газеты «Красный Крым» (г. Краснодар) — основной орган печатной пропаганды на полуострове — выпустила 15 наименований листовок на тему о РОА (всего 375 тыс. экземпляров, по 25 тыс. каждого наименования). Среди них такие,

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 28, л. 65; Ф. Р — 652, оп. 24, д. 16, л. 31.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 173-а, л. 32-32об.

как: «К добровольцам», «Не идите в так называемую "русскую освободительную армию"!», «К добровольцам и всем, кто обманут Гитлером!», «К "добровольцам", полицейским, старостам и всем, кто работает на немцев», «К солдатам и офицерам РОА» и т.п.[1]

Если советская власть была еще вне пределов Крыма и могла действовать пока только пропагандой, то партизанам и подпольщикам были даны указания срывать вербовку в РОА любой ценой, вплоть до применения террора. В целом своей пропагандой и агитацией партизаны должны были создать атмосферу недоверия и нетерпимости по отношению к этой армии и тем, кто в нее записывался. Для этого было необходимо ответить на ряд вопросов, которые могли бы возникнуть у населения: «Что означает эта новая авантюра Гитлера... Для чего нужна Гитлеру РОА?». Следовало говорить так: *«Германии до зарезу нужны солдаты, нужно мясо для пушек. Для этого и нужна немцам так называемая "РОА". Гитлер хочет заставить русских людей воевать против России, против своих единокровных братьев, за чуждые нам интересы немецких князей и баронов". На очень существенный вопрос "из кого состоит РОА?" предполагалось отвечать, что "она состоит из белогвардейцев, разгромленных в свое время Красной армией и бежавших за границу. Кроме того, немцы силой загоняют в эту армию военнопленных. Гитлеровцы в своих газетах открыто пишут, что им нужна "белая армия"... Вот о какой армии мечтают немцы, в какую армию они хотят загнать русских людей и заставить воевать против своей отчизны... "РОА" — это наглый обман, это ловушка для русского народа»*[2].

То есть, несмотря на принижение советской пропагандой значения РОА, работе по срыву вербовки в нее отводилась «исключительно важная роль». Вот только некоторые из акций крым-

[1] ГААРК, ф. П — 1, оп. 1, д. 2185, л. 10-10об.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 28, л. 22, 23.

ских партизан и подпольщиков, направленных против власовцев. Так, по воспоминаниям феодосийского подпольщика А. Овчинникова, вопрос о «срыве вербовки в РОА» был очень важным и не снимался с повестки дня заседаний его подпольной группы до весны 1944 года. Советской пропагандой среди добровольцев РОА занималась работавшая в период войны в Симферопольской центральной библиотеке Е. Пахомова. Партизан из Евпатории Н. Каташук вспоминал: *«Перед группой связанных со мной товарищей я поставил задачу не допустить ни одного рабочего в так называемую "власовскую армию"»*. 26 февраля 1944 года диверсионная группа Симферопольской подпольной организации пустила под откос воинский эшелон на перегоне Альма — Симферополь. Помимо уничтоженной в нем военной техники было также убито и ранено 315 солдат и офицеров из частей РОА[1].

***

Кто же шел добровольцем в эту армию? Для советской стороны были характерны такие высказывания: *«Немцы и их лакеи — предатели советского народа — развернули в Крыму бешеную кампанию по "вербовке" добровольцев в так называемую "русскую освободительную армию". Они проводят митинги, собрания, пишут статьи в своих бульварных газетках, призывают и угрожают... Но добровольцев идти на службу к гитлеровцам не оказывается. Затея немцев явно провалилась. В Симферополе фашисты кое-как наскребли 6—7 "добровольцев", решивших под угрозой расстрела пойти на черное дело. Не имеет успеха "вербовка" и в других городах и в сельской местности Крыма. Поэтому гитлеровцы прибегают к излюбленному методу насильственной мобилизации населения»*[2].

---

[1] *Яковлев В.П.* Преступления. Борьба. Возмездие. — Симферополь, 1961. — С. 167, 169; ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 57, л. 148об.; д. 40, л. 31об.

[2] Провал вербовки «добровольцев» // Красный Крым. — 1943. № 19. — 23 апреля.

Что же касается тех, кто все-таки пошел служить в РОА, то о них коммунисты говорили только так и не иначе: *«По Симферополю еще набрали в РОА около 15 человек, и то из числа уголовников и других враждебных элементов, подвергшихся репрессиям со стороны советской власти»*[1].

Как известно, такие высказывания были характерны не только для крымской ситуации, и правдой в них было только то, что в РОА действительно шли люди, которые были, мягко говоря, не в ладах с советской властью, и зачастую не по своей вине. Об одном из них, Викторе Мальцеве, говорилось выше. В июне 1943 года газета «Голос Крыма» сообщила своим читателям, что «работники Ялтинского городского управления устроили теплые проводы В.И. Мальцеву, отъезжающему добровольцем в РОА». Отвечая на прощальные речи своих сотрудников, Мальцев сказал: «Долг каждого из нас — честно работать и отдать все для нашего несчастного русского народа. Пусть каждый из нас честно выполнит свой долг». В конце этой встречи ялтинский бургомистр М.Н. Каневский вручил Мальцеву большой букет живых цветов. Покинув Крым, он, как бывший летчик, вступил в Русскую авиационную группу, расквартированную в Восточной Пруссии. Осенью 1944 года на основе этой группы стали формироваться ВВС Комитета освобождения народов России (КОНР), командующим которыми в чине генерал-майора и стал Мальцев[2].

Следуя его примеру, в июне 1943 года добровольцем в РОА вступил феодосийский бургомистр И. Харченко. А вскоре их примеру последовали и многие другие представители местной гражданской администрации. Однако основным контингентом, который шел в РОА, были простые местные жители и военнопленные, доведенные до отчаяния в немецких концлагерях[3].

---

[1] РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 708, л. 119.

[2] Голос Крыма. — 1943. — № 71. — 16 июня; *Александров К.М.* Жизнь русского авиатора // Посев. — 2000. — № 3. — С. 33-35.

[3] Феодосийский вестник. — 1943. — № 51(83). — 21 июля; ГААРК, ф. Р — 1458, оп. 1, д. 1, л. 25, 26, 28а.

***

Из сказанного видно, что источники пополнения крымских формирований РОА были разнообразными, разнообразной была и униформа их личного состава. Так, бойцы частей РОА, набранные непосредственно на территории полуострова, носили в основном немецкую униформу пехотного образца, выданную со складов вермахта. Офицеры-пропагандисты прибывали из Дабендорфа, как правило, в своей униформе: или немецкой, или трофейной со складов иностранных армий (например, голландской). В ноябре—декабре 1943 года в Крым с Таманского полуострова стали прибывать части 17-й немецкой армии. Находившиеся в ее составе «батальоны и роты РОА» не имели единого обмундирования. Большинство солдат этих формирований носили немецкую пехотную униформу или одежду, специально перешитую по военному образцу.

Единственным моментом, что объединяло все типы этого обмундирования, была символика и знаки различия РОА. Как известно, они начали разрабатываться с января—февраля 1943 года, а уже 4 апреля 1943 года газета «Доброволец» опубликовала образцы и описание этих знаков, включавших:

1. Нарукавную эмблему в виде щитка темно-зеленого цвета с синим андреевским крестом на белом поле с красной окантовкой и желтыми буквами «РОА» в верхней части щитка;

2. Овальную сине-красную кокарду;

3. Темно-зеленые петлицы с продольной полоской и пуговицей, с серебряной выпушкой для офицеров и золотой для генералов;

4. Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с белыми суконными лычками — для унтер-офицеров, с красными просветами и золотистыми звездочками — для офицеров и с золотыми зигзагообразными галунами — для генералов.

Курсанты школы пропагандистов в Дабендорфе одними из первых получили новые петлицы, погоны и эмблемы РОА. Вероятно, с прибытием этих офицеров в Крым и связано первое появление знаков различия РОА на полуострове.

На вооружении крымских формирований РОА (как, впрочем, и в других регионах) состояли главным образом трофейные образцы пехотного вооружения: советские, польские, чехословацкие и другие винтовки, автоматы и пулеметы. Когда же трофейных образцов не хватало, то в качестве исключения, допускалось вооружение некоторых частей (самых надежных) немецким оружием. В основном это были карабины Маузера 98k, автоматы МР-40 и пулеметы MG-34 и MG-42. Что касается тяжелого пехотного вооружения (минометы, противотанковые средства) и артиллерии, то их на вооружении крымских формирований РОА не было[1].

***

К весне 1944 года в Крыму располагались следующие формирования РОА[2]:

Соединения 17-й полевой армии	**Подразделения РОА**
Штаб 17-й полевой армии	181-я (восточная) охранная рота (181.Ost-Wach-Kompanie)
	(Восточная) охранная рота специального назначения (Ost-Wach-Kompanie z. b. V.)
	162-я (восточная) охранная рота (162.Ost-Wach-Kompanie)
	16-й (восточный) взвод вспомогательных охранных частей (16.Ost-Hilfswachmannschaften-Zug)
	1-я (восточная) рота вспомогательных охранных частей 708-го пехотного полка (I.Ost-Hilfswachmannschaften-Kompanie / 708)

[1] Описание знаков различия РОА дано по: *Дробязко С.И.* Русская освободительная армия. — М., 2000. — Илл. 5.

[2] Nafziger G.F. Foreigners in Field Gray: The Russian, Croatian, and Italian Soldiers in the Wehrmacht. — Pisgah, Ohio, 1995. — P. 19-30.

Соединения 17-й полевой армии	Подразделения РОА
Штаб 17-й полевой армии	1-я (восточная) рота вспомогательных охранных частей 796-го пехотного полка (I.Ost-Hilfswachmannschaften-Kompanie / 796)
	1-я (восточная) рота вспомогательных охранных частей 805-го пехотного полка (I.Ost-Hilfswachmannschaften-Kompanie / 805)
	1-я (восточная) рота вспомогательных охранных частей 933-го пехотного полка (I.Ost-Hilfswachmannschaften-Kompanie / 933)
	3-я (восточная) хозяйственная рота 602-го пехотного полка (3.Ost-Nachschub-Kompanie / 602)
	4-я (восточная) хозяйственная рота 617-го пехотного полка (4.Ost-Nachschub-Kompanie / 617)
	591-я (восточная) речная хозяйственная колонна (591.Ost-Wasser-Nachschub-Kolonne)
	Два взвода (восточной) запасной роты «добровольных помощников» (2x Ost-Hiwi-Ersatz-Kompanie)
	(Восточная) рота для выздоравливающих (Ost-Genesenden-Kompanie)
	(Восточная) запасная рота «добровольных помощников» (Ost-Hiwi-Ersatz-Kompanie) — находилась в стадии формирования
49-й горно-стрелковый корпус 17-й полевой армии	4-я добровольческая (восточная) сторительная рота (4.Ost-Freiwilligen-Bau-Kompanie)
	4-я (восточная) саперная (строительная) рота 370-го пехотного полка (4.Ost-Bau-Pionier-Kompanie / 370)
	(Восточная) техническая (строительная) рота (Ost-Technische-Bau-Kompanie)
	150-я (восточная) легкая артиллерийская хозяйственная колонна (150.Ost-leichte-Artillerie-Nachschub-Kolonne)
5-й армейский корпус 17-й полевой армии	Два отделения (восточной) «охотничьей команды» (2x Ost-Jagdkommando)

Какова же была их общая численность? В целом за указанный период она колебалась от 2 до 4 тыс. человек, причем почти $^1/_3$ из них в конце 1943 — начале 1944 года перешла на сторону партизан. Это привело к тому, что немцы отвели с передовой некоторые части РОА, разоружили их, а личный состав заключили в концлагеря. По донесениям советских разведчиков такой случай имел место в Евпатории в марте 1944 года. А с 3 по 12 декабря 1943 года около батальона власовцев было переброшено из Крыма в Италию и во Францию[1].

***

Концом Власовского движения на территории Крыма можно считать февраль 1944 года, когда немцы закрыли симферопольский вербовочный пункт РОА. Как позднее вспоминал один из власовцев, *«пункт стал привлекать к себе антибольшевистские силы с заводов и фабрик, из татарских аулов и городов Крыма»*[2]. Таким образом, немцы и здесь остались верны себе: им нужны были обыкновенные наемники, а не идейные добровольцы.

Эти наемники продолжали служить в рядах вермахта еще два месяца, до весеннего наступления Красной армии, в ходе которого была разгромлена немецкая группировка на полуострове. По мнению современного российского историка К. Александрова, *«все русские добровольческие формирования вермахта, дислоцированные в Крыму, погибли в ходе (этих) операций»*. Еще более трагическая участь постигла В. Мальцева. В 1946 году он был передан западными союзниками в руки советских властей и в ночь на 1 августа повешен во дворе Бутырской тюрьмы (Москва) вместе с генералом Власовым и другими высшими офицерами РОА[3].

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 28, л. 40-41; д. 30, л. 28; д. 505, л. 151, 210-б.

[2] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 58.

[3] ЛАР, Письмо К.М. Александрова... — Л. 3, 4.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ И РЕАКЦИЯ НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА

Деятельности украинских националистов в период Второй мировой войны посвящено множество работ. В отношении интереса к их организациям, как со стороны историков, так и пропагандистов, им «повезло» гораздо больше, чем каким-либо другим националистическим движениям. В советское время это происходило по одним причинам. Нет нужды объяснять, что в наше время этот интерес возникает совершенно с противоположной стороны. Начиная с 1945 года изучены почти все аспекты истории украинских националистических организаций. Однако все они касаются в основном их деятельности на территории собственно Украины. Ряд же фактов свидетельствует о том, что на протяжении всего периода немецкой оккупации они пытались распространить свое влияние и на Крым, уже тогда считая его сферой украинских интересов.

Рассмотреть эти факты в политической и военной плоскостях, а также в связи с использованием германским военно-политическим руководством «украинского фактора» в оккупационной политике на территории Крыма, и входит в задачи данного исследования.

***

Стремление украинских националистов овладеть Крымским полуостровом не было случайным. Уже перед войной они вполне обоснованно считали, что *«только тот, кто будет господином Крыма и будет иметь свободный путь через Босфорские ворота к мировым путям, тот будет хозяином Черного моря и юга Восточной Европы»*. После начала Второй мировой войны эти стремления только усилились[1].

[1] Цит. по: *Сергійчук В.* Український Крим. — К., 2001. — С. 186.

Первые попытки украинских националистических организаций проникнуть в Крым относятся к лету 1941 года. Все они связаны с деятельностью Организации украинских националистов (ОУН), которая в данный период была наиболее активной[1]. Так, в это время в рядах наступавшей на Крым 11-й немецкой армии действовало несколько так называемых походных групп ОУН. Несмотря на то что эти группы номинально входили в состав более крупной «Южной походной группы ОУН», в своих действиях они были вполне самостоятельны. В их задачи, пишут современные украинские историки А. Дуда и В. Старик, «входило продвижение вдоль побережья Черного моря вплоть до Кубани». На всем

---

[1] Среди наиболее активных украинских националистических организаций, действовавших в период Второй мировой войны, необходимо назвать следующие. Собственно Организацию украинских националистов (ОУН), которая с февраля 1940 г. была расколота на два враждующих между собой крыла: ОУН-Бандеры и ОУН-Мельника. Другой более-менее влиятельной группой украинских националистов следует назвать военно-политическую организацию «Полесская сечь» атамана Т. Бульбы-Боровца. Каждая из этих организаций создала в 1942—1943 гг. свои воинские формирования, наиболее известными из которых была Украинская повстанческая армия бандеровской ОУН и Украинская народная революционная армия Бульбы-Боровца. На данный момент нет фактов, свидетельствующих о деятельности этих формирований на территории Крыма. Единственно, о чем можно говорить с полной уверенностью, так это только о попытках ОУН установить свое влияние среди местного украинского населения и солдат украинских добровольческих формирований германских вооруженных сил (*Гунчак Т.* Україна: перша половина XX століття. Нариси політичної історії. — К., 1993. — С. 238-239; *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Львів, 1993. — С. 239, 274-275, 330-331, 408; Шевчук В. Украинская Повстанческая Армия // Політика і час. — 1991. — № 11. — С. 78-84).

протяжении пути своего следования члены этих групп должны были вести пропаганду украинской национальной идеи, а также пытаться проникать в создаваемые немецкими оккупационными властями органы «местного самоуправления и вспомогательную полицию с целью их последующей украинизации»[1].

Следует сказать, что вся «Южная походная группа ОУН» принадлежала к мельниковской ветви этой организации, а ее отдельные подразделения возглавляли выходцы из Буковины: Б. Сирецкий, И. Полюй, О. Масикевич и С. Никорович — все видные общественные деятели, большинство из которых только что были выпущены немцами из советских тюрем. Возглавляемые ими группы действовали очень скрытно, часто под видом переводчиков при немецких воинских частях, членов рабочих команд и сотрудников «экономических штабов»[2].

Исследуя деятельность этих походных групп, нельзя не отметить, что до сентября—октября 1941 года немецкие военные и гражданские власти очень лояльно относились к проявляемой ими активности. Однако вскоре ситуация изменилась. Главным образом это было связано с попыткой бандеровской ОУН провозгласить 30 июня 1941 года во Львове «Независимую Украину»[3]. Это событие в целом заставило немцев очень настороженно относиться ко всем проявлениям украинской национальной идеи. Что же касается крымской ситуации, то здесь, наряду с общим резонансом от львовских событий, существенную роль сыграло включение полуострова в систему «нового немецкого порядка». Создание 1 сентября 1941 года рехйскомиссариата «Украина» *(Reichskomissariat Ukraine)*, в котором Крым фигурировал как часть организационно входившего в него генерального округа «Крым» *(Generalbezirk Krim)*,

---

[1] *Дуда А., Старик В.* Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918-1941-1944. — Київ — Чернівці, 1995. — С. 96.

[2] *Там же.* — С. 96-102.

[3] Подробнее об этом см.: Косик В. Указ. соч. — С. 112-120.

недвусмысленно показало, что немцы не допустят на полуострове постороннего влияния[1].

В январе 1942 года в Крыму появились 6 новых походных групп ОУН. Однако на этот раз все их члены принадлежали к бандеровской ветви этой организации и являлись выходцами либо из Галиции, либо с Правобережной Украины. Каждая из групп насчитывала в среднем по 6 человек. Они пытались создать в Крыму подпольное движение, однако, по словам украинского эмигрантского историка В. Косыка, их действия со стороны крымчан были поддержаны лишь единицами[2].

При этом будет небезынтересным отметить, что некоторые представители крымско-татарских националистов выступили за тесное сотрудничество с членами ОУН. Тем не менее эта позиция не нашла отклика у влиятельных политических лидеров крымских татар, которые делали ставку на поддержку со стороны Германии. Отношения с ОУН на этом этапе войны могли только скомпрометировать татарское национальное движение в глазах немецкого военно-политического руководства[3].

В ответ на подпольную деятельность ОУН со стороны немецких оккупационных властей незамедлительно последовали репрессии. Так, член одной из походных групп, проникших в Крым, был арестован еще по дороге в Симферополь. Другая походная группа, численностью в 14 человек (руководители Р. Бордаховский и Наконечный), была в полном составе арестована и расстреляна гестапо в Джанкое в начале декабря 1941 года[4].

В начале следующего года в Симферополе по приказу Службы безопасности (СД) был закрыт местный украинский театр, а ряд его актеров были арестованы за связи с ОУН. Одним из немногих уцелевших был член «Южной походной группы» Б. Су-

---

[1] *Рёкотов П.В.* Указ. соч. — С. 91-92.

[2] *Косик В.* Указ. соч. — С. 221.

[3] *Там же.* — С. 379.

[4] *Дуда А., Старик В.* Указ. соч. — С. 99.

ховерский, который еще в течение 1942 года продолжал организационную работу в Крыму[1].

Таким образом, ни одной из проникших в Крым походных групп ОУН не удалось создать здесь действенное и влиятельное националистическое подполье. Все попытки, направленные на это, беспощадно пресекались оккупационными властями. Единственным же достижением украинских националистов в Крыму с политической точки зрения стало создание местного Украинского комитета, в который вошли люди, не связанные с ОУН и находившиеся под полным контролем немцев. В данном случае события развивались следующим образом.

***

1 июля 1942 года комендант Симферополя издал распоряжение, согласно которому *«все украинцы... которые живут в городе... но которые почему-то зарегистрированы как русские... могут обратиться с прошением в комиссию при Главном управлении полиции Симферополя... Личности, украинская национальность которых будет доказана, получат новые паспорта с верно указанной национальностью»*[2]. Для этого была создана специальная комиссия, которая занялась исправлением паспортов. По данным современного украинского историка В. Сергийчука, за относительно недолгий период были внесены изменения в почти 4 тыс. документов[3].

Далее. На том основании, что они «нерусские», местные украинские общественные деятели 27 сентября 1942 года образовали свой национальный комитет, в ведение которого перешли все торгово-промышленные предприятия и открытое ранее при городском управлении Бюро помощи украинскому населению[4].

---

[1] *Сергійчук В.* Указ. соч. — С. 188.

[2] Окупаційний режим в Криму... — С. 34.

[3] *Сергійчук В.* Указ. соч. — С. 186.

[4] Голос Крыма. — 1942. — № 95. — 27 сентября.

В начале своей деятельности этот комитет состоял из председателя и пяти членов, каждый из которых отвечал за определенный род деятельности. Так, пропагандой, школами и библиотекой занимался В. Шарафан; торгово-производственным сектором, магазином и мастерскими — Е. Колесниченко; санитарной частью заведовал врач Исаев; материально-бытовой — Н. Цишкевич. Возглавлял комитет Н. Шапарь. Деятельность председателя и его заместителя оплачивалась из фонда городского управления Симферополя, а остальные члены комитета работали на общественных началах[1].

Руководство этой организации старалось объединить вокруг нее «сознательных украинцев», однако столкнулось с вполне объяснимыми трудностями. Украинцев в Крыму было мало, а тех, кто поддерживал комитет, — еще меньше. Поэтому чтобы дело «украинизации» шло успешнее, лидеры комитета открыли специальный «украинский магазин» и объявили, что «только украинцам будут выдавать муку и другие продукты». Как писал очевидец этих событий, *«из-за этого в украинцы записывались люди, которые сами и отцы которых никогда не видели земель Украины и которым при других обстоятельствах и в голову бы не пришло обратиться в украинцев»*[2].

Следует сказать, что столь позднее, по сравнению с другими национальными организациями, создание Украинского комитета в Симферополе объясняется прежде всего тем недоверием, с которым немцы относились к украинским националистам после активизации ОУН как на Украине, так и в Крыму.

Деятельность комитета носила исключительно культурный и экономический характер. Что же касается политических вопросов, то об участии в их решении не могло быть и речи. Поэтому к середине 1943 года эта организация влачила жалкое существование, а ее члены никого, кроме себя самих, не представляли.

---

[1] Реабилитированные историей... — Кн. 2. — С. 18-19.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 103.

В целом же попытки националистов (как легальных, так и не легальных) украинизировать полуостров были весьма и весьма скромными. В 1942 году в Симферополе некоторое время работала украинская начальная школа. Была попытка открыть автокефальную церковь, но из-за сопротивления верующих она провалилась. Как событие большого значения «местная украинская общественность» отмечала оперу «Запорожец за Дунаем», которую 2 июня 1942 года поставил украинский музыкально-драматический театр. К слову, просуществовал этот театр недолго и был закрыт немцами. Весной 1942 года один из оуновских подпольщиков написал отчет о деятельности на территории полуострова. В нем, в частности, есть такая фраза: *«Украинцы в Крыму представлены не лучшим образом... Они, в общем, перепуганы, без инициативы»*. Как можно убедиться, он имел полное право написать такие слова[1].

***

Из сказанного видно, что создание Украинского комитета не являлось заслугой националистов, а было составной частью немецкой политики, направленной на использование «украинского фактора» на территории Крыма. Другим аспектом этой политики, ее продолжением в военной плоскости стало создание и использование украинских добровольческих формирований в вермахте и немецкой полиции.

Так, еще в составе воевавшей в Крыму в 1941—1942 годах 11-й немецкой армии действовало несколько небольших частей украинских добровольцев. Самым известным из них являлся «Украинский добровольческий корпус» (численностью не больше батальона) под командованием сотника Тименко. В январе 1942 года это подразделение участвовало в боях против советского десанта под Феодосией, где, — как писала газета «Винницкие вести», — *«наголову разбило батальон Красной армии»*[2].

---

[1] Реабилитированные историей... — С. 19.

[2] Вінницькі вісті. — 1942. — 25 січня.

17 ноября 1941 года Главное командование 11-й армии издало «Указание по созданию вспомогательных команд». Этот документ дает весьма полное представление о немецкой политике, направленной на привлечение украинских добровольцев в силовые структуры вермахта. В целом о принципах этой политики там говорилось следующее:

«Для усиления собственных охранных сил, а также для поддержания спокойствия и порядка в занятых областях, всеми воинскими подразделениями могут быть созданы вспомогательные охранные команды из особо надежных жителей, о которых известно, что они боролись с большевизмом или настроены антибольшевистски.

При формировании команд руководствоваться следующими указаниями:

1. Численный состав этих команд дожен быть, по возможности, небольшим. Привлекать к этому столько людей, сколько необходимо для выполнения данного задания;

2. При включении в состав команды должны принципиально исключаться: члены коммунистической партии, активисты и сочувствующие коммунизму, кроме того, приверженцы так называемого движения «Бандеры» и уголовные преступники. Для надежного контроля над вспомогательными командами привлекать войска СД;

3. Вспомогательные команды должны контролироваться исключительно немецкими военными силами;

4. Вспомогательные команды различных местностей не должны иметь между собой никаких связей;

5. Пока вспомогательные команды подчинены немецким подразделениям, они должны носить белую нарукавную повязку с надписью «На службе у немецкого вермахта». Повязки простой формы изготавливаются воинскими частями и снабжаются печатью;

6. Каждый член такой команды получает от воинского подразделения удостоверение с фамилией и номером, сроком на

4 недели. Список выданных удостоверений должен вестись и периодически проверяться. Срок действия удостоверения должен быть отмечен в удостоверении и в списке;

7. Следить, чтобы на вооружении вспомогательных команд были только резиновые и деревянные дубинки. Огнестрельное оружие (пистолет или винтовку) давать только вполне надежным людям на ограниченный срок, для выполнения особых заданий под ответственность начальников немецких подразделений;

8. Вспомогательные команды имеют право на производство только временного ареста. Наказание является делом только немецких военных сил;

9. Назначение вспомогательных команд в караул или охранение производится в соответствии с особым указанием по обеспечению войск;

10. Роспуск вспомогательных команд производить только в случае, если в них нет необходимости» [1].

Таким образом видно, что немцы постарались оградить этих добровольцев от всяческого политического влияния. В то же время, создавая команды на таких принципах, они полностью исключили возможность возникновения на их основе полноценной военной силы. Наконец, нельзя не отметить, что подобные ограничения касались только команд из славянского населения. Как было показано выше, созданные почти одновременно крымско-татарские отряды самообороны обладали гораздо большими правами и привилегиями.

К лету 1942 года была окончательно организована система охраны общественного порядка на территории Крыма. Функции по его «полицейскому обеспечению» были возложены на фюрера СС и полиции «Таврия» *(SS- und Polizeiführer Taurien)*, который находился в подчинении главного фюрера СС и полиции «Россия-Юг» *(Höhere SS- und Polizeiführer Rußland-Süd)* [2].

---

[1] *Білас І.* Репресивно-каральна система на Україні. 1917-1953: У 2-х кн. — К., 1994. — Кн. 2. — С. 280-281.

[2] The German Police... — P. A6.

Помимо немецкого персонала в разных ветвях немецкой полиции (охранная полиция, жандармерия, железнодорожная охрана и т.п.) служили и местные добровольцы. При этом следует сказать, что, в отличие от армейского командования, эти добровольцы были организованы по национальному признаку. Так, по подсчетам американского историка А. Муньоса, в ноябре 1942 года в подчинении фюрера СС и полиции «Симферополя» находились следующие силы[1]:

Охранная полиция		Жандармерия	
Немцы	«Украинцы»	Немцы	«Украинцы»
348	676	421	6468

Однако все эти лица при их приеме в полицию опять-таки проходили строгую проверку на их принадлежность не только к органам советской власти, но и к ОУН. Поэтому в своей основной массе они вряд ли были «национально-сознательными украинцами». Следует подчеркнуть, что термин «украинская полиция» для крымской ситуации является больше условным, чем официальным. Дело в том, что немцы, за исключением специально оговоренных случаев, называли «украинскими» все полицейские формирования, созданные на территории рейхскомиссариата «Украина». Обычно в этих частях служили представители и других национальностей.

Еще одной категорией украинских добровольческих формирований на территории полуострова являлись части, находившиеся в подчинении командующего войсками вермахта в Крыму. Однако в данном случае это были «пришлые» формирования, которые, в отличие от полиции, были укомплектованы не

[1] *Munoz A.J.* German SS, Police, and Auxiliary Forces in Poland: 1944 and The Warsaw Uprising // Axis Europa Magazine. — 1998. № 15. — P. 35.

местными добровольцами, а эвакуированы в Крым с Таманского полуострова вместе с 17-й немецкой армией в октябре—декабре 1943 года. Следует сказать, что это было своего рода уникальное объединение вермахта, так как 16 % (28 436 чел.) от его общей численности составляли «восточные» добровольцы[1].

В том числе, украинским персоналом были укомплектованы следующие подразделения этой армии (по состоянию на 23 ноября 1943 года)[2]:

Соединение 17-й полевой армии	**Украинское подразделение**
Штаб 17-й полевой армии	96-й (украинский) строительный батальон (96.Ukrainische-Bau-Bataillon)
	562-я добровольческая (украинская) хозяйственная рота (562.Ukrainische-Freiwilligen-Nachschub-Kompanie)
	562-я (украинская) моторизованная хозяйственная рота (562.Ukrainische-Nachschub-Kompanie (mot.)
	666-я (украинская) моторизованная хозяйственная рота (666.Ukrainische-Nachschub-Kompanie (mot.)
49-й горно-стрелковый корпус 17-й полевой армии	64-й (украинский) строительный батальон (64.Ukrainische-Bau-Bataillon)
	101-я (украинская) строительная рота (101.Ukrainische-Bau-Kompanie)
	Три роты (украинской) легкой хозяйственной колонны (1—3 Ukrainische-Leichte-Nachschub-Kolonne)

[1] *Гуркин В.В., Круглов А.И.* Кровавая расплата агрессора // ВИЖ. — 1996. — № 3. — С. 32.

[2] *Nafziger G.F.* Foreigners in Field Gray... — P. 19-30.

Соединение 17-й полевой армии	Украинское подразделение
5-й армейский корпус 17-й полевой армии	131-й (украинский) строительный батальон (131.Ukrainische-Bau-Bataillon)
	9-я (украинская) строительная рота (9.Ukrainische-Bau-Kompanie)

В среднем численность этих формирований равнялась 2140—2780 человек, что, таким образом, соответствовало 7,5—9,7 % от общего количества «восточных» добровольцев 17-й армии.

Поскольку украинские роты и батальоны являлись частью германских вооруженных сил, пропаганда идей украинского национализма была в них строго запрещена и пресекалась самым решительным образом. В апреле—мае 1944 года все эти подразделения погибли в ходе советского наступления, уничтожившего крымскую группировку немцев.

В начале 1944 года немцы предприняли запоздалую попытку свести воедино свои усилия по политическому и военному использованию «украинского фактора» в своей оккупационной политике на территории Крыма. Как известно, в январе этого года командующий войсками вермахта в Крыму генерал-полковник Э. Йенеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове местного правительства. По замыслу немцев, украинскому комитету, а также русским и татарским организациям отводилась в нем двольно существенная роль. Однако этим замыслам немецкого командования так и не суждено было исполниться, так как уже в апреле—мае 1944 года Крым был освобожден частями Красной армии[1].

[1] Крымско-татарские формирования: документы Третьего рейха свидетельствуют // ВИЖ. — 1991. — № 3. — С. 89-90.

ВОСТОЧНЫЕ ЛЕГИОНЫ ВЕРМАХТА И ИХ РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ

Готовя войну против Советского Союза, руководство Германии рассматривало его как *«искусственное и рыхлое объединение огромного числа наций, этнический конгломерат, лишенный внутреннего единства»*[1]. Поэтому расчленение СССР путем привлечения к сотрудничеству нерусских народов планировалось как один из вариантов скорейшего окончания войны и послевоенного переустройства «восточных территорий». Это сотрудничество должно было осуществляться сразу по нескольким направлениям, главными из которых было политическое и военное. Одним из результатов последнего стало создание и использование из представителей кавказских и тюркских народов СССР формирований Восточных легионов.

Что же представляли собой эти легионы? В современной историографии Второй мировой войны прочно утвердились два крайних мнения. Сторонники одного считают, что Восточные легионы — это только формирования, созданные соответствующими органами вермахта в Польше и на Украине. Другая, на наш взгляд, крайняя точка зрения — называть Восточными легионами поголовно все части, организованные немцами из представителей тюркских и кавказских народов СССР, и, более того, причислять к ним калмыков. Первая классификация является слишком узкой, так как части и соединения, подобные Восточным легионам, создавались под эгидой других органов вермахта, например, его военной разведкой. Вторая классификация, наоборот, является слишком широкой и не учитывает того факта, что немцы так и не отважились рассматривать, например, крымско-татарские формирования как части Восточных легионов[2].

---

[1] *Dallin A.* Op. cit. — P. 200.

[2] Более подробно о крымско-татарских частях вермахта, полиции и войск СС было рассказано выше.

В связи со сказанным, а также с учетом анализа нормативных документов германских вооруженных сил, Восточными легионами вермахта можно называть только следующие части и подразделения:

- пехотные батальоны, сформированные командованиями Восточных легионов в Польше и на Украине;
- кроме пехотных батальонов, в Польше и на Украине было создано огромное количество строительных, железнодорожных, транспортных и прочих вспомогательных частей;
- разведывательные и диверсионные подразделения, сформированные при участии немецкой военной разведки — абвера[1].

Создатели каждого из типов Восточных легионов преследовали общую цель, о которой мы сказали в начале нашего очерка: развалить Советский Союз путем привлечения на сторону Германии тюркских и кавказских народов. Однако задачи, поставленные перед персоналом этих частей, были сугубо свои, «корпоративные». Это в принципе и обусловило то, что каждый тип Восточных легионов имел свою историю организации и боевого применения. Рассмотрим их, отталкиваясь от указанных методологических посылок.

***

Появление первых частей Восточных легионов следует отнести к октябрю 1941 года. Именно в этом месяце в полосе группы армий «Юг» началось создание так называемых охранных «сотен», главной задачей которых должно было стать обеспечение порядка в тыловых районах этого войскового объединения. Необходимо подчеркнуть, что выбор места и времени был неслучайным. По словам начальника Генштаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера, это было обусловлено тем, что

[1] MGFA, Verzeichnis von Freiwilligen-Verbände aus dem Osten in der deutschen Wehrmacht. — S. 1-3.

частями этой группы армий было захвачено очень много военнопленных, которые принадлежали к «монгольским народностям»[1].

Первоначально охранные части создавались стихийно. Однако уже 15 ноября 1941 года этот процесс получил свою правовую основу. В этот день генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер издал приказ, озаглавленный «О создании охранных «сотен" из военнопленных туркестанской и кавказской национальностей». Отныне организация подобных частей должна была стать более упорядоченной[2].

Первым из созданных на основе этого приказа охранных формирований стал так называемый «Туркестанский полк» («Turkestanisches Regiment»). Эта часть была сформирована при 444-й охранной дивизии, отвечавшей за обеспечение порядка в тыловом районе группы армий «Юг». Полк состоял из четырех пехотных рот под командованием немецких офицеров и фельдфебелей и уже зимой 1941—1942 годов нес службу по охране тыла на территории между устьем Днепра и Перекопом. Следует сказать, что эта часть была полком только по названию. В действительности же это был обычный батальон — 444-й тюркский. Именно так он и проходил по немецким нормативным документам. Командовал батальоном обер-лейтенант Таубе. Опыт боевого применения указанного батальона был вполне успешным. Поэтому командование группы армий «Юг» планировало создать при 444-й охранной дивизии еще несколько таких батальонов[3].

444-й тюркский батальон был фактически одной из первых подобных частей. Одновременно он как бы являлся прообразом будущих, собственно, Восточных легионов. Однако, как таковым, легионом он еще не был. В связи с этим трудно не согласиться с

---

[1] *Гальдер Ф.* Указ. соч. — Т.3. — Кн.1. — С. 60.

[2] BA-MA, RH 22. Kommandierender General der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Süd, RH 22/10, Befehl für die Aufstellung türkistanischer und kaukasischen Einheiten.

[3] *Ibid.*

немецким историком Й. Хоффманном, который писал, что нельзя переоценивать факт создания этого батальона, так как речь здесь шла *«только о «диких" формированиях, которые по своей организации существенно отличались от позднейших Восточных легионов»*[1].

***

Зимой 1941 года германское военно-политическое руководство приняло окончательное решение наступать на южном крыле Восточного фронта. Таким образом, целью следующей кампании должен был стать Кавказ, с перспективой проникновения в Среднюю Азию и Индию. Кроме того, оккупация такого стратегически важного региона СССР обязательно бы заставила Турцию вступить в войну на стороне Германии. Следует сказать, что планы новой кампании и проекты будущей «организации» Кавказа и Закавказья коренным образом отличались от всех предыдущих планов нацистов. Теперь не секрет, что одним из ключевых моментов будущей оккупационной политики в этих регионах должно было стать «иное», чем в других областях СССР, отношение к местному населению. В целом планировался грандиозный эксперимент по предоставлению проживающим здесь народам определенных прав и привилегий. И прежде всего в политической и военной сфере.

В связи с этим Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) приняло решение централизовать и упорядочить создание и использование тюркских и кавказских частей, в результате чего этот процесс был изъят из компетенции штаба 444-й дивизии. В свете новых планов германского военно-политического руководства, на эти части возлагалась особая роль. Теперь их личный состав не должен был заниматься охраной немецкого тыла или вести ограниченную пропаганду против советских частей. Напротив, хорошо организованные и превосходно обученные тюркские

[1] *Hoffmann J.* Ostlegionen 1941-1943... — S. 26.

и кавказские подразделения предполагалось отправить на передовую в авангарде наступающих на Кавказ немецких войск. Разумеется, что выполнять они там должны были не только чисто военные, но и специальные политические задачи. Отталкиваясь в целом от этих планов, Верховное командование сухопутных войск и приступило к формированию нескольких кавказских и тюркских воинских частей, которые получили официальное наименование Восточных легионов. Соответствующий приказ об их создании был подписан 30 декабря 1941 года.

Эти легионы должны были представлять собой одновременно и запасные части по обучению личного состава для фронтовых частей, и центры по подготовке кадрового персонала — офицеров и унтер-офицеров. Поэтому местом их дислокации был выбран глубокий тыл немецкой армии — Польша, где в январе—феврале 1942 года было первоначально сформировано четыре легиона. Так, 13 января 1942 года были созданы: Туркестанский и Кавказско-магометанский легионы[1], а уже 8 февраля последовал приказ о формировании Грузинского и Армянского легиона[2].

Первоначально Туркестанский легион объединял в своих рядах узбеков, казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и таджиков. Кавказско-магометанский легион — азербайджанцев, дагестанцев, ингушей и чеченцев. Грузинский легион, помимо собственно грузин, включал в себя осетин, абхазов, адыгейцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев. Лишь Армянский легион имел однородный национальный состав[3].

---

[1] BA-MA, RH 2. Oberkommando des Heeres / Chef der Heeresrüstung und Befehlshaber der Ersatzheeres, H 37/108, bl. 37-38.

[2] BA-MA, RH 53-23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement, 75022/8/ Teil 1, bl. 47.

[3] MGFA, OKH/Chef HrüstuBdE/AHA. Bestimmungen für Aufstellung der Ostlegionen. — 1.7.1942. — S. 8.

2 августа 1942 года началась первая реорганизация Восточных легионов. Чтобы сделать их более мононациональными, из состава Кавказско-магометанского легиона были выведены представители народов Северного Кавказа, а сам он — переименован в Азербайджанский. То же самое сделали и с контингентом Грузинского легиона. В результате все новые добровольцы были объединены в рядах Северокавказского легиона. Кроме того, 15 августа 1942 года немцы организовали еще один легион — Волжско-татарский легион, объединивший в своих рядах поволжских татар, башкир, марийцев, мордву, чувашей и удмуртов[1].

Общее руководство формированием и обучением этих национальных частей осуществлял Штаб подготовки Восточных легионов *(Aufstellungsstab der Ostlegionen)*, который 23 января 1943 года был переименован в штаб Командования Восточными легионами *(Kommando der Ostlegionen)*. Зимой—весной 1942 года этот штаб располагался в Рембертове, а летом был переведен в Радом. Командующим Восточными легионами в Польше был назначен полковник Р. фон Хайгендорф. Первоначально он обладал правами полкового, а с 1943 года — дивизионного командира[2].

Из сказанного выше ясно, что общее руководство Восточными легионами осуществляло ОКХ, а именно через ведомство начальника вооружений сухопутных войск и командующего армией резерва генерал-полковника Ф. Фромма. Ему по вертикали подчинялись все сухопутные части вермахта на территории собственно Германии и на некоторых оккупированных территориях. Польша считалось именно такой территорией. Поэтому первой инстанцией для штаба Восточных легио-

---

[1] BA-MA, RH 2. Oberkommando des Heeres / Chef der Heeresrüstung und Befehlshaber der Ersatzheeres, H 62-0/9, bl. 27-28.

[2] BA-MA, RH 53-23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement, 75022/12, bl. 14.

нов являлся командующий войсками вермахта на территории «Генерал-губернаторства» (так с 1939 по 1944 год официально именовалась оккупированная Польша) [1].

В своих действиях полковник Хайгендорф руководствовался «Директивой для формирования Восточных легионов», которую 24 апреля 1942 года издал начальник Общего управления командования Армии резерва генерал пехоты Ф. Ольбрихт. В них они, например, были определены следующим образом: *«Части добровольных борцов за освобождение своей родины от большевизма и за свободу их веры»*[2].

Таким образом, структура польских Восточных легионов выглядела летом 1942 года следующим образом:

Наименование части	**Место дислокации**	**Командир части**
Командование Восточными легионами	Радом	Полковник Ральф фон Хайгендроф
Туркестанский легион	Легионово	Капитан Эрнске
Грузинский легион	Крушна	Капитан Вильгельм Хуссель
Армянский легион	Пулавы	Капитан Кучера
Азербайджанский легион	Едлин	Обер-лейтенант Клаус Брайтнер

[1] *Гилязов И.А.* На другой стороне... — С. 79.

[2] MGFA, OKH/Chef HrüstuBdE/AHA. Bestimmungen für Aufstellung der Ostlegionen. — 24.4.1942. — S. 2-3.

Наименование части	Место дислокации	Командир части
Северокавказский легион	Весоль	Майор Ридель
Волжско-татарский легион	Едлин	Майор фон Зекендорф

Основным контингентом для пополнения легионов, по крайней мере, до того момента, пока немецкие войска не вступят на Кавказ и в Среднюю Азию, должны были быть советские военнопленные соответствующих национальностей. В основном, их «отбором и сортировкой» занимались специально созданные немецкие инстанции. Так, еще в августе—сентябре 1941 года было организовано от 25 до 30 комиссий общей численностью от 500 до 600 человек, призванные «посещать лагеря и составлять списки тюрко-мусульманских военнопленных». А уже весной 1942 года — непосредственно перед наступлением на Кавказ — был сформирован Организационный штаб «К», который развернул активную деятельность по вербовке добровольцев среди военнопленных — уроженцев Кавказа и Средней Азии. В его задачи входило создание комиссий по *«фильтрации лагерей военнопленных» и «отделение лиц кавказской национальности от русских для последующей... вербовки»*[1].

Прибывшее пополнение распределяли по подготовительным лагерям, которые имелись у каждого легиона. Так, в Беньяминово располагался подготовительный лагерь Туркестанского и Северокавказского, в Малькинии — Азербайд-

[1] *Ибрагимбейли Х.М.* Крах гитлеровской оккупационной политики на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ: Сб. статей. — М., 1981. — С. 269.

жанского, в Бяла Подляске — Грузинского, в Заежирже — Армянского, а в Седлице — Волжско-татарского легионов[1].

Уже в подготовительных лагерях будущие легионеры разбивались по ротам, взводам и отделениям и приступали к обучению. Как правило, оно заключалось в общефизической и строевой подготовке, а также в усвоении немецких команд и уставов. Строевые занятия проводились командирами рот — немцами с помощью переводчиков, а также командирами взводов и отделений из представителей данной национальности, прошедших двухнедельную подготовку в специальной школе на станции Легионово. Эта школа занималась обучением младшего командного состава, а также офицеров — *цугфюреров* (лейтенантов) и *компанифюреров* (капитанов) [2].

После завершения начального курса обучения легионеры переводились в батальоны в центрах формирования легионов, где переходили к тактической подготовке и изучению материальной части оружия. Предполагалось, что в составе этих батальонов они впоследствии отправятся на фронт.

Каждый батальон должен был иметь три стрелковые, пулеметную и штабную роты по 130—200 человек в каждой. В стрелковой роте — три стрелковых и пулеметный взводы, в штабной — взводы противотанковый, минометный, саперный и связи. В целом общая численность батальона составляла от 800 до 1000 солдат и офицеров, в том числе до 60 человек немецкого кадрового персонала: 4 офицера, 1 военный чиновник, 32 унтер-офицера и 23 рядовых. У немецких командиров батальонов и рот были заместители-дублеры из числа представителей данной национальности. Командный состав ниже

---

[1] BA-MA, RH 53-23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement, 75022/9/ Teil 1, bl. 57-60.

[2] BA-MA, RH 53-23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement, 75022/10/ Teil 2, bl. 90-92.

ротного звена комплектовался исключительно национальными кадрами, прошедшими подготовку в школе в Легионово[1].

В результате к весне 1942 года первые батальоны Восточных легионов закончили свое обучение и были отправлены на Восточный фронт (главным образом на Кавказ и под Сталинград). Это происходило в три этапа:

- к концу 1942 года было отправлено: 6 туркестанских (450-й, 452-й, с 781-го по 784-й), 2 азербайджанских (804-й и 805-й), 3 северокавказских (800, 801 и 802-й), 2 грузинских (795-й и 796-й) и 2 армянских (808-й и 809-й) пехотных батальона;
- в начале 1943 года за ними последовали: 5 туркестанских (с 785-го по 789-й), 4 азербайджанских (806, 807, 817, и 818-й), 1 северокавказский (803-й), 4 грузинских (с 797-го по 799-й и 822-й), 4 армянских (с 810-го по 813-й) и 3 волжско-татарских (825, 826 и 827-й) пехотных батальона;
- во второй половине 1943 года: 3 туркестанских (790, 791 и 792-й), 2 азербайджанских (819-й и 820-й), 3 северокавказских (835, 836 и 837-й), 2 грузинских (823-й и 824-й), 3 армянских (814, 815 и 816-й) и 4 волжско-татарских (с 828-го по 831-й) пехотных батальона.

Всего же до упразднения штаба Командования Восточными легионами в Польше (октябрь 1943 года) здесь было сформировано 53 пехотных батальона: 14 туркестанских, 8 азербайджанских, 7 северокавказских, 8 грузинских, 9 армянских и 7 волжско-татарских численностью около 53 тыс. человек[2].

---

[1] MGFA, Heygendorff R. v. Turkvölkische und Kaukasische Verbände im Kampf an Deutschlands Seite während des 2. Weltkrieges. — 1949. — S. 14f.

[2] BA-MA, RH 53-23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement, 75022/9/Teil 1, bl. 95-98; 75022/10/Teil 2, bl. 100.

***

Польша была не единственным местом формирования частей Восточных легионов. Так, после зимних боев 1941—1942 года из состава группы армий «Центр» на Украину была выведена 162-я пехотная дивизия вермахта. Согласно приказу верховного командования вермахта (ОКВ) ее предстояло преобразовать в еще один учебный центр по подготовке «восточных» войск, с теми же целями и задачами, что и в Польше.

В результате к маю 1942 года новые центры с учебными лагерями были развернуты на территории Полтавской области в следующих населенных пунктах:

- в Ромнах — Туркестанский легион (командир — майор Эберль);
- в Прилуках — Азербайджанский легион (командир — майор Хефер, затем подполковник граф Н. фон Юкскюль-Гиллебанд);
- в Гадяче — Грузинский легион (командир — подполковник Ристов, затем подполковник Маус);
- в Лохвице — Армянский легион (командир — майор Энгхольм);
- и в Миргороде — Северокавказский легион (командир — капитан Ольбрих, затем подполковник Ристов).

Создание Волжско-татарского легиона планировалось в будущем, однако он так и не был сформирован.

В Миргороде также находился и главный центр формирования легионов, который официально назывался Штаб подготовки и обучения иностранных добровольческих формирований из советских военнопленных *(Aufstellungs- und Ausbildungsstab für ausländische Freiwilligen-Verbände aus sowjetrussischen kriegsgefangenen)*. Начальником штаба был назначен полковник (с 1 сентября 1942 года — генерал-майор) О. Риттер фон Нидермайер — один из крупнейших немецких востоковедов и знатоков СССР[1].

[1] BA-MA, RH 26. Infanterie-Divisionen, RH 26-162. Kommando der 162. Infanteriedivision, 34427/2, bl. 41-45; Seidler F.W. Oskar Rit-

Как и в случае с организацией Восточных легионов на территории Польши, все военнопленные, отобранные специальными комиссиями, поступали в подготовительные лагеря. В данном случае они находились в Лубнах и Хороле — также фильтрационные лагеря вермахта. Комендантом всех фильтрационных лагерей Командования Восточными легионами на Украине был подполковник фон Пауль-Рамминген.

Численность и структура батальонов, сформированных на Украине, практически не отличалась от батальонов, сформированных в Польше. Единственным исключением было соотношение немецкого и национального кадрового персонала. Если в Польше немцев было не более 60, то здесь их должно было быть не более 37 человек: 4 офицера, 1 военный чиновник, 7 зондерфюреров, 15 унтер-офицеров и 10 рядовых[1].

Было и еще одно отличие, так как у батальонов, сформированных на Украине, значительно отличалась номенклатура. В целом они имели двойную нумерацию, в которой первая римская цифра означала порядковый номер национального батальона, а вторая, арабская — номер немецкой дивизии, предоставившей кадровый персонал.

Таким образом, до мая 1943 года на Украине удалось сформировать 25 пехотных батальонов:

- 12 туркестанских — I/29, I/44, I/76, I/94, I/100, I/295, I/297, I/305, I/370, I/371, I/384 и I/389-й,
- 6 азербайджанских — I/4, I/73, I/97, I/101, I/111 и II/73-й,
- 4 грузинских — I/1, I/9, II/4 и II/198-й и
- 3 армянских — I/125, I/198 и II/9-й, а также

---

ter von Niedermayer im Zweiten Weltkrieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen // Wehrwissenschaftliche Rundschau. — 1970. № 12. S. 683-702.

[1] BA-MA, RH 26. Infanterie-Divisionen, RH 26-162. Kommando der 162. Infanteriedivision, 34427/1, bl. 37.

- 2 усиленных северокавказских полубатальона (842-й и 843-й), 7 строительных и 2 запасных батальона, общей численностью более 30 тыс. человек.

Кроме того, в стадии формирования находились еще 8 пехотных батальонов: 4 туркестанских (I/71, I/79, I/376 и I/113-й), 1 азербайджанский (I/50-й), 2 грузинских (II/125 и III/9-й) и 1 армянский (III/73-й) [1].

***

Широкое использование частей Восточных легионов началось осенью 1942 года, когда первые из сформированных в Польше и на Украине батальонов были отправлены на Кавказ и под Сталинград. Создавая командования по подготовке легионов, немцы преследовали двоякую цель. С одной стороны, она была чисто военной: пополнить немецкие части и соединения за счет местных уроженцев, хорошо знакомых с горным театром военных действий.

С другой стороны, эта цель была политической, как при создании любого иностранного добровольческого формирования. Ее суть в своей докладной записке «Вопрос о кавказских воинских частях» выразил один из нацистских идеологов А. Розенберг. В ней он, в частности, отмечал: *«Разграничение племен и народностей Кавказа между собой... облегчило бы немецкому командованию господство над ними... Численность отдельных формирований может определяться военными соображениями, но размещение их среди отдельных народностей — только политическими соображениями... Уже самый факт использования воинской части с целью возрождения противоречий между разными народностями является политическим моментом»*[2].

---

[1] Hoffmann J. Ostlegionen 1941-1943... — S. 76.

[2] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 3 т. — М., 1966. — Т.2. — С. 216.

На этом основании некоторые (прежде всего советские) историки утверждали, что при организации и подготовке частей Восточных легионов в основу системы их боевого применения был положен исключительно политический принцип. А использовались они, как пишет современный российский исследователь В. Галицкий, только как *«карательные и диверсионно-разведывательные батальоны»*[1].

Это верно отчасти. Согласно немецким архивным материалам, большинство батальонов Восточных легионов готовились именно как фронтовые формирования, и применять их собирались соответствующим образом.

С сентября 1942 по январь 1943 года в полосе групп армий «А» и «Б» было задействовано 25 пехотных батальонов Восточных легионов, которые выполняли самые разнообразные боевые задачи наравне с частями вермахта. Например, в направлении Туапсе наступали 452-й, 781-й туркестанские и 800-й северокавказский батальоны, а также 796-й грузинский и 808-й армянский. Все они действовали в составе различных соединений немецкой 17-й полевой армии, таких как: 97-я егерская или 125-я пехотная дивизии. Южнее, в направлении на Сухуми, в составе 4-й горно-егерской дивизии, наступал 804-й азербайджанский батальон. Восточнее — в районе Нальчика и Моздока — действовали 805, 806-й азербайджанские, а также 795-й грузинский и 809-й армянские батальоны. Они находились в подчинении либо 111-й, либо 50-й пехотных дивизий 1-й немецкой танковой армии. На астраханском направлении, в составе 16-й моторизованной дивизии, находились 450, 782 и 811-й туркестанские батальоны, сосредоточенные здесь для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию и Казахстан. Эти батальоны действовали в основном как пехотные части.

---

[1] *Галицкий В.П.* «...Для активной подрывной диверсионной деятельности в тылу у Красной Армии» // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 1. — С. 19.

Исключение составляли те, которые входили в состав горно-егерских дивизий (804-й азербайджанский, 796-й и II/4-й грузинские) [1]. В целом же система подчинения и боевого применения пехотных батальонов Восточных легионов в этот период выглядела так:

№ батальона	Командир	Численность	Соединение	Район применения
450-й туркестанский пб*	Майор Андреас Майер-Мадер; майор Берген; капитан Кобб	934 «туркестанца» и 27 немцев	16-я мд, 4-я та, гр.а. «Б»; затем 3-й тк, 1-я та, гр.а. «А»	На астраханском направлении (Калмыцкие степи)
782-й туркестанский пб	Обер-лейтенант (позже капитан) Хайнрих Хайзе	900 «туркестанцев» и 20 немцев	16-я мд (см. выше)	На астраханском направлении (Калмыцкие степи)
811-й туркестанский пб**	Майор Курт	820 «туркестанцев» и 30 немцев	16-я мд (см. выше)	На астраханском направлении (Калмыцкие степи)
452-й туркестанский пб	Капитан Фридрих Бауман	938 «туркестанцев» и 12 немцев	97-я сд, 44-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Туапсе
781-й туркестанский пб	Капитан Карл Негш	902 «туркестанца» и 28 немцев	101-я сд, 44-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Туапсе
I/370-й туркестанский пб	Обер-лейтенант Эрнст Рихтер	928 «туркестанцев» и 41 немец	370-я пд, 52-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока

[1] BA-MA, RH 26. Infanterie-Divisionen, RH 26-97. Kommando der 97. Jägerdivision, RH 26-97/58, bl. 64-69; RH 21. Armeeoberkommandos, RH 21-1. Oberkommando der 1. Panzerarmee, RH 21-1/86D, bl. 90-92; RH 21-1/160, bl. 101-102; RH 21-1/407, bl. 95-97.

№ батальона	Командир	Численность	Соединение	Район применения
801-й северокавказский пб	Капитан Эверлинг; капитан Буркхардт	920 северокавказцев и 27 немцев	370-я пд, 52-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
802-й северокавказский пб	Капитан Кап	900 северокавказцев и 37 немцев	370-я пд (см. выше); 3-я тд, 40-й тк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
800-й северокавказский пб	Обер-лейтенант Франц Курпанек	900 северокавказцев и 40 немцев	125-я пд, 5-й ак, 17-я а, гр.а. «А»	Район Туапсе
804-й азербайджанский пб («Аслан») ***	Майор Глогер	963 азербайджанца и 40 немцев	4-я гед, 49-й гк, 1-я та, гр.а. «А»	Направление на Сухуми
805-й азербайджанский пб	Капитан Хох	919 азербайджанцев и 37 немцев	111-я пд, 52-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
I/111-й азербайджанский пб («Дёнмек»)	Капитан Вернер Шарренберг	929 азербайджанцев и 33 немца	111-я пд, 52-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
806-й азербайджанский пб («Игит»)	Капитан Карл-Людвиг Оттендорф	911 азербайджанцев и 44 немца	50-я пд, 52-й ак, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
I/73-й азербайджанский пб	Капитан Вальтер Франке	917 азербайджанцев и 42 немца	73-я пд, 5-й ак, 17-я а, гр.а. «А»	Район Анапы и Новороссийска
795-й грузинский пб	Обер-лейтенант Ширр	934 грузина и 41 немец	23-я пд, 3-й тк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока
796-й грузинский пб	Капитан Эйсманн	912 грузин и 37 немцев	1-я гед, 49-й гк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Туапсе

№ батальона	Командир	Численность	Соединение	Район применения
I/9-й грузинский пб	Обер-лейтенант Курт Штрак	927 грузин и 38 немцев	9-я пд, 5 ак, 17-я а, гр.а. «А»	Район Анапы и Новороссийска
II/4-й грузинский пб	Капитан Пауль Бартшт	929 грузин и осетин и 36 немцев	4-я гед, 49-й гк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Темрюка и Анапы
808-й армянский пб	Майор Кучера	916 армян и 41 немец	1-я гед, 49-й гк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Туапсе
809-й армянский пб	Капитан Херманн Беккер	913 армян и 45 немцев	13-я тд, 3-й тк, 1-я та, гр.а. «А»	Район Нальчика и Моздока

** а — армия, гк — горный корпус, гед — горно-егерская дивизия, гр.а. — групп армий, ед — егерская дивизия, мд — моторизованная дивизия, пб — пехотный батальон, пд — пехотная дивизия, та — танковая армия, тд — танковая дивизия, тк — танковый корпус.*

*** До октября 1942 г. этот батальон именовался 444-м туркестанским батальоном и входил в состав 444-й немецкой охранной дивизии.*

**** Летом 1943 г. этот батальон вошел в состав 314-го азербайджанского пехотного полка 162-й тюркской пехотной дивизии.*

Вследствие того, что эти батальоны использовались в основном на самых опасных участках фронта, потери в них были очень велики. Это происходило как из-за того, что бои на Кавказе носили крайне ожесточенный характер, так и из-за недостаточной выучки личного состава батальонов для боевых действий в горной местности. Например, в 450-м туркестанском батальоне потери в боях за указанный период составили 188 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести на 961 человек личного состава (то есть 20 %). В ряде других батальонов это соотношение было следующим: 782-й туркестанский батальон — 12 %; 811-й туркестанский батальон — 9 %;

452-й туркестанский батальон — 11 %; I/370-й туркестанский батальон — 55 %; 805-й азербайджанский батальон — 21 %[1].

Еще в ходе битвы за Кавказ и особенно после ее окончания, немцы стали выводить части Восточных легионов в тыл. Главным образом это было связано с тем, что большинство из них нуждалось в отдыхе, пополнении и переподготовке. Некоторые следовали прямо к местам своей первоначальной дислокации — в Польшу или Украину. Некоторые задерживались в тыловых районах групп армий, где их использовали в качестве охранных частей.

Вот как, например, процесс передислокации частей Восточных легионов проходил через территорию Крымского полуострова. В целом он состоял из двух этапов. На первом из них (январь—октябрь 1943 года) в Крым выводились полевые батальоны Восточных легионов с целью кратковременного отдыха и дальнейшей передислокации к местам формирования и пополнения. Только некоторые из них оставались на полуострове, где их личный состав должен был нести охрану восточного побережья. Так, с января по апрель 1943 года с Кавказа в Крым были выведены следующие пехотные батальоны:

- 804, 805, 806, I/73-й азербайджанские,
- 809-й армянский,
- 245, 811, I/370-й туркестанские,
- 796, I/9, II/4-й грузинские и
- 801-й северокавказский.

Таким образом, к концу указанного периода в распоряжении командующего немецкими войсками в Крыму находилось 1350 легионеров: 250 «туркестанцев», 400 северокавказцев, 300 азербайджанцев, 150 грузин и 250 армян[2].

---

[1] BA-MA, RH 19. Heeresgruppenkommandos, RH 19 V. Oberkommando Heeresgruppe A — Südukraine — Süd, RH 19 V/6, bl. 54-55, 114; RH 19 V/7, bl. 84-86,

[2] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. — Freiburg, 1991. — S. 156-183, 193-211, 212-253, 327-345.

В октябре—ноябре 1943 года начался второй этап пребывания и использования формирований Восточных легионов в Крыму. Он связан с последствиями ликвидации немецкого Кубанского плацдарма и эвакуацией на полуостров 17-й полевой армии вермахта. Как уже говорилось выше, в ее составе находилось большое количество добровольцев из числа граждан СССР (около 16 %).

В среднем численность формирований Восточных легионов этой армии равнялась 5540—6800 человек, сконцентрированных в:

804, 806, I/73-м азербайджанских пехотных батальонах,

I/370-м туркестанском пехотном батальоне,

I/9 и II/4-й грузинских пехотных батальонах,

а также в целом ряде вспомогательных частей и подразделений.

В апреле—мае 1944 года большинство этих частей погибли в ходе советского наступления, уничтожившего крымскую группировку немцев[1].

***

29 сентября 1943 года началась новая реорганизация Восточных легионов. В этот день Гитлер отдал распоряжение о переводе всех добровольцев с Восточного фронта в Западную Европу — после отступления немцев с Кавказа и из южной России он не считал эти части достаточно надежными для борьбы с Красной армией[2].

Немцы действовали весьма оперативно, так как уже 2 октября 1943 года германский Генштаб сухопутных войск отдал приказ за № 10570/43, в котором, в частности, говорилось о переводе Командования Восточными легионами из Польши во Францию в распоряжение главнокомандующего на Западе. Согласно этому приказу, туда переводились все управленческие структуры, подготовительные лагеря и часть батальонов. Передислокация легионов была в основном завершена в первой половине ноября 1943 года. В результате на 21 ноября этого года во Франции, помимо штаба командования, на-

---

[1] *Nafziger G.F.* Foreigners in Field Gray... — P. 19-30.

[2] *Neulen H.-W.* Op. cit. — S. 331.

ходились все шесть легионов, офицерская школа и школа переводчиков. Общая численность легионеров составляла 10,5 тыс. человек. Центром командования был избран город Нанси (восточная Франция) [1].

1 февраля 1944 года во Франции произошла новая реорганизация Восточных легионов, которая имела целью усилить контроль над ними и добиться их максимальной боеспособности. Согласно этому новому приказу, целый ряд полевых частей Восточных легионов подлежал переформированию в запасные подразделения. Так, например, было решено поступить с:

- 792, 794, 839, 841, 842 и I/370-м туркестанскими батальонами;
- II/4 и I/9-м грузинскими батальонами;
- II/4-м северокавказским батальоном;
- 804 и 806-м азербайджанскими батальонами;
- II/9-м армянским батальоном;
- 832, 833 и 834-м волжско-татарскими батальонами[2].

В результате реорганизации все они были переформированы в запасные батальоны, персонал в которых также распределялся по национальному признаку. Эти новые батальоны были переведены в южную Францию и размещены в городах Кастр (грузинский, туркестанский и северокавказский батальоны) и Манд (армянский, азербайджанский и волжско-татарский батальоны). Здесь они были соответственно объединены в 1-й и 2-й Кадровые добровольческие (восточные) полки, составившие вместе с русскими, украинскими и казачьими частями Кадровую добровольческую (восточную) дивизию *(Freiwilligen-(Ost) -Stamm-Division)* со штабом в Лионе. На 1 февраля 1944 года эта новая дивизия имела следующую структуру[3]:

---

[1] *Гилязов И.А.* На другой стороне... — С. 99, 100.

[2] *Munoz A.J., Romanko O.V.* The East Came West: Muslim, Hindu and Buddhist Volunteers in the German Armed Forces 1941-1945. — New York, 2002. — P. 177.

[3] *Tessin G.* Op. cit. — Bd.14. — S. 270.

Номенклатура части	Место дислокации	Национально-кадровый персонал
Штаб дивизии	Лион	Различные национальные группы
Школа подготовки командного состава для добровольческих формирований	Лион	Различные национальные группы
1-й Кадровый добровольческий (восточный) полк	Кастр	«Туркестанцы», грузины, северокавказцы
2-й Кадровый добровольческий (восточный) полк	Манд	Поволжские татары, армяне, азербайджанцы
3-й Кадровый добровольческий (восточный) полк	Макон	Украинцы
4-й Кадровый добровольческий (восточный) полк	Намюр	Русские и украинцы
5-й Кадровый добровольческий (восточный) полк	Лангр	Казаки

Первоначально командиром дивизии был назначен полковник Хольсте, которого в конце марта 1944 года сменил генерал-майор Хеннинг. В конце июня 1944 года это соединение, как не оправдавшее надежд немецкого командования, было расформировано, а его кадры пошли на укомплектование других добровольческих частей[1].

Еще одним новшеством, которое повлекла за собой реорганизация Восточных легионов, было изменение соотношения кадрово-национального персонала в их батальонах. В целом оно было направлено на увеличение количества немецких офицеров и унтерофицеров при прежней численности подразделения. Например, на 15 мая 1944 года это соотношение в туркестанском пехотном батальоне выглядело следующим образом[2]:

---

[1] *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. — New York, 1997. — Vol. 2. — P. 24, 27; Nafziger G.F. The German Order of Battle: Infantry in World War II. — London, 2000. — P. 483.

[2] *Houterman H.* Eastern Troops in Zeeland. The Netherlands, 1943—1945. — New York, 1997. — P. 13.

Подразделения батальона*	Немецкий персонал				Туркестанский персонал			Всего
	Офицеры	Чиновники	Унтер-офицеры	Другие чины	Офицеры	Унтер-офицеры	Другие чины	
Штаб батальона	5	2	13	8	2	-	10	40
Комендантская рота	1	-	10	6	-	19	100	136
1—3-я пехотные роты	3	-	21	12	3	51	336	426
Пулеметная рота	1	-	8	5	2	32	174	222
Итого:	10	2	52	31	7	102	620	824
Всего:	95				729			

* *Б-н — батальон*

Другие батальоны, не вошедшие в Кадровую дивизию:

- либо несли службу по охране Атлантического вала на побережье Франции, Бельгии и Нидерландов (795, 797, 798, 822 и 823-й грузинские, 800, 803 и 835-й северокавказские, 781-й и 787-й туркестанские, 809, 812 и 813-й армянские);
- либо действовали в центральных районах Франции, ведя борьбу с партизанами (799, I/9, II/4-й грузинские и 829-й волжско-татарский).

В борьбе против англо-американского вторжения большинство из них оказались не в состоянии противостоять превосходящему во всех отношениях противнику. Одни батальоны (например, 795-й грузинский и 809-й армянский) были уничтожены или развалились под ударами войск союзников. Другие (798-й и 823-й грузинские, 800-й северокавказский) оказались блокированными в «крепостях» Атлантического побережья и там капитулировали. Третьи (797-й грузинский, 826-й и 827-й волжско-татарские) были разоружены немцами из-за многочисленных случаев дезертирства[1].

Кроме того, многие батальоны, из находящихся в основном в Нидерландах, подверглись массированной пропаганде со стороны местных коммунистов. В результате немцы отвели их с передовой и переформировали в дорожно-строительные части, предварительно «изъяв» наиболее активных подпольщиков. Такие события, например, имели место в 787-м туркестанском, 803-м северокавказском и 812-м армянском батальонах. Заговоры в этих батальонах окончились для немцев благополучно: они успели их предупредить. В 822-м грузинском батальоне, который дислоцировался на голландском острове Тексель, им это сделать не удалось. Поэтому в ночь с 5 на 6 апреля 1945 года здесь вспыхнул мятеж грузинских добровольцев, поддержанный местной голландской коммунистической организацией.

[1] *Ibid.* — P. 12-21, 61-62.

Мятежники перебили почти всех немцев в батальоне и попытались закрепиться на острове до подхода частей западных союзников. Однако, несмотря на фактическое окончание войны, германское командование в Голландии перебросило на Тексель значительные силы и после трех недель тяжелых боев вновь восстановило контроль над этим островом. После подавления организованного сопротивления отдельные группы грузин рассеялись по Текселю. Они продолжали нападать на немецких солдат вплоть до 20 мая, пока высадившиеся на остров части 1-го Канадского армейского корпуса, согласно условиям безоговорочной капитуляции, не разоружили немецкий гарнизон[1].

Наконец, остатки разбросанных на Западном фронте национальных батальонов были собраны на учебном полигоне Нойхаммер (Силезия). Здесь на основе лучших кадров Грузинского, Армянского, Азербайджанского и Северо-Кавказского легионов зимой 1944—1945 года было сформировано 12-е Кавказское истребительно-противотанковое соединение (*12. Kaukasischen Panzerjagdverbänd*). Весной 1945 года оно действовало на Одерском фронте и принимало участие в обороне Берлина[2].

Еще два уцелевших пехотных батальона — 799-й грузинский и 836-й северокавказский — были выведены из Франции в Данию, где в начале 1945 года на их основе был сформирован 1607-й Кавказский гренадерский полк *(1607. Kaukasischen-Grenadier-Regiment)*. Однако он не являлся самостоятельной боевой единицей, а в качестве составной части входил в боевой порядок 599-й русской бригады (вместе с 1605-м Русским гренадерским полком). Бригада оставалась в Дании до самой капитуляции вермахта[3].

---

[1] *Мамулиа Г.* Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. — Тбилиси, 2003. — С. 101-104, 121-122.

[2] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43... — S. 264.

[3] Nafziger G.F. Foreigners in Field Gray... — P. 37-38.

Остальной, менее боеспособный, контингент Восточных легионов был переформирован во вспомогательные части, которые до конца войны использовались на фортификационных и других подобных работах. Следует сказать, что эта категория «восточных» добровольческих формирований была не менее многочисленной, чем их боевые подразделения. Так, на март 1945 года в состав вермахта входили:

- 5 туркестанских рабочих батальонов, объединенных в так называемое «Соединение Боллера» *(«Boller Verband»)*;
- 10 хозяйственных и строительных батальонов смешанного национального состава;
- а также 202 хозяйственные, саперные, железнодорожные и строительные роты (111 туркестанских, 30 грузинских, 22 армянские, 21 азербайджанская, 15 волжско-татарских и 3 северокавказские).

Всего в частях этой разновидности Восточных легионов проходило службу около 50 тыс. человек[1].

***

Следует сказать, что не все подразделения и части Командования Восточными легионами в Польше были передислоцированы во Францию. Туда были отправлены только те из них, которые не вошли в состав нового экспериментального соединения, созданного немцами 21 мая 1943 года. В этот день центры по подготовке Туркестанского, Азербайджанского и Грузинского легионов были преобразованы в 162-ю Тюркскую пехотную дивизию *(162. Turkvölkischen-Infanterie-Division)*. Это соединение планировалось создать на базе тех батальонов, которые еще находились на стадии формирования. Немецкий кадровый персонал должен был поступить в дивизию из расформированного штаба командования Восточными легионами на Украине.

---

[1] MGFA, Verzeichnis von Freiwilligen-Verbände aus dem Osten in der deutschen Wehrmacht. — S. 28-29.

Первоначально структура этого соединения выглядела следующим образом:

- Штаб дивизии;
- 303-й Туркестанский пехотный полк;
- 314-й Азербайджанский пехотный полк;
- (кадровый) батальон 162-й немецкой пехотной дивизии;
- 236-й Туркестанский артиллерийский полк;
- 936-й саперный батальон;
- кавалерийский эскадрон.

Однако уже летом 1943 года личный состав дивизии был переброшен из Польши на учебный полигон Нойхаммер (Силезия), где ее формирование было продолжено. В результате 15 августа 1944 года был создан еще один, третий, пехотный полк, получивший 329-й порядковый номер. Основой для его формирования послужили 804-й и 806-й азербайджанские пехотные батальоны, укрепленные 162-м кадровым немецким батальоном (эти батальоны были переданы в соединение из состава Кадровой добровольческой дивизии). В целом такая структура дивизии оставалась неизменной до самого конца войны. Единственное изменение произошло осенью 1944 года, когда были расформированы 3-й батальон 303-го и 2-й батальон 314-го пехотного полка[1].

Следует отметить, что система комплектования этой дивизии отличалась от системы комплектования других частей Восточных легионов. Известно, что ее кадровый состав набирался по принципу 1: 1. То есть на 50 % национального персонала приходилось 50 % немецких офицеров и унтер-офицеров.

Первоначально командиром дивизии был назначен О. Риттер фон Нидермайер, который пробыл на этом посту фактически до мая 1944 года, когда его сменил бывший начальник Командования Восточными легионами в Польше генерал-майор Р. фон Хайгендорф[2].

---

[1] Nafziger G.F. The German Order of Battle: Infantry in World War II... — P. 209.

[2] *Ibid.* — P. 209-210.

После завершения в сентябре 1943 года своего формирования и обучения 162-я дивизия была отправлена в Словению, где совместно с немецкими частями и формированиями местных коллаборационистов вела бои против югославских партизан. В августе 1944 года дивизия была передислоцирована в Италию, где ее до самого конца войны использовали на охранной службе. После начала наступления западных союзников она в течение двух кампаний (сентябрь—декабрь 1944 и январь—апрель 1945 года) принимала участие в боях с ними. В апреле 1945 года дивизия была отведена в Австрию, где и капитулировала перед британскими войсками[1].

В целом же система подчинения и боевого применения 162-й дивизии выглядела следующим образом:

Период	**В чьем распоряжении (корпус)**	**В чьем распоряжении (армия, группа армий)**	**Район боевого применения**
Август—сентябрь 1943 г.	В распоряжении командующего Армией резерва	—	Генерал-губернаторство (Польша)
Октябрь—ноябрь 1943 г.	2-й танковый корпус СС	Группа армий «Б»	Словения
Декабрь 1943 г.	2-й танковый корпус СС	14-я армия, группа армий «Ц»	Словения
Январь—март 1944 г.	—	Главнокомандующий на Юге	Лигурия (Северная Италия)
Апрель 1944 г.	75-й армейский корпус	Оперативная группа «Цанген», группа армий «Ц»	Лигурия (Северная Италия)
Май 1944 г.	—	Оперативная группа «Цанген», группа армий «Ц»	Лигурия (Северная Италия)

[1] BA-MA, 162. Infanteriedivision, 34427/5, S. 254-260.

Период	В чьем распоряжении (корпус)	В чьем распоряжении (армия, группа армий)	Район боевого применения
Июнь 1944 г.	14-й танковый корпус	14-я армия, группа армий «Ц»	Словения
Июль 1944 г.	—	14-я армия, группа армий «Ц»	Словения
Август—ноябрь 1944 г.	—	10-я армия, группа армий «Ц»	Район Римини (северо-восточная Италия)
Декабрь 1944 г.	—	Армейская группа «Лигурия», группа армий «Ц»	Лигурия (Северная Италия)
Январь—февраль 1945 г.	—	Армейская группа «Лигурия», группа армий «Ц»	Лигурия (Северная Италия)
Март—апрель 1945 г.	76-й танковый корпус	10-я армия, группа армий «Ц»	Район Болонья — Падуя (северо-восточная Италия)

***

Оценивая опыт использования частей Восточных легионов на Кавказе, начальник штаба группы армий «А» генерал-лейтенант Х. фон Грайфенберг отмечал прежде всего их неодинаковый уровень боеспособности и крайне разный боевой дух личного состава. В частности, он указывал, что некоторые из них *«действовали в крупных лесных районах часто самостоятельно, успешно боролись с бандами и отрядами противника и внесли большой вклад в дело обеспечения умиротворения этих районов»*[1].

[1] Цит. по: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте… — С. 10.

Среди таких частей Грайфенберг называл 804-й и 805-й азербайджанские, 809-й армянский пехотные батальоны и еще целый ряд других. В другом немецком приказе, на этот раз командующего 16-й моторизованной дивизией, изданном 7 января 1943 года, отмечались заслуги 450, 782 и 811-го туркестанских батальонов. В этом документе, в частности, говорилось, что эти батальоны завоевали «почетное право носить немецкую форму»[1].

Однако многие другие части не оправдали надежд германского командования: не проявили высокой боеспособности в связи с тем, что многие из завербованных в них советских военнопленных дезертировали или переходили на сторону Красной армии. Существенную роль при этом сыграла советская пропаганда, котора, хоть и обвиняла всех добровольцев в предательстве, но одновременно и обещала прощение «вовремя одумавшимся». Кроме того, имело место и обыкновенное нежелание легионеров воевать со своими соотечественниками[2].

Например, 10 человек из состава 795-го грузинского пехотного батальона дезертировали еще во время следования на фронт, 50 — сбежали сразу после прибытия к месту назначения, а еще 33 добровольца перешли на сторону советских войск уже в ходе боевых действий. В других частях положение было не лучшим. В 796-м грузинском батальоне число перебежчиков за все время боев достигло 82 человека, а в 781-м туркестанском — 43.

Чтобы хоть как-то нормализовать обстановку в частях Восточных легионов немцы принимали по отношению к их личному составу соответствующие меры. Иногда довольно жесткого характера. Так, 452-й и 781-й туркестанские батальоны были в конце концов расформированы, а их личный состав распределен по немецким частям. 795-й грузинский батальон — во-

---

[1] *Там же.* — С. 10.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 173-а, л. 33-37об.

обще выведен с фронта. В Крыму, куда он попал на отдых, его очистили от ненадежных и свели в две роты — стрелковую и пулеметную. В дальнейшем эти роты показали себя гораздо лучше, чем на Кавказе. Менее повезло 796-му грузинскому и 808-му армянскому батальонам: после отвода с фронта они были разоружены и реорганизованы в дорожно-строительные части[1].

В некоторых батальонах еще в период организации были созданы подпольные группы, готовившие переход на сторону Красной армии или партизан. Например, в 808-м армянском батальоне в число подпольщиков входило от 30 до 40 % легионеров. Руководил ими бывший советский лейтенант Григорьян. Однако ни эта, ни многие другие попытки, предпринятые во время пребывания батальонов на Кавказе, не увенчались успехом: после всех упомянутых случаев немцы очень тщательно следили за личным составом всех частей Восточных легионов.

Первая успешная попытка почти полного перехода имела место в феврале 1943 года в 825-м волжско-татарском батальоне, который в это время нес охранную службу в Витебской области (Белоруссия). В этой части еще с конца 1942 года действовала подпольная организация. Подпольщики Витебска установили с ней связь, сообщили местным партизанам подробные данные о батальоне и приняли деятельное участие в организации перехода его личного состава на сторону партизан. В результате 23 февраля 1943 года подавляющее большинство легионеров (более 800 человек), захватив оружие (6 противотанковых орудий, 100 пулеметов и автоматов), ушли в лес[2].

Еще один такой случай, и опять при содействии партизан, имел место в 804-м азербайджанском батальоне, после того как он был выведен с Кавказа в Крым. Здесь в августе 1943 года в нем была создана подпольная организация, которая со временем

---

[1] *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте... — С. 10.

[2] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера... — С. 377.

должна была стать костяком партизанского отряда. Подпольщики действовали до 8 октября 1943 года, пока их не выдал предатель. Немцы расстреляли 8 главных зачинщиков, еще несколько десятков — менее виновных — отправили в концлагерь. Тем не менее 60 человек смогли бежать и создали партизанский отряд, который успешно действовал до самого освобождения Крыма[1].

Подобные случаи способствовали тому, что немецкое командование стало меньше доверять личному составу этих батальонов. После же разгрома немцев под Сталинградом и их отступления с Кавказа моральное состояние добровольцев и вовсе ухудшилось. В связи с этим, как уже говорилось выше, все «восточные» формирования было решено передислоцировать с Восточного на Западный или Итальянский фронты. Предполагалось, что здесь, вдали от «большевистской пропаганды», боеспособность этих частей значительно повысится. Однако результат оказался обратным. Так, генерал пехоты К. фон Типпельскирх отмечал, что прибывшая в Италию 162-я пехотная дивизия, *«сформированная из советских военнопленных — тюрков... в боевых действиях себя не оправдала и могла быть использована лишь для борьбы с партизанами. Значительное число солдат из состава этой дивизии перебежало на сторону противника»*[2].

***

Следующей структурой вермахта, которая так или иначе занималась созданием Восточных легионов, была его военная разведка — абвер. В октябре 1941 года эта организация начала работу по созданию частей специального назначения, которые должны были содействовать продвижению немецких войск на Кавказ и в Среднюю Азию. Помимо выполнения специальных задач, таких как борьба с партизанами и разведывательно-диверсионная

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 312, л. 1.

[2] *Типпельскирх К. фон.* История Второй мировой войны. — СПб.—М., 1999. — С. 508.

деятельность, их личный состав должен был заниматься пропагандистской работой по привлечению на немецкую сторону перебежчиков из числа представителей среднеазиатских и кавказских народов, и участвовать в организации антисоветских восстаний на территории национальных республик. Как и в случае с первыми Восточными легионами вермахта, основным контингентом для организации этих частей должны были стать советские военнопленные соответствующих национальностей[1].

Первоначально 2-й отдел абвера, который отвечал за диверсии и саботаж в тылу противника, запланировал создать два специальных батальона — туркестанский и кавказский. Несмотря на то что оба батальона должны были создаваться с учетом их будущей разведывательно-диверсионной специфики, первый из них был организован в рамках польского Туркестанского легиона. Командиром этого батальона был назначен майор А. Майер-Мадер, который много лет провел в странах Востока. Весной-летом 1942 года эта часть, в составе одной азербайджанской и шести туркестанских рот, была направлена в район Глухов — Ямполь (Сумская область Украины), где ее непродолжительное время использовали в борьбе против партизан. При этом немецкие отзывы о боевых качествах личного состава батальона были далеко не самыми лучшими. Поэтому уже осенью 1942 года батальон был изъят из компетенции абвера. Ему присвоили 450-й порядковый номер и отправили в Калмыцкие степи как обычную пехотную часть[2].

***

Несколько иначе сложилась судьба кавказского батальона абвера, который вошел в историю Второй мировой войны как Соединение специального назначения «Бергманн» *(Sonderverband «Bergmann»)*.

---

[1] *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте... — С. 4.

[2] *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941-1943... — S. 26-27.

Его создание началось осенью 1941 года на учебном полигоне Нойхаммер (Германия). Личный (преимущественно рядовой) состав соединения набирался в лагерях военнопленных из представителей народов Северного Кавказа и Закавказья. Офицеры — среди эмигрантов-кавказцев, проживавших в основном на территории Франции. Помимо добровольцев, набранных среди военнопленных и эмигрантов, в соединение было включено около 130 грузин, составлявших специальное соединение абвера «Тамара», созданное в свое время для организации восстания в Грузии[1].

Командиром соединения был назначен кадровый офицер разведки, обер-лейтенант Т. Оберлендер, пользовавшийся авторитетом большого знатока Советского Союза. Его заместителем стал зондерфюрер В. фон Кутченбах, который вырос в России и хорошо говорил по-русски и по-азербайджански[2].

Отбор добровольцев в соединение происходил до конца ноября 1941 года. После этого оно было передислоцировано в Миттельвальде (Бавария), где до марта 1942 года легионеры занимались пехотной и горно-егерской подготовкой. К этому времени структура соединения включала в себя штаб, группу пропаганды и пять стрелковых рот, национальный состав которых был следующим:

- в 1-й роте служили грузины и армяне,
- во 2-й — представители народов Дагестана,
- в 3-й — азербайджанцы,
- в 4-й — грузины и армяне,
- 5-я же, штабная, рота была укомплектована грузинами-эмигрантами.

---

[1] Кавказ. 1942 — 1943 гг.: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 8. — С. 35-43.

[2] Кровавые злодеяния Оберлендера: отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5.04.1960 г. — М., 1960. — С. 24-25.

Командный состав соединения (до ротного звена включительно) состоял целиком из немцев[1].

На 7—8 июня 1942 года личный состав «Бергманна» насчитывал около 1200 человек (300 немцев и 900 кавказцев). В июне 1942 года соединение приняло присягу, а в конце августа было отправлено на Восточный фронт. Интересно отметить: его цели и задачи были настолько секретными, что личному составу соединения было приказано выдавать себя за испанских басков или боснийских мусульман[2].

Вскоре стало ясно, для чего была необходима такая секретность. Так, уже в августе—сентябре 1942 года часть бойцов «Бергманна» (преимущественно уроженцы Чечни и Дагестана) была отобрана в Северокавказскую специальную команду «Шамиль» *(Nordkaukasiche Sonderkommando «Schamil»)*. После соответствующей подготовки, они были выброшены с парашютами в советском тылу для осуществления разведывательно-диверсионных акций. Одна из трех групп этой команды — 10 немцев и 15 северокавказцев под общим командованием обер-лейтенанта Ланге — высадилась в районе объектов нефтедобычи в Грозном с целью их захвата и удержания до подхода передовых частей немецкой 1-й танковой армии. Первая часть плана увенчалась успехом, хотя группа и потеряла более половины своего личного состава. Однако попытка прорыва немецких войск на Грозный 25—27 сентября 1942 года окончилась провалом. Поэтому чтобы не попасть в плен, диверсанты были вынуждены с боями прорываться через линию фронта. В целом им этот удалось. Более того, они даже привели с собой несколько сот дезертировавших из рядов Красной армии грузин и азербайджанцев. Со временем эти перебежчики пополнили подразделения соединения[3].

---

[1] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43... — S. 104-106.

[2] *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте... — С. 13.

[3] PAJH, Norkaukasisches Sonderkommando «Schamil». — S. 1-3.

Подобным образом предполагалось использовать и весь остальной личный состав «Бергманна». Однако после прибытия последнего на Кавказ в сентябре 1942 года планы по его применению были изменены. Вначале оно действовало против советских партизан в районе Моздок — Нальчик — Минеральные воды, а 29 октября было отправлено на передовую в качестве обычной фронтовой части. При этом 1-я и 4-я его роты были отправлены на нальчикское, а 2-я и 3-я — на ищерское направление, где они находились в общем оперативном подчинении 1-й танковой армии. Чтобы проверить надежность соединения, его бросали на самые трудные участки фронта, в результате чего оно понесло очень тяжелые потери — до ½ своего первоначального состава[1].

И немецкие и советские источники признают, что все части «Бергманна» действовали очень эффективно. Везде они сражались весьма упорно, даже не имея тяжелого оружия. Кроме того, о высоком боевом духе личного состава соединения свидетельствует тот факт, что за все время боев на Кавказе из его рядов не было ни одного дезертира. Напротив, за время с сентября по ноябрь 1942 года из перебежчиков, советских военнопленных и местных добровольцев удалось сформировать еще 4 стрелковые роты (грузинскую, северокавказскую, азербайджанскую и смешанную запасную) и столько же кавалерийских эскадронов (грузинский, кабардинский, балкарский и русский). В результате этого к концу 1942 года соединение достигло численности 2690 человек (240 немцев и 2450 кавказцев)[2].

---

[1] BA-MA, Oberkommando der 1. Panzerarmee, RH 21-1/409, bl. 107-110.

[2] BA-MA, RH 27. Armeeoberkommandos, RH 27-3. Kommando der 3. Panzerdivision, RH 27-3/70, bl. 25-26; RH 19. Heeresgruppenkommandos, RH 19 V. Oberkommando Heeresgruppe A — Südukraine — Süd, RH 19 V/111, bl. 54.

***

За весь период своего существования соединение «Бергманн» так и не было использовано по своему прямому назначению. В ходе отступления с Кавказа его личный состав осуществлял арьергардное прикрытие отходящих немецких войск и выполнял некоторые специальные задачи, например, по уничтожению промышленных предприятий. Даже после передислокации в Крым, в феврале 1943 года, бойцы «Бергманна» несли службу по охране побережья в районе Коктебель — Двуякорная бухта и занимались борьбой против партизан. В апреле 1943 года произошла очередная реорганизация соединения. Оно было переформировано в полк, где его личный состав был распределен по трем национальным батальонам:

- 1-й грузинский (в составе пяти рот),
- 2-й азербайджанский (в составе четырех рот) и
- 3-й северокавказский (в составе пяти рот).

Следует сказать, что это могла быть не последняя реорганизация «Бергманна». Так, по советским источникам (осень 1943 года), немцы планировали создать на его основе Кавказскую дивизию. Обстрелянный и хорошо зарекомендовавший себя в боях личный состав полка должен был стать ее кадровой основой. Остальной же персонал для дивизии планировалось взять из находившихся в тот период на территории Крыма других частей Восточных легионов. Однако эти планы так и остались на бумаге[1].

Поздней осенью и зимой 1943—1944 года «Бергманн» принимал участие в боях на Перекопском перешейке. В конце концов, в апреле 1944 года персонал полка был эвакуирован в Румынию, а уже оттуда по частям передислоцирован на Балканы (1-й и 3-й батальоны) и в Польшу (2-й батальон). В дальнейшем судьба легионеров сложилась по-разному. Грузинский и северокавказский

---

[1] Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidschaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher seite / A. Jeloschek und andere. — Graz — Stuttgart, 2003. — S. 173-232.

батальоны продолжали активно участвовать в боевых действиях. Весь 1944 и первую половину 1945 года они сражались против партизан в Греции, Албании и Югославии. Капитуляция Германии застала их возле Загреба (Хорватия). Азербайджанский же батальон был только единожды использован в боевых действиях. В августе-октябре 1944 года он участвовал в подавлении Варшавского восстания. После окончания боев за город этот и еще один азербайджанский батальон — I/111-й — были объединены в 111-й азербайджанский полк и выведены на учебный полигон Нойхаммер (Силезия). После незначительного пополнения эта часть была отправлена в Данию, где и находилась до самого конца войны. В целом участь бойцов «Бергманна» оказалась незавидной. Грузины были сразу пленены частями Красной армии. Северокавказцы и азербайджанцы — западными союзниками. Но и они все в конце концов были выданы в СССР[1].

***

Проанализировав приведенные выше факты, можно с уверенностью сказать, что за период с 1941 по 1945 год в формированиях Восточных легионов вермахта прошло службу от 310 до 325 тыс. представителей народов Поволжья, Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а именно:

Национальная группа легионеров	Количество
«туркестанцы»	около 180 тыс.
северокавказцы	около 28—30 тыс.
грузины	около 20 тыс.
армяне	около 18 тыс.
азербайджанцы	около 25—35 тыс.
народы Поволжья	около 40 тыс.

[1] *Абрамян Э.А.* Забытый легион. — Ереван, 2005. — С. 149-158.

В целом это составляет 15 % от общего количества иностранных добровольцев в германских вооруженных силах (около 2 млн человек) и 20—23 % от общего количества добровольцев из числа советских граждан (1,3—1,5 млн человек). А если учесть, что легионеры действовали не только на Восточном фронте, а везде, где Германии приходилось вести боевые действия, их вклад в военные усилия нацистов следует признать очень значительным.

Такой значительный процент добровольцев можно объяснить только целым комплексом причин. С одной стороны, создание Восточных легионов являлось военным продолжением немецкой национальной политики. С другой стороны, нельзя сказать, что такое большое количество граждан СССР, вставших в ряды вермахта, можно объяснить только деятельностью соответствующих германских органов при полной пассивности легионеров. С их стороны также наблюдалась некоторая активность, причины которой кроются в проблемах общественно-политического развития СССР в предвоенный период. Что же касается народов, представители которых служили в Восточных легионах, то их вражда к советской власти имела еще и исторические корни — многие из них считали ее деятельность продолжением старого русского империализма царских времен.

Следует также сказать, что данные формирования были уникальными в своем роде. Дело в том, что в течение всей войны ни одна из групп иностранных добровольцев не имела такой организации, какой были, например, командования Восточными легионами в Польше и Украине. Подчеркнем, что такая организация оправдала себя уже потому, что за период с конца 1941 по конец 1943 года немцам удалось создать и подготовить десятки пехотных батальонов, а также сотни батальонов и рот вспомогательного назначения.

Сформированные командованиями Восточными легионами батальоны и роты активно использовались в ходе войны. Из наиболее значительных театров военных действий, где происходило их боевое применение, можно назвать следующие: Кавказ,

Крым, Украина, Белоруссия, Польша, Франция, Нидерланды и Италия. Однако здесь следует сказать, что боевые качества личного состава этих формирований снижались по мере отдаления их от Восточного фронта. Переломный в войне 1943 год стал переломным и для боевого духа легионеров. Большинство из них уже не видели перспектив в войне на стороне Германии. И это резко отрицательно сказалось как на дисциплине, так и на боевом духе многих бойцов Восточных легионов.

ГЛАВА 6
НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ И РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ: ПАРТИЗАНЫ И КРЫМСКО-ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Советская пропаганда в период войны и советские историки в послевоенное время внушали народу, что подавляющее большинство населения на оккупированных территориях полностью поддерживало партизан и ждало возвращения «родной народной власти». Однако, как это не покажется многим крамольным, при рассмотрении истории партизанского движения позиция населения представляется наиболее неоднозначным фактором. Теперь не секрет, что не везде это население относилось к советским партизанам лояльно или даже нейтрально. Были и случаи откровенной вражды. Например, такая ситуация сложилась на вновь присоединенных территориях (Прибалтика, Западная Украина или Западная Белоруссия) или на территориях, где нерусское население было либо преобладающим, либо равным по численности русскому (Кавказ). Именно здесь коллаборационизм принял свои наиболее крайние формы, а советское партизанское движение насчитывало несколько тысяч человек (и местных среди них было ничтожно мало). Хотя нельзя сбрасывать со счетов и такого факта, что в ряде случаев

советские партизаны вели себя не лучше немцев, если полагали, что население поддерживает оккупантов. Естественно, что население отвечало им тем же.

Немецкий историк Б. Бонвеч утверждал, что *«вопрос о поддержке партизан населением по сути дела является оборотной стороной вопроса о готовности к коллаборационизму»*[1]. С ним трудно не согласиться. В случае же с взаимоотношениями партизан и татарского населения на территории Крыма этот тезис как нельзя лучше иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Но почему?

Крымские татары не были преобладающим населением в этом регионе. Более того, они даже не было равным по численности славянскому населению полуострова. Тем не менее крымско-татарский фактор явился причиной того, что до середины 1943 года партизанское движение на территории Крыма было фактически парализовано. Разумеется, это был не единственный фактор, но не брать его в расчет также не стоит.

В целом проблему взаимоотношений советских партизан и крымско-татарского населения следует рассматривать с трех взаимосвязанных сторон:

1. Отношение татарского населения к советским партизанам в условиях немецкого оккупационного режима и эволюция этого отношения;

2. Отношение партизан к татарскому населению в условиях кризиса лояльности последнего к советской власти и эволюция этого отношения;

3. И, наконец, роль крымских татар в партизанском движении на территории полуострова[2].

---

[1] *Бонвеч Б.* За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941-1944 // Родина. — 2003. — № 7. — С. 74.

[2] О роли крымских татар в советском партизанском движении на территории Крыма смотри более подробно: *Мальгин А.В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941-1944. — Симферополь, 2008.

***

Что же представляли собой татарско-партизанские взаимоотношения в начальный период оккупации Крыма и как они складывались в дальнейшем? 23 октября 1941 года. Бюро областного комитета ВКП(б) утвердило высший руководящий состав партизанского движения на территории Крымского полуострова. Его командиром назначался А. Мокроусов, партизанивший здесь еще в Гражданскую войну, а комиссаром — С. Мартынов — первый секретарь Симферопольского городского комитета партии. А уже 31 октября руководство партизанским движением издало свой первый приказ, согласно которому Крым разбивался на пять партизанских районов, в подчинении каждого из которых находилось от 2 до 11 отрядов общей численностью около 5 тыс. человек[1].

Крымское партийное руководство очень рассчитывало на крымских татар. Как известно, значительное количество из них были включены в партизанские отряды — около 1000 человек, что составило более 20 % от общей численности партизан на тот период. Так, исключительно из них были организованы Куйбышевский и Албатский партизанские отряды. В Балаклавском, Ленинском и Алуштинском отрядах их было подавляющее большинство (например, в последнем до 100 человек). В других отрядах процент крымских татар также был весьма значительным. Естественно, что командирами и комиссарами в этих партизанских частях были также татары. Имелись они и в высшем руководстве движения. Например, комиссарами, соответственно, 1-го и 4-го районов были назначены А. Османов и М. Селимов, занимавшие до войны высокие посты в партийной номенклатуре Крыма[2]. Кроме того, татарское население горных и предгорных районов привлекалось для закладки партизанских баз и обустройства будущих мест дислокации отрядов[3].

---

[1] *Кондранов И.П.* Указ. соч. — С. 80-81.

[2] ГААРК, ф. П—151, оп. 1, д. 21, л. 6-9, 104-119.

[3] Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945... — С. 210.

Как известно, с приходом немцев значительная часть крымскотатарского населения испытала «кризис лояльности» по отношению к советской власти. На партизанском же движении это сказалось следующим образом: татары начали покидать его и отдельно и целыми отрядами. Например, по домам разошелся весь Куйбышевский партизанский отряд: 115 человек во главе со своим командиром Ибрагимовым (кстати, позже этот дезертир был повешен немцами, так как выяснилось, что он указал не все места, где находились запасы продовольствия его отряда). Такие же случаи произошли в Албатском и других партизанских отрядах. Более того, эти бывшие партизаны часто возвращались, иногда с немцами, иногда со своими односельчанами, и грабили партизанские продовольственные базы[1].

Например, 18 декабря 1941 г. разведка Феодосийского партизанского отряда обнаружила в лесу 40 подвод с вооруженными татарами, которые, как выяснилось, приехали за продовольствием партизан. Этой группой руководил дезертир из Судакского партизанского отряда бывший лейтенант Красной армии и член Коммунистической партии Меметов[2].

Еще один пример подобных действий. Командиры партизанских отрядов в Зуйских лесах докладывали на Большую землю, что из их продовольственных баз было разграблено более 10 т муки, 6,5 т пшеницы, 1,85 т кукурузы, 9,6 т овса, 1 т фасоли и 6,5 т солонины. Как видим, цифры весьма значительные[3].

Грабежом партизанских продовольственных баз также занимались жители татарских деревень Баксан, Тау-Кипчак, Мечеть-Эли, Вейрат, Конрат, Еуртлук, Ени-Сала, Молбай, Камышлык, Аргин, Ени-Сарай, Улу-Узень, Казанлы, Корбек, Коуш, Биюк-Узенбаш, Кучук-Узенбаш, Ускут. Вместе с оккупантами они раз-

---

[1] Кримські татари... — Ч. 1. — С. 368.

[2] ГААРК, ф. П—151, оп. 1, д. 26, л. 57.

[3] *Бугай М.Ф.* Депортація кримських татар у 1944 р. // Український історичний журнал. — 1992. — № 1. — С. 33.

грабили запасы продовольствия и снаряжения, рассчитанные на снабжение 5—6 тыс. партизан в течение года. В результате из 28 партизанских отрядов, действовавших зимой 1941 года в Крыму, 25 остались вообще без баз снабжения[1]. Последовавший затем голод и фактический разгром партизанского движения на полуострове — итог деятельности этих коллаборационистов. В скобках заметим, что еще одним результатом осенне-зимней кампании 1941 года по разграблению партизанских продовольственных баз явилось то, что сформированные для этого стихийные татарские отряды, трансформировались затем в части местной самообороны.

Все это привело к тому, что зимой 1941—1942 годов подавляющее большинство «народных мстителей» оказались попросту без средств существования и были вынуждены добывать их в близлежащих селах. Как правило, такие походы заканчивались реквизициями продовольствия или живности, а в ряде случаев, и неоправданными бессудными расправами над действительными или мнимыми коллаборационистами. Подобные события, например, имели место в деревне Маркур. Ее жители всячески помогали Севастопольскому партизанскому отряду. Однако зимой 1942 года по приказу одного из руководителей партизанского движения этот отряд совершил налет на, в общем-то, «свою» деревню. Неизвестно, чем там занимались партизаны. Тем не менее уже на следующий день немцы смогли сформировать в деревне отряд самообороны и направить его против Севастопольского отряда. Необходимо отметить, что вскоре отряд был полностью разгромлен, и роль «самооборонцев» из деревни Маркур в этих событиях далеко не последняя[2].

Начальник оперативной группы «Д» СС-штандартенфюрер О. Олендорф отмечал, что татары были намного сдержаннее в отношении сотрудничества с оккупантами в тех районах, где по-

---

[1] Кримські татари... — Ч. 1. — С. 369.

[2] *Ефимов А.* Указ. соч. — С. 19.

близости находились партизанские отряды[1]. Хотя, одновременно, если возникала какая-нибудь опасность (например, нападение партизан), они немедленно были готовы браться за оружие. Да и немецкая пропаганда очень умело использовала такие факты, представляя крымских партизан в невыгодном свете и сравнивая их действия с обыкновенным бандитизмом. Эта политика в совокупности с так называемыми «хитрыми приемами» оккупационных властей действительно способствовала, и в немалой степени, росту коллаборационистских настроений среди крымских татар. В свою очередь, командование партизанским движением и большинство рядовых партизан начинали верить в то, что крымскотатарское население целиком враждебно советской власти. Более того, вскоре они начали информировать об этом и Большую землю. Так, уже в марте 1942 года Мокроусов и Мартынов докладывали следующее: *«В подавляющей своей массе татарское население в предгорных и горных селениях настроено профашистски, из числа жителей которых гестапо создало отряды добровольцев, используемые в настоящее время для борьбы с партизанами... Деятельность партизанских отрядов осложняется необходимостью вооруженной борьбы на два фронта: против фашистских оккупантов, с одной стороны, и против вооруженных банд горно-лесных татарских селений»*[2].

***

Надо сказать, что находившееся в Краснодаре руководство Крымской АССР сначала отказывалось верить в поголовный коллаборационизм крымских татар. Особенно в этом сомневался народный комиссар внутренних дел республики Г. Каранадзе, который даже направил специальную докладную записку на имя Л. Берии. Записка была датирована мартом 1942 года и являлась,

---

[1] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11, RH 20-11/433, bl. 28-29.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 21, л. 31.

фактически ответом на предыдущий документ. *«По данным, которыми мы владеем,* — писал Каранадзе в этой записке, — *можно судить, что хоть и небольшая, но все-таки определенная часть татарского населения Крыма остается на стороне советской власти... с чем нельзя не считаться, проводя те или иные мероприятия в Крыму. По данным агентуры установлено, что большинство татарского населения степной части Крыма не проявляют враждебности к советской власти, наоборот, есть обратные факты, когда они с сочувствием относятся к ней. Известно, что значительная часть населенных пунктов степных татар отказалась брать оружие "для самообороны и охраны от партизан", как это предлагали немцы. В результате в этих селах "охрану населения от партизан" осуществляют вооруженные горные татары. Более того, и среди населенных пунктов Южного берега есть такие села, которые оказывали партизанским отрядам большую помощь, вследствие чего с их населением расправлялись как немцы, так и вооруженные татары. Например, татары сел Айлянма, Чермалык и др. оказывали большую помощь партизанам продовольствием в тяжелые дни, когда партизаны испытывали затруднения со снабжением. Вышеуказанные (татары) организованно пригоняли партизанам отары овец по 50—100 голов. Кроме того, всегда гостеприимно принимали партизан, оказывая им посильную помощь. За всю эту помощь, которая оказывалась партизанам, немцами и добровольческими отрядами были разгромлены и сожжены такие села как Айлянма, Чермалык, Бешуй (в Карасубазарском районе), Чаир и Тарнаир. Население этих сел в большинстве своем было расстреляно, а те, кто остался,* — *выселены с южного берега. Кроме того, из этих сел... немало семей, которые не пожелали вооружаться и служить немцам, были выселены. Необходимо отметить, что отношение немецких захватчиков к татарам, которые отказываются брать оружие, такое же как к русским, украинцам и грекам... Этих татар также как и другое население, вы-*

возят в Германию. В результате сказанного указанная часть (татар) враждебно настроена как против вооруженных татар, так и против немцев»[1].

Каранадзе был за дифференцированный подход к татарскому населению, так как считал, что своей огульной политикой Мокроусов и Мартынов могут только оттолкнуть последних сторонников советской власти на полуострове или, что даже хуже, заставят нейтральных до этого крымских татар встать на сторону немцев. Его докладная записка не осталась незамеченной в высшем военно-политическом руководстве страны. Сначала, в июне 1942 года, были сняты со своих постов Мокроусов и Мартынов. А уже через пять месяцев — 18 ноября — было принято ставшее теперь таким известным постановление Крымского областного комитета ВКП(б), озаглавленное «Об ошибках, допущенных в оценке отношения крымских татар к партизанам, про меры для ликвидации этих ошибок и усиления работы среди татарского населения». В этом весьма примечательном документе были впервые проанализированы причины коллаборационизма среди крымских татар. И, надо сказать, что, к чести партийных работников, причины эти не объяснялись «проявлениями буржуазного национализма» или «кознями немецких оккупантов». Так, командованию партизанского движения указывалось на то, что не все отряды вели себя достойным образом. Были и нападения на татарские селения, и бессудные расправы, и «пьяные погромы», которые «крайне обострили взаимоотношения партизан с населением». Кроме того, признавалось, что партийное руководство допустило серьезные ошибки при комплектовании партизанских отрядов, так как ни один крымский татарин — член областного комитета — не был оставлен «в лесу». Не был «обойден вниманием» и местный НКВД. Его руководство, например, обвинялось в том, что «своевременно не очистило от татарской буржуазии

[1] Кримські татари... — Ч.2. — С. 265-266.

села, особенно в южной части Крыма, от остатков националистических, кулацких и других контрреволюционных элементов, которые притаились там»[1].

В целом признавая все ошибки, партийное руководство Крыма делало следующий вывод: *«Анализ фактов, доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов, проверка, проведенная на месте, свидетельствуют о том, что утверждения о враждебном отношении большинства татар Крыма к партизанам, а также то, что большинство татар перешло на службу к врагу, являются неправильными, необоснованными и политически вредными утверждениями»*[2].

А чтобы ошибки эти были исправлены как можно скорее, необходимо было провести следующие мероприятия:

1. Осудить как неправильное и политически вредное утверждение руководства партизан о враждебном отношении крымских татар и разъяснить всем партизанам, что крымские татары в основной своей массе также враждебно настроены к немецко-румынским оккупантам, как и все трудящиеся Крыма;

2. Просить Военный Совет Закавказского фронта и Черноморского флота отобрать и передать в распоряжение Крымского обкома Коммунистической партии группу коммунистов из крымских татар, проверенных в боях за Родину, для направления их в партизанские отряды и на работу в тылу;

3. Обязать редакторов газет «Красный Крым» и «Кызыл Кырым» (приложение к первой газете на татарском языке) основное содержание печатной пропаганды направлять на разоблачение фашистской демагогии относительно татарского населения, их заигрывания на национально-религиозных чувствах, показать, что гитлеризм несет татарскому народу тяжелые несчастья;

4. Сделать обязанностью командования партизанским движением в Крыму систематическое уничтожение фашистских наемни-

---

[1] РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 251.

[2] РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 251.

ков, предателей татарского народа, мобилизовать для этого само население. Установить регулярную связь с татарскими селами, разъяснять населению смысл происходящих событий, привлекать его к активной борьбе против гитлеровских оккупантов[1].

В заключение постановления говорилось: *«Бюро областного комитета ВКП(б) считает, что, если наши командиры и политработники партизанских отрядов, а также все бойцы-партизаны сделают правильные выводы из настоящего решения, есть все основания полагать, что мы не только исправим допущенные ошибки, но и поможем большинству наших товарищей из татарской части населения стать в ряды борцов за общее дело против фашистских гадов»*[2].

***

Советское военно-политическое руководство верно проанализировало причины коллаборационизма среди крымско-татарского населения, в целом правильно указало на ошибки и наметило действительно конструктивные пути их решения. Так, уже в ноябре 1942 года «в лес» был послан третий секретарь Крымского обкома Р. Мустафаев, который возглавил здесь подпольный партийный центр. В том же месяце он подготовил ряд писем на крымско-татарском языке. Эти письма были распространены среди населения татарских горных деревень и призывали к прекращению сотрудничества с оккупантами. Параллельно с этим были значительно усилены радио- и печатная пропаганда как с Большой земли, так и в самом Крыму. Однако, как показали дальнейшие события, советское военно-политическое руководство опоздало как минимум на полгода: именно этот период явился пиком развития крымско-татарского коллаборационизма и его консолидации с оккупационным режимом. Более того, дезертирство татар из партизанских отрядов продол-

[1] РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 251-252.

[2] РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 252.

жалось. В результате на 1 июня 1943 года среди 262 крымских партизан было только шесть (!) крымских татар[1].

Разумеется, такое количество крымских татар среди партизан в этот период не означает, что все остальные служили в добровольческих формированиях. Известно, что многие из них участвовали в крымском подполье. Так, в сентябре 1942 года присланный из Ялтинского партизанского отряда коммунист А. Дагджи (кличка «дядя Володя») создал в Симферополе подпольно-патриотическую организацию, объединившую около 80 человек. $^2/_3$ ее состава были татары, в том числе мать и сестра руководителя организации. Остальные — люди других национальностей. Подпольщики занимались распространением газет и листовок, приносимых от партизан из леса, организовывали побеги военнопленных из концлагеря, проводили диверсии экономического характера. В июне 1943 года из-за плохой конспирации организация была раскрыта. Большинство ее членов (в том числе и руководитель) были схвачены и казнены[2].

Но, и это самое главное, советская власть проиграла бой немцам за ту, большую часть татарского населения, которая при любом режиме остается политически пассивной. Нет, это население не начало поддерживать оккупантов, но и помогать партизанам оно не собиралось. Коренной перелом в настроениях этих людей произошел только летом 1943 года. Начался обратный процесс: только теперь татары стали испытывать «кризис лояльности» по отношению к немецким оккупантам. Каковы же причины такой смены ориентиров? У каждой из групп крымско-татарского населения они были свои. Например, интеллигенция была недовольна тем, что немцы так и не дали ее народу никаких политических прав и свобод. Крестьянство начало испытывать пресс постоянных реквизиций: во гла-

---

[1] *Кондранов И.П.* Указ. соч. — С. 98.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 477, л. 74.

ве оккупационной администрации стояли уже другие люди, которые не желали работать в «белых перчатках». Главной же причиной неприязни к немцам городских жителей было то, что любой из них мог в любой момент отправиться в Германию, где его ожидала печальная участь «остарбайтера». Кроме того, в конце 1942 года в Крым просочились слухи о переселенческих планах нацистов. И естественно, многие татары сразу же поняли, что в будущем «Готенланде» место для них не предусмотрено[1]. Наконец, если до середины 1942 года немцы применяли репрессии выборочно, то теперь они вполне могли расправиться и с крымским татарином, и сжечь татарскую деревню. Эти настроения оформились в первой половине 1943 года. Безусловно, они были важными. Однако следует признать, что без общего фона — побед Красной армии на советско-германском фронте — они бы не получили такого развития. Общее недовольство населения немецким оккупационным режимом начало проявляться во второй половине 1943 года: все больше и больше крымских татар начали желать возвращения прежней власти. И выражалось это недовольство прежде всего в том, что они стали поддерживать ее «длинную руку» на полуострове — партизан[2].

По мере приближения советских войск к полуострову удары партизан по оккупантам начали усиливаться. Все более ощутимую помощь им стало оказывать советское командование. Наладилась постоянная связь с населением. Жители многих сел укрылись в лесу, сотни из них вступили в отряды. Поэтому к январю 1944 года численность крымских партизан

---

[1] Более подробно о переселенческих планах нацистов смотри в одной из предыдущих публикаций автора: *Романько О.В.* Крым в планах военно-политического руководства Третьего рейха (1941-1944): известные факты и малоизвестные проекты // Интеллектуал. — Симферополь, 2006. — № 4. — С. 42-46.

[2] *Kirimal E.* Op. cit. — S. 315-316.

выросла до 3973 человек. Это привело к новой реорганизации движения. В январе—феврале 1944 года было сформировано семь партизанских бригад, объединенных позже в три соединения — Северное (командир П.Р. Ямпольский), Южное (командир М.А. Македонский) и Восточное (командир В.С Кузнецов). Общее руководство осуществлял Крымский штаб партизанского движения (КШПД) во главе с В.С. Булатовым, который одновременно являлся секретарем Крымского областного комитета Коммунистической партии. КШПД был создан в октябре 1943 года и находился за пределами Крыма[1].

Участники крымско-татарских коллаборационистских формирований были частью своего народа, и такая военно-политическая ситуация также оказывала на них серьезное влияние. Поэтому начиная с лета 1943 года, и советские, и немецкие источники отмечают ослабление дисциплины и падение боевого духа в частях «вспомогательной полиции порядка». Под влиянием указанных причин во многих из них были созданы подпольные организации, целью которых зачастую был переход на сторону партизан. Так, по донесениям советской агентуры, командир 154-го батальона полиции А. Керимов был арестован СД как «неблагонадежный», а в 147-м батальоне немцы расстреляли сразу 76 полицейских, посчитав их «просоветским элементом». Тем не менее к зиме 1943 года этот процесс принял необратимый характер. Именно в этот период начался массовый приток крымских татар в партизанские отряды. Известно, например, что к декабрю их пришло туда 406 человек, причем 219 из них служили до этого в различных частях «вспомогательной полиции порядка».

В результате, по данным отдела кадров КШПД, в партизанских отрядах на территории Крыма находилось 3453 человека, 598 из которых являлись крымскими татарами[2].

---

[1] *Мальгин А.В.* Указ. соч. — С. 125-126.

[2] ГААРК, ф. Р — 652, оп. 24, д. 9, л. 37.

Процесс разложения затронул даже, казалось, самые надежные добровольческие части. Осенью 1943 года на сторону партизан перешла очень преданная немцам и самая боеспособная рота самообороны из д. Коуш во главе с майором А. Раимовым. По словам одного из партизанских командиров, И. Вергасова, который имел непосредственное отношение к этой истории, Раимов был крайним коллаборационистом и одновременно хорошим профессионалом. За его плечами была специальная полицейская школа в Германии, два «Знака отличия для восточных народов» на мундире и личное покровительство шефа СС Г. Гиммлера. Руководитель немецкой полиции на полуострове очень ценил его, так как Раимов хорошо знал крымские леса[1].

Тем не менее в ноябре 1943 года он и его люди (около 60 человек), предварительно убив немецкого лейтенанта-инструктора, перешли на сторону партизан Южного соединения. Интересно, что его командир М. Македонский не стал «распылять» добровольцев по подразделениям, а разрешил создать им свой отдельный отряд. Некоторое время «раимовцы» во главе со своим командиром вполне успешно действовали под Бахчисараем. Однако вскоре он и его ближайшее окружение были тайно арестованы и доставлены самолетом в Москву. Там Раимова расстреляли. Оставшиеся же в лесах рядовые бойцы роты, были распределены по отрядам Южного соединения. Вергасов объясняет причины этого инцидента в духе советской пропаганды. По его словам, Раимов планировал выведать все секреты и места дислокации партизан и неожиданно нанести смертельный удар всему движению. Вряд ли это было правдой. Сам автор несколькими страницами выше пишет, что Раимов был трус и искал способ искупить вину в преддверии краха своих немецких хозяев[2].

---

[1] *Вергасов И.З.* Крымские тетради. Роман-хроника. — М., 1978. С. 433-436.

[2] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 611, л. 11.

Вероятно, имела место обычная перестраховка. Перестраховка, из-за которой многие новоиспеченные партизаны предпочитали возвращаться в свои добровольческие формирования, чем терпеть постоянные проверки и косые взгляды новых соратников (к слову, были и такие обратные «переходы»). В тех условиях это, наверное, было оправданной мерой. Однако зачастую этот и подобные ему случаи приводили к тому, что уже готовые к переходу коллаборационистские формирования начинали тянуть с ним, упуская драгоценное время. Приведем только один характерный пример. В январе 1944 года начальник Северного соединения крымских партизан П. Ямпольский установил связь с начальником штаба 147-го батальона полиции Кемаловым. Казалось, все должно было быть нормально. Тем не менее посланный на встречу разведчик С. Усеинов принес несколько неожиданную информацию:

«Ваше письмо, — докладывал он Ямпольскому, — *начальнику штаба 147-го добровольческого батальона Кемалову мною лично вручено. Он на ваше предложение согласился, но боится, что, мол, «если даже весь отряд выполнит это задание, все равно после занятия города (Симферополя, нас поодиночке всех накажут". Я с моим агентом Комурджаевым его убедил. Однако подписку он отказался дать, говоря, что, мол, бумажка — это простая формальность.*

Так как сейчас всем добровольцам негласно объявлено недоверие, ведется за ними слежка и установлен строгий казарменный режим, нами намечен план действий в следующем виде. Отряд остается в городе и при бегстве из города врага занимает все посты у важных объектов: радио, банка, почты, мостов, здания областного комитета партии, театра, а также организует уничтожение факельщиков. Отрядом же организуется террористическая группа, которая уничтожает и арестовывает врагов в самом батальоне, а также контролирует немцев и агентов СД. В случае если враг заранее потребует выхода из города, Кемалов обязуется повернуть отряд

в горы. Настроение солдат антифашистское. Кемалову даже приходится брать отдельных ребят под защиту перед командованием. Он также взялся индивидуально обработать отдельных командиров и унтер-офицер рот, чтобы создать единое мнение.

В батальоне 240 человек, то есть четыре роты, бойцы вооружены русскими и немецкими винтовками, имеется 20 автоматов»[1].

Как видно, в данном случае все закончилось благополучно. Скорее всего, немаловажную роль сыграло то, что Кемалов действительно хотел заслужить снисхождение у «родной советской власти». Однако донесение партизанского разведчика интересно не только этим. Из него мы узнаем, что всем добровольцам объявлено «негласное недоверие». Что ж, это была вполне объективная реакция немцев на нелояльность крымских татар. Только если с татарским гражданским населением оккупанты боролись уничтожением деревень, поддерживающих партизан (только в декабре 1943 — январе 1944 года их было сожжено 128), то с деморализованными добровольческими частями они поступали по-иному. Обычно их расформировывали, а личный состав в лучшем случае отправляли во вспомогательные формирования вермахта. В худшем, как мы видели, бывших полицейских либо расстреливали, либо помещали в концлагерь[2].

В результате, по данным отчета начальника оперативного отдела штаба 17-й немецкой армии, на 5 марта 1944 года в подчинении начальника полиции на территории Крыма оставалось всего пять (из восьми) татарских полицейских батальонов: 147, 154, 150, 149 и 148-й. Причем только три последних из них имели полный состав. В двух первых не было и половины персонала (в скобках заметим, что Кемалову, вероятно, частично удался план перехода: его 147-й батальон указан наполовину пустым)[3].

---

[1] ГААРК, ф. П — 151, д. 505, л. 210-в.

[2] *Kirimal E.* Op. cit. — S. 316-317.

[3] BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 180.

Эти оставшиеся батальоны, а равно и другие подразделения полиции, в которых, по оценкам советского руководства, служили «настоящие добровольцы, бывшие недовольные советской властью элементы», продолжали воевать с партизанами: кто-то более, кто-то менее рьяно. В апреле—мае 1944 года все они принимали участие в боях против освобождавших Крым частей Красной армии. Например, по воспоминаниям комиссара 5-го отряда Южного соединения крымских партизан И. Купреева, добровольцы из бахчисарайского батальона полиции очень упорно сражались за город. А после окончания боев многие татары прятали у себя в домах уцелевших немцев[1].

***

Современный крымско-татарский историк Г. Бекирова пишет, что ей *«тяжело согласиться с теми авторами, чьи подходы к изучению такой трудной и болезненной проблемы коллаборационизма в годы... войны сводятся к непредвзятому подсчету количества воинских формирований представителей тех или иных национальностей, которые служили «на другой стороне"». «На наш взгляд,* — пишет далее она, — *это совсем не тот случай, когда статистическая точность может служить критерием исторической истины»*[2].

Что ж, ее можно понять. Действительно, тяжело принять тот факт, что подавляющее большинство мужчин твоего народа оказались в рядах оккупационной армии. Можно согласиться и с тем, что цифра в 15—20 тыс., хоть и является внушительной, тем не менее мало что объясняет, взятая сама по себе. Как известно, все познается в сравнении. Поэтому и мы, чтобы не быть голословными, приведем здесь несколько других цифр:

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 57, л. 31об.-32.

[2] *Бекирова Г.Т.* Крымские татары. 1941-1991 (Опыт политической истории). — Симферополь, 2008. — С. 73-74.

1. В 1941 году в Красную армию было призвано около 10 тыс. крымских татар, многие из которых либо дезертировали, либо попали в немецкий плен в ходе осенне-зимних боев;

за период с 1941 по 1944 год в партизанских отрядах Крыма сражалось свыше 12 тыс. человек разных национальностей. По официальным данным, в их рядах находилось 1130 крымских татар. Из них 96 человек погибло, 103 — пропало без вести и 177 — дезертировало;

2. В подпольных организациях на территории полуострова за период с 1941 по 1944 год находилось около 2500 человек. Менее 100 из них были крымскими татарами;

3. Общее количество крымско-татарских добровольцев в германских вооруженных силах составляло 7—9 % от численности этого народа. Для сравнения, процент русского населения Крыма, пошедшего в коллаборационистские части, был на порядок ниже — около 0,4 %. И это если учесть, что русских на полуострове было почти в два раза больше — почти 560 тыс. человек против 218 тыс. крымских татар[1].

Начальник разведывательного управления германского Генштаба сухопутных войск генерал пехоты К. фон Типпельскирх писал, что *«существует постоянное соотношение между численностью населения и количеством соединений, которые могут быть из него сформированы»*[2]. Его же непосредственный начальник генерал-полковник Ф. Гальдер определял это соотношение следующим образом. Так, 8 августа 1941 года он записал в своем дневнике: *«Исходя из имеющегося опы-*

---

[1] Крым в Великой Отечественной войне... — С. 160-162. По подсчетам современного крымского историка А. Мальгина, крымских татар в партизанских отрядах на территории полуострова было почти на треть меньше — 732 человека (Мальгин А. Указ. соч. — С. 166).

[2] *Типельскирх, К. фон.* Указ. соч. — С. 238.

та... на каждый миллион жителей можно сформировать две дивизии...»[1]

Поэтому следует признать, что, при средней штатной численности немецкой пехотной дивизии в 16 тыс. человек, оккупанты к 1944 году «учли» практически все мобилизационные ресурсы крымско-татарского населения.

***

Советское военно-политическое руководство, несомненно, знало все эти факты. Поэтому 13 апреля 1944 года, когда еще фактически продолжались бои за полуостров и был почти месяц до его освобождения, народные комиссары внутренних дел и государственной безопасности приняли совместное постановление, озаглавленное «О мерах по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». Согласно этому постановлению, на местное руководство соответствующих народных комиссариатов возлагались задачи по выявлению и задержанию на территории полуострова *«агентов шпионских резидентур германских и румынских разведок и контрразведывательных органов, изменников родины и предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандитских формирований и иных антисоветских элементов, оказывающих помощь оккупантам»*[2].

«Зачистка» должна была проводиться на всей территории Крыма по мере его освобождения. В целях лучшей организации этих мероприятий полуостров разбивался на семь оперативных секторов: Старо-Крымский, Ялтинский, Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Евпаторийский и Джанкойский, куда направлялись 5 тыс. человек оперативного состава НКВД и НКГБ. В обязанности этих сотрудников входила разработка пла-

---

[1] *Гальдер Ф.* Указ. соч. — Т. 3. — Кн.1. — С. 256.

[2] Цит. по: *Зінченко Ю.І.* Кримські татари. Історичний нарис. — Київ, 1998. — С. 132.

нов и осуществление оперативно-следственных действий во время «зачистки». Кроме того, ими предполагалось укрепить кадровый состав местных органов правопорядка и безопасности. Для войскового обеспечения всех предполагаемых мероприятий выделялось 20 тыс. человек из состава внутренних войск НКВД[1].

Как можно заметить, в целом это постановление касалось всего населения Крыма, без учета национальной принадлежности его отдельных групп. Однако уже первые две недели «зачистки» привели к тому, что органы советской госбезопасности были вынуждены обратить внимание на крымско-татарский вопрос и его роль в период немецкой оккупации. Так, 25 апреля 1944 года народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия подал в Государственный Комитет Обороны (ГКО) докладную записку, в которой крымско-татарские коллаборационисты были впервые выделены из числа других немецких пособников. В этом документе, в частности, говорилось: *«"Татарский национальный комитет" (Джемиль Абдурешидов), имея свои филиалы во всех татарских районах Крыма, вербовал шпионскую агентуру для заброски в тыл, мобилизовал добровольцев в созданную немцами татарскую дивизию, отправлял местное, нетатарское население для работы в Германию и т.д.»*[2]. Таким образом, пока схематично, были названы основные направления деятельности крымско-татарских коллаборационистов.

Эта докладная записка Берии подводила итог двух первых недель оперативно-следственных мероприятий на Крымском полуострове и была во многом далеко не исчерпывающей. Поэтому уже 10 мая 1944 года, на следующий день после полного освобождения Крыма, он подготовил еще одну. Эта докладная записка заметно отличалась от предыдущего документа, так как вся ее информативная часть была основана на более

---

[1] *Там же.* — С. 133.

[2] *Там же.* — С. 134.

подробных и проверенных фактах. Другой особенностью этой записки являлась ее заключительная часть. Если в первом документе Берия только информировал ГКО о фактах коллаборационизма среди крымских татар, то во втором он уже предлагал наказание для них. Так, народный комиссар подчеркивал: *«Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента. По состоянию на 7 мая сего года арестовано таких лиц 5381 человек. Изъято незаконно хранящегося населением оружия: 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов... Из частей Красной Армии в 1944 году дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии... Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения ГКО о выселении всех татар с территории Крыма»*[1].

Сталин полностью согласился с мнением Берии. В результате на следующий день и появилось то постановление ГКО, в котором указывались следующие причины депортации крымских татар:

«В период Великой Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной армии, оборонявших Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары

[1] *Там же.* — С. 134-135.

особенно отличились своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой так называемых "Татарских национальных комитетах" и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. "Татарские национальные комитеты", в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил»[1].

Как известно, депортация крымских татар началась 18 мая 1944 года и продолжалась три дня. Всего за указанный период из Крыма было выселено 191 044 представителя этого народа. Большую часть из них расселили на территории Узбекской ССР, меньшую — в других республиках Средней Азии и в России[2]. Таков в целом был печальный итог сотрудничества части крымско-татарского народа с нацистской Германией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальный вопрос, без сомнения, являлся весьма существеным фактором, от которого зависела немецкая оккупационная политика. В большей или меньшей степени этот фактор влиял на ситуацию во всех оккупированных советских регионах. По целому ряду причин Крымский полуостров был одним из таких регионов, где национальные противоречия проявились наиболее

---

[1] Кримські татари... — Ч. 1. — С. 66-67.

[2] *Там же.* — С. 71.

выпукло и во многом облегчили немцам проведение их политики. С другой стороны, национальный фактор часто выходил из-под немецкого контроля, что так и не позволило оккупантам создать то пресловутое «единство» народов Крыма, о котором они так много говорили в своей пропаганде.

Изучая планы нацистского руководства относительно будущей политической организации и национального переустройства «восточных территорий» вообще и Крыма, в частности, нельзя не отметить следующие моменты. Несомненно, модель такой организации имелась. И как явствует из источников, основными ее носителями являлись А. Розенберг и некоторые круги военного командования. Другое дело, что военные почти сразу же были отстранены от анализа этой проблемы Гитлером, который предпочел работать с Розенбергом. Но и точка зрения последнего не оказалась окончательной. Начиная с лета 1941 года он был вынужден согласовывать ее со взглядами Гитлера, как мы видели, довольно хаотичными и неустойчивыми. В результате единая концепция переустройства «восточных территорий» так, фактически и не была разработана. Но было бы ошибкой считать, что и точка зрения Гитлера осталась единственной и была воспринята всеми. Формально все национально-политическое устройство оккупированных советских территорий было организовано согласно его взглядам. Однако, поскольку эти взгляды носили крайне общий характер, немецкие инстанции, отвечавшие за проведение «восточной политики», вступили в войну с совершенно разными установками.

Как известно, этот плюрализм отразился на немецкой оккупационной политике самым пагубным образом. И ситуация на территории Крыма — наиболее яркое подтверждение этого тезиса. Анализируя структуру местного оккупационного режима, может сложиться впечатление, что он был чересчур громоздким и излишне усложненным. Однако, и это следует подчеркнуть, между тремя его основными ветвями — гражданской, военной и полицейской — не было никакой принципиальной разницы, а имелись лишь неко-

торые, чисто функциональные различия. В действительности же эти ветви представляли собой неразрывно связанные части одного оккупационного аппарата. Действительно, оккупационный аппарат был весьма эффективен, когда речь шла о его карательной функции. Но все, что касается проведения в жизнь национальной политики, носило ярко выраженный противоречивый характер. Главным образом это было связано с отсутствием единой и стратегической концепции этой политики. Поэтому среди мотивов, двигавших чиновниками всех ветвей немецкой оккупационной администрации, можно увидеть только те, которые способствовали решению определенных тактических задач. К таким, например, относился набор добровольцев в антипартизанские части. Уже при создании самых первых национальных коллаборационистских формирований подобной категории было ясно, что подход к этому процессу с чисто военной точки зрения принесет в лучшем случае краткосрочные дивиденды. И, наоборот, следование классическому принципу «война — есть продолжение политики» могло этих, по сути, наемников превратить в идейных противников большевизма.

Противоречивость немецкой национальной политики наложила свой отпечаток на отношения оккупантов со всеми этническими группами Крыма. Однако наиболее рельефно эта противоречивость прослеживается в случае с тремя наиболее крупными этническими группами: русскими, украинцами и крымскими татарами.

С точки зрения исламской политики руководства Третьего рейха, его благосклонного отношения к тюркским народам, а также в свете русофобских концепций Розенберга, крымско-татарские националисты вполне могли рассчитывать на положительный итог сотрудничества с нацистами. Тем не менее этот итог следует признать малоутешительным. Вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с национальным движением крымских татар свидетельствует о том, что оно не рассматривало их в качестве равноправного союзника. И мусульманские комитеты на территории полуострова, и центр на территории

Германии были нужны немцам прежде всего как инструмент оккупации, национальной политики или пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу татарского населения (и нетатарского тоже) в тех или иных целях. Еще одной стороной существования крымско-татарского национального движения было его незавидное положение «разменной монеты» в борьбе полномочий между различными властными структурами Третьего рейха. Наконец, немаловажна роль этих организаций как политического противовеса так называемому Русскому освободительному движению генерала Власова, претендовавшему на лидерство во всем антисталинском протесте. Естественно, что в такой ситуации все надежды крымско-татарских политиков на создание независимого государства и его неотъемлемых атрибутов (парламент, правительство, армия и т.п.) оказались весьма призрачны, а крымско-татарский народ заплатил очень высокую цену за политическую недальновидность и просчеты своей элиты.

Немцы в целом не планировали разжечь в Крыму межнациональный конфликт, который имел, например, место на Западной Украине или Балканах. В данном случае у них было гораздо больше других, более действенных, рычагов для регулирования местной ситуации. Однако заигрывания с крымско-татарскими националистами вполне могли привести к развитию событий по югославскому сценарию. Известно, что в адрес оккупационной администрации от некоторых представителей районных мусульманских комитетов поступали предложения устроить этнические чистки славянскому и греческому населению Крыма. Эти предложения не являлись политикой лидеров крымско-татарского национального движения и так и остались личной инициативой. В тех условиях столкновения на национальной почве не были нужны ни немцам, ни большинству самих националистов. Тем не менее сделав крымских татар фактически опорой своего режима, оккупанты противопоставили их остальным этническим группам, что не могло не сказаться в будущем на всей системе межнациональных отношений в Крыму.

Как известно, летом 1944 года с территории Крыма было выселено почти 10 тыс. армян. Как и в случае с крымскими татарами, формальной причиной этой депортации послужило обвинение в массовом коллаборационизме. Однако если в случае с крымскими татарами такое обвинение являлось отчасти правдой, то по отношению к армянам оно было явным перебором. Действительно, личный состав Восточных легионов, куда входили армянские коллаборационисты, насчитывал более четверти «восточных» добровольцев — около 350 тыс. человек. В целом это очень значительное количество. Но за период с 1942 по 1944 год на территории Крыма успело пройти службу не более 500 армян-добровольцев. Более того, крымских армян в них было значительное меньшинство. Таким образом, причина депортации этого этноса крылась явно в политическом коллаборационизме. А именно, в создании национальных комитетов, связях с армянской эмиграцией, политическом и религиозном влиянии на население. В глазах советской власти все это было не менее (если не более) тяжелым проступком, чем участие в боевых действиях на стороне врага.

Альфред Розенберг очень высоко оценивал антикоммунистический потенциал украинцев. Более того, он даже планировал сделать Крым частью «Великой Украины». Такая позиция Розенберга и его подчиненных, казалось, должна была колоссально облегчить деятельность организаций украинского национального движения. Но на практике сложилось по-другому. Проанализировав все факты, следует признать, что из попыток этих организаций проникнуть в Крым и распространить здесь свое политическое влияние ничего не получилось. Это произошло по целому ряду причин. Во-первых, как уже было сказано выше, мало кто из крымчан поддержал оуновцев, идеи радикального национализма которых не нашли сколько-нибудь значительного отклика в основной массе населения. Во-вторых, как известно, обе ветви ОУН ненавидели друг друга. Эта их ненависть подчас доходила до прямого физического устранения членов

конкурирующей ветви или их выдачи немецким карательным органам[1]. Все это, естественно, не способствовало плодотворной совместной работе мельниковских и бандеровских ячеек на территории Крыма. И, наконец, в-третьих, следует также учесть что с осени 1941 года германские оккупационные власти всеми силами начали борьбу с деятельностью ОУН, поставив ее фактически вне закона. Причину этого следует искать в тех претензиях на самостоятельность, которые начала высказывать эта организация после всей той помощи, которую оказали ей немцы. Что же касается разрешения на создание Украинского комитета, то его следует признать чисто немецкой инициативой, к тому же носящей не политический, а пропагандистский характер.

Еще меньших результатов, чем в случае с гражданским населением, националисты добились в деле подчинения своему влиянию украинских добровольческих формирований, входивших в состав немецкой полиции или вермахта. Все факты свидетельствуют о том, что эти формирования находились под полным контролем соответствующих немецких органов, и ни одна из политических групп украинских националистов не имела на них влияния даже в гуманитарной сфере.

В целом же ни одна из форм украинского национализма не получила на территории Крыма сколько-нибудь серьезного развития, даже в сравнении с организациями других национальных групп.

Наконец, весьма показательна эволюция русского вопроса в немецкой оккупационной политике. Не будет преувеличением сказать, что до весны 1943 года русское население Крыма под-

---

[1] Например, 30 августа 1941 г. в Житомире от руки бандеровца Козия погибли два члена руководства ОУН-Мельника — Е. Сеник-Грибовский и Н. Сциборский, которые прибыли в этот город вместе с «Южной походной группой» (*Дуда А., Старик В.* Указ. соч. — С. 80).

вергалось дискриминации. У него не было даже тех небольших «привилегий», которыми обладали представители других этнических групп. Например, русским так и не позволили создать свой национальный комитет. Некоторые исследователи считают, что таковыми являлись городские и районные управления, которые стали создавать немцы в ноябре—декабре 1941 года. Основание — многие руководители управлений являлись этническими русскими. Однако анализ штатов этих учреждений показал, что на руководящие должности в них могли назначаться сотрудники любой национальности. И русское население в глазах оккупационных властей они отнюдь не представляли.

Летом 1943 года в немецкой национальной политике наметился определенный поворот и было решено отойти от дискриминации русского населения. Это, в частности, выразилось в создании частей РОА. Единственный случай в истории Крыма 1941—1944 годов, когда немцы разрешили создать не просто наемнические коллаборационистские формирования, а армию с ярко выраженной политико-идеологической подоплекой. Колебания нацистской верхушки во «власовском вопросе» привели к тому, что в деле организации крымской РОА немцы остановились на полпути, явно испугавшись возникновения русской «третьей силы» на полуострове.

Значительный рост «русских настроений» в Крыму испугал не только немцев. Еще более, чем оккупантов, проблема РОА обеспокоила советское военно-политическое руководство и его «длинную руку» — крымских партизан. И причина этого была в следующем. Нельзя не отметить, что в военном отношении Власовское движение и РОА не представляли на территории Крыма сколько-нибудь значительной силы. Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что к весне 1944 года в ее рядах находилось менее одного процента от численности русского населения полуострова. Кроме того, здесь надо учесть и тот факт, что около ¾ частей РОА на территории полуострова были укомплектованы добровольцами не из Крыма. Однако следует признать, что, не-

смотря на слабость в военном отношении, сила этих формирований заключалась в отношении политическом (даже несмотря на то что с именем генерала Власова все крымское «Власовское движение» было связано весьма относительно). Указанные факты говорят о том, что советское военно-политическое руководство хорошо осознавало это, хотя и делало вид, что «проблемы РОА» не существует. Такая позиция была характерна не только для крымской ситуации. Однако политико-пропагандистская роль РОА на полуострове проявилась наиболее сильно, что и заставило советское руководство провести целый комплекс соответствующих мероприятий. И выполнение этих мероприятий было возложено на крымских партизан.

Гитлер как-то сказал на одном из совещаний: *«Война с СССР — это борьба двух идеологий»*. И в том, что не все советское население захотело поддерживать коммунистический режим, нет ничего удивительного. Достаточно вспомнить всю предвоенную историю СССР, чтобы понять: дело могло быть гораздо хуже и численность лиц, сотрудничавших с немцами, была бы гораздо больше. Однако не стоит думать, что все, кто волею судеб оказался на стороне нацистов, стали автоматически приверженцами их мировоззрения (хотя были, конечно, и такие). Многие из них вполне искренне поверили, что нацизм лучше, чем коммунизм, а немцы помогут освободить им Россию (Украину, Белоруссию и т.д.) от власти большевиков. Но и советское мировоззрение успело за послереволюционные годы пустить в народном сознании глубокие корни. И сторонников советской власти на оккупированных территориях было не меньше (а в некоторых местах гораздо больше), чем ее противников. И борьба между ними в каком-то смысле — главное содержание всего периода оккупации.

В целом формы реакции советской стороны на немецкую национальную политику являются весьма существенными для понимания взаимоотношений населения оккупированных территорий и советских партизан. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что основная масса организованных в Крыму коллабо-

рационистских формирований появилась уже после окончания здесь активных боевых действий между немецкими и советскими войсками. Поэтому ясно, что основной целью их создания было участие в поддержании общественного порядка, крайней формой которого была борьба с партизанами. Одним из отличий партизанского движения на территории Крыма от, скажем, Украины или Белоруссии, было то, что практически все его руководители и рядовые члены являлись местными жителями. О добровольческих формированиях можно в принципе сказать то же самое. Поэтому и борьба между ними и партизанами приняла на Крымском полуострове, как нигде в другом месте, характер типичной гражданской войны.

И лучшая иллюстрация этому тезису — все сказанное выше. Ведь именно обвинение во враждебном отношении к «народным мстителям» и поголовном сотрудничестве с немцами послужили веской причиной для депортации крымско-татарского народа. Мы убедились, что не все было так просто. Понимала ли это советская власть? Вероятно, да, и подтверждение тому — например, знаменитое ноябрьское постановление 1942 года. Но и утверждать, что все обвинения в коллаборационизме являются голословными также «грешить» против фактов, которыми полны документы той поры. К сожалению, следует констатировать: на оккупированных советских территориях шла не просто борьба с немецкими захватчиками. В большинстве случаев она принимала характер гражданской войны, со всеми присущими этой войне элементами. Смена настроений населения под воздействием тех или иных социально-политических факторов как раз и является одним из таких элементов. Национальный вопрос всегда относился к наиболее сильным факторам воздействия на население. Более того, таким он остался и в наше время. И отрицать этот объективный факт — значит намеренно закрывать глаза на многие общественно-политические проблемы современного постсоветского пространства, которые своими корнями уходят именно в годы войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Білас І. Репресивно-каральна система на Україні. 1917—1953: У 2-х кн. — К., 1994. — Кн. 2.

Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941—1942 гг. // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2000. — Вып. 1.

Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці: Документи. Факти. Свідчення (1917—1991) / Упоряд. Ю. Білуха, О. Власенко. — К., 2004

«Идет бешеная националистическая пропаганда» // Источник. — 1995. — № № 2.

Кавказ. 1942—1943 гг.: героизм и предательство // ВИЖ. — 1991. — № 8.

Колесник А.Н. РОА — власовская армия. Судебное дело генерала А.А. Власова. — Харьков, 1990.

Крымско-татарские формирования: документы Третьего рейха свидетельствуют // ВИЖ. — 1991. — № 3.

Кримські татари: шлях до повернення. Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х — початок 1990-х років) очима радянських спецслужб. Зб. документів та матеріалів: У 2 ч. — К., 2004. — Кн. 1—2.

Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945: Сб. документов. — Симферополь, 1973.

Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 — май 1944 г.). Документы свидетельствуют. — М., 1994.

«Мусульманская плаха» для России // ВИЖ. — 1996. — № 5.

На оккупированных территориях // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. — 2001. — № 29.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. — М., 1958. — Т. 2.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 3 т. — М., 1966. — Т. 2.

Окупаційний режим в Криму: 1941—1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / Упоряд. В.М. Гуркович. — Сімферополь, 1996.

Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов / Сост. А.В. Мальгин, Л.П. Кравцова, Л.Л. Сергиенко. — Симферополь, 2006.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). — М., 1985.

Реабилитированные историей. Автономная республика Крым / Под ред. В.П. Антипенко и др. — Симферополь, 2006. — Кн. 2.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. — М., 1984. — Т.4 (Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — 4—11.2.1945 г.).

Татарские добровольческие формирования: чем они занимались // Русский мир. — 1999. — № 4(9).

Холокост в Крыму: Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941—1944) / Ред. — Сост. М.И. Тяглый. — Симферополь, 2002.

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts: Serie E: 1941—1945: In 8 bd. / Hrsg. v. H. Rothfels und andere. — Göttingen, 1969—1979. — Bd. 2.

Klietmann K.G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. — Osnabrück, 1965.

KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und andere. — Frankfurt-am-Main. — Bd. 1—4.

Oberländer T. Der Osten und die Deutsche Wehrmacht. Sechs Denkschriften aus den Jahren 1941—1943 gegen die NS-Kolonialthese. — Asendorf, 1987.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (СИМФЕРОПОЛЬ, УКРАИНА)

Ф. П — 1. Документальные материалы Крымского областного комитета Коммунистической партии Украины, 1936—1945 гг.

Ф. П — 151. Документы Крымского штаба партизанского движения.

Ф. П — 156. Дела крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Ф. П — 849. Воспоминания бывших участников обороны г. Севастополя, партизанского движения и подполья в Крыму в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Ф. Р — 652. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, 1921—1945 гг.

Ф. Р — 1458. Феодосийское городское управление, 1941—1944 гг.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Ф.Р — 7021. Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК).

Ф.Р — 7445. Международный военный трибунал для главных немецких преступников (Нюрнбергский процесс). Нюрнберг. 1945—1946.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ О.В. РОМАНЬКО (СИМФЕРОПОЛЬ, УКРАИНА)

Деревінський В.Ф. Кримські татари в національних підрозділах УПА (2007).

Письмо Александрова К.М. (С.-Петербург, Россия) от 29 августа 2000 г.

Письмо Иоахима Хоффманна (Эбринген, ФРГ) от 20 июня 2000 г. (на немецком языке).

Проценко В. Похідні групи УПА в Криму (2007).

РОА — «третья сила» Второй мировой. Интервью Д-ра Йоахима Хоффманна Российскому информационному агентству «Новости». — 1995. — Май.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

Ф. 652. Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984).

BUNDESARCHIV-MILITÄRARCHIV (FREIBURG, DEUTSCHLAND) — ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ (ФРАЙБУРГ, ФРГ)

RH 2. Oberkommando des Heeres / Chef der Heeresrüstung und Befehlshaber der Ersatzheeres.

RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17.

RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete.

RH 24. Armeekorps. Bd. 8: Generalkommando 29 bis Generalkommando 34.

RH 26—162. Kommando der 162. Infanteriedivision.

RH 53—23. Militärbefehlshaber im Generalgouvernement / Wehrkreisbefehlshaber im Generalgouvernement.

RS 3—39. Ostmuselmanische SS-Division.

RW 5. Oberkommando der Wehrmacht / Amt Ausland / Abwehr (OKW/AmtAusl/Abw).

MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung).

ARCHIV DES INSTITUT FÜR ZEITGESCHICHTE (MÜNCHEN, DEUTSCHLAND) — АРХИВ ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ (МЮНХЕН, ФРГ)

Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Die Vertretung der Nationalitäten innerhalb des Wlassow-Kommitées.

Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Auswirkung des Wlassow-Programmes bei den Nationalen Verbänden.

Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschevismus 1941—1945, 13.07.1954.

ARCHIWUM AKT NOWYCH (WARSZAWA, RP POLSKA) — АРХИВ НОВОЙ ИСТОРИИ (ВАРШАВА, ПОЛЬША)

Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost.

Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei.

Mikrofilmy aleksandrijskie. T-354. Verscheidene SS-Akten.

Mikrofilmy aleksandrijskie. T-454. Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete.

MILITÄRGESCHICHTLICHEN FORSCHUNGSAMT DER BUNDESWEHR (POTSDAM, DEUTSCHLAND) — АРХИВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ (ПОТСДАМ, ФРГ)

Heygendorff, R. v., Oberst. Die landeseigenen Verbände im kampf gegen die S.U., Vortrag, 18.04.1943.

Heygendorff R. v. Turkvölkische und Kaukasische Verbände im Kampf an Deutschlands Seite während des 2. Weltkrieges. — 1949.

OKH/Chef HrüstuBdE/AHA. Bestimmungen für Aufstellung der Ostlegionen. — 1.7.1942.

Pozdnjakov V. German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941—1944). Historical Division, U.S. Army Europe, 1953, Ms. Nr. P-122.

Sonderführer Siefers an OKH/GenQu/KrVerw. Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformation im Bereich des A.O.K. 11. — 20.3.1942.

Verzeichnis von Freiwilligen-Verbände aus dem Osten in der deutschen Wehrmacht.

PRIVATARCHIV DES JOACHIM HOFFMANN (EBRINGEN, DEUTSCHLAND) — ЛИЧНЫЙ АРХИВ ИОАХИМА ХОФФМАННА, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ (ЭБРИНГЕН, ФРГ)

An OKH/GenStdH/Gen.d.Osttruppen / OKH/GenStdH/Org. Abt. (II), 3.3.1943.

Armeeoberkommando 11, O.Qu/Qu.2, Br.B.Nr.267/42 geh., A.H.Qu., 29.3.1942, Betr.: Kriegsgefangene Krim-Tataren.

Befehlshaber Krim (Gen. Kdo. XXXXII. A.K.), Abt. Ic, H.Qu., den 6.11.1942.

KTB Armeeoberkommando 11, Ia, Eintr. Vom 4.1.1942.

Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944.

Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. — 17.3.1945 // Intelligence Division. — DRS (51) 42.

Norkaukasisches Sonderkommando «Schamil".

The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. — The «Osttürkischer Waffenverband" of the SS // Intelligence Division. — DRS (51) 29.

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

Бамм П. Невидимый флаг. Фронтовые будни на Восточном фронте. 1941—1945. — М., 2006.

Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941—1945. — М., 2005.

Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. — М., 2005.

Вергасов И.З. Крымские тетради. Роман-хроника. — М., 1978.

Верт А. Россия в войне 1941—1945. — Смоленск, 2003.

Гальдер Ф. Военный дневник. 1939—1942: В 3 т. — М., 2002—2003. — Т. 2—3.

Генов И.Г. Четыре времени года (дневник партизана). — М., 1969.

Гитлер А. Моя борьба. — Харьков, 2003.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Смоленск, 1998.

За родной Крым. Воспоминания участников боев за Крым / Авт.-сост. П.Е. Гармаш. — Симферополь, 2008.

Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. — М., 1994.

Караосманоглу Я. Дипломат поневоле. Воспоминания и наблюдения. — М., 1978.

Кейтель В. Размышления перед казнью. — Смоленск, 2000.

Козлов И.А. В крымском подполье. — М., 1972.

Колпаков Н.Е. Всегда в разведке. — Симферополь, 2008.

Лашкевич Х.Г. Дневники // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2003. — Вып. 5.

Луговой Н.Д. Побратимы. — К., 1985.

Луговой Н.Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. — Симферополь, 2004.

Македонский М.А. Пламя над Крымом. — Симферополь, 1969.

Мальцев В.И. Конвейер ГПУ. — Симферополь, 1942.

Манштейн Э. фон. Утраченные победы. — М. — СПб., 1999.

Мительман Г. Сквозь ад за Гитлера. — М., 2008.

Озенбашлы А. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы. — Симферополь, 2007.

Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. — М., 2002.

Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. — М., 1993.

Розенберг А. Миф XX века. — Харьков, 2005.

Розенберг А. Мемуары. — Харьков, 2005.

Сермуль А.А. 900 дней в горах Крыма. Воспоминания комиссара партизанского отряда А.А. Сермуля. — Симферополь, 2004.

Степанов Е.П. Партизанскими тропами. — Симферополь, 1951.

Федоренко Ф.И. Годы партизанские, 1941—1944. — Симферополь, 1990.

Хабарова З. Дневник // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2003. — Вып. 5.

Черный В.И. Долгом призванные: Документальная повесть. — Симферополь, 1985.

Чуб М.И. Так было: Документальная повесть. — Симферополь, 1980.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. — М., 1993.

Щеколдин С.Г. О чем молчат львы: Крым. Алупка. 1941—1944. — Симферополь, 2009.

Bräutigam O. So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. — Würzburg, 1968.

Frauenfeld A. Und trage keine Reu': vom Wiener Gauleiter zum Generalkomissar Krim. — Leoni am Starnberger See, 1978.

Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidschaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher seite / A. Jeloschek und andere. — Graz — Stuttgart, 2003.

Jeloschek A. et al. Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidschaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher seite. — Graz; Stuttgart, 2003.

Herwarth H. v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. — Frankfurt-am-Main — Berlin — Wien, 1985.

Kleist P. Zwischen Hitler und Stalin. Aufzeichnungen, 1939—1945. — Bonn, 1950.

Picker H. Hitlers Tischgespräche. — Bonn, 1951.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Блокнот пропагандиста. Еженедельный бюллетень пропагандистов РОА (Дабендорф). — 1945.

Бюллетень добровольцев РОА (Дабендорф). — 1944.

Голос Крыма. Орган Симферопольского городского управления (Симферополь). — 1941—1944.

Красный Крым. Орган Крымского областного комитета ВКП(б) (Краснодар). — 1943.

Офицерский бюллетень РОА. Орган офицерского корпуса Русского освободительного движения (Дабендорф). — 1943.

Феодосийский вестник. Орган Феодосийского городского управления (Феодосия). — 1943.

Azat Kirim. Орган Симферопольского мусульманского комитета (Симферополь). — 1942—1944.

Material für Funk-Nachrichten (Berlin). — 1943—1944.

Ostpressedienst. Material für russische Zeitungen (Berlin). — 1943—1944.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Аблязов Э. Коллаборационизм в Крыму: мифы и реальность // Голос Крыма. — 2009. — № 34.

Абрамян Э.А. Забытый легион. — Ереван, 2005.

Александров К.М. Икона Владимирской Божией матери в Русском корпусе (по материалам органа Симферопольской управы «Голос Крыма») // Наши вести. — 1998. — № 451.

Александров К.М. Жизнь русского авиатора // Посев. — 2000. — № 3.

Андреева Е.Н. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение // Дружба народов. — 1991. — № 5.

Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941—1944. — М., 2007.

Бажан О., Дерейко І. Українські допоміжні військові формування збройних сил Німеччини на території рейхскомісаріату «Україна» // Історичний журнал. — 2005. — № 4.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. — М., 1987.

Бекирова Г.Т. Крым и крымские татары в XIX — XX вв.: Сб. статей. — М., 2005.

Бекирова Г.Т. Крымские татары. 1941—1991 (Опыт политической истории). — Симферополь, 2008.

Бетелл Н. Последняя тайна. — М., 1992.

Бобков А., Царенко М. Кримськотатарські формування в складі збройних сил Третього рейху // Військово-історичний альманах. — 2001. — № 1(2).

Бонвеч Б. За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941—1944 // Родина. — 2003. — № 7.

Боффа Д. История Советского Союза: В 2 т. — М., 1990. — Т. 2.

Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921—1945. — М., 2006.

Брошеван В.М. Крымский штаб партизанского движения. — Симферополь, 2001.

Бугай М.Ф. Депортація кримських татар у 1944 р. // УІЖ. — 1992. — № 1.

Бугай Н.Ф.Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»: документы, факты, комментарии. — М., 1995.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. — Смоленск, 1998. — Т.2.

Возгрин В.Е. Неутолимый зуд шовинизма // Авдет. — 1991. — № 12(23).

Возгрин В.Е. Этноконфессиональная ситуация в довоенном Крыму (истоки, специфика, последствия) // Голос Крыма. — 1996. — № 42—44.

Возгрин В.Е. Мокроусовцы против народа, или Как крымских татар убивали свои // Голос Крыма. — 2004. — № 24.

Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX века // Отечественная история. — 1999. — № 2.

Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. статей и материалов. — М., 2005.

Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 3.

Вяткин А.Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941—1944 // Восток. — 2005. — № 4.

Галицкий В.П. «...Для активной подрывной диверсионной деятельности в тылу у Красной Армии» // ВИЖ. — 2001. — № 1.

Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917—1995: В 4 т. — М., 1996. — Т. 1.

Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. — Смоленск, 1996.

Гилязов И.А. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 2.

Гилязов И.А. На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. — Казань, 1998.

Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. — 1993. — № 9.

Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. Нариси політичної історії. — К., 1993.

Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // ВИЖ. — 1996. — № 3.

Дерейко И. Кто кого предал // Полуостров. — 2005. — № 40.

Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия. — М., 1957.

Драмбян Т.С. Они сражались за Францию. — Ереван, 1981.

Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. — М., 1997.

Дробязко С.И. Русская освободительная армия. — М., 1998.

Дробязко С.И. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. — М., 1999.

Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. — М., 2000.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. — М., 2005.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. — М., 2009.

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918—1941—1944. — К. — Чернівці, 1995.

Ефимов А. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг. // Профи. — 1999. — № 6—7.

Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). — М., 1980.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. — Симферополь, 1997.

Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // ИНК. — 2003. — № 1.

Зінченко Ю.І. Кримські татари. Історичний нарис. — К., 1998.

Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. — СПб. — М., 1999.

Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. — М., 1977.

Ибрагимбейли Х.М. Крах гитлеровской оккупационной политики на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ: Сб. статей. — М., 1981.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 кн. — М., 2002. — Кн. 1.

Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. — Мюнхен, 1954.

Катунин Ю.А. Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). — Симферополь, 2000.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: национальные и добровольческие воинские формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. — 2001. — № 6.

Кирюшко М.І., Бойцова О.Є. Іслам в Криму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. — К., 2005.

Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. — Харьков, 1991.

Кондранов И.П. Крым. 1941—1945. Хроника. — Симферополь, 2000.

Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. — Ереван, 1977.

Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Львів, 1993.

Кохан А.А. Структура и основные направления деятельности Штаба пропаганды Крым: 1942—1944 гг. // Історичні і політологічні дослідження. Збірник наукових праць. — Донецьк, 2008. — № 3—4.

Кровавые злодеяния Оберлендера: отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5.04.1960 г. — М., 1960.

Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. — Симферополь, 1994.

Кудусов Э.А. Крымские татары во Второй мировой войне // Голос Крыма. — 2000. — № 45—46.

Кырымал Э. Положение мусульманской религии в Крыму // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. — Мюнхен, 1955. — № 2(15).

Легион «белой смерти» / Сост. В.А. Ставицкий. — М., 2002.

Луговой Н.Д. Письмо партизана // Русский мир. — 1999. — № 4(9).

Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941—1944. — Симферополь, 2008.

Мальгин А.В. Руководство партизанским движением Крыма в 1941—1942 гг. и «татарский вопрос» // ИНК. — 2006. — № 14.

Мальгин А.В. Руководство партизанским движением Крыма и «татарский вопрос» (1943—1944 гг.) // ИНК. — 2007. — № 20.

Мамулиа Г. Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. — Тбилиси, 2003.

Маношин И.С. Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя. — Симферополь, 2001.

Материалы по истории Русского Освободительного Движения. — М., 1999. — Вып. 4.

Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941—1944 гг.). — Львов, 2008. — Кн. 1.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. — М., 2002.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. — М., 1974.

Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: миф или реальность (Исследования идеологии и политики современного пантюркизма). — М., 1995.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992.

Национальная политика России: история и современность / Под ред. В.А. Михайлова и др. — М., 1997.

Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М., 1979.

Озенбашлы М., Сеитбекиров Э. Всем злым наветам вопреки он слился с благословенной землей родного Бахчисарая // Голос Крыма. — 2003. — № 9.

Очерки по истории Крыма: В 4 ч. / Под общ. ред. И.С. Чирвы. — Симферополь, 1967. — Ч. 4.

Панкратов П.А. «Мрак и туман» // ВИЖ. — 1998. — № 3.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945) / Отв. ред. В.Ю. Русанов. — Жуковский — М., 2001.

Пащеня В.Н., Пащеня Е.В. Крымская АССР в годы Второй мировой войны (1939—1945). — Симферополь, 2009.

Плющов Б. Генерал Мальцев. История военно-воздушных сил Русского Освободительного Движения в годы Второй мировой войны (1942—1945). — Сан-Франциско, 1982.

Поздняков В.В. Власовцы в СССР. Письма Н.Н. Краснова // Новое русское слово. — 1964. — 22—23 декабря.

Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». — М., 2009.

Поляков В. А было ли предательство? // Голос Крыма. — 2007. — № 4.

Поляков В. Правда о «20 тысячах крымско-татарских дезертирах» // Первая Крымская. — 2010. — № 2.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур. — М., 2002.

Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944. — М., 1986.

Проценко В. Підрозділи УПА Криму були дієвими // Кримська світлиця. — 2009. — № 37.

Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? — М., 2008.

Раманичев Н.М. Власов и другие // История. — 2001. — № 34.

Рекотов П.В. Органи управління на окупованій території України (1941—1944 рр.) // УІЖ. — 1991. — № 6.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М., 2004.

Романько О.В. Крым, 1941—1944. Оккупация и коллаборационизм. — Симферополь, 2005.

Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. — М., 2006.

Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. — М., 2008.

Романько О.В. К вопросу о Русской освободительной армии и судьбе В.И. Мальцева // КНП. — 1997. — № 1.

Романько О.В. Немецкая пропаганда в Крыму (1941—1944): органы, их структура и деятельность // Ялта 1945—2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Междунар. науч. симпозиум: материалы. — Симферополь, 2001.

Романько О.В. Деятельность организаций украинских националистов на территории Крыма (1941—1944): политический и военный аспекты вопроса // КНП. — 2002. — № 35.

Романько О. З історії колабораціоністської періодичної преси в Криму в окупаційний період (1941—1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність: Доп. та повідомл. восьмої Всеукр. наук.-теорет. конф., Львів, 24—26 жовт. 2003 р. — Львів, 2003.

Романько О.В. Формирования Русской освободительной армии на территории Крыма (1943—1944). К вопросу об организации и использовании // Голокост і сучасність. — 2003 — № 2(8), № 3(9).

Романько О.В. Крымско-татарские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1941—1945) // Новый Часовой. — 2004. — № 15—16.

Романько О.В. Крым, 1941—1944: Вторая мировая или Вторая Гражданская. Три измерения проблемы // Интеллектуал. — 2005. — № 2.

Романько О.В. Органы управления на оккупированной территории Крыма (1941—1944) // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. — К., 2006. — Вип. 10. — Ч. 1.

Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Крыма (1941—1944): организация, структура, численность // Military Крым. — 2006. — № 3.

Романько О.В. Крым в планах военно-политического руководства Ттретьего рейха (1941—1944): известные факты и малоизвестные проекты // Интеллектуал. — 2006. — № 4.

Романько О.В. Забутий урок Ялтинської конференції // Історичний журнал. — 2006. — № 6.

Романько О.В. ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // Історичний журнал. — К., 2007. — № 3.

Романько О.В. Соединение специального назначения «Бергманн». К истории германских спецслужб на территории Украины и Крыма в 1941—1944 годах // Military Крым. — 2007. — № 7.

Романько О.В. Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції, м. Київ, 30—31 жовтня 2006 р. — К., 2007.

Романько О.В. Советские партизаны и крымско-татарское население в годы оккупации (1941—1944) // Военно-исторический архив. — 2008. — № 12.

Романько О.В. Советские мусульмане в рядах войск СС (1943—1945). К вопросу о нацистской восточной политике в годы Второй мировой войны // Военно-исторический архив. — 2009. — № 4.

Романько О.В. Кримсько-татарський національний рух та військово-політичне керівництво Третього рейху (1941—

1945) // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри: Зб. наук. праць II Міжнародної науково-практичної конференції, 10—11 квітня 2009 р., Одеса. — Одеса, 2009.

Сеитбекиров А. От кого государство скрывало правду // Голос Крыма. — 2004. — № 14.

Семенов К.К. Войска СС. — М., 2004.

Семенов Ю.С. Отчаяние: Романы, рассказы. — М., 1998.

Семиряга М.И. Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. — 1985. — № 3.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000.

Сергійчук В. Український Крим. — К., 2001.

Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // ВИЖ. — 2001. — № 11.

Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. — М., 2004.

Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939—1945 гг. — М., 2008.

Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. — М., 2003.

Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: В 7 томах. — М., 1991. — Т. 5.

Типпельскирх, К. фон. История Второй мировой войны. — СПб. — Москва, 1999.

Тяглый М.И. Антисемитская доктрина и ее место в пропагандистской модели, реализованной нацистами в оккупированном Крыму // ИНК. — 2004. — № 5.

Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. — М., 1996.

Тяглый М.И. Антисемитская доктрина на страницах крымскотатарской газеты «Азат Кърым» (1942—1944) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. — К., 2006. — Вип. 31.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. — Смоленск, 1999.

Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939—1945. — М., 2005.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. — Ростов-на-Дону, 2000.

Федоровский В.Г. К вопросу о национальном составе частей РОА // Ялта 1945—2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Междунар. науч. симпозиум: материалы. — Симферополь, 2001.

Хоффманн И. История власовской армии. — Париж, 1990.

Хриенко П.А. Татары Крыма: три проблемы парадигмы репатриации // Крымская правда. — 2000. — № 184(22597).

Червонная С.М. Татарский Крым в пламени Второй мировой войны // Голос Крыма. — 2000. — № 25.

Чорномор В. (Проценко В.М.). Повстанчий Крим: повість. — Сімферополь, 2009.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. — СПб. — М., 2003. — Кн. 1—2.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. — М., 2004.

Шайкан В.О. Колабораціонізм на території рейхскомісаріату «Україна» та військової зони в період Другої світової війни. — Кривий Ріг, 2005.

Шамко Е.Н. Партизанское движение в Крыму в 1941—1944 гг. — Симферополь, 1959.

Шевчук В. Украинская Повстанческая Армия // Політика і час. — 1991. — № 11.

Широкорад А.Б. Битва за Крым: роман-хроника. — М., 2005.

Шутикова Е.С., Шпакова И.Е. Адресные листки немецкой ортскомендатуры — как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе // VII Таврические научные чтения: Сб. научных статей. — Симферополь, 2007. — Т. 2.

Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. — Сімферополь, 2006.

Яковлев В.П. Преступления. Борьба. Возмездие. — Симферополь, 1961.

Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941—1945. — Santa Monica, 1982.

Bethell N. The Last Secret. The Forcible Repatriation to Russia 1944—1947. — London, 1974.

Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. — Tübingen, 1954.

Caballero Jurado C. Foreign Volunteers of the Wehrmacht 1941—1945. — London, 1995.

Conquest R. The Soviet deportations of nationalities. — London — New York, 1960.

Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945: A Study of occupation policies. — London, 1957.

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 9 bd. — Stuttgart — München, 1979—2007. — Bd. 4—6, 8, 9.

Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. — Harvard, 1952.

Fisher A. The Crimean Tatars. — Stanford, Calif., 1978.

Frölich S. General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. — Köln, 1987.

Gdański J. Zapomniani żołnierze Hitlera. — Warszawa, 2005.

Germany and the Second World War: In 9 vols. — Oxford, 1998. — Vol. 4.

Herzog R. Besatzungsverwaltung in den besetzen Ostgebieten — Abteilung Jugend. — Tübingen, 1960.

Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfweisungen und Befehle. — Göttingen, 1969.

Hillgruber A. Die Räumung der Krim 1944. — Berlin, 1959.

Hoffmann J. Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutsche Heer. — Freiburg, 1976.

Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. — Freiburg, 1991.

Houterman H. Eastern Troops in Zeeland. The Netherlands, 1943—1945. — New York, 1997.

Ilnytzkyj R. Deutschland und die Ukraine 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 bd. — München, 1958.

Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtung der Jahre 1917—1918. — Emsdetten, 1952.

Krausnick H. Hitlers Einsatzgrupen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938—1942. — Frankfurt-am-Main, 1985.

Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft (1941—1944). Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität. — Darmstadt, 2005.

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich: In 4 vols. — San Jose, 1987. — Vol. 4.

Lumsden R. The Allgemeine SS. — London, 1994.

Luther M. Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. — 1956. — Bd. 3.

Madajczyk Cz. Faszyzm i okupacje 1938—1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europe: U 2 t. — Poznań, 1983—1984. — T. 1—2.

Mallmann, K.-M., Cüppers M. Półksiężyc i Swastyka. III Rzesza a świat arabski. — Warszawa, 2009.

Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942—1943. — New York, 1988.

Munoz A. J. Forgotten Legions: Obskure Combat Formations of the Waffen-SS. — New York, 1991.

Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. — New York, 1997. — Vol. 1—2.

Munoz A.J. German SS, Police, and Auxiliary Forces in Poland: 1944 and The Warsaw Uprising // Axis Europa Magazine. — 1998. — Vol. 15.

Munoz A.J., Romanko O.V. The East Came West: Muslim, Hindu, and Buddhist Volunteers in the German Armed Forces, 1941—1945. — New York, 2002.

Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941—1944. — New York, 2003.

Mühlen P. von zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. — Düsseldorf, 1971.

Naimark N. Fires of hatred: Ethnic cleansing in twentieth-century Europe. — Cambridge, Mass. — London, 2001.

Nekrich A. The Punished Peoples: The deportations and fate of Soviet minorities at the end of the Second World War. — New York, 1978.

Neulen H.-W. An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. — München, 1985.

Newland S. Cossacks in the German Army 1941—1945. — London, 1991.

Pohl O. Ethnic Cleansing in the USSR, 1917—1949. — Westport, CO, 1999.

Pringle H. The master plan: Himmler's scholars and the Holocaust. — New York, 2006.

Reitlinger G. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Russland. 1941—1944. — Hamburg, 1962.

Seidler F.W. Oskar Ritter von Niedermayer im Zweiten Weltkrieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen // Wehrwissenschaftliche Rundschau. — 1970. — № 12.

Seidler F.W. Die Organisation Todt: Bauen für Staat und Wehrmacht, 1938—1945. — Koblenz, 1987.

Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. — Baden-Baden, 1986.

Stativ A. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942—1944. The North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. — 2005. — Vol. 6. — Issue 2.

Steenberg S. General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee — Verräter oder Patriot. — Rastatt, 1986.

Thomas N. Partisan Warfare 1941—1945. — London, 1996.

Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. — Stuttgart, 1952.

Tyaglyy M. Were the «Chingené" Victims of the Holocaust? Nazi Policy toward the Crimean Roma, 1941—1944 // Holocaust and Genocide Studies. — 2009. — Vol. 23. — Issue 1.

Williams B. Hidden ethnocide in the Soviet Muslim borderlands: the ethnic cleansing of the Crimean Tatars // Journal of Genocide Research. — 2002. — Vol. 4. — Issue 3.

Williams B. The Hidden Ethnic Cleansing of the Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriations of the Crimean Tatars // Journal of Contemporary History. — 2002. — Vol. 37. — Issue 3.

Windrow M. The Waffen-SS. — London, 1995.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ И СПРАВОЧНИКИ

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. Биографический справочник. — СПб., 2001.

Залесский К.А. РСХА. — М., 2004.

Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. — М., 2004.

Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. — М., 2005.

Залесский К.А. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. — М., 2005.

Краткий политический словарь. — М., 1987.

Музафаров Р. Крымско-татарская энциклопедия: в 2 т. — Симферополь, 1993—1995. — Т. 1—2.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева и др. — М., 1996.

The German Police / Ed. by A. J. Munoz. — New York, 1997.

Mitcham S. W. Hitler's Legions. The German Army Order of Battle, World War II. — New York, 1985.

Munoz A.J. The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945. — New York, 2001.

Nafziger G.F. Foreigners in Field Gray: The Russian, Croatian, and Italian Soldiers in the Wehrmacht. — Pisgah, Ohio, 1995.

Nafziger G.F. The German Order of Battle: Infantry in World War II. — London, 2000.

Nafziger G. F. The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. — Conshohoken, 2001.

Personen Lexikon / Hrsg. v. H. Weiß. — Wien, 2003.

Seidler F.W. Die Kollaboration: 1939—1945. — München; Berlin, 1995.

Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939—1945: In 17 bd. — Frankfurt-am-Main — Osnabrück, 1965—2002. — Bd. 1—4, 5, 8—10, 14, 16.

Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / Bearb. v. G. Tessin und N. Kannapin. — Osnabrück, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема иностранных добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил являлась одной из самых закрытых, малоизученных и дискуссионных в отечественной историографии Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что за период после распада СССР были опубликованы сотни статей и монографий, освещающие различные аспекты этой проблемы. Во многих работах исследователей из стран СНГ на достаточно высоком уровне дан подробный анализ такого сложного общественно-политического явления как коллаборационизм, выяснены его причины, роль в истории войны и послевоенные последствия.

Тем не менее нельзя не признать, что еще больше работ на эту тему носят поверхностный и непрофессиональный характер, а их авторы занимаются переписыванием фактов, в лучшем случае из зарубежных монографий, а в худшем — друг у друга. Другим недостатком современной историографии данной проблемы является то, что изучаются в основном уже хорошо известные сюжеты (например, Власовское движение), тогда как

многие другие, не менее важные, остаются вне поля зрения историков (например, то же Власовское движение, но уже на территории Крыма). Поэтому изучение и введение в научный оборот новых источников, главным образом из архивных фондов, является как нельзя актуальным для полноценного, всестороннего и правдивого освещения истории иностранных добровольческих формирований.

Одним из таких архивов, фонды которого содержат значительный документальный материал по указанной проблеме, является Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК) в Симферополе. Этот материал весьма разнообразен и отличается по тематике, происхождению, качеству и количеству информации, по степени сохранности документов и сконцентрирован в основном в следующих фондах:

- П — 1 (Документальные материалы Крымского областного комитета Компартии Украины, 1936—1945);
- П — 151 (Документы Крымского штаба партизанского движения, 1941—1944);
- П — 156 (Дела Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны);
- Р — 652 (Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, 1921—1945);
- Р — 1326 (Алуштинская районно-городская управа, 1941—1942);
- Р — 1457 (Керченская городская управа, 1941—1942);
- Р — 1458 (Феодосийская городская управа, 1941—1944).

Если проанализировать материал этих фондов по происхождению, то можно сделать вывод, что интересующая нас информация содержится в документах центральных органов Германии и СССР, документах местной оккупационной и советской администрации, документах партизанского движения и т.п.

Тематика вышеперечисленных документов весьма разнообразна, однако в целом из нее можно выделить информацию о следу-

ющих аспектах интересующей нас проблемы. Это: (а) общие вопросы истории иностранных добровольческих формирований; (б) органы полиции в оккупированном Крыму; (в) подразделения Восточных легионов на территории полуострова; (г) Русская освободительная армия (РОА); (д) крымско-татарские добровольческие формирования и ряд других, более мелких аспектов.

Так или иначе, но каждый из этих аспектов представляет, по целому ряду причин существенный интерес для историка, работающего над проблемой коллаборационизма. При этом следует подчеркнуть, что этот интерес может касаться как всей истории иностранных добровольческих формирований, так и истории последних на территории Крыма. Что же представляет собой эта проблема в отражении имеющихся в архиве документов? Охарактеризуем каждый из выделенных нами аспектов.

Общие вопросы истории иностранных добровольческих формирований. Этот комплекс документов в количественном отношении самый незначительный. Однако он интересен уже тем, что представляет собой подлинные документы различных немецких военных и гражданских инстанций, которые попали в архив в качестве трофеев партизан или советских войск. В целом эти документы представляют собой: (а) общие указания по использованию добровольческих формирований из числа советских граждан; (б) указания по борьбе с партизанами, в которых обязательно присутствует раздел о том, для чего и как использовать местных добровольцев; (в) документы и инструкции по использованию добровольцев в других оккупированных регионах СССР, которые присылались в Крым в целях обмена опытом. Наиболее интересными эти документы являются с точки зрения того, какую роль отводило немецкое военно-политическое руководство иностранным добровольцам в войне против СССР, а также каким статусом внутри германских вооруженных сил они обладали[1].

---

[1] См., например: ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 26, 391; ф. П — 156, оп. 1, д. 26.

Органы полиции в оккупированном Крыму. В данном случае речь идет о городской и сельской полиции, которая была создана немцами в период оккупации полуострова. Здесь, как и в предыдущем комплексе, мы также имеем дело с немецкими трофейными документами. Главным образом они представляют собой всевозможные распоряжения о создании и использовании полиции, правах и обязанностях полицейских, приказы об их награждении, материальном обеспечении и т.п.

Следующей частью этого комплекса являются документы о дислокации и численности полиции в разные периоды оккупации и в разных районах Крыма. Как правило, это донесения партизанских связных или разведчиков своему командованию.

Еще одной частью этого комплекса является коллекция листовок, как написанных от имени оккупационных властей, так и советских. В первом случае немецкая администрация или местное самоуправление (часто от имени «русской полиции») призывало партизан сложить оружие и начать мирную жизнь. Иногда такие листовки выпускались по адресу населения с призывом не поддерживать партизан. Во втором же случае советские военно-политические органы или крымские партизаны обращались «к изменникам Родины и немецким прислужникам» из полиции, призывая их «вовремя одуматься и прекратить служить немцам». Призывы же к мирному населению зачастую сводились к тому, что оно должно саботировать все мероприятия оккупантов, идти в партизаны и ни в коем случае не идти в полицию, а если представится такая возможность, уничтожать полицейских и прочих «немецких прислужников». В принципе из листовок и с той, и с другой стороны нельзя почерпнуть сколько-нибудь конкретную информацию по интересующему нас вопросу, однако представление о методах психологического воздействия на население и ходе психологической войны они дают в полной мере.

И, наконец, последней частью этого комплекса являются материалы, речь в которых идет об отношении населения Крыма, партизан и советского военно-политического руководства к ме-

роприятиям немцев по созданию полиции вообще и к полицейским, в частности. Следует отметить, что наиболее полная информация о том психологическом климате, который сложился на полуострове в годы оккупации, содержится в воспоминаниях и дневниках обычных мирных граждан, партизан и подпольщиков, которые были написаны после войны по просьбе Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны. Немало места в этих материалах уделено отношению обычных граждан к «новой власти» и полиции, как одному из ее проявлений и атрибутов. И, надо признать, что это отношение было не всегда отрицательным, как утверждалось в советской историографии[1].

Подразделения Восточных легионов на территории Крыма. Это также не очень многочисленный комплекс документальных материалов. Тем не менее его значимость для изучения истории оккупированного Крыма очень велика. Сразу оговоримся: привлекая только эти документы, невозможно реконструировать все события, связанные с использованием немцами на территории Крыма этой категории иностранных добровольческих формирований. Однако и без них картина будет далеко не полной. Так, вне поля зрения могут остаться такие вопросы, как дислокация, численный и национальный состав этих подразделений. Последнее в данном случае является наиболее интересным моментом, так как только из этих документов (представляющих главным образом донесения партизанских связных и разведчиков) мы можем узнать, что на территории Крыма были дислоцированы подразделения, укомплектованные грузинами, армянами, азербайджанцами, а также представителями народов Кавказа и Средней Азии. Что же касается поволжско-приуральских народов — еще одной национальной группы этих легионов, то на полуострове их не было.

---

[1] См., например: ГААРК, ф. П — 1, оп. 1, д. 2185; ф. П—151, оп. 1, д. 28, 390, 392; ф. П — 156, оп. 1, д. 24-27, 31, 173-а, 158; ф. Р — 1457, оп. 1, д. 3; Р — 1458, оп. 1, д. 1, 2.

Значительный интерес для исследования представляют листовки советского военно-политического руководства и крымских партизан, адресованные бойцам Восточных легионов. Некоторые из них написаны на двух языках: русском и языке той национальной группы, которой эта листовка предназначалась. Например, имеются экземпляры на грузинском и азербайджанском языках. По содержанию они идентичны листовкам, адресованным служащим полиции, однако имеются и некоторые особенности. Если полицейским советское руководство просто грозило и взывало к их «советскому патриотизму», то по отношению к национальному контингенту использовался несколько другой прием, связанный, как правило, с обращением к истории того или иного народа.

Нельзя не сказать, что эти листовки не имели успеха. Начиная примерно с осени 1943 года, когда положение Германии на Восточном фронте значительно ухудшилось, легионеры стали поодиночке или группами переходить к партизанам (то же, кстати, имело место и в случае с полицией). Информация о таких переходах занимает значительное место в донесениях партизан на Большую землю. Иногда в них упоминается не только численность и национальность перебежчиков, но даже приводятся их имена. Следует отметить, что отношение населения к легионерам и «полицаям» было в принципе одинаковое. Партизаны же, наоборот, относились к первым более снисходительно, зачисляя их (иногда без проверки) в свои отряды. Что же касается членов полицейских формирований, то в документах Крымского штаба партизанского движения и Крымского обкома Компартии Украины нередки упоминания о том, что «компетентные органы» настаивают на более бдительном отношении к бывшим полицейским. Часто такая бдительность приводила к тому, что перебежчиков расстреливали, а некоторые даже убегали обратно к немцам. Вероятно, причина такой дифференциации кроется в пресловутом национальном вопросе, который заметно обострился в годы войны[1].

[1] См., например: ГААРК, ф. П — 1, оп. 1, д. 2185; ф. П — 151, оп. 1, д. 28, 30, 34, 505; ф. П — 156, оп. 1, д. 40, 51, д. 173-а.

Следует отметить, что в этом комплексе материалов хранится уникальный по своей сути документ. Он посвящен мятежу в 804-м азербайджанском пехотном батальоне, который подготовила существовавшая там подпольная организация. К сожалению, подпольщиков кто-то выдал, немцы приняли меры, и мятеж не удался. Батальон был расформирован, а его личный состав направлен в лагерь. Некоторым, правда, удалось бежать. Они примкнули к партизанскому отряду и сражались в нем до полного освобождения Крыма. Вся эта история была записана с их слов. Уникальность же этого небольшого документа заключается в том, что информацию об этих событиях нельзя найти не только в украинских архивах, но и в бывших центральных, а ныне российских. Полный отчет о них хранится в фондах Федерального военного архива ФРГ во Фрайбурге, который, естественно, доступен не всем отечественным исследователям[1].

Русская освободительная армия (РОА). Этот комплекс документальных материалов является наиболее информативным и необходимым при изучении данной темы. В указанных фондах хранятся подлинные экземпляры «Смоленского воззвания» и других обращений генерала А. Власова к бойцам и командирам Красной армии и советскому населению.

Значительную его часть составляют листовки и другие пропагандистские материалы, адресованные тем же читателям, в которых разъяснялось, кто и почему в действительности начал войну, за что борется РОА, и что надо делать, чтобы присоединиться к этой борьбе. По смыслу и содержанию листовки РОА были идентичны таким же материалам, о которых говорилось выше. И интересны они могут быть только с точки зрения сравнительного анализа: как, например, немцы обращались к советскому населению и военнослужащим от своего имени, и как от имени «командования РОА». Более же подробная и ценная информация о роли РОА в пропагандистской войне Германии против СССР

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 312.

содержится в специальных изданиях, таких как «Офицерский бюллетень РОА» и «Бюллетень добровольцев РОА». Эти органы выходили в Германии от имени «Русского комитета», «командования РОА» и тому подобных порождений немецкой пропагандистской войны. В Крым они попали после начала здесь вербовочной компании в ряды РОА[1].

Как известно, искусство, во всех его проявлениях, в период войны также становится частью пропаганды. И пропаганда, исходившая от РОА, не была в данном случае исключением. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, хранящиеся в указанных архивных фондах. Такая пропаганда через искусство выражалась в основном в виде карикатур на высшее советское руководство и лидеров западных союзников, небольших произведениях художественной прозы, повествующих о боевых и мирных буднях солдат РОА, и, конечно, стихах. Последние представляются наиболее интересным и оригинальным жанром данного направления пропаганды, так как среди этих стихотворений наряду с заурядными агитками можно встретить настоящую поэзию, свидетельствующую о том, что в РОА шли служить не только «подонки и отщепенцы».

---

[1] Вообще же фонд прессы Крыма времен оккупации представлен только двумя коллаборационистскими изданиями — это газеты «Голос Крыма» (орган Симферопольского городского управления) и «Azat Kirim» (орган симферопольского Мусульманского комитета). Оба эти печатных органа содержат интересную информацию по проблеме иностранных добровольческих формирований в германских вооруженных силах (главным образом о РОА и крымско-татарских подразделениях). Однако их анализ уже был проведен автором и не входит в задачи данной публикации. Более подробно об этом см.: *Романько О.* З історії колабораціоністської періодичної преси в Криму в окупаційний період (1941-1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність: Доп. та повідомл. восьмої Всеукр. наук.-теорет. конф., Львів, 24-26 жовт. 2003 р. — Львів, 2003.

Что же касается крымской стороны проблемы РОА, то документы этого комплекса являются во многом уникальными. Подчеркнем, что, и по количеству, и по качеству информации, это очень значительный комплекс. Однако согласно происхождению документов и материалов, его условно можно поделить на две большие части. Это документы и материалы немецкой оккупационной администрации на территории Крыма, а также документы и материалы, вышедшие из среды крымских партизан и подпольщиков. Некоторая информация о крымских частях РОА содержится и в послевоенных воспоминаниях граждан, переживших оккупацию, однако она является незначительной и может быть использована только в совокупности с вышеуказанными документами.

Документы и материалы органов немецкой оккупационной администрации представляют собой в основном указания по использованию добровольцев РОА (прежде всего в целях пропаганды) и отчеты о результатах этого использования. Интересно отметить, что офицеры-пропагандисты РОА использовались не только в антипартизанских операциях, но также и в пропагандистских мероприятиях, адресованных местным жителям. При этом, как показывают документы, немцы преследовали свои цели, сугубо утилитарные. Руководство же РОА видело свои задачи не только в обычной пронемецкой пропаганде, но и пыталось играть самостоятельную роль. Так, одним из направлений работы пропагандистов стало распространение среди местного населения основ русского национального самосознания (во власовской интерпретации, конечно). То, что это происходило не всегда с согласия немецкого руководства, видно, например, из отчета Штаба пропаганды «Крым», в котором выражена обеспокоенность в связи с распространением среди местного населения идеи так называемой «третьей силы». Вероятно, такое несовпадение целей и послужило причиной того, что немцы так и не дали РОА развернуться на Крымском полуострове в полную силу. Хотя все предпосылки для этого были.

О последнем факте, кстати, свидетельствует другая часть этого комплекса документов — материалы крымских партизан и подпольщиков. Прежде всего они представляют собой донесения партизанских разведчиков и связных о дислокации и численности подразделений РОА в том или ином районе Крыма. Большая же часть этих материалов посвящена усилиям партизан и подпольщиков по нейтрализации того пропагандистского эффекта, который производила РОА на местное население. С этой точки зрения данная информация представляется наиболее интересной, так в советской историографии бытовало мнение, что РОА не представляла собой сколько-нибудь значительной силы. С военной стороны это, скорее всего, так и было (и особенно в Крыму). Политическая же сторона этого вопроса очень волновала советское руководство, хотя оно это и усиленно скрывало. И комплекс материалов об истории крымских частей РОА яркое тому подтверждение. В целом всю тематику этих документов можно свести к трем пунктам: (а) разъяснение населению, что такое РОА, истинные цели ее создания; (б) приказы высшего советского военно-политического руководства и партизанского командования о срыве вербовки в РОА любой ценой и дискредитации самой идеи этой армии среди населения; и, наконец, (в) отчеты партизан и подпольщиков о проделанной работе и ее результатах (в этом случае наиболее интересной является информация о настроениях среди личного состава частей РОА). Отдавая приказы об этих мероприятиях, советское военно-политическое руководство, само того не подозревая, выдавало свою озабоченность проблемой РОА вообще и в Крыму, в частности и признавало ее немаловажное значение в процессе воздействия на настроения населения.

Наконец, при изучении документов по истории РОА на территории Крымского полуострова, нельзя не отметить такую деталь, как отсутствие упоминаний об участии ее солдат в карательных акциях оккупантах и зверствах над мирным населением. На наш взгляд, это говорит о многом[1].

[1] См., например: ГААРК, ф. П — 1, оп. 1, д. 2203; ф. П — 151, оп. 1, д. 26-28, 505; ф. П — 156, оп. 1, д. 25, 40.

Крымско-татарские формирования. Не будет преувеличением сказать, что это наиболее значительный и уникальный комплекс документальных материалов ГААРК по проблеме иностранных добровольческих формирований. Другим его отличием от всех вышеуказанных комплексов документов является то, что он отчасти систематизирован. Так, его основная масса сосредоточена в двух делах: «Материалы о поведении крымских татар в период немецко-фашистской оккупации» и «Материалы о предательской деятельности татарских буржуазных националистов»[1]. Необходимо сразу сказать, что такое внимание советских архивистов к этим документам не было вызвано интересом к теме иностранных добровольческих формирований. Эти дела были сформированы после депортации крымских татар в 1944 году, а материалы, хранящиеся в них, должны были показать причины этого события. Тем не менее историку, работающему над указанной проблемой, трудно найти более интересную и подробную информацию, чем эта, так как копии многих документов по истории крымско-татарских формирований хранятся только в уже упоминавшемся Федеральном военном архиве ФРГ.

Проанализировав указанные фонды, можно сделать вывод, что в целом это документы и материалы органов немецкого военно-политического руководства на территории Крыма, мусульманских татарских комитетов и крымских партизан и подпольщиков. Их тематика достаточно разнообразна и содержит в себе информацию:

1. О военно-политических причинах и условиях создания этих формирований. В том числ, информацию о взаимоотношениях лидеров татарских националистов с германским военно-политическим руководством, роли мусульманских комитетов в процессе создания и использования добровольческих частей;

[1] ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 388; ф. П — 156, оп. 1, д. 41.

2. Об организации этих формирований. В том числе информацию о методах и результатах вербовки в них, качестве завербованных добровольцев, численном составе и дислокации организованных подразделений, их нумерации и номенклатуре, вооружении и снаряжении;

3. О военно-политической подготовке личного состава. В том числе информацию о работе немецких инструкторов, пропагандистском обеспечении добровольцев, роли ислама в этом обеспечении;

4. О боевом применении этих формирований. В том числе информацию о методах и принципах этого применения, его целях и задачах, основных направлениях. Среди последних особенно выделяются следующие: борьба с партизанами, карательные экспедиции, охранная служба на военных и гражданских объектах, а также в концлагере на территории совхоза «Красный»;

5. Об итогах боевого применения и эффективности этих формирований. В том числе информацию о боевых качествах и моральном состоянии татарских добровольцев, факторах, которые влияли на это.

Таким образом, используя эти документы и материалы, можно в целом реконструировать основные моменты истории этой категории иностранных добровольческих формирований на территории Крыма.

Выше уже говорилось о том, что значительную часть документов о крымско-татарских добровольческих формированиях (впрочем, как и о других) составляют всевозможные указания, донесения, отчеты и т.п. крымских партизан и подпольщиков. Иногда, за неимением подлинных немецких документов, это единственный источник информации по целому ряду аспектов истории Крыма в период оккупации. Поэтому при их использовании подходить к ним следует очень осторожно, перепроверяя, если это возможно, содержащуюся в них информацию. Однако нельзя согласиться и с теми авторами, которые полно-

стью отрицают правдивость документов из этих источников лишь по той простой причине, что во многих из них содержится негативная информация о роли крымских татар в период оккупации (например, зверства против мирного нетатарского населения). Как правило, они мотивируют это тем, что подобные материалы начали собираться (и даже фабриковаться?!), чтобы документально оправдать депортацию. В данном случае можно спорить о подлинности событий, которые описаны в послевоенных воспоминаниях, но, на наш взгляд, сомневаться в документах периода войны можно только с некоторой погрешностью. И документы о крымско-татарских добровольческих формированиях здесь не исключение[1].

Наконец, в фондах ГААРК хранится ряд документов и о других иностранных добровольческих формированиях. В данном случае это казачьи части и подразделения. Однако следует признать, что этот комплекс является незначительным и не может быть использован самостоятельно[2].

Проанализировав хранящуюся в ГААРК информацию по истории иностранных добровольческих формирований в составе силовых структур нацистской Германии, можно прийти к выводу, что архивные фонды и по сей день являются главнейшим источником информации по данной проблематике. Что же касается крымского аспекта этой проблемы, то этот источник, пожалуй, один из немногих доступных для отечественного исследователя.

Из сказанного выше видно, что документы по истории военного коллаборационизма в фондах ГААРК весьма многочисленны и отличаются по количеству и качеству информации. Их не-

---

[1] См., например: ГААРК, ф. П — 1, оп. 1, д. 2160, 2185; ф. П — 151, оп. 1, д. 388, 391, 505; ф. П — 156, оп. 1, д. 26, 31, 37, ; ф. Р — 652, оп. 24, д. 16, 24.

[2] См., например: ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 28, 390, 505; ф. П — 156, оп. 1, д. 40.

сомненным достоинством является то, что некоторые из этих документов весьма ценны в силу своей уникальности. Например, подлинные документы немецких военно-политических органов и материалы из среды некоторых иностранных добровольческих формирований. Другим достоинством фондов ГААРК является то, что по некоторым спорным моментам истории Крыма периода оккупации их документации более чем достаточно (например, по вопросу о крымско-татарских формированиях).

Однако нельзя не указать и на ряд причин, которые снижают ценность этих документов:

- во-первых, все они разбросаны по нескольким фондам, из описей которых только с трудом можно догадаться об их наличии в том или ином деле;
- во-вторых, это спорность информации, содержащейся в этих документах. Главным образом это касается самой большой части — сообщений, отчетов и т.п. документации партизан и подпольщиков. В целом достоверную информацию из этого источника можно по некоторым аспектам поставить под сомнение вследствие того, что многие партизаны и подпольщики были люди гражданские и незнакомые с организацией и структурой вооруженных сил, тем более германских. Они не знали, что иностранные добровольческие формирования являлись, по сути, самостоятельной категорией вермахта и войск СС — все их члены были для них «власовцами» и т.п. Поэтому используя информацию, содержащуюся в этих документах, ее желательно перепроверять по другим источникам. Кстати, такой же упрек можно адресовать и документам, вышедшим из среды самих иностранных добровольцев;
- в-третьих, одним из положительных моментов, отличающих данный комплекс документов, является то, что наряду с немецкими трофейными документами имеется и их перевод на русский язык. Однако зачастую он выполнен неточно и без знания немецкой военно-политической терминологии.

Тем не менее указанные недостатки не снижают общей научной ценности этого комплекса документов. В принципе их главной причиной является то, что тема иностранных добровольческих формирований в составе силовых структур нацистской Германии была в Советском Союзе под запретом, и поэтому создавать благоприятные условия для ее изучения никто не собирался. Теперь же, когда стало ясно, что данная проблема является, хоть и трагической, но неотъемлемой страницей истории Второй мировой войны, создавать такие условия, на наш взгляд, необходимо. И делать это следует не только из научных соображений. Как показали события в некоторых республиках бывшего СССР, общественно-политическая актуальность изучения проблемы коллаборационизма также несомненна.

ГАЗЕТА «ГОЛОС КРЫМА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Периодическая печать является одним из важнейших источников по изучению всех аспектов истории Второй мировой войны. Одним из них, долгое время находившимся как бы на втором плане, является немецкая оккупационная политика на территории СССР. В советской прессе времен войны она практически не нашла своего отражения. Что же касается газет, выходивших на оккупированных территориях, то это поистине неисчерпаемы источник разнообразной информации по всем вопросам внутренней жизни той части советского населения, которая оказалась в оккупации. По своему происхождению эти газеты можно условно разделить на два больших комплекса:

- газеты, издававшиеся немецкими оккупационными властями, и
- газеты — органы различных коллаборационистских учреждений[1].

[1] В данном случае среди периодики, выходившей на оккупированных территориях, не рассматриваются газеты подпольных

Последние представляют наибольший интерес, так как в них (хоть и подконтрольных оккупантам) печатались сообщения и материалы зачастую более объективные, чем официальная советская и немецкая информация. Однако следует помнить, что периодическая печать, выходившая на оккупированных советских территориях, была одним из элементов в системе по обеспечению немецкого «нового порядка». Не был в данном случае исключением и Крым, где за период с 1941 по 1944 год выходило значительное количество периодических изданий[1].

Наиболее значительным из них была газета «Голос Крыма» — орган Симферопольского городского управления. Первый номер этой газеты вышел 12 декабря 1941-го, а последний — 9 апреля 1944 года. Ее первоначальный тираж составлял 3 тыс. экземпляров. Затем его динамика была следующей: 5 тыс., 18 тыс., а к середине 1943 года он возрос до 80 тыс. экземпляров. В 1941 — начале 1942 года газета выходила два раза в неделю на двух страницах, а в 1942—1944 годах — три раза в неделю на четырех страницах. Розничная цена «Голоса Крыма» была 1 рубль или 10 оккупационных пфеннигов[2].

В 1943 году, 21 июля и 3 октября, газета выходила под названием «Голос Таврии». В этом же году стали выходить и специализирован-

---

и партизанских организаций коммунистической направленности. В публикации также не рассматриваются издания различных националистических подпольных организаций, так как, на наш взгляд, это тема отдельного большого исследования.

[1] За период немецкой оккупации на территории Крыма выходили следующие периодические издания: это газеты «Голос Крыма», «Феодосийский вестник», «Евпаторийские известия» (с августа 1943 г. «Освобождение»), «Сакские известия», «Земледелец Тавриды», «Крымская немецкая газета» (на немецком языке), «Свободный Крым» (на татарском языке) и журнал «Современник» (Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945... — С. 82).

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 25-26.

ные приложения к ней: «Женский листок» (с 21 мая 1943 г.) и «Молодость» (с 18 июля 1943 г.) [1].

Главными редакторами газеты были следующие лица: 12 декабря 1941—26 марта 1942 года — В. Попов, 26 марта 1942 — октябрь 1943 года — А. Булдеев и с октября 1943 по 9 апреля 1944 года — К. Быкович[2].

После своего окончательного оформления в виде четырехстраничного издания «Голос Крыма» в целом печатал материалы следующей направленности. Так, его первая и вторая страницы состояли из двух типов статей: порочащих советский строй, советских государственных, военных и научных деятелей и, наоборот, восхваляющих немецкий «новый порядок», успехи германской армии. Кроме того, на этих страницах помещались сводки с театров боевых действий, международные новости (обычно переводы из немецких газет или перепечатки из более крупных оккупационных изданий), речи Гитлера и других видных нацистов, а также их биографии.

Третья страница «Голоса Крыма» рассказывала о жизни в городах и селах Крыма после их «освобождения от власти советов немецкой армией», о хозяйственной и культурной жизни полуострова при «новом порядке». При этом значительное место уделялось материалам на религиозную тему.

Приказы, постановления, извещения Симферопольского городского управления и городского коменданта печатались на четвертой странице газеты. В основном они касались правил соблюдения комендантского часа, хозяйственной жизни города, переименования улиц и упорядочения торговли. Кроме того, на этой странице публиковались приказы о расстрелах

---

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 26.

[2] *Александров К.М.* Икона Владимирской Божией Матери в Русском корпусе (по материалам органа печати Симферопольской управы «Голос Крыма») // Наши вести. — 1998. — № 451(2752). — С. 15.

жителей Симферополя с указанием их фамилий и совершенных преступлений.

По мнению современного российского исследователя К. Александрова, газета «Голос Крыма» значительно отличалась от других оккупационных газет «достаточно высоким художественным уровнем оформления многих материалов. Прекрасные статьи о Ф.И. Тютчеве, Ф.И. Шаляпине, К.Д. Бальмонте, С.В. Рахманинове... сделали бы честь многим сегодняшним периодическим изданиям»[1].

Однако в целом же, «аналитические» материалы в ней не отличались разнообразием. Из номера в номер в газете публиковались статьи очень близкие по смыслу и тематике. Так, можно выделить следующие основные тематические блоки:

- речи деятелей Третьего рейха;
- разоблачение учения Маркса—Энгельса—Ленина;
- рассказы очевидцев о плохой жизни в СССР, разоблачение его внутренней и внешней политики;
- призывы к населению бороться с большевизмом в союзе с Германией; разоблачение «еврейского заговора»[2].

Следует сказать, что последнему вопросу в «Голосе Крыма» (и всех подобных ему изданиях) уделялось особое место. С целью ответа на «еврейский вопрос», газета почти в каждом номере помещала на своих страницах статьи антисемитского содержания. Для подтверждения своих «изысканий» авторы этих материалов использовали цитаты из произведений Достоевского, Суворина, Розанова, Шмакова и др.[3]

Такое тематическое однообразие не было случайным. В июле 1942 года министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс записал

---

[1] *Там же.* — С. 15.

[2] Анализ тематики статей газеты «Голос Крыма» за 1941—1945 гг. проведен автором данной публикации. Полный комплект газеты за эти годы хранится в Государственном архиве в Автономной Республике Крым (Симферополь).

[3] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 37, л. 103-104.

в своем дневнике: «*Политика подачи новостей — это оружие в войне*»[1]. Поэтому естественно, что немецкие оккупационные власти не могли пустить на самотек применение такого важного инструмента психологической войны, как периодическая печать. В целях унификации и жесткого контроля весь материал, публиковавшийся в прессе на оккупированных территориях, утверждался сверху. Для этого в помощь редакциям, издававшим газеты на языках народов СССР, в Берлине, в Министерстве пропаганды выходил сборник, который назывался «Материалы для русских газет. В помощь редакциям» (*«Material für russische Zeitungen»*)[2].

Однако, несмотря на такое однообразие тем и способов подачи материала, были и некоторые особенности, которые отличали «Голос Крыма» от многих других изданий, выходивших на оккупированных территориях. Так, начиная с марта 1943 года, особое место на ее страницах заняла тема так называемого Власовского движения и Русской освободительной армии (РОА). Это связано с тем, что это движение и эта армия стали с конца 1942 года важным фактором, который стал оказывать влияние на немецкую оккупационную политику. Не остался в стороне от этого влияния и Крымский полуостров, где газета «Голос Крыма», обращаясь к теме РОА, стала, сама того не подозревая, выразителем настроения некоторых слоев местного населения.

Начиная с марта 1943 года в ней стали появляться программные документы «власовского движения» и некоторая информация о нем[3]. А уже в июне 1943 года, после открытия в Симферополе Центрального вербовочного пункта РОА в Крыму, в «Голосе

---

[1] Цит. по: Герцштейн Р. Указ. соч. — С. 220.

[2] В Государственном архиве Автономной Республики Крым хранится комплект «Material für russische Zeitungen» за 1943—1944 гг.

[3] Например, 18 марта 1943 г. в «Голосе Крыма» был опубликован один из программных документов генерала А.А. Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?».

Крыма», на третьей странице, появилась рубрика «Уголок добровольца». В этой рубрике помещалась информация, посвященная формированию частей РОА, записи в нее добровольцев, их боевым действиям. Например, 29 марта 1943 года была опубликована статья «Русская Освободительная Армия», в номере от 23 мая 1943 года раскрывались «Задачи Русского Освободительного Движения», а в статье «РОА и народы России» от 9 июля 1943 года определялось ее место среди уже существующих национальных добровольческих формирований[1].

В дальнейшем сотрудничество «Голоса Крыма» и частей РОА на полуострове приняло очень тесные формы. Как говорилось выше, в октябре 1943 года ее главным редактором стал поручик этой армии К. Быкович.

За годы советской власти люди были отучены верить любой пропаганде, в том числе и печатной. Истину они искали прежде всего между газетных строк. Поэтому неудивительно, что печатная продукция оккупационных властей вызывала у населения такую же реакцию. Не избежала этой участи и газета «Голос Крыма». В целом доверием у широких масс населения она не пользовалась. По воспоминаниям очевидцев, очень часто можно было услышать такие высказывания: «Стыдно оттого, что русские люди в русской газете убеждают нас радоваться нашим поражениям» или «Название газеты должно быть не “Голос Крыма”, а “Вопли Геббельса и стоны крымского народа”»[2].

А уже к началу 1944 года эта газета перестала удовлетворять даже своих немецких хозяев. С их точки зрения это происходило потому, что «Голос Крыма» стал необоснованно много внимания уделять теме так называемой «третьей силы»[3]. Так,

---

[1] Голос Крыма. — 1943. — № 38. — 29 марта; № 61. — 23 мая; № 75. — 25 июня; № 81. — 9 июля; № 90. — 30 июля.

[2] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 31, л. 96 об., 121.

[3] Тезис о так называемой «третьей силе» являлся одним из ключевых моментов в идеологии той части коллаборационистов,

в отчете Штаба пропаганды «Крым» — главного органа по проведению немецкой психологической войны на полуострове — указывалось, что *«среди населения имеется много сторонников... "третьей силы". Это — люди, ожидающие окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и Советского Союза... Совершенно определенно, эти идеи косвенно или прямо направлены против немецких интересов. Несмотря на это "Голос Крыма" опубликовал уже несколько статей, посвященных этому вопросу и созвучных общему мнению населения. Последней из таких статей является статья "Третья мировая война" в номере от 7 января 1944 года, где речь идет о том, что Англия и Америка третью мировую войну будут вести против СССР... А Германия.... вычеркивается»*[1].

позиция которых на заключительном этапе войны стала приближаться к антинемецкой. Согласно этому тезису, они предполагали перейти к тактике накопления сил, преследуя тем самым три цели. Во-первых, если немцы будут окончательно ослаблены в военном отношении, выступить против них и освободить свою территорию до прихода армий антигитлеровской коалиции. Во-вторых, если Красная армия приблизится к их территории раньше, чем отступят немцы, оказывать ей (совместно с немцами) всяческое сопротивление до прихода западных союзников. И, в-третьих, с помощью своих воинских формирований не дать местным коммунистам и левым силам захватить власть после ухода немцев. После окончания войны этот политический тезис был пущен в «научный оборот» эмигрантским мемуаристом А.С. Казанцевым, воспоминания которого о событиях Второй мировой войны так и называются — «Третья сила» (*Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. — М., 1994). В таком более наукообразном виде он стал обозначать тех, кто с оружием в руках или политическими методами боролся «и с нацизмом, и с коммунизмом».

[1] ГААРК, ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 34.

Кроме того, у немцев вызывал нарекание и тот факт, что из-за нерасторопности органов местного самоуправления газета перестала своевременно доставляться из Симферополя в другие города Крыма. С точки зрения оккупационных властей это было не менее опасным, так как способствовало распространению ненужных слухов среди населения[1].

Исследуя какой-нибудь период истории через призму периодической печати, надо быть очень осторожным, так как информация, подаваемая в ней, очень субъективная и зачастую намерено искажена. В особенности это относится к прессе, выходившей на оккупированных немцами советских территориях. И «Голос Крыма» в данном случае не исключение. Однако, несмотря на все вышесказанное, и эта газета несет в себе немало полезной информации. Прежде всего она касается методов ведения психологической войны нацистским государством, приемов подачи информации и путей воздействия на население. При этом последнее является наиболее важным, так как психологическая обработка через печатную продукцию населения собственно Германии и жителей оккупированных территорий отличалась коренным образом.

ЗАБЫТЫЙ УРОК ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В феврале этого года исполнилось 65 лет со дня начала Ялтинской (Крымской) конференции глав трех держав Антигитлеровской коалиции — СССР, Великобритании и США. Можно по-разному относиться к этому событию. Считать его важным поворотным пунктом истории, почти на полвека определившим устройство послевоенного мира, или рассматривать его как сговор более сильных государств, поделивших сферы влияния в Европе за счет слабых. У каждого может быть своя точка зрения. Однако, так или иначе, приходится признать, что с 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце происходило действительно

[1] ГААРК, Ф. П — 156, оп. 1, д. 26, л. 34.

очень важное событие, результаты и уроки которого не потеряли своей актуальности и в наше время.

История Ялтинской конференции изучена в отечественной и зарубежной историографии довольно хорошо. Любой, интересующийся этой темой может узнать, что на ней были приняты решения о послевоенной политике трех великих держав, направленной на установление прочного мира и системы международной безопасности, о создании ООН, о судьбе Германии после ее капитуляции (оккупация, репарации и т.п.) и многом другом. Кроме того, в ходе этой конференции рассматривались и такие специфические вопросы, как, например, польский и югославский (что, кстати, и является причиной высказываний об этой конференции как о сговоре со стороны определенных политических кругов)[1].

Однако в большинстве серьезных исследований по истории Ялтинской конференции только за редким исключением можно встретить упоминание еще об одном решении, принятом в ходе нее[2]. На наш взгляд, это решение было в какой-то степени не

---

[1] См. например: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Сб. документов. — М., 1984. — Т.4 (Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — 4—11.2.1945 г.).

[2] На наш взгляд, наиболее интересными публикациями по этой проблеме являются такие работы российских авторов: *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. — М., 2002; *Его же.* Депортация советских граждан в Третий рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. — М., 1998. — Вып. 4. — С. 322-409; *Арзамаскин Ю.Н.* Советские органы репатриации в 1944—1946 гг. // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. — М., 1998. — Вып. 4. — С. 258-284. Однако основное внимание

менее важным, чем предыдущие, а по своей судьбоносности даже превзошло многие из них. В юридической плоскости оно было закреплено в серии договоров глав союзных держав, а на практике обернулось трагедией для миллионов людей. Речь идет о так называемой репатриации советских граждан, волею судеб оказавшихся на территории оккупированной немцами Европы.

Как известно, в ходе Второй мировой войны перемещались не только фронты и армии, но также и огромные массы населения. Поэтому одним из вопросов, который предстояло решить И. Сталину, Ф. Рузвельту и У. Черчиллю после окончания войны, и была судьба этих перемещенных лиц. Так или иначе, но заинтересованность в скорейшем разрешении этого вопроса проявили все лидеры «большой тройки». Однако наибольшую актуальность он приобрел для СССР, за пределами которого, в силу ряда причин, оказались миллионы его граждан. В целом их можно поделить на три категории, каждая из которых могла по-разному отнестись к репатриации. Но сначала немного истории.

Одной из составляющих нацистской оккупационной политики на территории СССР был массовый угон его населения на территорию Третьего рейха, с целью его дальнейшего использования в качестве дешевой рабочей силы. Эти «остарбайтеры» и составили первую, самую многочисленную категорию будущих репатриантов. Другой категорией советских граждан, оказавшихся за пределами своей Родины, были военнопленные. И, наконец, была еще одна категория лиц, покинувших территорию СССР. Однако, в отличие от двух предыдущих, сделали они это добровольно, вместе с отступающими немецкими войсками. В число последних входили и бойцы так называемых «восточных» добровольческих формирова-

---

в этих исследованиях уделяется прежде всего структуре органов репатриации и различной статистике по репатриантам.

ний — частей и соединений, созданных немцами из числа советских граждан. В результате к маю 1945 года на территории Германии и оккупированных ею государств оказалось около 7 млн перемещенных лиц из СССР всех указанных категорий. И если подавляющее большинство «остарбайтеров» и военнопленных ничего не имели против возвращения на Родину, то добровольцы и прочие коллаборационисты всеми силами не хотели этого делать[1].

Как казалось Рузвельту и Черчиллю, суть проблемы была проста. На территориях, освобождаемых их армиями, имелось некоторое количество перемещенных лиц — граждан союзной державы, которых по возможности скорее было необходимо отправить на Родину. Согласно подписанным 10 и 11 февраля 1945 года документам, все договаривающиеся стороны обязались делать это как можно быстрее и без проволочек. Однако третий лидер «большой тройки» — И. Сталин — понимал, что не все оказавшиеся за пределами СССР захотят в него вернуться. Поэтому он настоял, чтобы лидеры западных союзников дали свое согласие на «безусловную и всеобщую репатриацию всех находящихся в их оккупационной зоне советских граждан» по состоянию границ на 1 сентября 1939 года. Это соглашение подлежало выполнению без учета индивидуальных пожеланий. При необходимости допускалось применение силы. И в первую очередь это касалось лиц, взятых в плен «в немецкой военной форме», то есть бойцов «восточных» добровольческих формирований[2]. Несколько позже, 13 марта и 26 июня 1945 года, соглашения, аналогичные ялтинским, были заключены между СССР, Бельгией и Францией.

---

[1] *Арзамаскин Ю.Н.* Указ. соч. — С. 258.

[2] Советский Союз на международных конференциях... — С. 258; *Хоффманн Й.* История Власовской армии. — Париж, 1990. — С. 235.

Выше уже было сказано, что с репатриацией подавляющего большинства «остарбайтеров» и советских военнопленных не должно было возникнуть каких-либо проблем. Так оно, за редким исключением, и происходило. Что же касается «беженцев от коммунизма» и бойцов «восточных» добровольческих формирований, то их передачи советским репатриационным комиссиям породили столько проблем и недоразумений, что эта тема была надолго закрыта для объективного исследования. Кроме того, за послевоенный период она обросла целым клубком противоречий (в основном политического, юридического и морального характера), которые только искажали ее и так немногочисленные факты. В связи с этим данная работа не является претензией на истину в последней инстанции. Скорее, это только попытка приблизиться к пониманию вопроса, указанного в ее заголовке. Иначе и быть не может. Даже в наше время, через 60 лет после этих событий, многие материалы по насильственной репатриации в архивах Великобритании и США являются недоступными в силу действующих там законах о хранении подобной документации. Что же тогда говорить об отечественных архивах! Поэтому все сведения, приведенные в статье, взяты из открытых источников и литературы, опубликованной как на Западе, так и в странах СНГ.

Одной из особенностей немецкой оккупационной и национальной политики в войне против Советского Союза было активное привлечение его граждан к сотрудничеству. Оно принимало различные формы, наиболее активной из которых была служба в так называемых «восточных» добровольческих формированиях вермахта, войск СС и полиции. В целом приходится признать, что эта политика имела определенный успех, так как за период с 1941 по 1945 год в подобных формированиях прошло службу от 1,3 до 1,5 млн человек[1].

---

[1] Подробнее о вопросе «восточных» добровольческих формирований см., например: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и каза-

Несмотря на такое количество «предателей», их численность не должна казаться такой уж большой. Она могла быть и большей, если вспомнить историю СССР после октябрьского переворота. Ведь не секрет, что перед началом войны в Советском Союзе было огромное количество недовольных существующим режимом, настроения которых не мог не использовать осмотрительный враг. А если прибавить еще и социальное недовольство, и не решенный национальный вопрос, то ситуация приобретала просто угрожающие размеры.

Однако не надо думать, что в добровольческие формирования шли исключительно идейные противники советской власти. В них было много и просто обманутых, и военнопленных, доведенных до отчаяния нечеловеческими условиями в немецких концлагерях, и просто тех, которые хотели выжить в условиях войны. Тем не менее всех их советская власть ставила на одну доску. Все они были «предатели», которые заслуживали самого сурового наказания, так как воевали в рядах врага. Это показали уже первые процессы над «предателями и изменниками Родины», которые начали организовываться по мере того, как Красная армия освобождала те или иные территории. Ярким примером здесь может служить Краснодарский процесс (1943). Обычно приговор был стандартным — смертная казнь через повешение[1]. Таким образом, часть добровольцев попала в руки советских репрессивных органов еще до вступления Красной армии на территорию Европы. Еще одной части удалось отступить вместе с немецкими войсками (например, «знамени-

---

чьи части в вермахте. — М., 1999; *Его же.* Русская освободительная армия. — М., 2000; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М., 2004.

[1] *Майоров Н.* Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М., 1979. — С. 160-170.

тая» Бригада Каминского и Казачий стан атамана Доманова). Как правило, вместе с ними уходили члены их семей и просто беженцы, не хотевшие возвращаться под советскую власть. И, наконец, третья часть «восточных» добровольцев была перемещена самими немцами с Восточного на Западный фронт в середине 1943 года. Эти последние оказались разбросанными от Норвегии до Италии, и от Польши до Франции[1].

Все вышесказанное касалось только советских граждан. Однако в число «восточных» добровольческих формирований входили также части и соединения, созданные немцами из представителей белой эмиграции, которые рассматривали войну Германии против СССР как продолжение Гражданской. К таким, например, относятся Русский охранный корпус, созданный из чинов белой Добровольческой армии в Югославии и 1-я Русская национальная армия[2]. Назвать этих людей советскими гражданами можно было только с очень большой натяжкой, тем не менее как показали события, советская власть также имела на них свои виды.

В результате к маю 1945 года эта категория перемещенных лиц насчитывала более 2 млн человек (в их число входили также гражданские беженцы). Основная их масса была сконцентрирована на территории Германии и Австрии, куда они отступали вместе с немецкими войсками из всех уголков Европы. Кроме того, небольшая их часть оставалась во Франции, Италии и странах Скандинавского полуострова[3].

Из приведенного выше анализа видно, что эта категория была очень неоднородной. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей могли опасаться мести советской власти. Тем более что последняя (из пропагандистских соображений) в целом ряде случаев стала наказывать только наиболее одиозных «предателей» и прощала

---

[1] *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992. — С. 309.

[2] *Дробязко С.И.* Русская освободительная армия... — С. 17-22.

[3] *Арзамаскин Ю.Н.* Указ. соч. — С. 258-259.

(или наказывала, но, по своим понятиям, незначительно) рядовых добровольцев. Однако среди «восточных» добровольческих частей были такие, все члены которых по целому ряду причин не могли надеяться на снисхождение. Всех их ждала смертная казнь или (что немногим лучше) 25-летняя каторга. Это следующие формирования:

- соединения так называемой Русской освободительной армии (РОА);
- казачьи части;
- формирования из представителей белой эмиграции;
- ряд украинских и белорусских соединений;
- кавказские и тюркские части и подразделения.

Следует отметить, что процесс репатриации происходил в несколько «волн», каждая из которых имела свои особенности. В целом можно выделить три крупные «волны»: 1944—1946, 1945—1946 и 1946—1947 годах. Выдачи «русских военнопленных в немецкой военной форме» имели место и до Ялтинских соглашений. Некоторые из них были захвачены в 1943 году в Северной Африке и тихо выданы через Египет и Иран по устной договоренности советского и английского правительств. В 1944 году также поступали с пленными, захваченными после высадки западных союзников в Италии и Северной Франции[1]. Главной особенностью первой «волны» было то, что репатриация происходила небольшими группами, и в основном морем (например, из Англии в советские порты Мурманск и Одессу). По данным немецкого историка Й. Хоффманна, за период с 1944 по 1946 год подобным образом было отправлено 32 529 человек — бывших членов добровольческих формирований вермахта[2].

Третья «волна» имела место уже после начала «холодной войны» и была как бы инерцией двух первых. СССР по инерции продолжал еще требовать выдачи «предателей», а западные союзники

---

[1] *Назаров М.В.* Указ. соч. — С. 336.

[2] *Хоффманн Й.* Указ. соч. — С. 236.

по инерции продолжали выполнять эти требования. И это несмотря на то что еще в июне 1946 года англичане объявили об окончании репат-риации со своей территории и даже закрыли соответствующий отдел Военного министерства. Тем не менее ими были проведены две операции, получившие «поэтические» названия «Килевание» (1946) и «Восточный ветер» (1947). Обе операции проходили в Италии, а количество выданных было минимальным — не более 300 человек[1].

Возможно, первая и третья «волны» так бы и остались неизвестными широким кругам мировой общественности. Возможно, о них бы вспоминали только как о небольшом недоразумении, а их жертвы затерялись бы в общей массе потерь Второй мировой войны. Возможно, так бы оно и произошло, если бы не вторая «волна». Именно благодаря трагическим событиям, разыгравшимся в 1945—1946 годах, мир узнал, кто такие, по образному выражению эмигрантского историка Н.Д. Толстого, «жертвы Ялты».

Подчеркнем, что вторая «волна» репатриации наиболее отвечала «букве» Ялтинских соглашений. В результате ее союзнический долг западных демократий перед СССР был выполнен и даже перевыполнен. Но это только с одной стороны. С другой же стороны, выдачи этого периода показали, что исходя из политической конъюнктуры можно «закрыть глаза» на многие юридические и моральные нюансы. И те же демократии были здесь ничуть не лучше, чем «маршал Сталин».

Выдачи этой «волны» начались сразу же после капитуляции Германии. Однако в отличие от двух других «волн» здесь Ялтинское соглашение о репатриации было применено к более многочисленным группам «восточных» добровольцев. Они происходили в разное время, были отдалены географически, но

---

[1] *Полян П.М.* Депортация советских граждан в Третий рейх... —С. 385; *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. — М., 1996. — С. 416-426.

объединяло их то, что совершались они всегда обманным путем и с большой жестокостью.

Первыми «жертвами Ялты», испытавшими на себе все «прелести» этого соглашения, стали добровольческие формирования, собравшиеся в мае 1945 года в Каринтии (Австрия). Это Казачий стан генерал-майора Т. Доманова, находившийся в районе Лиенца и насчитывавший 24 тыс. военных и гражданских лиц, группа кавказцев в Обердраубурге под командованием генерала Султана Келеч-Гирея, численностью в 4800 человек, и 15-й Казачий кавалерийский корпус под командованием немецкого генерал-лейтенанта Г. фон Паннвица, численностью в 30—35 тыс. человек, находившийся в районе Фельдкирхен — Альтхофен[1].

Все эти лица надеялись, что их считают военнопленными, со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, многие попросту не верили, что англичане, верные принципу предоставления «политического убежища» всем, испытывающим притеснения на родине, выдадут их на верную смерть. Однако, как показали дальнейшие события, нежелание «ссориться с Советами» оказались сильнее всех традиций «доброй старой Англии».

Насильственная выдача этих 50—60 тыс. человек была тщательно подготовлена штабом 5-го английского корпуса. Причем английское командование относилось к ней настолько серьезно, что во всех соответствующих документах она обозначалась термином «военная операция». Поначалу предполагалось применить только обманный маневр, но вскоре стало ясно, что придется прибегнуть и к насильственным действиям. 28 мая 1945 года 2756 офицеров (в том числе 35 генералов) соединения генерал-майора Доманова и 125 кавказских офицеров Султан-Келеч Гирея были отделены от своих подчиненных и семей и под предлогом совещания с представителями англий-

[1] *Хоффманн Й.* Указ. соч. — С. 236.

ского командования были перевезены в строго охраняемый лагерь в Шпиттале. Некоторым из них на другой день, когда обман раскрылся, удалось бежать, некоторые, как генерал-майор Д. Силкин, покончили с собой, многие были застрелены англичанами при попытке к бегству. Но подавляющее большинство из них были 29 мая 1945 года доставлены в Юденбург и там переданы советским представителям[1].

Отделение командного состава послужило прелюдией к назначенной на 31 мая — 1 июня 1945 года выдаче рядовых казаков и кавказцев в районе Лиенц — Обердраубург. Скрыть от такой массы людей, что их собираются передать советским властям, было уже невозможно. Это и послужило причиной трагедии, которая разыгралась в эти дни в долине р. Драва. По свидетельствам очевидцев (как выживших казаков, так и англичан), наиболее кровавые события произошли в лагере Пеггец. Здесь казаки и их семьи собрались вокруг импровизированного алтаря, наивно полагая, что вид молящихся людей остановит английских солдат. Однако те имели четкий приказ выдать всех, кто был в этом и других лагерях, в руки советских представителей. В результате произошло столкновение, в котором на безоружных казаков сначала пытались «воздействовать» дубинками и прикладами, а потом, когда это не помогло и люди стали разбегаться, многие английские солдаты попросту открыли огонь на поражение. По далеко не полным данным, только в этот день и только в этом лагере погибло около 700 человек, из которых 20—30 утонули в Драве, когда пытались спастись. Остальных же, которых, как пишут очевидцы, охватило какое-то оцепенение и равнодушие, партиями загружали в грузовики и везли на пункт выдачи — в Юденбург. События, подобные этим, происходили и в других лагерях Казачьего стана. Всего же за две недели июня англичане «репатриировали» здесь более 22 тыс. человек[2].

---

[1] *Толстой Н.Д.* Указ. соч. — С. 181-220.

[2] *Там же.* — С. 233-255.

В те же дни, когда казаки группы Доманова были переданы советским властям, в 100 км восточнее вершилась судьба 15-го Казачьего кавалерийского корпуса. Здесь выдачи начались 28 и закончились 30 мая 1945 года. За исключением 50 казаков, которым удалось спастись, весь его личный состав также оказался на станции Юденбург[1].

Выше уже говорилось, что все выдачи второй «волны» сопровождались необычайным коварством и жестокостью со стороны тех, кто выдавал. Однако еще одной особенностью описанных событий было то, что англичане не ограничились репатриацией только советских граждан. Заодно они выдали и тех, кто никак не подпадал под это определение. В данном случае речь идет о так называемых «старых эмигрантах» (так, в отличие от беженцев периода Второй мировой войны, называли бывших белогвардейцев) и немецком командном и кадровом персонале казачьих частей. Например, среди выданных офицеров Казачьего стана 1430 были «старыми эмигрантами», причем некоторые из них такие заслуженные, как бывший атаман Всевеликого войска Донского генерал-от-кавалерии П. Краснов, генерал-лейтенант А. Шкуро и бывший командир Дикой дивизии Султан-Келеч Гирей. И если эти последние имели хоть какое-то отношение к России (правда, не советской), то 145 немецких офицеров 15-го корпуса такого отношения не имели вовсе[2].

Впоследствии схема выдач казаков в долине Дравы станет «классической» и для других подобных «мероприятий». Как можно увидеть, она была довольно проста. Сначала отделение офицеров от рядового состава, по возможности, обманным путем, а затем выдача последнего — обычно с применением силы или методов психологического воздействия (так, чтобы заставить казаков 15-го корпуса сесть в грузовики, англича-

[1] *Хоффманн Й.* Указ. соч. — С. 237.

[2] *Там же.* — С. 237.

не продемонстрировали им действие самоходной огнеметной установки «Оса», после чего у многих людей, прошедших всю войну, началась истерика). Несколько позднее по этой же отработанной схеме были выданы члены еще одного крупного добровольческого формирования — 2-й дивизии РОА, капитулировавшей перед американцами 8—10 мая 1945 года в Австрии (1-я дивизия капитулировала несколько раньше перед советскими войсками). Выдача дивизии происходила поэтапно, так как ее личный состав был разбросан по нескольким лагерям: Кемптен (11 августа 1945 года), Дахау (21 января 1945 года) и Платтлинг (24 февраля — 13 мая 1946 года). При этом каждая «порция» выдаваемых насчитывала от 500 до 1500 человек. Эти репатриации также происходили в сопровождении кровавых эксцессов, а события в бывшем нацистском лагере Дахау даже стали достоянием мировой общественности. Здесь пленные власовцы (400 чел.), узнав о готовящейся выдачи, объявили голодовку и отказались выходить из бараков, многие умоляли американских солдат «застрелить их». Однако и здесь сопротивление не вышло за рамки пассивного. Четырнадцать человек покончили с собой, отчасти, как сообщается, «чтобы вразумить американцев», двадцать один нанесли себе такие тяжелые ранения, что потребовалось стационарное лечение в госпитале. Остальных же, решительно подавив все попытки к сопротивлению, выдали советским представителям[1].

В ходе этой серии репатриаций, как и в случае с казаками, старшие офицеры РОА были отделены от рядовых (их главнокомандующий генерал А.А. Власов был еще 12 мая 1945 года пленен советскими войсками) и выданы в последнюю очередь — в Платтлинге[2].

---

[1] *Полян П.М.* Депортация советских граждан в Третий рейх... — С. 384-385.

[2] *Назаров М.В.* Указ. соч. — С. 337.

Летом 1945 года произошла репатриация еще одного крупного «восточного» добровольческого формирования — 162-й Тюркской пехотной дивизии. Это соединение капитулировало на севере Италии перед английскими войсками в мае 1945 года, а уже через несколько недель ее личный состав отправили поездом в порт Таранто, а оттуда — на корабле в Одессу. Начало этого «недобровольного путешествия» не предвещало ничего хорошего. Так, перед отправлением один мулла сжег себя в знак протеста против репатриации, а многие пленные утопились в море[1].

События второй «волны» репатриации показали многое. Например, коварство и жестокость западных демократий, на которые они шли, если дело касалось каких-то их личных интересов. Представители Англии, США, Франции и других стран охотно выполняли Ялтинские соглашения о репатриации, вплоть до последней запятой, и, как было показано выше, даже перевыполняли. Их не смущали протесты таких уважаемых на Западе людей, как генерал А.И. Деникин, обращения ряда церковных и общественных деятелей. Наконец, их не смущал сам факт того, что они выдают на верную смерть тысячи людей, среди которых даже находились их союзники по Первой мировой войне (например, генерал П.Н. Краснов). Однако, с другой стороны, эти же события показали, что если репатриации определенной части «восточных» добровольцев могли противоречить каким-то их интересам, они, не задумываясь, оставляли их на Западе. Да, как ни странно, тогда было и такое. Так, по целому ряду причин, англичане и американцы отказались выдать советским представителям личный состав украинской 14-й и белорусской 30-й гренадерских дивизий войск СС, Русского охранного корпуса и Авиационной группы РОА (за исключением ее командующего генерал-майора В.И. Мальцева). Однако самый известный из этих эпизодов произошел с 1-й Русской национальной

---

[1] *Толстой Н.Д.* Указ. соч. — С. 349.

армией генерал-майора Б.А. Хольмстон-Смысловского. В мае 1945 года ей удалось прорваться в Лихтенштейн, и правительство этого княжества отказалось выдать ее личный состав, даже несмотря на угрозы советской стороны. Эти события получили такой резонанс, что о них помнят даже сейчас: не так давно на их основе был снят художественный фильм «Ветер с Востока», где в роли командующего армией снялся известный американский актер М. Макдауэл[1].

Историки до сих пор гадают, что могло послужить причиной такой избирательности. Тем не менее всем ясно, что маленький Лихтенштейн, конечно же, не смог бы в одиночку противостоять СССР. Не смогла же этого нейтральная Швейцария. Вероятно, в невыдаче Хольмстона были заинтересованы очень влиятельные люди из разведывательных сообществ Англии и США (дело в том, что этот бывший белогвардеец являлся одновременно и офицером немецкой военной разведки — абвера). Что касается украинцев и белорусов, то по официальной версии за них заступился римский папа Пий XII, так как подавляющее большинство этих добровольцев были католиками или греко-католиками[2].

В послевоенной западной и эмигрантской литературе много говорилось о мотивах и причинах, по которым СССР требовал, а союзники пошли на насильственные репатриации. И если в случае с советской стороной все более или менее ясно, то о многих побудительных причинах представителей Англии и США можно только догадываться. В целом по словам английского историка Н. Бетелла, можно выделить следующие:

---

[1] *Толстой Н.Д.* Указ. соч. — С. 292-296; *Дробязко С.И.* Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. М., 1998. — Вып. 4. — С. 116-135.

[2] *Назаров М.В.* Указ. соч. — С. 345.

1. Необходимость обеспечить безопасность английских и американских военнопленных, находившихся в советских руках;

2. Опасения вызвать подозрения советского правительства в неискренности и тем повредить общему делу — ведению войны;

3. Страх перед трудностями, которые вызвала бы необходимость устройства и расселения на Западе большого числа советских граждан[1].

Однако, по словам эмигрантского историка Н.Д. Толстого, к первым двум причинам никто серьезно не относился, так как выдачи продолжались и в 1946, и в 1947 годах. Значит, главной причиной, как это не прозвучит цинично, все-таки было: «Нам они здесь не нужны».

Итак, в 1943—1947 годах, в ходе всех трех «волн» репатриации, западные союзники передали с применением силы СССР более 2,2 млн советских граждан, которые проходили службу в «восточных» добровольческих формированиях германских вооруженных сил (в это число также входят члены семей последних и беженцы, группировавшиеся вокруг тех или иных добровольческих частей). Из них по прибытии в СССР:

20 % — расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что, по сути, было равносильно смертному приговору);

15—20 % — осуждены на 5—10 лет лагерей;

10 % — высланы в отдаленные районы Сибири не менее, чем на 6 лет;

15 % — посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами. Вернуться домой им разрешалось только лишь по истечении срока работ;

15—20 % — разрешили вернуться в родные места.

---

[1] Bethell N. The Last Secret. The Forcible Repatriation to Russia 1944 — 1947. — London, 1974. — P. 242-243.

Как видно, эти весьма приблизительные и обобщенные данные не дают при сложении 100 %: вероятно, недостающие 15—20 % — это люди, которым удалось «скрыться» уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие[1].

Эти данные также не дают представления о том, какая судьба постигла каждую из категорий «восточных» добровольцев. Следует признать, что наиболее «круто» советское правосудие обошлось с бойцами и командирами РОА. Согласно данным Н. Краснова, внучатого племянника атамана, офицеры из окружения генерала Власова и штабные офицеры были сразу же отделены от остальных, а прочие власовцы были сразу же вывезены в специальный лагерь под Кемерово, где советские компетентные органы начали их фильтрацию на предмет выявления всех офицеров, вплоть до командиров батарей и взводов. При этом наибольшее внимание уделялось офицерам-пропагандистам, прошедшим подготовку на курсах в Дабендорфе (вероятно, как носителям власовской идеологии). Большинство из них были приговорены трибуналами Восточно-Сибирского военного округа к расстрелу, а остальные получили сроки в лагерях, чаще всего по 25 лет (главным образом на Колыме, в Воркуте и Джезказгане)[2].

Нечто похожее ожидало солдат и офицеров казачьих и других формирований. Со временем, к 1946 году, советские органы перестали различать отдельные категории «восточных» добровольцев, и по всем официальным и неофициальным документам они стали проходить как «власовцы».

Что же касается командующих этих формирований, то их судьба была предрешена заранее. Несмотря на судебные разбирательства (правда, закрытые), все они были приговорены к смертной казни через повешение. Сначала генерал-лейтенант

---

[1] *Толстой Н.Д.* Указ. соч. — С. 426, 468.

[2] *Поздняков В.В.* Власовцы в СССР. Письма Н.Н. Краснова // Новое русское слово. — 1964. — 22-23 декабря.

А. Власов и его соратники, а затем атаман П. Краснов и другие казачьи генералы. Вместе с последними был также повешен и генерал-лейтенант Г. фон Паннвиц — немецкий дворянин и командир 15-го Казачьего кавалерийского корпуса. Суд над ним — еще одна гримаса советского «правосудия»[1].

Выше уже было сказано, что проблема репатриаций обросла со временем целым клубком вопросов (политических, юридических, моральных и пропагандистских). Они начали возникать уже в ходе этих насильственных выдач. Еще больше их появилось в послевоенный период, который, как известно, проходил под знаком «холодной войны» СССР и Запада. На ее фоне все эти вопросы переплелись настолько, что их порой бывает трудно отделить друг от друга. Выделим только главные из них и постараемся хотя бы вкратце на них ответить.

Выше мы уже упоминали один из этих вопросов: почему западные демократии пошли на такое соглашение с СССР? В принципе ответ на него уже дан, хоть его и трудно принять с точки зрения морали и общечеловеческих ценностей, о которых так пеклись и пекутся эти демократии. Просто так сложилась политическая конъюнктура и, как говорится, «ничего личного...». Однако со временем к этому вопросу добавился еще один: как соглашения о репатриации, достигнутые в Ялте, согласуются с нормами международного права, а именно с Женевской конвенцией (1929) о правах военнопленных. Дело в том, что в ней ясно и четко сказано, что национальность солдата определяется исключительно его военной формой. В армии Великобритании воевало много иностранцев — беженцев из Германии и оккупированных ее стран, многие из которых были гражданами государств нацистского блока. Всех их следовало уберечь от опасностей, связанных с пленом. Поэтому на ранней стадии войны Великобритания недвусмысленно заявила

[1] Известия. — 1946. — № 181. — 2 августа; Правда. — 1947. — № 15. — 17 января.

в Берлине через свое государство-протектор, что всякий солдат английской армии, попав в плен, находится под защитой Женевской конвенции. И пока существовала реальная опасность немецких репрессий для английских солдат, Великобритания неукоснительно придерживалась «принципа формы», хотя бы внешне. До 1943 года это касалось и «русских солдат в немецкой форме». Однако когда опасность немецких репрессий миновала, англичане, опять-таки из политических соображений, стали рассматривать «восточных» добровольцев не как военнопленных, а как предателей союзной державы, и обращаться с ними соответствующим образом[1].

Поэтому, отвечая на данный вопрос, можно сказать, что выдача членов добровольческих формирований, которые являлись солдатами вермахта, носили немецкую военную форму и, следовательно, находились под защитой Женевской конвенции, означала явное нарушение действующего военного права. Однако и тут не все так просто. Если под статьи Женевской конвенции легко подпадали бойцы многочисленных «восточных» батальонов и вспомогательный персонал немецких частей и соединений (так называемые «хиви» — «добровольные помощники»), то с солдатами РОА и других подобных формирований дело обстояло намного труднее. Ведь многие из них считали себя (и вполне искренне) не немецкими прислужниками, а бойцами национальной армии, которая борется за освобождение своей Родины (наподобие хорошо известного в российской истории Чехословацкого легиона времен Первой мировой и Гражданской войн). Было ли уместно обвинение этой сравнительно небольшой группы в измене Родине? По словам немецкого историка Й. Хоффманна ,это обвинение не выдерживает никакой критики. *«Следует заметить,* — пишет он, — *что понятие "измена Родине" может относиться лишь к отдельным лицам или незначительным по численности группам. Но когда*

[1] *Хоффманн Й.* Указ. соч. — С. 242.

в вооруженном конфликте... миллион солдат активно воюет на стороне противника, речь идет уже не об "измене Родине", а о неком политико-историческом процессе»[1]. Однако как отделить тех, кто пошел в РОА и подобные ему национальные формирования сознательно, от тех, кто был загнан туда силой? Западные союзники не стали ломать над этим голову.

В целом ведущая роль в политике выдач принадлежала Великобритании, а США последовали за ней, хотя и не без колебаний, и в меньшем масштабе применяя насилие. И если англичане выдавали всех подряд, и бывших «красных», и бывших «белых», то американцы пытались подходить к ним дифференцированно. Выше уже было сказано, что репатриации подлежали только советские граждане по состоянию на 1 сентября 1939 года. То есть жители Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики не являлись таковыми в глазах американцев. И в основном они этого правила придерживались. Однако кровавые эксцессы в лагере Дахау настолько испугали американское командование, что оно решило на некоторое время прекратить массовые выдачи и отправлять военнопленных в СССР только после подробного опроса. Так, в штабе 3-й армии был подготовлен ряд вопросов, на основании которых американцы пытались разделить возможных репатриантов на полноправных граждан и тех, кто подвергался преследованиям на Родине, а потому теперь не подлежит выдаче. Вопросы касались, например, права носить оружие, права участвовать в свободных выборах или права занимать общественный пост. В конце концов американские репатриационные комиссии выделили несколько групп людей, не обладавших, на их взгляд, гражданскими правами и тем самым не являвшихся советскими гражданами, — «кулаки», «белые» и «диссиденты». Однако

---

[1] ЛАР, РОА — «третья сила» Второй мировой. Интервью д-ра Йоахима Хоффманна Российскому информационному агентству «Новости». — Май 1995. — Л. 1-2.

и здесь не обошлось без недоразумений. Например, те, кто заявлял, что вступил в РОА под нажимом немцев или под угрозой голодной смерти, подлежали выдаче в первую очередь (в лагере Платтлинг таких оказалось более 3 тыс. человек) [1].

Но такие, даже не половинчатые, меры не могли удовлетворить советскую сторону. И поэтому под ее давлением, а также при деятельном участии Великобритании, США были вынуждены сдаться. Результатом этой капитуляции стала так называемая Директива Мак-Нарни — Кларка (21 декабря 1945 года). Согласно этому документу, обязательной репатриации, «независимо от желания и с применением силы, если это окажется необходимо», подлежали все:

1. Взятые в плен в немецкой форме;

2. Находившиеся в рядах советских вооруженных сил 22 июня 1941 года и после этой даты и не демобилизованные впоследствии.

3. Обвиняемые советскими властями в добровольной помощи врагу, при предоставлении убедительных доказательств с советской стороны[2].

И, тем не менее это была хоть и капитуляция, но капитуляция почетная: нечто среднее между полным отказом от репатриации и безоговорочными английскими выдачами. По замыслу американских юристов, директива была принята с целью обеспечить возвращение предполагаемых предателей, с тем, чтобы они получили заслуженное наказание, тогда как вопрос об обычных беженцах, не запятнавших себя сотрудничеством с врагом, должен был рассматриваться в соответствии с традиционной американской политикой.

Наконец, после начала «холодной войны» этот вопрос приобрел также и некоторое пропагандистское звучание. Как бы неожиданно «свободный мир» узнал о том, что Ялтинские со-

---

[1] *Хоффманн Й.* Указ. соч. — С. 253.

[2] *Толстой Н.Д.* Указ. соч. — С. 407.

глашения о репатриации были настоящей трагедией для миллионов человек. И это несмотря на то что к ней в свое время старались привлечь внимание, как уже говорилось выше, и папа римский, и видные деятели зарубежной Православной церкви, да и сами «восточные» добровольцы в лице своих лидеров (например, письма генерал-майора М. Меандрова к г-же Рузвельт). С другой же стороны, на Западе узнали, что во время войны в СССР было, оказывается, более миллиона активных борцов с режимом. Все это, конечно, стало актуальным не из-за каких-то моральных побуждений. Просто все эти лица, как полагали западные лидеры, могут стать действенной «пятой колонной» во время предполагаемой войны с СССР. Кроме того, к 50-м годам прошлого века относится и начало активного изучения в европейской и американской историографии проблемы коллаборационизма в Советском Союзе в период Второй мировой войны. Причем наиболее серьезно изучались все вопросы, связанные с немецкими методами по вербовке «восточных» добровольцев, и те ошибки, которые они допустили, не дав развернуться так называемому Освободительному движению народов России[1].

Сама же тема насильственной репатриации стала одним из сюжетов пропагандистской войны Запада против СССР. Например, в знаменитом «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына ее жертвам посвящена целая глава под названием «Та весна»[2]. А многие бывшие власовцы и члены других добровольческих формирований, выйдя из лагерей по амнистии 1955 года, пополнили ряды зарождавшегося в СССР диссидентского движения.

Так в целом выглядит эта большая и многогранная проблема. Когда 65 лет назад главы трех союзных держав подписывали в Ялте соглашения о репатриации, они и представить себе не мог-

---

[1] См,. например: Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. — Stuttgart, 1952.

[2] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918 — 1956... — Т.5. С. 169-198.

ли, что она переживет их всех и будет служить объектом пристального изучения даже в новом, XXI, веке. И если Сталин действительно понимал, зачем нужны ему эти репатрианты, то Рузвельт и Черчилль, кажется, не отдавали себе в этом отчет. В очередной раз, в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, были попраны права миллионов людей. Предпринимая попытку объективно подойти к этой проблеме, автор, естественно, не собирался обелять настоящих предателей и военных преступников. Многие из них, как впоследствии оказалось, все-таки остались на Западе и просто поменяли хозяев. Что же касается обычных беженцев, обманутых или даже тех, кто «добросовестно заблуждался», считая нацизм меньшим злом, чем коммунизм, то их выдача была аморальной с любой точки зрения. Разве что только не с политической?! Кубанский атаман В. Науменко назвал эти выдачи «великим предательством». С ним нельзя не согласиться. Но на наш взгляд, это было предательство не в буквальном смысле этого слова. Именно там, в долине Дравы, Кемптене, Дахау, Платтлинге и многих других местах русский человек в очередной раз убедился в том, чего стоят все слова Запада о демократии, правах человека и т.п. вещах. К сожалению, этот один из многочисленных, незаслуженно забытых, но не последних по значению, уроков Ялты не пошел ему впрок.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ МОНОГРАФИИ

Абдурешидов, Джемиль (? — ?), крымско-татарский политический деятель. Сын торговца из Евпаторийского уезда, турецкоподданный. Занимал пост председателя Симферопольского мусульманского комитета с декабря 1941 по декабрь 1942 г. и с января по май 1944 г. В январе — декабре 1943 г. — второй заместитель председателя Симферопольского мусульманского

комитета. Один из инициаторов создания крымско-татарских добровольческих формирований. Стоял на позициях крайнего коллаборационизма. В марте 1944 г. командующий войсками вермахта в Крыму наградил его Знаком отличия для восточных народов 2-й степени (официальная причина — «за заслуги перед татарским народом»). Дальнейшая судьба неизвестна.

Альвенслебен-Шохвитц (Alvensleben-Schochwitz), Людольф Герман фон (17.03.1901—17.03.1970), один из руководителей полицейского аппарата нацистской Германии и карательной системы на оккупированных советских территориях. СС-группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС и полиции (9.11.1943 г.). Из аристократической семьи. В 1923—1930 гг. член националистической организации «Стальной шлем». В 1929 г. вступил в нацистскую партию и штурмовые отряды (СА), после чего занимал различные партийные должности. В ноябре 1933 г. избран депутатом рейхстага. 1.04.1934 г. вступил в СС (СС-оберштурмбаннфюрер), где занимал различные должности, командуя местными эсэсовскими формированиями. С ноября 1936 г. шеф-адъютант рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. С ноября 1941 по октябрь 1943 г. фюрер СС и полиции «Таврия», а с октября по декабрь 1943 г. — главный фюрер СС и полиции «Черное море». После возвращения из СССР занимал различные полицейские должности на территории Германии и Италии. Был арестован западными союзниками, но недолго пробыл в заключении. Уже в 1945 г. ему удалось выехать в Аргентину. Служил инспектором рыболовства. Заочно приговорен польским судом к смерти по обвинению в уничтожении 4247 человек. В 1964 г. аргентинские власти отказались выдать его по запросу суда ФРГ.

Власов, Андрей Андреевич (1.09.1901—1.08.1946), генерал-лейтенант (с января 1942 г.), кадровый офицер Красной армии, в которую вступил в 1920 г. До 1941 г. прошел всю иерархию армейских должностей и званий до генерал-майора включи-

тельно. С сентября 1938 по декабрь 1939 г. военный советник при лидере Китая Чан Кайши. Войну встретил на должности командира 4-го механизированного корпуса. Командовал армией при обороне Киева и в битве под Москвой. 11.07.1042 г. попал в плен к немцам, будучи заместителем командующего Волховским фронтом и временно исполняющим обязанности командующего 2-й ударной армией. Изъявил желание сотрудничать с немцами в обмен на поддержку в деле «освобождения России от большевиков». С 27.12.1942 г. «председатель Русского комитета» и «главнокомандующий РОА». С 14.11.1944 г. председатель КОНР, а с 28.01.1945 г. главнокомандующий его Вооруженными силами. В мае 1945 г., находясь в Чехии, был захвачен советскими войсками. Военной Коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни через повешение.

Йенеке (Jeneke), Эрвин Густав (22.04.1890—3.07.1960), военачальник, генерал-оберст инженерных войск (1.02.1944 г.). Участник Первой мировой войны (последнее звание оберлейтенант). После демобилизации кайзеровской армии остался в рейхсвере, где служил на различных инженерных должностях. Участник Гражданской войны в Испании (с июля 1936 по ноябрь 1938 г.). С 1938 г. начальник штаба инспекции укреплений в звании оберста. Участник Польской и Французской кампаний. С мая 1940 по январь 1942 г. обер-квартирмейстер командующего войсками вермахта в Бельгии и Северной Франции. С февраля 1942 г. командир 389-й пехотной дивизии 6-й полевой армии (Восточный фронт). С сентября 1942 по январь 1943 г. командующий 4-м армейским корпусом 6-й полевой армии. В январе 1943 г. эвакуирован из Сталинградского котла (по ранению). С июня 1943 по май 1944 г. командующий 17-й полевой армией и одновременно (с ноября 1943 г.) командующий войсками вермахта в Крыму. После поражения в Крыму (апрель/май 1944 г.) отправлен в командный резерв. В январе 1945 г. по приказу Гитлера исключен из списков лич-

ного состава вермахта. В июне 1945 г. арестован советскими войсками. 23.11.1947 г. военным трибуналом Черноморского флота приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В октябре 1955 г. передан властям ФРГ.

Карабаш, Абдулла (15.04.1900 — ?), крымско-татарский военный деятель. В 1930-х гг. окончил Симферопольский педагогический институт и аспирантуру при нем. До октября 1941 г. занимал пост референта при Совете народных комиссаров Крымской АССР. После начала немецкой вербовочной кампании в части «организованной» самообороны (январь 1942 г.) являлся одним из главных вербовщиков — пропагандистов Симферопольского мусульманского комитета. С 20.04.1943 г. — начальник штаба 147-го крымско-татарского батальона «Schuma». В мае 1944 г. эмигрировал в Германию. С ноября 1944 г. главный редактор газеты «Kirim» («Крым»), органа Крымско-татарского национального центра. С декабря 1945 г. командир боевой группы «Крым» Восточно-тюркского соединения СС. Ваффен-гауптштурмфюрер (звание присвоено 14.12.1944 г.). С марта 1945 г. — представитель всех крымско-татарских добровольцев при Крымско-татарском национальном центре.

Каранадзе, Григорий Теофилович (1902—1970), один из руководителей советских органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (09.07.1945 г.). Сын содержателя столовой. Окончил 3 класса Новосенакского духовного училища. С 1921 г. на комсомольской работе в Грузии. В январе 1925 г. вступил в ВКП(б). В 1929—1931 гг. сотрудник ГПУ Грузии. С декабря 1931 г. на партийной работе. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950). В 1938 г. назначен народным комиссаром внутренних дел Крымской АССР. В феврале — июле 1941 г. — народный комиссар государственной безопасности Крымской АССР. С 31.07.1941 по 08.04.1952 г. последовательно занимал посты народного комиссара внутренних дел Крымской АССР, Дагестана и Грузии. 08.04.1952 г. арестован по делу так назы-

ваемой «мингрельской национальной группы». После смерти И. Сталина был освобожден, реабилитирован и 10.04.1953 г. назначен заместителем министра внутренних дел Грузинской ССР. После падения Берии, чьим покровительством Каранадзе пользовался, переведен в резерв (12.10.1953 г.), а затем уволен из органов «по фактам дискредитации» (19.12.1953 г.). С 1957 г. и до самой смерти занимал пост заместителя председателя Государственного комитета лесного хозяйства Совета министров Грузии.

Кырымал (Шинкевич), Эдиге Мустафа (1911—1980), крымско-татарский общественный и политический деятель, историк, публицист. По происхождению литовский татарин, племянник муфтия мусульман Литвы. Он и его семья переехали в Крым перед Первой мировой войной. Обучался в Симферопольском педагогическом институте, но из-за боязни советских репрессий был вынужден покинуть Крым. Переехал в Азербайджан, а потом в Иран. В 1932 г. обосновался в Стамбуле (Турция). Через два года переехал к своему дяде в Вильнюс (Литва), где стал обучаться политическим наукам. После начала Второй мировой войны вернулся в Турцию. В декабре 1941 г. приехал в Берлин, где из представителей крымско-татарской эмиграции попытался создать национальное представительство. В ноябре—декабре 1942 г. побывал в Крыму, где был кооптирован в Симферопольский мусульманский комитет, а его берлинский штаб признан представителем интересов всех крымских татар. В январе 1943 г. официально признан немцами в качестве председателя Крымско-татарского национального центра. 17.03.1945 г. Кырымал и его центр признаны правительством Третьего рейха единственными официальными представителями крымско-татарского народа. После окончания войны поселился в Западной Германии, где начал заниматься научной деятельностью. Доктор философии (ученую степень получил в Мюнстерском университете). С 1954 по

1972 г. сотрудник Института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). В мае 2007 г. перезахоронен в Бахчисарае (Украина).

Майер-Мадер (Mayer-Mader), Андреас (? — март 1944), кадровый разведчик, майор. Участник Первой мировой войны. С 1919 г. долгое время находился в странах Востока, в частности в Китае, где служил военным советником у Чан Кайши. Один из главных организаторов антисоветских добровольческих формирований из советских граждан. С января 1942 г. командир 1-го (450-го) туркестанского пехотного батальона. В августе 1942 г. отстранен от командования батальоном из-за трений с руководством Туркестанского национального комитета. В 1942—1943 гг. находился при штабе Командования Восточными легионами на Украине. С 1 января 1944 г. СС-оберштурмбаннфюрер и командир 1-го Восточно-мусульманского полка СС. По официальной версии убит в бою с советскими партизанами в районе Юратишек (Западная Белоруссия).

Македонский, Михаил Андреевич (1904—1971), один из руководителей советского партизанского движения на территории Крыма в годы Второй мировой войны, майор. Из простой семьи. В 1930-е гг. член артели, а затем правления колхоза деревни Темир (сейчас Ястребовка). Служил в Красной армии. После демобилизации избран председателем сельского совета. Перед началом Великой Отечественной войны работал бухгалтером и начальником строительства Бешуйских копей. С ноября 1941 г. — командир Бахчисарайского партизанского отряда (до 09.10.1942 г.). В октяб-ре 1942 г. эвакуирован на Большую землю. В июне 1943 г. направлен в Крым, где был назначен командиром 7-го отряда 1-го сектора. Далее последовательно занимал посты командира 1-го автономного партизанского отряда (15.07.1943—25.11.1943), 4-й бригады (25.11.1943—28.01.1944) и Южного соединения партизанских отрядов Крыма (29.01.1944—20.04.1944). В апреле 1944 г. назначен председателем Ялтинского горисполкома. С 1945 г. — дирек-

тор совхоза «Коктебель». Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции. Герой Социалистического Труда (14.03.1958 г.).

Мальцев, Виктор Иванович (1895—1.08.1946), генерал-майор Вооруженных сил КОНР, деятель Русского освободительного движения. В 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. С 1925 по 1938 г. последовательно занимал посты начальника Центрального аэродрома под Москвой, помощника начальника Управления ВВС Сибирского военного округа, начальника ВВС Сибирского военного округа, начальника Туркменского управления Гражданского воздушного флота СССР. С 26 ноября 1936 г. полковник ВВС. 11 марта 1938 г. арестован НКВД, но уже 5 сентября 1939 г. освобожден за недостатком улик и реабилитирован. Демобилизован из Красной армии и исключен из рядов Коммунистической партии. В 1939—1941 гг. директор санатория Аэрофлота в Ялте (Крым). После оккупации немцами Крыма перешел к ним на службу. С марта 1942 по июнь 1943 г. начальник городского управления, а затем мировой судья Ялты. В марте 1943 г. подал рапорт о его переводе в распоряжение генерал-лейтенанта А.А. Власова. В 1943—1944 гг. в составе «Восточной» (русской) авиационной группы (Восточная Пруссия). С декабря 1944 г. в чине генерал-майора командующий Военно-воздушными силами КОНР. В апреле 1945 г. сдался в Чехии американским войскам. Выдан в СССР, где после закрытого судебного процесса приговорен к смертной казни через повешение.

Манштейн-Левински (Manstein-Lewinski), Эрих Фриц фон (24.11.1887—12.06.1973), военачальник, генерал-фельдмаршал (1.07.1942 г.). Участник Первой мировой войны (последнее звание гауптман). После демобилизации кайзеровской армии остался служить в рейхсвере. В 1920—1934 гг. на различных командных должностях: прошел путь от командира роты до начальника штаба дивизии. С июля 1935 г. начальник опера-

тивного отдела Генштаба сухопутных войск (в звании оберста). С 1936 г. 1-й обер-квартирмейстер — фактически заместитель начальника Генштаба. Участник Польской и Французской кампаний. С февраля 1941 г. командующий 56-м танковым корпусом, который после нападения Германии на СССР действовал в составе 4-й танковой группы на северном участке Восточного фронта. 12.09.1941 г. принял командование 11-й полевой армией, во главе которой провел свои самые блестящие операции осенью 1941 и зимой-летом 1942 г.: именно в этот период части и соединения фон Манштейна полностью оккупировали Крым, разгромили советские войска на Керченском полуострове и захватили Севастополь. С сентября по ноябрь 1942 г. — на севреном участке Восточного фронта (переведен туда вместе со своей армией). В ноябре 1942 г. на базе штаба 11-й армии было создано Верховное командование группы армий «Дон», целью которой было восстановление линии фронта и спасение запертой в Сталинграде армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. С февраля 1943 по март 1944 г. — командующий группой армий «Юг». 30.03.1944 г. снят с должности. Остаток войны провел в своем имении. В 1945 г. арестован английскими войсками. 19.12.1949 г. приговорен английским военным трибуналом к 18 годам тюремного заключения. В мае 1952 г. освобожден по состоянию здоровья. Являлся официальным советником правительства ФРГ по военным вопросам (1953—1960 гг.), участник создания Бундесвера.

Менде (Mende), Герхард фон (25.12.1904—16.12.1963), ученый и общественный деятель. Родился в Риге в семье директора банка. До 1918 г. посещал школу в Митаве. Весной 1919 г. эмигрировал в Германию, где продолжил свое школьное образование. В 1927 г. поступил в Берлинский университет, где специализировался на изучении русского и турецкого языков. В первой половине 1930-х гг. сотрудник Института по исследованию России при Внешнеполитическом отделе НСДАП. С 1933 по 1936 г. являлся членом СА. В декабре 1935 г. защи-

тил докторскую диссертацию на тему «Национальная борьба российских тюрков. Исследования национальной политики в Советском Союзе». Профессор Берлинского (24.06.1940 г.) и Познанского университетов (01.10.1941 г.). Специалист по национальным отношениям на территории СССР. С 17.07.1941 г. сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных областей, руководитель Отдела «Кавказ», в котором занимался всеми тюрко-мусульманскими народами Советского Союза. Осенью 1941 г. один из инициаторов создания Восточных легионов (Ostlegionen) — воинских формирований из представителей кавказских и тюркских народов СССР. В 1942—1943 гг. являлся куратором всех так называемых «посредничеств» — специальных учреждений, созданных для работы с теми или иными народами Советского Союза. Летом 1943 г. возглавил новый отдел — «Чужие народы». Фактический руководитель национальной политики Министерства по делам оккупированных восточных областей. Активный участник создания коллаборационистских формирований из представителей мусульманских народов СССР. После окончания Второй мировой войны жил и работал в Западной Германии (Дюссельдорф). В 1951 г. создал Бюро изгнанных с родины иностранцев. Руководитель Исследовательской службы «Восточная Европа». Оказывал активную помощь представителям эмиграции из числа тюркских народов СССР. Стоял у истоков создания Федерального института по исследованию марксизма-ленинизма (Кёльн).

Мокроусов, Алексей Васильевич (1887—1959), руководитель партизанского движения на территории Крыма в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Родился в селе Поныри (Курская губерния) в крестьянской семье. В 17 лет отправился на заработки в Донбасс. Батрак, чернорабочий. В качестве командира боевой дружины шахтеров Донбасса участвовал в Первой русской революции 1905 г. В 1908 г. был призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. В 1912 г.

был арестован за революционную пропаганду, бежал из-под следствия за границу. За время эмиграции побывал в Швеции, Дании, Англии, Австралии, Аргентине, Чили, Японии и Китае. С августа 1917 г. — матрос Черноморского флота. Анархо-синдикалист. Участник Октябрьского переворота в Петрограде (октябрь 1917 г.). Избран делегатом II Всероссийского съезда советов. В конце 1917 г. сформировал 1-й Черноморский революционный отряд. Активный участник Гражданской войны на территории Крыма и Юга России. Командующий 58-й дивизией Красной армии, организатор «красно-зеленого» движения (Крымская повстанческая армия). Член Коммунистической партии с 1928 г. Некоторое время заведовал Крымским заповедником. Участник Гражданской войны в Испании — советник командующего Арагонским фронтом (1936—1939). Великую Отечественную войну начал рядовым 3-й Крымской дивизии. С осени 1941 по лето 1942 г. возглавлял Крымский штаб партизанского движения. Из-за конфликта с высшим военным руководством был снят с должности и отправлен на фронт. С августа 1943 г. находился в распоряжении командующего Северо-Кавказским фронтом. Закончил войну в звании полковника и на должности заместителя командира 32-го стрелкового полка. Похоронен в Симферополе на Воинском кладбище.

Нидермайер (Niedermayer), Оскар Риттер фон (8.11.1885—25.09.1948?), немецкий военачальник, кадровый разведчик, один из крупнейших специалистов по Ближнему Востоку и СССР, доктор философии, генерал-майор (с 1.09.1942 г.). Участник Первой мировой войны. После демобилизации кайзеровской армии остался в рейхсвере. С 1921 г. активный участник германо-советских военных связей. В 1923—1931 гг. неоднократно бывал в Москве, где встречался с видными советскими государственными деятелями. В годы Второй мировой войны на службе в вермахте. С мая 1942 г. по май 1943 г. начальник штаба Командования Восточными легионами на

Украине. С мая 1943 по май 1944 г. командующий 162-й Тюркской пехотной дивизии. С 21 мая 1944 г. командующий восточными войсками при верховном главнокомандующем на Западе. Являлся участником антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. В сентябре 1944 г. арестован гестапо и до апреля 1945 г. содержался в тюрьме города Торгау. После окончания войны добровольно прибыл в советскую зону оккупации, где был обвинен в шпионаже и арестован. Содержался в знаменитой Владимирской тюрьме, где, по всей видимости, и умер.

Оберлендер (Oberländer), Теодор (1.05.1905—4.05.1998), немецкий политический и военный деятель, профессор, агроном по образованию. В 1928 г. получил докторскую степень, профессор Кёнигсбергского университета. В том же году поступил на службу в смешанную немецко-советскую фирму, занимавшуюся продажей семенного зерна. В 1930—1934 гг. неоднократно посещал СССР. С июня 1941 г. на военной службе (обер-лейтенант), где стал политическим руководителем и начальником штаба специального батальона «Нахтигаль», сформированного из украинских националистов. Летом—осенью 1941 г. в распоряжении рейхскомиссара «Украины» Э. Коха. С осени 1941 г. по лето 1942 г. командир Соединения специального назначения «Бергманн». За меморандум «Как обращаться с восточными народами, чтобы создать единую Европу» отстранен от командования соединением. После этого долгое время работал военным корреспондентом в полку СС «Курт Эггерс». С марта 1945 г. в чине капитана стал начальником школы пропагандистов Русской освободительной армии (РОА) в Дабендорфе. 23 апреля 1945 г. сдался в плен американцам. При канцлере ФРГ Конраде Аденауэре занимал пост федерального министра по делам перемещенных лиц, беженцев и инвалидов войны.

Озенбашлы, Амет Сеидабдуллаевич (10.02.1893—4.12.1958), крымско-татарский политический и общественный деятель, публицист, врач-невропатолог. Активный участник революционных

событий на территории Крыма в 1917—1920 гг., один из лидеров крымско-татарского национального движения. Сторонник построения независимого государства. Один из организаторов I курултая (конгресса) крымско-татарского народа (ноябрь 1917 г.), заведующий отделом народного образования Директории (ноябрь 1917 — январь 1918 г.) — национального правительства крымских татар, созданного курултаем. Один из создателей и руководителей национал-демократической партии «Милли Фирка» («Национальная партия»). Полностью отвергал сотрудничество с Белой Россией, поэтому в период правления деникинской администрации и генерала П. Врангеля находился на нелегальном положении. После установления в Крыму советской власти активно сотрудничает с ней: с октября 1921 по 1922 г. являлся директором Крымского педагогического техникума, а в 1924—1927 гг. занимал пост народного комиссара финансов Крымской АССР. 12.04.1928 г. арестован по делу контрреволюционной националистической партии «Милли Фирка». Приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами исправительно-трудовых работ. В 1934 г. досрочно освобожден без права проживания в Крыму и поселился в Павлограде (Днепропетровская область). Работал врачом. В августе 1943 г. вернулся в Крым, но уже в октябре тайно бежал с полуострова, так как отказался сотрудничать с немецкой оккупационной администрацией. В октябре 1943 г. некоторые круги немецкого военно-политического руководства и ряд крымско-татарских националистов рассматривали его кандидатуру на пост муфтия Крыма. До 20.09.1947 г. проживал в Румынии, где и был арестован агентами СМЕРШа. После ареста переправлен в Москву, где был приговорен к 25 годам лишения свободы. Срок отбывал в Коми АССР. В 1955 г. по состоянию здоровья освобожден. Проживал в Ходженте (Таджикская ССР). В 1992 г. его останки были перезахоронены в Бахчисарае.

Олендорф (Ohlendorf), Отто (4.02.1907—8.06.1951), один из руководителей полицейского аппарата нацистской Герма-

нии и карательной системы на оккупированных советских территориях. СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции (9.11.1944 г.). В 1925 г. вступил в нацистскую партию и штурмовые отряды (СА), в 1926 г. перевелся в СС. С 1936 г. на различных должностях в Службе безопасности (СД). 27.09.1939 г. возглавил 3-е управление (СД) Главного управления имперской безопасности (РСХА), отвечавшее за обеспечение безопасности внутри Германии. С июня 1941 по июль 1942 г. начальник оперативной группы «Д» и формально начальник полиции безопасности и СД на территории генерального округа «Таврия». В августе 1942 г. вернулся в Берлин, где занимал различные должности в Министерстве экономики. В мае 1945 г. арестован западными союзниками и на последовавшем затем судебном процессе признан виновным в смерти 91 тыс. человек. 10.04.1948 г. приговорен к смертной казни через повешение.

Розенберг (Rosenberg), Альфред (12.01.1893—16.10.1946), немецкий партийный и государственный деятель, публицист, теоретик. Из прибалтийских немцев. До 1918 г. проживал в России, где и получил образование. В 1918 г. переехал в Германию. С 1919 г. член эзотерического общества «Туле». Позднее вступил в Немецкую рабочую партию. В 1921 г. вступил в Штурмовые отряды (СА). С марта 1923 по декабрь 1937 г. главный редактор нацистской газеты «Фелькишер Беобахтер». С 1930 по 1945 г. депутат рейхстага. С апреля 1933 по май 1945 г. занимал пост руководителя Внешнеполитического ведомства нацистской партии. Рейхсляйтер. С 1934 г. отвечал за контроль над духовным и научным образованием и воспитанием членов нацистской партии. Негласный «начальник по идеологическим вопросам» и «главный теоретик нацистской партии». Автор книги «Миф XX века», в которой он изложил свой взгляд на мировую историю и основные постулаты национал-социалистической идеологии. С 17.06.1941 по 30.04.1945 г. имперский министр по делам оккупированных восточных об-

ластей. В мае 1945 г. арестован американской военной полицией. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни через повешение.

Сейдамет, Джафер (1.09.1889—3.04.1960), крымско-татарский общественный и политический деятель, публицист. Участник Первой мировой войны. Прапорщик Российской императорской армии (1916 г.). Активный участник событий революции и гражданской войны на территории Крыма (1917—1918 гг.). Один из лидеров крымско-татарского национального движения: организатор I курултая (конгресса) крымско-татарского народа (ноябрь 1917 г.) и создатель национал-демократической партии «Милли-Фирка» («Национальная партия»). Заведующий отделом иностранных и военных дел Директории (ноябрь 1917 — январь 1918 г.) — национального крымско-татарского правительства, созданного курултаем. Председатель Директории с 4 по 14 января 1918 г. Сторонник создания самостоятельного крымско-татарского государства при поддержке Турции. Министр иностранных дел в 1-м Крымском краевом правительстве генерала Сулеймана Сулькевича. Сторонник прогерманской ориентации. В ноябре 1918 г. эмигрировал в Турцию. В 1934 г. принял фамилию Киример. В годы Второй мировой войны придерживался антинацистской ориентации, что, однако, не мешало ему оставаться непримиримым противником советской власти.

Селимов, Мустафа Веис (21.01.1910—14.10.1985), один из руководителей советского партизанского движения на территории Крыма в годы Второй мировой войны. Член ВКП(б) (с 1931 г.). Секретарь Бахчисарайского райкома ВЛКСМ. В 1939 г. проходил службу в Красной армии, старший политрук. После демобилизации занимал должности управляющего делами, заведующего отделом кадров и, наконец, инструктора Бахчисарайского райкома ВКП(б). С 1940 г. секретарь Ялтинского райкома ВКП(б). Осенью 1941 г. был назначен комисса-

ром 4-го района партизанских отрядов Крыма, но вскоре отозван в распоряжение Крымского обкома ВКП(б) (Краснодар). В 1943 г. направлен в Крым в качестве секретаря подпольного Крымского обкома ВКП(б). Последовательно занимал должности комиссара 1-го автономного партизанского отряда, 4-й бригады и Южного соединения партизанских отрядов Крыма (до 20.04.1944 г.). С лета 1944 г. в депортации (Узбекистан). Занимал должности заместителя председателя Бекабадского райисполкома, затем — директора Среднеазиатского филиала Всесоюзного института «Магарач» в Кибрае (Ташкентская обл.). В 1955—1959 гг. заместитель директора Института хлопководства, в 1959—1961 гг. — заместитель председателя Академии сельскохозяйственных наук Узбекской ССР. Награжден медалью «За трудовую доблесть».

Фортенбахер (Fortenbacher), Вильгельм (17.11.1898 — ?), один из командиров войск СС, СС-штандартенфюрер (3.11.1944 г.). Участник Первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Член нацистской партии и СС. В 1934 г. вступил в части усиления СС (прообраз войск СС). Находился на разных командных должностях в системе этой организации. Участник Польской и Французской кампаний. В первой половине 1940 г. назначен на должность командира 1-го батальона 2-го пехотного полка СС «Мертвая голова», а в декабре 1940 г. — командиром 2-го батальона полка СС «Нордланд». В 1941 г. переведен на преподавательскую работу и назначен начальником унтерофицерской школы СС в Арнхайме. С июля по декабрь 1944 г. командир татарской горно-егерской бригады войск СС. В январе 1945 г. возглавил штаб по формированию частей войск СС из румынских добровольцев. С марта 1945 г. командир Румынского соединения войск СС.

Фрауэнфельд (Frauenfeld), Альфред Эдуард (18.05.1898—10.05.1977), немецкий партийный и государственный деятель,

один из руководителей оккупационного режима на территории СССР. Участник Первой мировой войны. В 1929 г. вступил в австрийское отделение нацистской партии, активный член нацистского движения в этой стране. До 1934 г. занимал ряд руководящих должностей в нацистской иерархии Австрии. Летом 1934 г. эмигрировал в Германию. С 1935 г. управляющий делами и советник президиума Имперской палаты театров, имперский оратор нацистской партии и член Имперского сената культуры. В 1936 г. избран депутатом рейхстага. В 1938 г. переведен в Министерство иностранных дел, где был назначен его представителем при верховном командовании вермахта (ОКВ). С июня 1941 г. прикреплен к Министерству по делам оккупированных восточных областей. С сентября 1942 г. генеральный комиссар генерального округа «Таврия». В мае 1945 г. арестован американскими оккупационными властями. В 1947 г. приговорен к 15 годам тюремного заключения, но уже в 1948 г. освобожден. После освобождения занимался предпринимательством.

Хайгендорф (Heygendorff), Ральф фон (15.08.1897—10.12.1953), немецкий военачальник, генерал-лейтенант (с 30.01.1945 г.), участник Первой мировой войны. После демобилизации остался в рейхсвере. С сентября по 23 октября 1939 г. и с 10 октября 1940 г. по 5 июня 1942 г. исполняющий обязанности командующего 8-м армейским корпусом. С 16 июля по 10 сентября 1942 г. начальник штаба 181-го запасного пехотного полка. С 26 сентября 1942 г. по 5 февраля 1944 г. начальник штаба Командования Восточными легионами в Польше. С 23 апреля 1943 г. по начало 1944 г. командир Кадровой добровольческой (восточной) дивизии (одновременно с предыдущей должностью). С 12 июля 1944 г. по 4 мая 1945 г. командующий 162-й Тюркской пехотной дивизией. С 4 мая 1945 г. по 12 апреля 1947 г. в английском плену.

Эль-Хуссейни (el-Husseini), Хаджи Мухаммед Амин (1897—04.07.1974), лидер палестино-арабских националистов, великий Муфтий Иерусалима (1921—1948 гг.), президент

Высшего арабского комитета (1936—1948 гг.). Происходил из знатного и древнего арабского рода. Образование получил в Каире (Египет). Во время Первой мировой войны служил в Турецкой армии, офицер артиллерии. В 1921 г. избран великим Муфтием Иерусалима. Активный противник создания в Палестине «еврейского национального очага» и еврейской эмиграции. В 1936 г. создал и возглавил Высший арабский комитет. Фактически,инициатор арабского восстания в Палестине (1936—1939 гг.), которое было направлено как против английской мандатной администрации, так и против еврейских переселенцев. В 1937 г. покинул Палестину. Проживал в Ливане, Ираке и Италии. В 1941 г. прибыл в Германию, где встретился с Гитлером. Добивался поддержки Германии в деле освобождения Палестины и всего арабского мира. Активный участник создания мусульманских добровольческих формирований в составе вермахта и войск СС. Сторонник «окончательного решения еврейского вопроса». После завершения войны оказался во Франции, где попал под домашний арест. В 1946 г. ему удалось бежать в Каир. Активный противник плана ООН по созданию в Палестине арабского и еврейского государств. После арабо-израильской войны 1948 г. потерял свое влияние и отошел от руководства арабским национальным движением.

Юттнер (Jüttner), Ханс (02.03.1894—24.05.1965), один из руководителей организации СС, СС-обергруппенфюрер и генерал войск СС (21.06.1943 г.). Участник Первой мировой войны. В 1920—1929 гг. занимался предпринимательством. В 1920-е гг. вступил в НСДАП, а 17.05.1935 г. — в СС (в чине гауптштурмфюрера). В начале 1930-х гг. занимал руководящие посты в местных частях СА. С 17.05.1935 г. начальник штаба 1-го батальона полка СС «Дойчланд». С 01.04.1936 — сотрудник, с 20.04.1940 — начальник штаба, а с 30.01.1943 г. — руководитель Главного оперативного управления СС. С 20.07.1944 г. начальник штаба Гиммлера, когда тот был назначен Главнокомандую-

щим армией резерва. 30.10.1944 г. за боевые заслуги награжден Рыцарским крестом с мечами. После войны владелец санатория в Бад Тёльце.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

НА РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

ВИЖ — «Военно-исторический журнал» (научный журнал)

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ГААРК — Государственный архив Автономной Республики Крым

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГКО — Государственный Комитет Обороны

ГФП — Тайная полевая полиция *(Geheimfeldpolizei (нем.); GFP)*

ИНК — «Историческое наследие Крыма» (научный журнал)

КГБ — Комитет государственной безопасности

КНП — «Культура народов Причерноморья» (научный журнал)

КОНР — Комитет освобождения народов России

КШПД — Крымский штаб партизанского движения

ЛАР — Личный архив О.В. Романько

МВД — Министерство внутренних дел

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

ОКВ — Верховное командование вермахта *(Oberkommando der Wehrmacht (нем.); OKW)*

ОКХ — Верховное командование сухопутных войск *(Oberkommando des Heeres (нем.); OKH)*

ОУН — Організація українських націоналістів

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РОД — Русское освободительное движение

РОА — Русская освободительная армия

РСХА — Главное управление имперской безопасности *(Reichssicherheitshauptamt (нем.); RSHA)*

СА — Штурмовые отряды *(Sturmabteilungen (нем.); SA)*

СД — Служба безопасности *(Sicherheitsdienst (нем.); SD)*

СМЕРШ — «Смерть шпионам» — Военная контрразведка СССР

СС — Охранные отряды *(Schutzstaffel (нем.); SS)*

УІЖ — «Український історичний журнал» (научный журнал)

«оди» — служба порядка *(Ordnungsdienst (нем.); Odi)*

«хиви» — «добровольный помощник» *(Hilfswilliger (нем.); Hiwi)*

ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

AAN — Archiwum Akt Nowych (Архив новой истории Польши)

BA-MA — Bundesarchiv-Militärarchiv (Федеральный военный архив Германии)

HSSPf — Höhere SS- und Polizeiführer (главный фюрер СС и полиции)

IfZ — Institut für Zeitgeschichte (Институт современной истории)

KTB — Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Дневник военных действий ОКВ)

MGFA — Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr (Архив Управления военно-исторических исследований Министерства обороны ФРГ)

PAJH — Privatarchiv des Joachim Hoffmann (Личный архив Иоахима Хоффманна)

«Schuma» — Schutzmannschaft der Ordnungspolizei (вспомогательная полиция порядка)

SSPf — SS- und Polizeiführer (фюрер СС и полиции)

WPr — Wehrmachtpropaganda (Отдел пропаганды ОКВ)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1
КРЫМ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИН
НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА 8

ГЛАВА 2
ПРОБЛЕМА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 31

ГЛАВА 3
НЕМЕЦКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК»
НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА 51

ГЛАВА 4
КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ФАКТОР
В НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 125

ГЛАВА 5
«ВТОРОСТЕПЕННЫЕ СОЮЗНИКИ»:
РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ И ДРУГИЕ ЭТНОСЫ КРЫМА
В НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 239

ГЛАВА 6
НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ
И РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ: ПАРТИЗАНЫ
И КРЫМСКО-ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ 313

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 334

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 343

Опубликованные документы 343
Архивные материалы 345
Периодическая печать 351
Исследования 351
Энциклопедии и справочники 365

ПРИЛОЖЕНИЯ 367

Документы и материалы 367
Биографические сведения о некоторых лицах,
упоминающихся в тексте монографии 410
Перечень условных сокращений 427

Научно-популярное издание
Военные тайны XX века

Романько Олег Валентинович

КРЫМ ПОД ПЯТОЙ ГИТЛЕРА
Немецкая оккупационная политика в Крыму
(1941—1944)

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *С.Б. Буславский*
Подготовка к печати
художественного оформления *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 17.12.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 2144.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499) 188-88-02, (499) 188-16-50.
Тел./факс: (499) 188-89-59, (499) 188-00-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru
По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 188-66-03
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

КРЫМ ПОД ПЯТОЙ ГИТЛЕРА

В книге рассматривается комплекс вопросов, связанных с национальными отношениями на территории Крыма в период нацистской оккупации. На базе обширного исторического материала из архивов Крыма, Украины, России, Польши и Германии прослеживается использование национальных противоречий как инструмента немецкой оккупационной политики. Впервые в отечественной историографии проанализирована проблема военно-политического коллаборационизма, который являлся наиболее активной формой проявления национальных противоречий.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и всех, кто интересуется историей Второй мировой войны.

ISBN 978-5-9533-4510-1

ВЕЧЕ